

А. П. Липранди.
А. Вольнецъ.

801-13
1616

6775

M $\frac{163}{186}$

КАВКАЗЪ И РОССІЯ.

Кавказский востокъ.

После войны Кавказъ былъ объявленъ театромъ военныхъ действий. Въ то время когда въ Европѣ шли войны, Кавказъ былъ театромъ военныхъ действий. Въ то время когда въ Европѣ шли войны, Кавказъ былъ театромъ военныхъ действий.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвьячья ул., № 14-й.
1911.

Л. П. Д.

8778

КАВКАЗЪ И РОССІЯ

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

79912-50

2011123516

КАВКАЗЪ и РОССІЯ.

I.

Кавказскій вопросъ.

Необходимость Кавказа для Россіи засвидѣтельствована всею русскою исторіей. Край этотъ фигурируетъ уже въ древнѣйшихъ преданіяхъ Руси, когда только намѣчались ея предѣлы. Первоначальное появленіе русскихъ на Кавказѣ относится еще къ IX столѣтію (взятіе Тмутаракани). Уже въ Кіевскій періодъ нашей исторіи движеніе Россіи на Кавказъ получило опредѣленный характеръ. Въ Несторовой лѣтописи подъ 965 годомъ отмѣченъ походъ великаго князя Святослава Игоревича противъ хазаровъ, ясовъ и касоговъ, обитавшихъ на Кавказѣ. Походы русскихъ на Кавказъ отмѣчаются и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Въ 1339 году великій князь Михаилъ Ярославичъ (Тверской) былъ замученъ на Кавказѣ ханомъ Узбекомъ. Особенно примѣчательенъ походъ волжскихъ казаковъ, подъ предводительствомъ Стеньки Разина, дошедшихъ до южнаго побережья Каспійскаго моря, т. е. прошедшихъ вдоль всей Кавказскій перешеекъ (1668 г.). Съ очень давнихъ временъ завязались и болѣе прочныя связи Россіи съ Кавказомъ, значительная часть населенія котораго издавна была не только христіанской, но православно-христіанской (Грузія, Абхазія), естественно тяготеющей къ православной Россіи. Русскіе князья вступали въ бракъ съ Кавказскими князьями и, такимъ образомъ, происходило сближеніе, завязывалась прочная связь. Кіевскій великій князь Изяславъ II былъ женатъ на дочери Абхазскаго царя, для испрошенія руки которой въ 1153 году по-

сылалось на Кавказъ специальное посольство; сынъ Андрея Боголюбскаго Георгій былъ женатъ на знаменитой царицѣ Тамарѣ; вторая жена Іоанна Грознаго, Марія, была черкесская княжна.

Съ присоединеніемъ въ XVI столѣтіи царства Астраханскаго Россія, придвинувшись вплотную къ Каспійскому побережью, пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ Кавказомъ и съ этого времени начинается распространяніе на этотъ край ея уже не только вліянія, но и власти. Уже при Іоаннѣ Грозномъ, въ 1552 году пятигорскіе черкессы отдались подъ покровительство русскаго царя и къ Россіи было присоединено Терское воеводство. При Федорѣ Іоанновичѣ въ 1587 году, подъ покровительство Россіи отдался Кахетинскій царь Александръ, въ 1639 году примѣру его послѣдовалъ Мингрельскій князь. Такимъ образомъ, въ XVI—XVII столѣтіяхъ власть Россіи проникла уже и за Кавказскій хребетъ.

Движеніе Россіи на Кавказъ естественно привело ее въ столкновеніе съ Персіей и Турціей, подъ властію которыхъ находился этотъ край. Начиная съ Петра Великаго идетъ рядъ войнъ съ Персіей и Турціей; весь сѣверный Кавказъ очень скоро сталъ достояніемъ Россіи. За нимъ постепенно, но систематически присоединяется и Закавказье: въ 1801 году присоединена окончательно Грузія, въ 1808 г. — Мингрелія и Имеретія, въ 1813 году, послѣ пятилѣтней войны съ Персіей, присоединены ханства восточнаго Закавказія (Дербентское, Бакинское, Кубинское, Карабахское и т. д.); въ 1828 году, послѣ новой войны съ Персіей, присоединены ханства Эриванское и Нахичеванское; въ 1829 году, послѣ войны съ Турціей, присоединены западныя области Закавказья.

Такимъ образомъ, къ 1830 году весь Кавказскій край былъ уже подъ властію Россіи. Но Кавказъ мало было завоевать, его пришлось еще покорять; полудикія горскія племена, не желая признать власти цивилизованнаго христіанскаго государства, подняли противъ Россіи оружіе. Это вызвало знаменитую въ лѣтописяхъ не только Россіи, а и всего міра кавказскую войну, продолжавшуюся все царствованіе Императора Николая I и окончившуюся только въ 1859 г., когда былъ, наконецъ, плѣненъ главарь и руководитель кав-

казскаго мятежа—Шамиль, сумѣвшій объединить горскія племена и организовать партизанскую войну, съ которой Россія, несмотря на доблесть и удивительные подвиги русскаго воинства, явленные въ эту войну, не могла справиться въ теченіе четверти вѣка.

Вотъ какъ давно въ сознаніи Россіи сложилась необходимость обладанія Кавказомъ и вотъ какой дорогой цѣной было куплено это обладаніе!

Въ составѣ Россіи нѣтъ края, купленнаго русскимъ народомъ такой дорогой цѣной, какъ Кавказъ. На протяженіи нѣсколькихъ столѣтій шло завоеваніе, а затѣмъ покореніе его; буквально каждую пядь земли здѣсь пришлось брать съ боя, весь край залитъ потоками русской крови и усѣянъ костями русскихъ воиновъ-богатырей. Трудно, невозможно исчислить всѣ тѣ жертвы, которыя принесены были за обладаніе этимъ благодатнымъ краемъ, справедливо именуемымъ „жемчужиной въ русской коронѣ“. И что-же въ результатъ?

Среди областей, смежныхъ съ коренною осѣдлостью русскаго народа, включенныхъ естественнымъ ходомъ исторіи въ составъ Русскаго государства и составляющихъ его окраины, Кавказъ представляетъ явленіе совершенно исключительное.

Во всѣ покоренныя области Россія внесла гражданскій миръ, культуру и просвѣщеніе, всѣ онѣ подъ сѣнью русскаго орла широко провидѣли экономически (особенно по сравненію съ коренными русскими областями), выросли культурно и развились граждански. Это одинаково относится какъ къ европейскимъ окраинамъ, какъ Финляндія, Привислянне, Балтійскій край, Новороссія, такъ и азиатскимъ, какъ Туркестанъ, Сибирь, Приамурье, населеннымъ инородцами еще не осѣянными свѣтомъ Христава ученія и никогда ранѣе не жившими культурною жизнью. Русское владычество всюду способствовало смягченію нравовъ туземцевъ азиатскихъ окраинъ. Одинъ только Кавказъ составляетъ въ этомъ случаѣ печальное исключеніе. Щедро надѣленный всѣми дарами природы и обильно одаренный благами русской культуры, Кавказъ провидѣлъ, правда, экономически не менѣе, если не болѣе, другихъ окраинъ. Но уже въ этой области рѣзко обозначается крайняя ненормальность, неестествен-

ность, исключительность: богатеть не коренные население края, а главным образом наносные элементы (армяне, персы, англичане, евреи), и государству, кровью сыновъ которого завоеванъ Кавказъ и которому онъ принадлежит, это процветаніе и богатіе даетъ не плюсъ, а минусъ, и весьма значительный минусъ: давая государственному казначейству менше 60 милліоновъ рублей дохода, Кавказъ поглощаетъ изъ него (требуетъ расхода) свыше 80 милліоновъ рублей, то-есть ежегодно даетъ свыше 20 милліоновъ рублей дефицита. Этотъ дефицитъ, покрываемый изъ общегосударственныхъ средствъ, является какъ-бы контрибуціей, выплачиваемой покоренной окраинѣ покорившимъ ее русскимъ народомъ...

Что же касается культурнаго роста и гражданскаго развитія, то въ этомъ отношеніи приходится наблюдать скорѣе обратное явленіе: съ теченіемъ времени положеніе края все болѣе расходится съ понятіемъ гражданскаго мира. Прошло болѣе полувѣка со времени покоренія Кавказа и, какъ считали, его гражданскаго умиротворенія. Но и до сихъ поръ онъ пребываетъ почти въ полной культурной дикости и гражданской разнузданности, разительно отличающаея въ этомъ даже отъ сосѣдняго Туркестанскаго края, гораздо позже приобщеннаго къ русской государственности и бывшаго совершенно чуждымъ христіанской цивилизаціи, тогда какъ значительная часть Кавказа искони жила христіанскою жизнью. Разбои, грабежи, убійства, умыканіе женщинъ и т. п. составляютъ здѣсь даже въ „мирное“ время повседневное, повсемѣстное и самое обыденное явленіе, создавшее въ край положеніе, при которомъ почти невозможна не только никакая производительная дѣятельность, но и самая жизнь для мирнаго, культурнаго населенія. Пресловутые „кавказскіе разбои“, вошли въ поговорку, кажется, уже у всѣхъ народовъ; имъ посвящены цѣлыя вороха бюрократической переписки, о нихъ обращаются тысячи легендъ и имѣется цѣлая литература. Зло, однако, не умалилось, а все ширилось, росло и укоренялось, и съ нимъ настолько свыклились, что даже ограбленія цѣлыхъ поѣздовъ, нападенія на церкви, монастыри, банки, казначейства и т. д. перестали удивлять кого-нибудь.

Но въ послѣдніе годы (съ 1904 года) въ обиходъ кав-

казской жизни, рядомъ съ обычными разбоями, вошли еще особаго рода „разбои“, то же, впрочемъ, уже успѣвшіе стать обычными: рядомъ съ гражданской анархіей, въ край водворился политическій терроръ, рядомъ съ разбоями характера уголовного, начались революціонные разбои. Несмотря на недружелюбное и враждебное отношеніе другъ къ другу кавказскихъ народностей, несмотря на глубокій антагонизмъ между ними, все онѣ соединились въ революціонно-сепаратическомъ движеніи и дружно возстали на Россію, стремясь освободиться изъ-подъ ея владычества и, вырвавъ изъ ея рукъ Кавказъ, разбить его на самостоятельныя царства и республики.

Наши обычныя юридическія и гражданскія нормы, выработанныя примѣнительно къ нашему культурному уровню и гражданскому развитію, совершенно непригодны, какъ показалъ опытъ, для Кавказа, съ его низкимъ уровнемъ гражданственности, съ его нравственною грубостью и культурною дикостью. Власть главноначальствующаго, съ самаго ея учрежденія на Кавказѣ, оказалась недостаточной для гражданскаго умиротворенія края и приобщенія его къ общерусской гражданской, культурной и политической жизни. Поэтому, еще въ 1897 году, при назначеніи на Кавказъ покойнаго князя Г. С. Голицына, власть главноначальствующаго была значительно усилена. Несомнѣнно, это очень много затормозило развитіе кавказской смуты, руководимой армянами, но это не привело къ желаемымъ результатамъ, главнымъ образомъ по близорукости Г. С. Голицына: онъ видѣлъ одну только гражданскую смуту и не замѣчалъ за нею политическаго движенія, руководившаго извнѣ армянскими революціонными комитетами, и социалистической пропаганды для которой бродячіе и вообще мало-культурные кавказскіе элементы представляютъ такую благодарную почву. Еще до нашей внутренней революціи, на Кавказѣ уже начиналась революціонная вакханалія, стремившаяся, путемъ неистоваго террора, запугать власть, а массу населенія обратить въ свое покорное орудіе. Рѣкой полилась по всему краю кровь русскіхъ людей, избиваемыхъ армянскими и грузинскими „освободителями“ Кавказа отъ Россіи. Быстро выросшій, рядомъ съ гражданской анархіей, революціонно-сепаратическій терроръ выдвинулъ задачу уже не гражданскаго только, но и

политического умиротворения края. Съ этою цѣлью, въ 1905 году восстановлена была болѣе сильная и болѣе авторитетная, чѣмъ ранѣе, государственная власть, въ лицѣ намѣстника. Къ несчастію, при восстановленіи этой власти не было обращено вниманія на личность намѣстника,—и результаты на лицо: край не только не умиротворенъ, но въ настоящее время положеніе его, въ смыслѣ какъ гражданскомъ, такъ и политическомъ, еще хуже,—и много хуже,—чѣмъ было до учрежденія намѣстничества. Если раньше старались оправдать кавказскую смуту тѣмъ что-де и на другихъ окраинахъ и во всей Россіи происходитъ тоже, то послѣ того какъ и на всѣхъ другихъ окраинахъ, и во всей Россіи наступило успокоеніе, кавказская смута лишилась и этого оправданія. Если раньше кавказская смута, какъ настъ старались увѣрить, не представляла-де собою ничего специфическаго и особеннаго, а являлась лишь отвѣткомъ обще-русской революціонной смуты, то отзвукомъ чего-же она является послѣ того какъ общерусская революціонная смута, благодареніе Богу, стала отходить въ область прошедшаго?

Невозможно, конечно, предположить и допустить, что власть, въ лицѣ русскаго намѣстника, не хочетъ прекратить кровавую смуту и умиротворитъ край. Несомнѣнно, она очень хотѣла бы этого, но она *не можетъ*, при всемъ своемъ желаніи, достигнуть этого. Не можетъ, во-первыхъ, по своей дряблости и по своему сантиментализму, широко эксплуатируемымъ мѣстными революціонно-инородческими элементами, представители которыхъ не только окружаютъ намѣстника, но и управляютъ фактически Кавказомъ (о чемъ подробно будетъ рѣчь впереди). Во-вторыхъ же—по непониманію той основной государственной задачи на Кавказѣ, безъ разрѣшенія которой не только немислимо гражданское замиреніе края, приобщеніе его къ общерусской культурной жизни и закрѣпленіе должнымъ образомъ его политической связи съ Русскимъ государствомъ, но и невозможны ни правильное функционированіе, ни вообще крѣпкое стояніе въ край русской государственной власти, какъ бы авторитетна она ни была.

Власть не можетъ висѣть въ воздухѣ, она должна имѣть подъ собою твердую почву и прочную опору. На Кавказѣ же, при разноплеменности его населенія и при отсут-

ствіи государственнаго русскаго элемента, государственная власть именно лишена точки опоры, не имѣетъ твердой почвы подъ собою. На кого она тамъ можетъ опереться, чтобы крѣпко стоять и развитъ должнымъ образомъ свою дѣятельность? Ни на кого. Населеніе Кавказа, точнѣе—Закавказья, состоитъ изъ различныхъ инородческихъ элементовъ и всѣ они настроены антигосударственно, всѣ проникнуты революціоннымъ сепаратизмомъ и всѣ, потому, живутъ и дышатъ ненавистью къ Россіи. Можетъ ли на нихъ опираться русская государственная власть? Ясно, что не можетъ. Государственнаго же русскаго элемента, который служилъ бы твердой опорой для власти Русскаго государства, въ Закавказь почти нѣтъ. Положеніе государственной русской власти на Кавказѣ совершенно подобно человѣку, сидящему между двухъ стульевъ: онъ не можетъ сидѣть крѣпко и увѣренно, онъ долженъ разсчитывать и соразмѣрять каждое свое движеніе, ибо стулья каждую минуту могутъ раздвинуться и онъ провалится. Когда же стулья живые, то для того, чтобы сидѣть на нихъ, приходится еще и ладить съ ними, то есть ублажать ихъ уступками, ergo—поступаться государственными правами и интересами, а при обостренномъ и возбужденномъ, какъ въ послѣдніе годы (съ 1905 года), состояніи, и вовсе отступать отъ нихъ. Въ западномъ Закавказь такими живыми стульями являются грузинскій и армянскій элементы, въ восточномъ же и южномъ Закавказь—элементы армянскій и мусульманскій. Между этими стульями и харибадами и приходится лавировать, ища точки опоры, русской государственной власти.

На этихъ-то горе-„опорахъ“ она и спотыкается всегда, покупая ихъ цѣною державныхъ правъ русскаго народа и государственныхъ интересовъ Россіи.

Отсюда ясно, что русская государственная власть на Кавказѣ, для того, чтобы дѣйствительно быть русской и государственной, должна прежде всего создать для себя въ край естественную и прочную опору, каковою можетъ быть только русская народность. Ей, русской народности, должно быть отведено подобающее мѣсто въ край; она должна быть направлена въ него широкой волной: она должна занять въ немъ положеніе принадлежащее ей, какъ народности государственной. Русскій народъ долженъ быть *de facto* введенъ

во владѣніе краемъ, приобрѣтенымъ имъ такой дорогой цѣной и de jure давно входящимъ въ составъ его владѣній. Тогда и только тогда и власть русскаго государства будетъ прочно утверждена на Кавказѣ. Иначе онъ никогда не приобщится къ общерусской гражданской, культурной и политической жизни и всѣ мѣры, всѣ успія къ этому будутъ такъ же бесплодны, какъ и до сего времени.

Это — основная государственная задача на Кавказѣ, которую отлично понималъ Ермоловъ, положившій начало русской колонизаціи Закавказья, но которой никакъ не могли понять постѣдующіе кавказскіе правители, не только не удѣлявшіе должнаго вниманія русской колонизаціи, но чинившіе ей всякія препятствія. Съ возстановленіемъ же въ 1905 году намѣстничества Кавказъ вовсе закрытъ былъ для русскаго переселенія и изъ него началось выселеніе русскихъ. Русская власть нашла, что безъ русскихъ ей будетъ лучше, что лучшая опора для нея — революціонныя инородцы, во главѣ съ армянами! Удивительно ли, что Кавказъ сталъ на глазахъ разваливаться и что судьба его стала не на шутку тревожить всю Россію?

Кавказъ завоеванъ кровью русскаго народа, Кавказъ принадлежитъ Россіи. Въ чемъ, однако, выражается принадлежность его Россіи? Русскаго населенія въ Закавказьѣ почти нѣтъ; десять лѣтъ тому назадъ въ край было еще около 150,000 осѣдлага (сидящаго на землѣ) русскаго населенія (на $5\frac{1}{2}$ милліоновъ всего населенія), но теперь осталось не болѣе 130 тысячъ; остальные частью истреблены туземными революціонерами, частью же выселены самою властью „въ Россію“. Въ иностранныя государства русскіе люди могутъ свободно вѣзжаться и поселяться въ нихъ, на Кавказѣ же русскіе люди этого права лишены: съ 1905 года Кавказъ „закрытъ для переселенія“, то-есть русскій народъ, кровью котораго онъ завоеванъ и приобщенъ къ Россіи, совершенно туда не допускается; всѣмъ губернаторамъ Европейской Россіи разосланы были даже для объявленія во всеобщее свѣдѣніе предупрежденія отъ кавказскихъ властей, что на Кавказъ не допускаются не только русскіе переселенцы, желающіе устроиться тамъ осѣдло, но въ равной же мѣрѣ и русскіе рабочіе, ремесленники и т. д., направляющіеся туда на временныя заработки.

Такимъ образомъ, Кавказъ загороженъ отъ русскихъ настоящей „китайской стѣной“. Очевидно, Кавказъ русскимъ не принадлежитъ. Иностранцы (англичане, бельгійцы, французы, нѣмцы, не говоря уже объ армянахъ и персахъ) на Кавказѣ — желанные гости: для нихъ широко распахнуты всѣ двери, имъ предоставляются естественныя богатства края (нефть, марганецъ, уголь, свинецъ, мѣдъ и т. д.), русскіе же вовсе не допускаются въ край, а тѣ, которые ранѣе тамъ осѣли, выселяются „въ Россію“ и прямо истребляются огнемъ и мечомъ.

Въ чемъ же выражается принадлежность Кавказа Россіи? Мало того: Англія, Германія, Франція, Бельгія, Швеція, Испанія и другія иностранныя государства имѣютъ на Кавказѣ своихъ дипломатическихъ представителей (консуловъ и вице-консуловъ) которые пекутся о правахъ и интересахъ англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, бельгійцевъ и прочихъ иностранцевъ, вступаются за нихъ и защищаютъ ихъ, въ случаѣ нарушенія ихъ правъ, интересовъ или безопасности. Русскіе на Кавказѣ и этого не имѣютъ: ихъ права, интересы и безопасность никѣмъ не оберегаются и не защищаются, они преслѣдуются, гонятся и истребляются и защиты ни откуда не видятъ и не къ кому имъ обратиться за защитой, такъ какъ сама власть, покровительствуя инородцамъ и оберегая край для нихъ и для иностранцевъ, тѣснитъ, преслѣдуетъ и гонитъ русскихъ, какъ какихъ-то отщепенцевъ, какъ самыхъ нежелательныхъ и опасныхъ пришельцевъ.

Принадлежи de jure Кавказъ не Россіи, а какому-нибудь чужому государству, положеніе въ немъ русскихъ, несомнѣнно, было бы лучше, чѣмъ теперь: русскіе имѣли бы тогда здѣсь покровителей и защитниковъ своихъ правъ, интересовъ и безопасности, въ лицѣ консуловъ и вице-консуловъ. Теперь же русскіе на Кавказѣ внѣ закона и внѣ защиты, туземные головорѣзы истребляютъ ихъ мечемъ и огнемъ, власть же сама преслѣдуетъ и гонитъ русскихъ.

Можно ли при такомъ положеніи называть Кавказъ русскимъ краемъ, частью Россіи, которой онъ de jure принадлежитъ?

Рѣчь можетъ быть только о политическомъ владычествѣ, о нахожденіи Кавказа подъ управленіемъ русской государственной власти. Но и это владычество не болѣе, какъ

самообманъ: Кавказъ управляется не русской, а инородческой властью, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться по официальному „Кавказскому Календарю“ (изданіе закавказскаго статистическаго комитета), заключающему въ себѣ полный списокъ всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ кавказскихъ губерній и областей.

Во всей Россіи, правда, въ составъ администраціи и правительственныхъ должностныхъ лицъ входитъ значительный процентъ инородцевъ, что въ послѣднее время обратило на себя вниманіе русскихъ людей. Но составъ кавказской администраціи и чиновничества, по сравненію его съ остальной Россіей, совершенно исключительный въ этомъ отношеніи: ни по одному вѣдомству здѣсь нѣтъ, не говоримъ уже русской, но хотя бы полурусской власти. По составу и духу своему, правительственная власть на Кавказѣ не только не русская, но анти-русская, потому что находится въ рукахъ не только инородцевъ, но именно тѣхъ инородцевъ, которые, живя и дыша наибольшей ненавистью ко всему русскому, стремятся, путемъ террора и революціи, къ разрушенію Россіи вообще и въ частности къ „экспропріаціи“ отъ нея Кавказа, именно—армянъ, грузинъ, персо-татаръ, а затѣмъ поляковъ (которыхъ огромный процентъ въ составѣ „русской“ правительственной власти на Кавказѣ), нѣмцевъ и даже евреевъ.

Наибольшее сопрікосновеніе съ населеніемъ и наибольшее культурное и политическое вліяніе на него имѣютъ мѣстныя учрежденія вѣдомства внутреннихъ дѣлъ. Такими учрежденіями на Кавказѣ являются мировые посредники и уѣздныя (полицейскія) управленія. Что касается первыхъ, то есть губерніи (Кутаиская, Тифлисская), въ которыхъ нѣтъ ни одного русскаго мирового посредника: въ другихъ губерніяхъ попадаютъ, въ числѣ инородцевъ, русскіе, но въ количествѣ не болѣе двухъ-трехъ на губернію. Что же касается до уѣздныхъ управленій, то нѣтъ ни одной губерніи или области въ Закавказскомъ краѣ, въ которой составъ полицейскихъ управленій и уѣздной администраціи былъ бы хотя бы на половину русскій; въ большинствѣ уѣздныхъ управленій русскихъ отъ 6 до 10%, и много 25—30% всего состава. Таковъ же и составъ полиціи въ городахъ, не включая и такихъ крупныхъ, какъ Баку, Елисаветполь, Эри-

ванъ, Батумъ и т. д.; всюду пристава, ихъ помощники, окологородные и городовые въ большинствѣ инородцы и притомъ туземные, воинствующие противъ Россіи, инородцы. Во главѣ же всей кавказской полиціи стоятъ (или, во всякомъ случаѣ, стояли до самаго послѣдняго времени) евреи Буревичъ и Цысь. Удивительно-ли, что туземные революціонеры такъ волготно себя чувствуютъ и, совершая среди бѣла дня разбои, убійства и всякія преступленія, почти никогда не попадаютъ въ руки власти?

Тоже видимъ и по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ, особенно же по мировымъ судебнымъ учрежденіямъ. всюду и вездѣ преобладающимъ и господствующимъ элементомъ среди пререржавшихъ властей являются армяне, грузинъ, персо-татары, поляки, вѣмцы, латыши и т. д., но только не русскіе. Даже нехристіане-мусульмане персы и татары въ очень значительномъ количествѣ (до 50% въ составѣ полиціи и администраціи въ восточномъ Закавказьѣ) входятъ въ составъ правительственной власти христіанскаго русскаго государства,—только русскіе почти устранены отъ нея и систематически вовсе устраняются. На Кавказѣ,—возмущался справедливо М. О. Меньшиковъ,—идеть почти нескрываемый подмѣнъ администраціи. Туземцы, преимущественно армяне, систематически вытѣсняють русскихъ, а кто покажется слишкомъ упорнымъ, того или предупредительно убирають сверху или убиваютъ снизу“. Потребовались бы цѣлые столбцы для перечисленія именъ тѣхъ тысячъ русскихъ, которыя въ послѣдніе пять-шесть лѣтъ „предусмотрительно убраны (вынаны) сверху, или убиты снизу“, причѣмъ мѣста какъ тѣхъ, такъ и другихъ всегда и непременно замѣщаются представителями туземнаго бунтующаго инородчества. Для того и „убираются сверху или убиваются снизу“ русскіе. Такимъ способомъ и производится систематически „подмѣнъ администраціи“ на Кавказѣ, посредствомъ котораго эта „жемчужина русской короны“, неисчислимо дорогой цѣной пріобрѣтенная Россіей, фактически „экспроприруется“ у нея и въ ней учреждается, подъ русской (до поры до времени) фирмой, армянская, грузинская и татаро-персидская власть (будущія „Великая Армения“, „Молодая Грузія“ и Новая Персія), на содержаніе которой русскій народъ ежегодно при-

плачивает из своего тощого кармана 20 миллионов рублей¹⁾.

Во главѣ управления Кавказомъ стоитъ, правда, русскій намѣстникъ. Но это не только не препятствуетъ инородцамъ управлять фактически Кавказомъ, но оказывается даже вполне удобно для нихъ, такъ какъ даетъ возможность имъ вести анти-русскую политику и разрушать остатки русской государственности на Кавказѣ подъ прикрытіемъ русской ширмы. Армяны, Лазаревы, Тамашевы и другіе армянскіе тузы, являющіеся своими людьми во дворцѣ намѣстника,—вотъ кто неофициально руководитъ кавказскими дѣлами. Официально-же ближайшими помощниками намѣстника, олицетворяющими собою высшую гражданскую и военную власть на Кавказѣ, являются: Петерсонъ, Мицкевичъ, Борманъ, Войденбаумъ, Баккель, Тизенгаузенъ, Бауеръ, Фонъ-Паркау, Фольбауманъ, Рудольфъ, Кульбергъ, Штернбергъ, Клейкеръ и т. д.

Словомъ, какъ низшая, такъ и высшая правительственная власть на Кавказѣ—въ рукахъ инородцевъ; разница въ томъ только, что низшая (мѣстная) власть, ближайшая къ населенію—олицетворяется главнымъ образомъ представителями туземно-революціоннаго инородчества, высшая-же руководящая власть—нѣмцами, поляками и евреями (крещеными).

Не станемъ касаться здѣсь вопроса—насколько вообще нормально подобнаго рода положеніе въ Русскомъ государствѣ. Но Кавказъ—окраина государства, которая и безъ того чрезвычайно слабо связана съ Россіей и требуетъ сугубыхъ заботъ для приобщенія ея къ русской культурѣ и государственности. Могутъ-ли считаться обезпеченными тамъ русскіе—національные и государственные—интересы, когда на стражѣ ихъ стоятъ не русскіе люди, для которыхъ интересы эти—ихъ собственные интересы, а воюющіе съ Россіей туземцы и въ лучшемъ случаѣ инородцы, для которыхъ русскіе интересы безразличны и чужды? Въ этомъ именно и заключается секретъ того, что послѣ вѣковой принадлежности русскому государству Кавказъ въ культурномъ отношеніи остается совершенно чуждымъ Россіи, а въ отношеніи

¹⁾ Какъ говорилось выше, Кавказъ ежегодно даетъ казѣ 20 милл. рублей дефицита, покрываемого изъ общегосударственныхъ средствъ.

политическомъ до крайности ей враждебнымъ. Оттого и гражданскій миръ и общественный порядокъ не могутъ до сего времени утвердиться въ этомъ краѣ, что насадителями и оберегателями ихъ являются въ большинствѣ случаевъ туземные элементы, низкій уровень гражданскаго и общественного развитія которыхъ совершенно не соответствуетъ общимъ требованіямъ русской гражданственности и русскаго культурно-общественнаго быта. Оттого и политическія дѣла на Кавказѣ идутъ такъ „блестяще“ и оттого-же, понятно, принадлежность его Россіи является только номинальной, призрачной и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе звучитъ проіеіеі.

Печальное положеніе это можетъ и должно еще ухудшиться, но, понятно, не можетъ улучшиться до тѣхъ поръ, пока, во-первыхъ, не будетъ—обрушеніемъ мѣстной администраціи и всей правительственной въ краѣ власти—укрѣплена политическая связь его съ Россіей и во-вторыхъ—широкой русской колонизаціей не будетъ создана культурная связь его съ метрополіей.

Изъ сказаннаго ясно, что Кавказъ не управляется русской властью, а *самоуправляется*: вся, или почти вся правительственная власть на Кавказѣ въ рукахъ инородцевъ, притомъ, главнымъ образомъ, въ рукахъ представителей туземнаго революціонно-сепаратическаго инородчества, которое и управляетъ краемъ, преслѣдуя, совершенно естественно, цѣль не сближенія его съ Россіей, а наоборотъ—„самоопредѣленія“, то-есть отчужденія и отдѣленія отъ нея. Другія наши инородческія окраины по крайней мѣрѣ управляются русской властью. На Кавказѣ-же даже въ совѣтъ намѣстника верховодятъ инородцы. Въ этомъ отношеніи Кавказъ весьма близко уподобляется Финляндіи. Но въ то время, какъ Финляндія только пыталась обзавестись собственнымъ войскомъ, во образъ „красной гвардіи“, въ Закавказьѣ все шестимилліонное туземное населеніе составляетъ вооруженную съ ногъ до головы „Красную гвардію“.

Благодаря этому обстоятельству—поголовному вооруженію туземнаго населенія,—оказались бесплодными всѣ усилія, на протяженіи полувѣка, къ гражданскому умиротворенію края. Имъ-же естественно, поддерживается и политическая анархія, которая принимаетъ ту-же хроническую форму, въ какой тамъ издавна царитъ гражданская анархія. Возмо-

жно ли политическое умиротворение края, население которого, в большинстве враждебно относящееся к России и бунтующее против нея, поголовно вооружено? Простой здравый смысл говорить и полувѣковой опыт свидетельствует, что это невозможно.

И до революции положение края рѣзко расходилось съ понятіемъ гражданского мира, въ послѣдніе же годы во всемъ край вцарилась такой гражданскій хаосъ и такая политическая вакханалія, при которыхъ замирение края стало настоятельнѣйшей и неотложной государственной необходимостью. Продолжение смуты создать предъ Россіей перспективу уже не замирения, а вторичнаго покорения Кавказа. Устранить такую перспективу можетъ только коренное измѣненіе всей системы управления Кавказскимъ краемъ. Государственная власть должна прежде всего озабочиться созданіемъ для себя тамъ прочной опоры, привлеченіемъ въ край и укрѣпленіемъ въ немъ государственнаго русскаго элемента.

Повторяемъ, это—основная государственная задача на Кавказѣ, безъ разрѣшенія которой недостижимо гражданское замирение края, приобщеніе его къ общерусской культурной жизни и закрѣпленіе должнымъ образомъ его политической связи съ русскимъ государствомъ. Только съ введеніемъ de facto русскаго народа во владѣніе Кавказомъ въ немъ будетъ прочно утверждена власть русскаго государства.

О практическихъ затрудненіяхъ при разрѣшеніи этой государственной задачи не можетъ быть, какъ увидимъ далѣе, рѣчи. Недавно законченнымъ размежеваніемъ на Кавказѣ отмежевано за казною свыше десяти миллионнхъ десятинъ земель. Правда, часть этихъ земель находится фактически въ захватномъ пользованіи различныхъ мѣстныхъ и пришлыхъ „лихихъ“ инородцевъ, а изъ остальныхъ земель большинство предоставляется подъ ковчегъ туземныхъ и пришлыхъ кочевниковъ съ ихъ барантою. Но развѣ государство не имѣетъ возможности отобрать свои земли отъ захватчиковъ и развѣ оно должно поддерживать первобытный, пастьешскій образъ жизни туземныхъ и пришлыхъ инородцевъ?

Подъ влияніемъ земельнаго „голода“ въ Европейской Россіи переселенческое движеніе въ послѣдніе годы приняло широкіе размѣры. Правительство содѣйствуетъ переселенію,

стараясь дать ему болѣе правильную и осмысленную организацию. Но, какъ и раньше, вся переселенческая волна направляется въ одну сторону—за Уралъ. Почему же забыты прочія окраины? Почему забыто Закавказье, гдѣ имѣется значительный фондъ казенныхъ земель и колонизація котораго русскимъ элементомъ представляетъ настоятельнѣйшую государственную необходимость?

Пора наконецъ уяснить себѣ важность и неотложность этой государственной мѣры, пренебреженіемъ которой обусловливается безуспѣшность всѣхъ нашихъ, дѣлавшихся до сего времени, попытокъ по гражданскому благоустроенію Кавказа и укрѣпленію его политической связи съ Россіей. Всѣ такія попытки и впредь останутся безплодными, пока не создана культурная, духовная связь Закавказья съ Россіей, пока имѣющийся тамъ фондъ государственныхъ земель не использованъ для русскои колонизаціи.

II.

Разбойный терроръ.

Кавказскіе разбой, убійства и грабежи, принявшіе характеръ хроническаго и прогрессирующаго недуга, составляютъ злобу дня въ теченіе уже дѣлаго ряда лѣтъ. Не смотря на нѣкоторыя, казалось дѣлесообразная мѣры, принятія при Г. С. Голицынѣ (какъ учрежденіе полицейской стражи, преданіе разбойниковъ военному суду и т. п.), личная и имущественная безопасность на Кавказѣ остается совершенно необезпеченною и жизнь въ край, при такихъ условіяхъ, для мирнаго, культурнаго населенія является крайне трудною и опасною.

Послѣдніе годы особенно обидуютъ прямо паразитическими подвигами кавказскихъ бандитовъ. Послѣ дѣлаго ряда удачныхъ и безнаказанныхъ нападеній на почтовые омнибусы и желѣзнодорожные поѣзда, на сельскія церкви и монастыри,—они перенесли свою „блестящую“ дѣятельность въ крупныя центры и города, какъ Поти, Батумъ, Баку, Елисаветполь и даже самый Тифлисъ. Жители кавказскихъ

городовъ, не исключая и Тифлиса, не отваживаются ни на какія окрестныя прогулки и поѣздки, въ которыхъ можетъ застать ночь. Но и въ самыхъ городахъ положеніе таково, что никто рѣшительно, выходя изъ дома хотя-бы на нѣсколько минутъ, не знаетъ вернется-ли онъ домой. Достаточно сказать, что въ кавказскихъ городахъ, даже въ Тифлисѣ, почтовое вѣдомство до сихъ поръ не рѣшается ввести доставку на домъ адресатамъ денежной корреспонденціи (что уже болѣе десяти лѣтъ введено во всей Россіи), справедливо опасаясь ограбленія почталюновъ!

Если такой характеръ носить „мѣстная хроника“ крупныхъ городскихъ центровъ и даже самой „столицы“ края, гдѣ на лицо и многочисленный составъ администраціи, и всѣ средства для предупрежденія и пресѣченія преступленій, то легко представить себѣ характеръ вѣв-городской кавказской жизни, свѣдѣнія о которой лишь въ рѣдкихъ случаяхъ попадаютъ на страницы газетъ и становятся общимъ достояніемъ.

— Намъ, казакамъ,—говорилъ мнѣ въ вагонѣ Владикавказской желѣзной дороги одинъ терскій казакъ-офицеръ,—жилося гораздо лучше при Шамилѣ, чѣмъ теперь. Тогда край былъ на военномъ положеніи, обѣ стороны были вооружены и каждый стоялъ за себя. Теперь положеніе края „мирное“, однако насъ по прежнему грабятъ и убиваютъ, но мы не можемъ теперь сами стоять за себя потому, что для этого есть гдѣ-то власть, которая ничего не можетъ сдѣлать...

Правда, изъ Тифлиса стараются увѣрить насъ, что усиленіе разбойничества на Кавказѣ не болѣе какъ „оптический обманъ“: прежде мѣстная печать не смѣла писать о разбояхъ, теперь она въ этомъ не стѣснена,—потому, видители, и кажется, что разбой усилился. Но это-де только кажется. Но кажется-ли только это, или дѣйствительно разбойничество на Кавказѣ усиливается и прогрессируетъ, обѣ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ данныя официальной статистики (Министерства юстиціи), изъ которыхъ видно, что въ последнее десятилѣтіе число убійствъ, разбоевъ и грабежей возросло на Кавказѣ на 45%. Какое ужасное гнѣздо преступности представляетъ собою Кавказъ, видно изъ того, что на Кавказѣ одно преступленіе приходится на

каждые 600 жителей, тогда какъ въ остальной Россіи одно преступленіе приходится на 2,300 жителей. Выражаясь образно, на каждое преступленіе въ центральной Россіи приходится почти четыре кавказскихъ преступленія¹⁾. Особенно поразительно на Кавказѣ число убійствъ, по сравненію съ центральной Россіей: въ послѣдней убійства составляютъ 12% общей преступности (убійства, разбой, грабежи), а на Кавказѣ 33%, т. е. почти въ три раза больше. „Въ Россіи,—говорится въ официальномъ поясненіи къ статистикѣ о преступности,—возрастаютъ всѣ вообще виды преступленій и нигдѣ не замѣчается того факта, чтобы убійство опережало въ своемъ ростѣ всѣ остальные преступленія безъ различія. Это явленіе исключительно кавказское и тѣмъ болѣе поразительное, что нигдѣ убійство не распространено такъ, какъ въ округѣ Тифлисской судебной палаты. При одинаковой приблизительно численности населенія, число дѣлъ объ убійствѣ на Кавказѣ въ три съ половиною раза больше, чѣмъ въ Привислянскомъ краѣ, въ пять разъ больше, чѣмъ въ Юго-Западномъ краѣ и въ шесть разъ больше, чѣмъ въ промышленномъ подмосковскомъ районѣ. При этомъ и вообще уровень преступности на Кавказѣ выше, чѣмъ въ остальной Россіи. Несомнѣнно, что по уровню преступности (въ особенноти болѣе тяжкихъ видовъ) Кавказъ долженъ занимать первое мѣсто среди остальныхъ русскихъ округовъ“.

Таковъ аттестатъ, выданный Кавказу официальнымъ „Журналомъ Министерства Юстиціи“²⁾.

Даже Турція сумѣла обезопасить отъ разбоевъ свои большія дороги (напримѣръ, Яффа—Иерусалимъ), а у насъ, на Кавказѣ, не говоря уже о почтовыхъ трактахъ и иныхъ дорогахъ, даже по желѣзнымъ дорогамъ проѣзды не только опасенъ, но крайне рискованъ: разбойники или перекувыриваютъ поѣзда съ цѣлью ограбленія, или прямо убиваютъ и грабятъ въ вагонахъ. Дѣло дошло до того, что одно время,

¹⁾ Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что приведенныя цифры обозначаютъ лишь обнаруженныя преступленія. Картина представляется еще ярче, если принять во вниманіе, что въ то время какъ въ центральныхъ губерніяхъ рѣдкое преступленіе остается необнаруженнымъ, на Кавказѣ обнаруженіе ихъ чрезвычайно трудно и потому рѣдко.

²⁾ 1902 года, апрѣль.

как сообщалось в мѣстных газетах, между Баку и Петровскомъ поѣзда даже боялись останавливаться на разъѣздахъ, стараясь какъ нибудь одновременно угодить къ разъѣзду: вдвоемъ то не такъ страшно!

Кавказское разбойничество нужно признать прежде всего *государственнымъ бѣдствіемъ*, ибо, благодаря ему, эта богатѣйшая, щедро надѣленная всѣми дарами природы окраина, вмѣсто источника дохода, въ течение уже цѣлаго столѣтія, неизмѣнно служитъ статей государственного расхода, давая ежегодно, какъ сказано, до 20 милліоновъ рублей дефицита. А между тѣмъ при благодатномъ климатѣ Кавказа и его несмѣтныхъ естественныхъ богатствахъ, казалось-бы, онъ долженъ не брать у государства десятки милліоновъ, а давать ему сотни милліоновъ!

Но такое положеніе становится вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, что кавказское разбойничество является *народнымъ бѣдствіемъ*, въ корнѣ подрывающимъ благосостояніе богатѣйшаго, по своимъ естественнымъ условіямъ, края и является главнѣйшимъ препятствіемъ къ его экономическому преуспѣянію и культурному развитію. Достаточно указать, что ни одинъ, кажется, изъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности не обещалъ „разбойничьяго вопроса“, какъ вопроса первостепенной важности въ экономической жизни края. По мнѣнію, — вполне, конечно, справедливому, — Терскаго областного комитета „кардинальнымъ вопросомъ для мѣстнаго сельскаго хозяйства, который долженъ быть поставленъ во главѣ всѣхъ вопросовъ и разрѣшеніе котораго должно быть поставлено въ первую очередь, это — вопросъ о непрекращающихся, а, напротивъ, изо дня въ день усиливающихся грабежахъ и разбояхъ, страшно угнетающихъ населеніе вообще и русское въ особенности. Зло это для сельскохозяйственного развитія края такъ велико и такъ вопіюще, что, не будучи уничтожено въ корнѣ, способно обратить въ ничто всякое другое мѣропріятіе въ пользу мѣстнаго сельскаго хозяйства, такъ какъ всѣ другіе вопросы касаются до большаго или меньшаго процвѣтанія сельскаго хозяйства, вопросъ-же объ искорененіи разбоевъ является вопросомъ жизни и смерти сельскаго и всякаго другого хозяйства“.

Возможно-ли, въ самомъ дѣлѣ, развитіе сельскаго и

всякаго другого хозяйства не только при полной неувѣренности хозяина въ томъ, что плодами своихъ затратъ и трудовъ воспользуется онъ, а не разбойники и грабители, но и при полной вѣроятности послѣдняго? Кто станетъ заводить хорошую лошадь или рогатую скотину, когда, какъ это каждый по опыту знаетъ, она почти навѣрняка станетъ добычею разбойниковъ? Кому придетъ охота разводить хорошія плодовые деревья, когда не только плодами ихъ нельзя пользоваться, но и самыя деревья выкапываются и увозятся грабителями?¹⁾

Правда, существуетъ исходъ изъ такого положенія, обрекающаго край на культурное прозябаніе и полный экономическій застой, это — *откупъ отъ разбоевъ и грабежей* къ каковому и прибѣгаютъ всѣ мѣстные сельскіе хозяйства. Но этотъ откупъ, этотъ форменный *разбойничій налогъ* ложится тяжелымъ бременемъ на всякое хозяйство, тормозя его развитіе. Если опросить каждую частную экономію, какую дашь она выплачиваетъ мѣстнымъ „лихимъ людямъ“, то окажется несомнѣнно, что бремя этого налога, размѣръ котораго произвольно опредѣляется разбойниками, пагубно отражается на мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ. Оттого оно такъ туго и развивается на Кавказѣ, не смотря на всѣ благопріятныя условія для его развитія и процвѣтанія. Вѣдь экономіи уплачивающія разбойничьей данію до 2,000 рублей въ годъ. Это помимо всѣхъ легальныхъ налоговъ и платежей! Не угодно-ли при такихъ условіяхъ вести хозяйство!

Не ради него и выплачивается эта дань, а ради того лишь, что она хотя въ нѣкоторой степени (со стороны мѣстныхъ разбойниковъ) гарантируетъ личную безопасность и безопасность дома, который иначе (при неуплатѣ дани) неизбежно подвергнется если не нападенію и ограбленію, то поджогу.

Такую дань выплачиваютъ и всѣ промышленники края (нефтяные, рыбные и т. д.), села, деревни и даже города. Вотъ какой фактъ, — совершенно невѣроятный вообще, но

¹⁾ Во Владикавказѣ былъ такой случай: къ саду г. Грабовскаго подъѣхали на арбѣ неизвестные злоумышленники и выкопали 250 молодыхъ фруктовыхъ деревьевъ, увезли ихъ. А Владикавказъ въздъ не деревня, а большой городъ!

исполнѣ правдоподобный для Кавказа—сообщалъ недавно одинъ мѣстный корреспондентъ:

„Городъ Хасовъ—Юрть (Терской области), въ которомъ стоитъ полкъ, живетъ и начальникъ округа, его помощникъ, прокуроръ, слѣдователь и много другихъ властей, гдѣ имѣется станція желѣзной дороги (Владикавказской), церкви, лавки и т. д.,—платить двумъ разбойникамъ двѣ тысячи рублей въ годъ за охрану, собираетъ эти деньги прямымъ обложениемъ домовъ, записываетъ въ книги и выдаетъ по требовательнымъ вѣдомостямъ. Статья расхода эта значится по книгамъ: „жалованье сторожамъ“. Слобода Воздвиженка (тамъ-же), въ которой стоитъ батальонъ, батарея и живутъ разныя власти, дѣлаетъ то-же“¹⁾.

Если вы заводите на Кавказѣ какое-нибудь промышленное предпріятіе, къ вамъ чрезъ нѣкоторое время доставляется по почтѣ „окладной листъ“, въ которомъ обозначено сколько вы должны платить мѣстной разбойничьей бандѣ дани за свою личную и имущественную безопасность. А затѣмъ къ вамъ пожалуетъ и лично депутатъ отъ банды за получениемъ дани. Вы можете поторговаться, объяснить что вы только что построились и начинаете дѣло, не дающее еще доходовъ, и т. п.: на первый годъ вамъ можетъ быть сдѣлана нѣкоторая уступка или разсрочка. Но Боже васъ упаси уклониться отъ уплаты дани или,—на что, впрочемъ, еще никто не дерзалъ,—загнѣять борьбу съ разбойниками, обратиться къ власти и т. п.: тогда съ васъ потребуется двойная или тройная сумма дани, *подъ страхомъ неизбежной смерти*. Конечно, всякій предпочитаетъ жить въ мирѣ съ разбойниками, то-есть откупаться отъ нихъ, покупать себѣ личную и имущественную безопасность, иначе ни въ какомъ случаѣ не гарантированную.

Не правда-ли, милый порядокъ,—если только такое положеніе можетъ быть названо порядкомъ въ цивилизованномъ государствѣ?

Но слава Богу еще, что установился такой порядокъ, то-есть что разбойники додумались до „откупной системы“: иначе на Кавказѣ немислямы были-бы не только никакое культурное дѣло, никакая хозяйственная или промышлен-

ная дѣятельность, но и самая жизнь для мирнаго, культурнаго населенія.

Какъ открыто говорилось и было выяснено на одномъ изъ съѣздовъ (XVI-мъ) Бакинскихъ нефтепромышленниковъ, владѣльцы только половины нефтяныхъ промысловъ, расположенныхъ вокругъ такого крупнаго городского центра, какъ Баку, уплачиваютъ „для охраны“ ихъ до 200 тысячъ рублей въ годъ. Владѣльцы рыболовныхъ ватагъ и становъ на береговой полосѣ Каспійскаго моря (отъ Петровска до Баку) выплачиваютъ разбойничьяго налога до 100 и болѣе рублей каждый. А владѣльцы Куринскихъ и другихъ большихъ рыбныхъ промысловъ платятъ до 1,000 и болѣе рублей въ годъ. Каждый заводъ, каждая фабрика, каждое вообще промышленное и торговое предпріятіе, особенно удаленное отъ большихъ центровъ, обложено откупной данью. Размѣръ налога во всѣхъ случаяхъ опредѣляется самими разбойниками сообразно доходности дѣла, вообще благосостоянію плательщика, имъ отлично извѣстнаго. Такимъ образомъ, это является какъ-бы „подходящимъ налогомъ“. Ту-же дань уплачивается и казна хотя, правда, не натурой, а своими землями и лѣсами, расхищаемыми грабителями. Болѣе надежная казенная стража истребляется разбойниками, всякая попытка къ захвату которыхъ вызываетъ съ ихъ стороны неизбежную кровавую месть.

Возможны ли при такихъ условіяхъ культурный прогрессъ и экономическое развитіе края? Разбойничество подавляетъ всякую дѣятельность, и убиваетъ всякую предпримчивость, обрекая край на культурный и экономической застой, а государство, которому приходится покрывать кавказскіе дефициты, на жертву этого застоя.

Нечего уже говорить о нравственно-раствѣвающимъ вліяніи разбойничества на населеніе. „Откупная система“, представляющая своего рода „подходящий налогъ“ чуть не на все населеніе края, даетъ кавказскимъ разбойникамъ безъ преувеличенія миллионы рублей въ годъ. Такое богатство разбойниковъ, ихъ привольная и довольная жизнь при полномъ бездѣліи, наконецъ, всеобщій почетъ и неуко-снительное повиновеніе ихъ власти—самой сильной на Кавказѣ,—все это не можетъ не дѣйствовать развращающимъ образомъ на туземное некультурное населеніе и не пред-

¹⁾ Новое Время, № 9,649.

ставлять соблазна для него. Разбойничество оказывается самой выгодной профессией—удивительно-ли, что кадры разбойников постоянно возрастает, а разбойничество постоянно усиливается, въ смыслъ какъ численности, такъ и смѣлости разбойничьихъ подвиговъ?

Но не слѣдуетъ упускать изъ виду и политическое значеніе разбойничества, препятствующаго русской колонизаціи края и, такимъ образомъ, не дающаго ему сблизиться и слиться съ русскимъ государствомъ. Путемъ разбойничества, въ край поддерживается и даже усиливается власть элементовъ, уже въ силу одной дикости своей, безусловно враждебныхъ русской гражданственности и государственности. Эта разбойничья узурпація всѣхъ держитъ въ страхѣ и ей все подчиняется болѣе, чѣмъ власти государственной: нѣтъ такого государственнаго налога, по которому не числилось-бы за мѣстнымъ населеніемъ недоимокъ, но нѣтъ въ край ни одного неисправнаго плательщика разбойничьяго „подходнаго налога“. Всякое требованіе разбойника исполняется неукоснительно и во всякомъ случаѣ предпочтительно предъ требованіемъ мѣстной государственной власти, беспильной,—какъ это всѣ видятъ и знаютъ,—въ борьбѣ съ разбойничьей узурпаціей.

Едва-ли такое положеніе можетъ способствовать, а не должно, наоборотъ, препятствовать утвержденію русской гражданственности и государственности на Кавказѣ, приобщенію его къ русской политической жизни.

Какъ на причины кавказской вакханаліи разбоевъ, указывается обыкновенно на различныя „естественныя условія“, способствующія этому, а именно: прошлая судьба края и, какъ результатъ ихъ, характеръ туземнаго населенія: его некультурность, дикость нравовъ и т. д.

Конечно, нельзя отрицать, что кавказское разбойничество является наслѣдіемъ старины и происходитъ изъ характера туземцевъ, ихъ мировоззрѣнія, сложившагося подъ влияніемъ историческихъ и бытовыхъ условій края. Присяволье прежнихъ правителей, вѣковыя насилія и междоусобія, постоянная борьба за существованіе и за владѣніе той или другой частью территоріи, все это воспитало туземцевъ въ понятія права силы и въ признаніи только его. Разбой и грабежъ получили въ народномъ сознаніи представленіе

подвига силы и храбрости, разбойникъ—воплощеніе идеала храбрости, энергіи и силы.

Какъ ни прискорбно сознаться, но и теперь, спустя сто лѣтъ по водвореніи почти на всей теперешней территоріи Кавказскаго края культурнаго и цивилизованнаго русскаго владычества, до сего времени, впрочемъ,—уви! проявляющаго себя не фактически, а только номинально, масса туземнаго населенія, особенно мусульмане составляющіе вообще на Кавказѣ болѣе трети всего населенія, а въ закавказь почти половину (48%), остается на томъ-же низкомъ уровнѣ развитія, пребываетъ въ томъ-же полудикомъ состояніи. И теперь право сильного—единственное право, признанное туземцами безусловно. Понятіе о правѣ собственности у нихъ примитивное, почему украсть лошадь, угнать скоть, похитить дѣвushку—не считается даже вовсе преступленіемъ. Обычай-же кровавой мести создаетъ цѣлыя нити преступленій.

Русская гражданственность и культура не только не прививаются къ кавказскому туземцу, но даже еще какъ будто и не коснулись его. Жизнь человека для него ничего не стоитъ; убить, ограбить кого-нибудь составляетъ даже, по ихъ понятію, какой-то подвигъ, молодечество, удалство, особенно на глазахъ женщины. Не говоря уже объ умышленныхъ убійствахъ—изъ мести, съ цѣлью грабежа и т. п., всякая пустая ссора на Кавказѣ, рѣдко не оканчивается кровопролитіемъ. Тамъ, гдѣ два русскихъ человека самое большее что вѣдятся другъ другу въ борюды и, потрепавъ ихъ, разойдутся, кавказцы окажутся непременно одинъ съ прострѣленной грудью, а другой со вспоротымъ животомъ.

Особенной дикостью отличаются кочевники, то-есть мусульмане (татары, персы), ведущіе первобытныи пастушескіи бытъ. Кочуя съ мѣста на мѣсто, систематически потравляя и сжигая чужіе посѣвы и сѣнокосы, грабя и, если нужно, убивая по пути, кочевники съ дѣтства растутъ въ полномъ неуваженіи къ чужой собственности, къ чужой личности и жизни, и составляютъ, такъ сказать, коренной разбойничій кадры. Создаваемая такимъ образомъ необезпеченность имущества и жизни является, въ свою очередь, источни-

комъ, поражающимъ „лихихъ людей“ въ такой даже средѣ, которая, при иныхъ условіяхъ вовсе не выдѣляла-бы ихъ.

Наконецъ, нельзя не указать на лѣдность туземцевъ и на своеобразный аристократизмъ части ихъ, именующей себя „беками“ (то есть дворянами). Считая унизительнымъ для себя жить собственнымъ трудомъ, они добываютъ средства къ жизни, въ большинствѣ случаевъ, путемъ воровства, грабежей, разбоевъ и, главное, укрывательства разбойниковъ, что, по ихъ понятію, вполне отвѣчаетъ „бекокому“ достоинству—изъ десяти случаевъ въ девяти самозванному.

Вотъ тѣ „естественныя условія“, на которыя ссылаются обыкновенно и которыми на мѣстѣ оправдывается кавказская разбойничья вакханалія. Можно прибавить еще топографію края (горы, отвѣсныя скалы, лѣса и т. д.), конечно, не могущую создавать разбойничества, но способствующую укрывательству разбойниковъ и затрудняющую преслѣдованіе ихъ.

Несомнѣнно, что эти „естественныя условія“ нельзя исключить изъ числа причинъ, даже очень существенныхъ причинъ, весьма многихъ отрицательныхъ сторонъ кавказской жизни и въ томъ числѣ прежде всего разбойничества. Но неужели-же все дѣло только въ нихъ, въ этихъ „естественныхъ условіяхъ“?

Во-первыхъ, на ту-же дикость нравовъ, на такую-же некультурность туземнаго населенія можно указать и въ другихъ азиатскихъ областяхъ Имперіи, напримѣръ, въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ, однако, ничего подобнаго тому, что происходитъ на Кавказѣ, мы не видимъ. А во-вторыхъ, если „естественныя условія“ не сглаживаются съ теченіемъ времени, подъ культурнымъ владычествомъ, то они, во всякомъ случаѣ, не могутъ усугубляться еще; слѣдовательно и разбойничество должно-бы, по крайней мѣрѣ, не усиливаться. Между тѣмъ, какъ мы видѣли изъ данныхъ официальной статистики, оно на Кавказѣ именно усиливается изъ года въ годъ и притомъ въ очень внушительной прогрессіи. Очевидно, не одни только „естественныя условія“ играютъ тутъ роль.

Но если даже дѣйствительно все дѣло въ этихъ „естественныхъ условіяхъ“, развѣ изъ этого слѣдуетъ, что Кавказъ такъ и долженъ быть предоставленъ разбойничьей

вакханаліи? Неужели тѣ „естественныя условія“, которыя служатъ коренной и главной причиной кавказскаго разбойничества, неустраняемы и непоправимы?

Можно увѣренно сказать, что будь Закавказье заселено русскими по присоединеніи его къ Россіи (какъ это и проектировалъ Ермоловъ),—до сего времени уже наполовину не существовало-бы тѣхъ „естественныхъ условій“, которыми обуславливается развитіе тамъ разбойничества, какъ это мы и видимъ отчасти на Сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ уголовная преступность почти вдвое слабѣе, чѣмъ въ Закавказьѣ. Развѣитіе русскихъ поселеній,—конечно, не случайное, а систематическое, помимо внѣшняго обрусѣнія края, содѣйствовало-бы насажденію среди полудикаго туземнаго населенія русской гражданственности и съ одной стороны—въ самомъ (русскомъ) населеніи создало-бы надежную опору для русской власти, а съ другой—повлекло-бы смягченіе нравовъ туземцевъ и, слѣдовательно, ослабленіе разбойничества.

Этотъ прямой и вѣрный путь къ ослабленію и полному устраненію „естественныхъ условій“ кавказскаго разбойничества тщательно обходится и, вмѣсто него, выдвигается излюбленный и давно извѣщенный „либеральный“ конекъ—школа: насаждайте школы, просвѣщайте населеніе,—и нравы его смягчатся, разбойничество прекратится.

Конечно, польза и необходимость русской школы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Несомнѣнно, что недостатокъ русскихъ школъ, при обилии школъ инородческихъ, особенно магометанскихъ, является одною изъ главныхъ и наименѣе извинительныхъ для мѣстной власти причинъ, въ силу которой Кавказъ до сего времени остается дикимъ и только номинально русскимъ: есть дѣйные уѣзды, гдѣ никто изъ жителей не понимаетъ русскаго слова и гдѣ чиновникъ или проѣзжай русскій человѣкъ, незнакомый съ туземнымъ языкомъ, оказывается въ самомъ критическомъ положеніи. Насажденіе русскихъ (а не инородческихъ) школъ, несомнѣнно, способствовало-бы обрусенію туземной массы, приближенію ея хоть съ русской властью,—пока въ краѣ нѣтъ еще русскаго населенія, смягченію нравовъ, духовному развитію и въ концѣ концовъ нравственному облагораженію. Но въдѣ все это перспективы будущаго и очень далекаго будущаго, ибо смягченіе вѣками выработавшихся нравовъ и

Дѣль, ходатайствуя объ обезпеченіи со стороны Турціи порядка и спокойствія на границѣ. Послѣ переговоровъ съ султанскимъ правительствомъ, чрезъ нашего посла въ Константинополь, рѣшено было учредить съ обѣихъ сторонъ по одной должности пограничнаго комиссара для разбора возникающихъ пограничныхъ недоразумѣній. Но что-же толку въ этихъ пограничныхъ комиссарахъ? На персидской границѣ давно уже существуетъ такая должность, разбойничьи же набѣги изъ Персіи не только не прекращаются, но съ каждымъ годомъ усиливаются.

Болѣе цѣлесообразной мѣрой явилось разрѣшеніе чинамъ нашей пограничной стражи безпрепятственно переходить границу для преслѣдованія по пятамъ разбойниковъ, ареста ихъ и отобранія награбленнаго имущества. Но и эта мѣра не можетъ имѣть существеннаго значенія по двумъ причинамъ: во-первыхъ, по ничтожной численности закавказской пограничной стражи, благодаря чему разбойники прекрасно обходятъ ее, а если и наткнутся на одного—двухъ солдатъ, то, превосходя ихъ въ десять разъ численностью, всегда легко отобьются отъ нихъ, а во-вторыхъ—по той причинѣ, что преслѣдуютъ разбойниковъ не чины пограничной стражи, а полицейская стража и войсковыя команды, не имѣющія права переступить границу.

Очевидно, такимъ образомъ, что необходимо распространить право преслѣдованія разбойниковъ за чертою границы и на воинскія команды, призываемыя въ помощь гражданской власти въ борьбѣ съ разбойни. При этомъ нужно усилить численно пограничную стражу и добиться отъ Персіи и Турціи выдачи преступниковъ, скрывающихся въ ихъ предѣлахъ, дабы разбойники не могли находить себѣ тамъ надежнаго убѣжища и пользоваться, такимъ образомъ, безнаказанностью, придающею еще больше смѣлости имъ и деморализующею все остальное туземное населеніе. Такимъ убѣжищемъ пользуются всѣ бѣглецы изъ тюремъ и Сибири разбойники; основавшись въ приграничномъ персидскомъ или турецкомъ селеніи, они организуютъ тамъ шайки и совершаютъ набѣги въ наши предѣлы, будучи неуязвимы для русской власти.

Бѣглецы эти составляютъ, какъ сказано, главный контингентъ разбойниковъ, терроризирующихъ Кавказъ. Пой-

манный разбойникъ не исчезаетъ со сцены разбойничьей вакханаліи, а только на время прерываетъ свою профессиональную дѣятельность. Тюрьма, котораго и побѣтъ еще болѣе закаляютъ его и по возвращеніи на сцену онъ становится уже не обыкновеннымъ, а „извѣстнымъ“ или даже „знаменитымъ“ разбойникомъ, какъ Али-Султанъ (осужденный на каторгу, бѣжавшій и прославившійся затѣмъ своими изумительными разбойничьими подвигами), Али-Хидирь-Оглы (бѣжавшій съ каторги и цѣлый рядъ лѣтъ державшій въ панникѣ чуть не все восточное Закавказье), Лоркипанидзе (бѣжавшій въ то время, когда его вели въ тюрьму и терроризировавшій послѣ этого всю Кутаискую губернію), Астанъ-Ага (шайка котораго всегда состояла исключительно изъ бѣглецовъ) и т. д. Насколько надежны мѣстныя тюрьмы, можно судить по тому, что бѣгаютъ изъ нихъ не только отдѣльные преступники, но и цѣлыя камеры, какъ это было въ городѣ Кубѣ (Бакинской губерніи). А въ Армавирѣ (Кубанской области) изъ тюремъ бѣжало шесть арестантовъ, приговоренныхъ уже военнымъ судомъ къ смертной казни!

Что касается каторги, то рѣдко кто изъ кавказскихъ разбойниковъ, осужденныхъ и сосланныхъ на каторгу, не возвращается черезъ годъ-два не только изъ Сибири, но и съ острова Сахалина. Сибирская желѣзная дорога значительно облегчила и ускорила возвращеніе бѣглецовъ. Нельзя не согласиться съ однимъ официальнымъ заключеніемъ по этому поводу, что „необходимо одно изъ двухъ: или обставить ссылку такъ, чтобы о возможности побѣга не могло быть и рѣчи, или-же вовсе исключить ссылку (на каторгу) изъ числа наказаній примѣняемыхъ къ туземцамъ Кавказа, замѣнивъ ее какимъ-либо другимъ наказаніемъ, обезпечивающимъ дѣйствительное удаленіе изъ общества вредныхъ членовъ“, а также и съ тѣмъ, что „передъ строгостью тутъ останавливаться не приходится, потому что только ею можно дѣйствовать на дикарей, и во всякомъ случаѣ гуманнѣе призмѣнять строгія наказанія къ отбросамъ общества, чѣмъ обречь все общество на жертву дикихъ инстинктовъ и злой воли этихъ отбросовъ“.

Останавливаться,—прибавимъ,—тѣмъ болѣе не приходится, что систематическіе побѣги разбойниковъ, которые прежде всего совершаютъ кровавую месть надъ лицами,

способствовавшими их поимкѣ и осужденію, деморализуютъ все населеніе, поселяя въ немъ убѣжденіе въ безсиліи власти удержать въ своихъ рукахъ пойманнаго и осужденнаго разбойника. Тѣмъ болѣе, конечно, она безсильна,—какъ это само собой вытекаетъ изъ этого,—оградить населеніе отъ мести освободившагося разбойника. Да и безъ освобожденія его, за него сумѣютъ всегда и непременно отомстить родственники и коллеги.

Отсюда—укрывательство населеніемъ разбойниковъ, мѣшающее власти бороться со зломъ и дающее возможность разбойникамъ безнаказанно совершать преступленія, держа въ страхъ и терроризируя цѣлый огромный край. Подъ влияніемъ этого террора и очевиднаго безсилія власти подавить его, населеніе не только не выдаетъ властямъ мѣсто-пробываніе разбойниковъ, устраивая для нихъ надежныя убѣжища, но и отказывается свидѣтельствовать противъ нихъ на судѣ. Даже сами потерѣвшіе отъ разбойниковъ на судѣ не свидѣтельствуютъ противъ нихъ, а защищаютъ ихъ. Это вполне понятно: разбойника, предъ очами котораго даются свидѣтельскія показанія, въ лучшемъ случаѣ осудятъ на каторгу, изъ которой онъ навѣрняка и очень скоро убѣжитъ, свидѣтели-же, показывающіе противъ него, во всякомъ случаѣ, осуждаютъ себя тѣмъ на неизбѣжную смерть, отъ которой ихъ никто не спасетъ, но и спастись не станеть. Конечно, только полное убѣжденіе въ томъ, что пойманный разбойникъ никогда уже и ни въ какомъ случаѣ не вернется на свободу можетъ искоренить укрывательство населеніемъ разбойниковъ и покрывательство ихъ на судѣ—это великое зло, способствующее процвѣтанію разбойничества и связывающее руки власти и правосудія въ борьбѣ съ нимъ.

Пишущему эти строки случилось быть въ Баку во время слушанія въ тамошнемъ окружномъ судѣ (въ декабрь 1902 года) дѣла о шайкѣ разбойниковъ, совершившей нападенія на дачный дилижансъ подъ городомъ Баку. Разбойники имѣли въ виду совершить свой судъ и расправу надъ нѣсколькими извѣстными имъ лицами, которыхъ они давно подстерегали, но при этомъ было убито и нѣсколько ни въ чемъ неповинныхъ пассажировъ. Судъ надъ этою шайкой бандитовъ ожидался въ Баку съ большимъ нетер-

пѣніемъ и страхомъ. Съ нетерпѣніемъ—потому, что всѣмъ хотѣлось чтобы виновники возмутительнаго злодѣянія скорее понесли заслуженную кару, а со страхомъ... со страхомъ потому, что всѣ въ то же время боялись, что они не понесутъ этой заслуженной кары, то-есть будутъ оправданы, какъ это нерѣдко случается въ Закавказьѣ. Тогда головорѣзы вновь очутились бы на свободѣ и, конечно, еще смѣлѣе предались бы своему ремеслу. Этотъ страхъ за исходъ суда былъ настолько великъ, что многіе явились въ судѣ вооруженные, съ намѣреніемъ, открыто выражаемымъ, собственноручно разправиться съ разбойниками, если они будутъ судомъ отпущены на свободу. Въ виду этого, были вытребованы казаки, которые и оцѣпили зданіе суда.

Предосторожность эта оказалась, правда, излишнею, ибо всѣ разбойники судомъ обвинены и приговорены на каторгу. Все обошлось такимъ образомъ благополучно. Но дѣло это является въ высшей степени характернымъ, показывая насколько велика въ населеніи боязнь разбойниковъ и какъ мало оно увѣрено въ томъ, что судъ здѣсь стоитъ на стражѣ дѣйствительнаго, а не формальнаго только правосудія.

Эта неувѣренность вредитъ прежде всего самому правосудію, ибо вызываетъ уклоненіе отъ свидѣтельства противъ разбойниковъ, даже заставляетъ покрывать и скрывать ихъ, ибо, въ случаѣ оправданія разбойниковъ, всѣхъ свидѣтельствовавшихъ противъ нихъ ждетъ самая жестокая расправа съ ихъ стороны. Всякій предпочитаетъ, поэтому, лучше жить въ мирѣ съ разбойниками, чѣмъ преслѣдовать и способствовать обнаруженію ихъ. А что значитъ „жить въ мирѣ“ съ разбойниками,—говорилось выше: это значитъ—откупаться отъ нихъ, платить имъ дань, то есть покупать себѣ личную и имущественную безопасность.

Для характеристики мѣстныхъ нравовъ вотъ еще эпизодъ.

На одной изъ центральныхъ бакинскихъ улицъ работаетъ русскій каменщикъ. Къ нему подкатываетъ фэатонъ на резиновыхъ шинахъ, на голову его мигомъ набрасывается мѣшокъ и нѣсколько сильныхъ рукъ садятъ его въ фэатонъ. Послѣ долгаго катанія по городу, фэатонъ гдѣ-то останавливается и тѣ же сильныя руки вводятъ куда-то русскаго каменщика. Мѣшокъ сбрасывается съ его головы: онъ въ

пустой комнатъ, предъ нимъ каменная стѣна съ отверстиемъ, въ которомъ стоитъ дрожащая женщина.

— Замуравливой живо стѣну, или вотъ... говорятъ неизвѣстныя лица въ маскахъ, показывая съ двухъ сторонъ револьверы.

Дрожащими руками каменьщикъ закладываетъ стѣнное отверстие камнями и замуравливаетъ стѣну, живо погрѣбая въ ней женщину, нужно полагать, магометанку, уличенную въ измѣнѣ мужу. Страшное дѣло совершено. Русскій каменьщикъ вновь оказывается въ мѣшкѣ, вновь сильныя руки ведутъ его и садеятъ въ фазонъ, вновь его долго катаютъ по городу, наконецъ ссаживаютъ и быстро скрываются. Онъ сбрасываетъ мѣшокъ: предъ нимъ его работа, съ которой онъ часъ тому назадъ былъ увезенъ неизвѣстными лицами.

Первою же мыслию каменьщика была—спасти только что замуравленную имъ въ стѣну женщину. Но гдѣ она замуравована? Гдѣ находится тотъ таинственный домъ, та страшная стѣна, гдѣ теперь должна задохнуться эта женщина? Объ этомъ у него даже представленія никакого не было: его предусмотрительно возили по разнымъ закоулкамъ въ мѣшкѣ.

Черезъ нѣсколько дней среди бѣла дня въ самомъ центрѣ Баку, на Паранетѣ, раздался выстрѣлъ: одинъ персъ совершалъ кровавую месть надъ другимъ персомъ. Публика разбѣжалась и попряталась. А когда затѣмъ, по окончаніи выстрѣловъ, собрались у мѣста происшествія, на тротуарѣ лежалъ убитый персъ. Убийца, котораго всѣ видѣли, поспѣшно скрылся. Тотчасъ же явилась и полиція, во главѣ съ помощникомъ пристава. Какія же мѣры приняла она къ задержанію преступника? Помощникъ пристава началъ разспрашивать присутствовавшихъ примѣты убійцы и записывалъ ихъ въ книжку. А тѣмъ временемъ, понятно, и всякіе слѣды преступника исчезли. Или вотъ эпизодъ изъ мѣстной жизни: ночью позвонили къ доктору—армянину.

— Ради Бога, скорѣе къ тяжело-больному, фазонъ ядеть...

Докторъ одѣвается, садится въ фазонъ, рядомъ съ нимъ усаживаются двое незнакомцевъ и везутъ его, но не къ больному, а за городъ. Тамъ докторъ обращается до нитки и „яко нагъ, яко благъ“ отпускается. Въ результатъ—въ

ночное время ни одинъ докторъ не только не ѣдетъ къ больному хотя бы умирающему, но и не открываетъ дверей. Кому, въ самомъ дѣлѣ, охота рисковать очутиться въ рукахъ грабителей и разбойниковъ.

Но самымъ главнымъ и самымъ существеннымъ „искусственнымъ условиемъ“, или, точнѣе источникомъ кавказскаго разбойничества является—*вооруженіе* полудикаго и некультурнаго населенія, постоянное ношеніе имъ при себѣ оружія, холоднаго и огнестрѣльнаго.

Помимо того, что постоянное ношеніе туземцами при себѣ оружія *облегчаетъ* совершеніе всякихъ преступленій, въ большинствѣ случаевъ это и порождаетъ ихъ. Больше половины всѣхъ дѣлъ объ уголовныхъ убійствахъ на Кавказѣ составляютъ убійства по юридической квалификаціи, „въ запальчивости и раздраженіи“, то есть совершившіяся только потому, что подъ руками было оружіе. Въ рукахъ даже людей культурныхъ и доброправныхъ оружіе является опасной игрушкой. Понятно, какую опасность представляетъ оно въ рукахъ кавказскаго туземца, при извѣстной горячности его темперамента, дикости и необузданности права, а теперь еще и при социалистической и политической возбужденности. Онъ и такъ, по малокультурности своей, склоненъ ко всякому самоуправству и насилию. А тутъ къ услугамъ всегда подъ рукой всякое оружіе, обвѣшивающее его съ ногъ до головы: бери и дѣйствуй! И дѣйствуютъ.

Но, помимо пособничества къ совершенію преступленій, обычай ношенія оружія является и источникомъ комплектованія разбойничьихъ шаекъ. Разъ совершивъ умышленное или неумышленное преступленіе, вызванное какимъ-либо столкновеніемъ и, главное, близостью оружія, туземецъ является уже кандидатомъ въ разбойничью шайку. Желая избѣгнуть наказанія, онъ сначала скрывается отъ власти, при содѣйствіи своихъ родственниковъ. Это ставитъ его уже въ нелегальныя условія и при первомъ удобномъ случаѣ онъ примыкаетъ къ шайкѣ, становясь профессиональнымъ разбойникомъ. Близостью оружія обусловливается и та масса убійствъ изъ мести, которыя вызываются каждымъ, даже случайнымъ, преступленіемъ: за пострадавшаго выступаютъ родственники и одно случайное убійство создаетъ цѣлый рядъ умышленныхъ убійствъ.

Говорят, что вооружение требуется на Кавказе для самозащиты. Совершенно верно. Самозащита эта, однако, весьма ненадежная, ибо разбойные нападения совершаются целыми вооруженными и организованными шайками, а убийства—изъ-за угла. Мы видим систематическія убийства на Кавказе не только частных лиц, но и представителей власти не только вооруженных, но и охраняемых вооруженными же людьми. Личная и имущественная безопасность, несомненно, была бы лучше обеспечена обезоружением Кавказа, представляющего собою теперь огромный вооруженный лагерь, и запрещением ношения оружія, как это запрещено во всей остальной Россіи и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Вместе съ тѣмъ это облегчило бы и политическое умиротворение края, трудно достижимое при укоренившейся въ немъ гражданской анархіи. Въ былыя времена, когда Кавказъ былъ лишенъ административнаго благоустройства и законовъ, ограждающихъ неприкосновенность личности и имущества, почему каждый долженъ былъ быть самъ себѣ защитникомъ,—въ то, давно отошедшее въ область преданій время, поголовное вооружение всѣхъ жителей имѣло свой *raison d'être*.

Но чѣмъ это оправдывается теперь? Болѣе полувѣка уже Кавказъ *de facto* входитъ въ составъ благоустроеннаго государства, гдѣ для защиты населенія отъ злоумышленниковъ и лиходѣевъ существуетъ правильно организованная правительственная власть. Правда, эта защита власти и закона на Кавказѣ весьма ненадежна. Но болѣе всего она и ненадежна потому, что власть бессильна предъ многомилліоннымъ поголовно вооруженнымъ и наполовину разбойнымъ населениемъ. Разоружение послѣдняго значительно облегчило бы защиту мирнаго населенія отъ разбойныхъ элементовъ, способствовало бы гражданскому умиротворенію края, безъ котораго весьма затруднительно и политическое умиротворение. Разоружение вообще затруднитъ совершение преступлений и сразу значительно ослабитъ, а затѣмъ и вовсе прекратитъ гнѣздящуюся въ краѣ анархію.

Что теперешняя кавказская администрація, состоящая главнымъ образомъ изъ тѣхъ же туземцевъ, не только изъ рукъ вонъ плоха, какъ таковая, но и сама совершенно неблагоприятна, въ смыслѣ государственно-политическомъ,—

объ этомъ говорилось выше. Это и способствуетъ болѣе всего упорству кавказской анархіи. Но какъ бы ни была хороша администрація, положеніе ея крайне трудное при поголовномъ вооруженіи населенія, притомъ населенія малокультурнаго и полудикаго, до виртуозности изощрившагося въ разбояхъ и всякихъ „сѣкымъ башка“. Вооруженныя шайки туземныхъ головорѣзовъ даже съ войсками вступаютъ въ стычки и форменныя сраженія.

Пока въ рукахъ у кавказскаго туземца находится такой соблазнъ, какъ кинжалъ, револьверъ и ружье—онъ не властенъ надъ собой и неизбѣнно будетъ злоупотреблять ими, не воздержится при всякомъ случаѣ отъ разбоя и грабежа,—въ краѣ не могутъ быть водворены гражданскій миръ, общественная безопасность, политическое спокойствіе и государственный порядокъ. Только разоружение населенія явится надежной гарантіей гражданскаго и политическаго умиротворенія края. Тогда только станутъ осуществимы и мѣры, направленные къ утвержденію въ краѣ гражданскаго мира и государственнаго порядка. Время и опытъ, кажется, съ полною очевидностію показали, что однѣхъ только мѣръ административно полицейскаго характера, имѣющихъ цѣлью лишь большее обезпеченіе преслѣдованія преступленій,—въ чемъ до сего времени только и состояла вся наша, такъ называемая, „борьба“ съ кавказскимъ разбойничествомъ,—недостаточно для искорененія зла. Мѣры эти касаются лишь *слѣдствій*, а не *причинъ*, ими зло *преслѣдуется*, а не *искореняется*. Конечно, нельзя искоренить зло, не преслѣдуя его. Но путемъ одного лишь преслѣдованія слѣдствій, безъ удаленія причинъ или поводовъ, порождающихъ ихъ,—зло никогда не искоренится. Если не главнѣйшая причина, то, во всякомъ случаѣ, главнѣйшій поводъ кавказскаго разбойничества—вооруженіе туземнаго населенія, и его, этотъ главнѣйшій поводъ, очевидно, *прежде всего* нужно устранить. Само кавказское населеніе прекрасно сознаетъ необходимость такой мѣры. На ней остановился, между прочимъ, Терекскій областной комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, высказавъ, что „ношеніе оружія—явленіе архаическое и его нужно уничтожить“.

Обезоруженіе является необходимой мѣрой, дѣйствительно, прежде всего для массы самого кавказскаго насе-

ня: это выведет, наконец, его из-под разбойнаго террора и обезпечит ему мирную жизнь и производительный труд, невозможные при царящей въ краѣ гражданской и политической анархіи. Это откроетъ горизонтъ для культурнаго и экономическаго развитія края, чему разбойная вакханалія совершенно не даетъ хода. Но это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и государственно-политическая необходимость, такъ какъ поголовное вооруженіе туземнаго кавказскаго населенія, въ большинствѣ враждебно относящагося къ русской государственности и проникнутаго революціонно-сепаратическими стремленіями, представляетъ, какъ ясно показали событія „освободительныхъ“ лѣтъ и показываетъ настоящее положеніе Кавказа, весьма серьезную опасность, въ смыслѣ государственно-политическомъ.

Едва-ли нужно доказывать политическую опасность поголовнаго вооруженія инородческаго, принципиально враждебнаго вообще христіанскому владычеству, населенія такой отдаленной отъ ядра государства окраины, какъ Кавказъ вообще и Закавказье въ особенности. Возмущеніе горцевъ въ 1878 г., во время нашей войны съ Турціей, за которую они открыто встали,—показало, что элементы политическаго броженія далеко не угасли среди туземнаго мусульманскаго населенія, смущаемаго сосѣдствомъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ ему государствъ—Персіи и Турціи, и фанатизируемаго постоянными сношеніями съ ними и усиливающеюся панисламистскою, т. е. анти-русскою, вообще анти-христіанскою пропагандой. И это вотъ столь неблагонадежное, въ смыслѣ политическомъ, фанатично настроенное противъ христіанскаго владычества, т. е. русскаго государства, населеніе, занимающее охрану государства,—поголовно вооружено! Противъ кого-же оно вооружено? Конечно, оружіе его никогда не обратится противъ сосѣднихъ родственныхъ ему государствъ, а при политическомъ осложненіи, если не должно, то достаточно уже и того, что можетъ обратится противъ чужой ему Россіи, противъ ненавистнаго христіанскаго владычества, какъ это и было уже въ 1878 г.

Столь-же неудобно, конечно, вооруженіе и полутора милліона армянскаго населенія, явно предающагося въ послѣднее время политической, анти-русской фронтѣ.

Такимъ образомъ, въ государственно-политическихъ со-

ображеніяхъ разоруженіе Кавказа требуется не менѣ, если не болѣе еще, чѣмъ въ видахъ и интересахъ гражданскаго порядка и общественной безопасности.

Обезоруженіе туземцевъ представляется многимъ чѣмъ-то несбыточнымъ и невыполнимымъ: кавказскій туземецъ,—говорятъ,—не можетъ разстаться со своимъ оружіемъ и первая-же попытка къ обезоруженію вызоветъ поголовное возмущеніе. На чемъ основаны такіа опасенія?—Рѣшительно ни на чемъ.

Обезоруженіе кавказскихъ туземцевъ вовсе не является новой мѣрой: при князѣ Г. С. Голицынѣ она неоднократно примѣнялась,—какъ частная мѣра,—къ отдѣльнымъ селеніямъ, населеніе которыхъ слишкомъ прославилось разбоями и грабежами. Наибольшее примѣненіе эта мѣра получила въ Терской области, гдѣ при Г. С. Голицынѣ были обезоружены и лишены права ношенія оружія жители цѣлаго ряда селеній, какъ: Дышни-Ведень, Кень-Юрты, Кеди-Юрты, Гизель и др. Въ Закавказьѣ же мѣра эта была примѣнена однажды даже въ болѣе широкомъ масштабѣ, именно—были обезоружены и лишены права ношенія оружія жители не отдѣльнаго селенія, а цѣлаго участка—Гадаутскаго (Сухумскаго округа, Кутанской губ.), въ составъ котораго входятъ 16 сельскихъ общинъ. И что-же?

Въ нѣсколькихъ случаяхъ (въ Терской области) туземцы сдали все свое оружіе по одному лишь приказанію начальника области—безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ. Въ другихъ случаяхъ, правда, для обезоруженія населенія привлекались войска. Но имъ приходилось быть всегда только пассивными свидѣтелями добровольной и спокойной сдачи оружія туземцами, не обнаружившими ни въ одномъ случаѣ даже попытки къ сопротивленію. Ни въ одномъ случаѣ обезоруженіе не вызвало никакого осложненія. Очевидно, обезоруженіе туземцевъ—мѣра вполне выполнимая. Каковы же результаты примѣненія ея?

Въ Терской области, гдѣ былъ обезоруженъ цѣлый рядъ туземныхъ селеній, представлявшихъ собою разбойныя гнѣзда, разбой замѣтно уменьшился и эта область имѣла въ послѣдніе предреволюціонные годы наименьшую преступность изъ всѣхъ кавказскихъ губерній и областей. Но особенно разительные результаты дало обезоруженіе цѣлаго Гадаут-

скаго участка въ Закавказьѣ. Жители этого участка съ давнихъ временъ приобрѣли самую печальную репутацію; жизнь тамъ была крайне опасна, его приходило объѣзжать. Это и побудило, наконецъ, высшую власть снарядить въ 1898 г. экспедицію (изъ двухъ баталіоновъ Кабардинскаго полка и сотни казаковъ Горско-Моздокскаго полка) для обезоруженія населенія участка. Результаты экспедиціи были прекрасные: обезоруженіе произошло самымъ мирнымъ образомъ, населеніе добровольно сдало находившееся у него оружіе. И вотъ результаты этой мѣры спустя три года:

„Обезоруженіе населенія Гадаутскаго участка дало положительно блестящіе результаты. Всѣ отлично помнятъ, что было тамъ до обезоруженія: разбои и скотокрадство было повседневымъ явленіемъ. Послѣ же обезоруженія и то, и другое стали рѣже, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Закавказьѣ. Во всемъ Гадаутскомъ участкѣ теперь безопаснѣе, чѣмъ во многихъ городахъ. И это несмотря на то, что мѣстность чрезвычайно удобна для всякаго рода искателей приключеній, а населеніе, разумѣется, не могло переродиться въ нравственномъ отношеніи въ такой короткій срокъ. Дѣло въ томъ, что и для разбоя, и для скотокрадства нужно оружіе, а его-то и нѣтъ. Недавно еще занимавшееся грабежами, разбоями и скотокрадствомъ населеніе принялось за мирный трудъ, явилась безопаснѣе, а вслѣдъ за нею стали набѣжать туристы, которыхъ привлекаютъ сюда живописныя горы, одѣтыя вѣчно-зеленою растительностью, отличный климатъ, синее море, чрезвычайно удобное для купанія“ 1).

Слѣдуетъ отмѣтить, что и политическая анархія, охватившая съ 1905 г. все Закавказье и особенно загнѣздившаяся въ ближайшемъ соседствѣ съ Гадаутскимъ участкомъ (Гурія), въ участкѣ Эркенъ почти не нашла себѣ отзвука, хотя съ перемѣной режима на Кавказѣ (Г. С. Голицынъ смѣнилъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ) туземное населеніе вновь обзавелось оружіемъ вездѣ, гдѣ было обезоружено.

Частная обезоруженія (отдѣльныхъ селеній), понятно, не могутъ оказать общаго вліянія на ослабленіе анархіи и водворить въ краѣ гражданскій миръ. Мало того, это не можетъ быть вполне дѣйствительно даже для тѣхъ селеній и

городовъ, въ которыхъ издавались „обязательныя постановленія“ о запрещеніи ношенія оружія (которое, однако, не отбиралось) и въ которыхъ примѣнялась эта мѣра. Во-первыхъ, разоруженныя селенія могутъ подвергаться разбойничьимъ нападеніямъ изъ соседнихъ же, необезоруженныхъ населенныхъ мѣстъ, во-вторыхъ же—и сами легко и просто могутъ обзавестись вновь оружіемъ: сосѣди ихъ вооружены и передача или приобрѣтеніе оружія, при такомъ положеніи, конечно, не представляетъ трудности. Мы и видимъ, что всѣ селенія, обезоруженныя при князѣ Г. С. Голицынѣ, нынѣ—и давно уже—вновь представляютъ собою вооруженные лагеря и принимаютъ дѣятельное участіе въ царящей на Кавказѣ гражданской и политической анархіи. Къ тому же мѣра эта и примѣнялась при князѣ Г. С. Голицынѣ чрезвычайно односторонне: обезоруживались только горскія и мингрельскія селенія, промышленныя простымъ разбоемъ, ни одно же армянское селеніе не было разоружено, между тѣмъ именно армяне—самый революціонный и потому самый вредный и опасный, въ смыслѣ государственно-политическомъ, элементъ на Кавказѣ.

Для ослабленія и полнаго прекращенія на Кавказѣ гражданской и политической анархіи необходимо, очевидно, разоруженіе общее, точнѣе—всеобщее, т. е. разоруженіе всего туземнаго населенія съ безусловнымъ воспрещеніемъ ношенія при себѣ оружія (огнестрѣльнаго и холоднаго). Это общее, т. е. поголовное разоруженіе всего населенія края (съ безусловнымъ запрещеніемъ ношенія оружія) не только можетъ дать, но и несомнѣнно дастъ существенные результаты, въ смыслѣ уменьшенія преступности, особенно массовыхъ на Кавказѣ случайныхъ убійствъ и пораненій, каждое изъ которыхъ обязательно вызываетъ цѣлый рядъ злонамеренныхъ преступленій, въ силу обычая кровомщенія со стороны родственниковъ и благодаря близости оружія. „Вора въ искушеніе не вводи“—говоритъ мудрая русская пословица. Но что-же какъ не „искушеніе вора“ представляеть собою оружіе въ рукахъ кавказскаго туземца?

Разоруженію должно подвергнуться все туземное населеніе Кавказа, не исключая князей, хановъ, бековъ, аристовъ и т. д. Иначе мѣра эта не достигнетъ цѣли и оставитъ обезоруженную часть населенія въ безпомощное по-

1) „Черноморскій Вѣстникъ“, 1901 г., № 139.

женіе предъ вооруженной, которая получить полную свободу дѣйствій надъ первой и можетъ терроризовать ее. Разоруженное селеніе всегда считаетъ себя обиженнымъ предъ сосѣдними селеніями, остающимися вооруженными,—конечно считаетъ себя обиженнымъ несправедливо. Очувившись же въ безпомощномъ положеніи предъ „свободой дѣйствій“ окружающаго вооруженнаго населенія, разоруженные начинаютъ вновь, по необходимости, обзаводиться оружіемъ. Болѣе предусмотрительные при самомъ даже обезоруженіи скрываютъ хорошее оружіе, сдавая лишь старое и негодное. Конечно, скрытое оружіе уже не носится открыто, но дѣло не въ томъ носится оно открыто, или скрыто, а въ томъ что оно имѣется подъ рукою.

Какъ показали опыты частичныхъ разоруженій, примѣненіе этой мѣры особенныхъ затрудненій не встрѣчаетъ. Но если-бы, при общемъ разоруженіи, гдѣ-нибудь встрѣтились затрудненія, предъ ними останавливаться нечего. Опасно не обезоруженіе, а, наоборотъ, оставленіе вооруженнымъ и находящимся на боевомъ положеніи семи миллионнаго населенія, отличающагося весьма низкимъ уровнемъ гражданского развитія и открыто предающагося политической фронтѣ.

Напрасно разоруженіе туземцевъ разсматривается многими какъ какая-то карательная мѣра. Если она представляется таковой при частичномъ разоруженіи, примѣняемомъ къ болѣе порочнымъ селеніямъ, то при всеобщемъ разоруженіи она никоимъ образомъ не можетъ представляться таковой и дѣйствительно не имѣетъ такого характера. Это не карательная мѣра, а требованіе справедливости, благоустройства и порядка. Это мѣра необходимая прежде всего въ интересахъ самого-же края, который только съ полнымъ гражданскимъ умиротвореніемъ получить возможность правильного культурнаго развитія. Также точно если частичное разоруженіе представляется какъ-бы ограниченіемъ гражданскихъ правъ туземцевъ, ибо другіе и даже сосѣди „такіе-же граждане“ (какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ) остаются при оружіи,—то опять таки всеобщее разоруженіе отнюдь не можетъ представляться таковымъ и въ дѣйствительности не является никакимъ ограниченіемъ гражданскихъ правъ, ибо правомъ ношенія оружія не пользуется никто изъ русскихъ гражданъ. Какъ во всей Имперіи, такъ и на Кавказѣ

въ такомъ правѣ нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Напротивъ—оно не только вредно отражается на общественной безопасности, служа не порядку, а самому возмутительному беспорядку, но представляетъ существенную опасность и въ смыслѣ государственно-политическомъ.

Разоруженіе туземцевъ, являясь болѣе дѣлесообразной мѣрой къ ослабленію и полному прекращенію гражданско-политической анархіи, окажется, однако, только фиктивнымъ, если одновременно не будутъ приняты дѣйствительныя мѣры къ пресѣченію источниковъ снабженія туземнаго населенія оружіемъ, которое теперь обращается на Кавказѣ такъ же свободно, какъ жизненные припасы, и даже болѣе: въ иныхъ мѣстахъ вы съ трудомъ достанете мяса, но въ какомъ угодно количествѣ можете запастись всевозможнымъ оружіемъ, холоднымъ и огнестрѣльнымъ.

Несомнѣнно, этому много способствуетъ то, что изготовленіе оружія, особенно холоднаго, является на Кавказѣ однимъ изъ кустарныхъ промысловъ туземнаго населенія. Но, во-первыхъ, мѣстное кустарное производство огнестрѣльнаго оружія далеко не соотвѣтствуетъ (количественно) распространенію его въ населеніи; во-вторыхъ же, не только революціонеры, но и разбойничьи шайки на Кавказѣ вооружены въ большинствѣ случаевъ не мѣстнымъ (кустарнымъ), а усовершенствованнымъ (скорострѣльнымъ) оружіемъ новѣйшихъ системъ и лучшаго качества. Гдѣ же источники снабженія туземнаго населенія оружіемъ и боевыми припасами и вооруженія революціонныхъ и разбойничьихъ шайкъ?

Прежде всего—за-границей; откуда и то, и другое въ огромномъ количествѣ доставляется на Кавказъ, конечно, контрабанднымъ образомъ. Въ Ватумъ, Поти, Новороссійскъ, Ленкорань и Баку приходятъ сотни иностранныхъ судовъ въ годъ и еще больше парусныхъ шхунъ и фелюгъ съ грузомъ и безъ грузовъ. Надзоръ за этими судами (особенно мелкими) чрезвычайно слабъ. Но и при слабости надзора неоднократно обнаруживался привозъ оружія и боевыхъ припасовъ, запакowanych въ бочки. Обнаруживалось это и въ Бакинскихъ таможахъ, которая препроводила оружіе къ полиціи-мейстеру. Векоръ, однако, послѣдній обратился съ просьбой въ таможеню не присылать ему больше арестуемаго оружія, которое ему некуда складывать и негдѣ хранить. А

такъ какъ и таможенъ негдѣ хранить его, за немѣнѣемъ мѣста, то пришлось ослабить умышленно надзоръ за привозимымъ подъ различными ярлыками и въ разныхъ упаковкахъ оружіемъ, которое, такимъ образомъ, свободно достигало назначенія. Оружіе доставляется и помимо всякихъ таможенъ: парусныя фелюги съ нимъ прямо пристаютъ къ берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей, въ укромныхъ мѣстечкахъ, а также доставляется и чрезъ сухопутныя границы. Такимъ путемъ Кавказъ въ изобиліи снабжается извнѣ оружіемъ и боевыми припасами, которые расходятся между населеніемъ.

Помимо этого, революціонныя и разбойничьи банды вооружаются и нашими казенными скорострѣльными винтовками, предназначенными для мѣстныхъ войскъ, но чуть не систематически расхищаемыми изъ складовъ. Весьма частые случаи такихъ хищеній не разъ обращали на себя вниманіе высшей мѣстной власти, однако существенныхъ мѣръ къ прекращенію ихъ до сихъ поръ не принималось. Бывшимъ главноначальствующимъ кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ было издано „обязательное постановленіе“, по которому виновные въ покускѣ и продажѣ огнестрѣльнаго оружія, состоящаго въ вооруженіи войскъ, подвергаются отвѣтственности по 117 ст. Уст. о Наказ., то-есть денежному взысканію до 25 рублей. Конечно, такая отвѣтственность не могла прекратить хищеній казеннаго оружія. Наоборотъ, хищенія усиливались, что вынудило князя Г. С. Голицына въ новомъ циркулярѣ на имя губернатора (отъ 31 января 1898 года) установить, чтобы частныя лица, у коихъ оказываются такого рода ружья и которыя не имѣютъ доказательствъ законнаго пріобрѣтенія ихъ, привлекались къ отвѣтственности по 180 ст. Устава о Наказ., то-есть какъ за покупку завѣдомо краденаго имущества.

Расхищаемое казенное оружіе расходуется, однако, по рукамъ „лихихъ людей“, промышляющихъ не на глазахъ полиціи, могущей арестовывать ихъ и привлекать къ отвѣтственности, а за спиной ея, такъ что и самая отвѣтственность представляется не болѣе, какъ фиктивной. Съ другой стороны, похищеніе и продажа казеннаго оружія составляетъ такую выгодную профессію (ею промышляютъ многочисленныя „спеціалисты“ и имѣются даже склады краденнаго ка-

зеннаго оружія), что отказаться отъ нея не такъ то легко, тѣмъ болѣе когда безнаказанность вполне гарантирована даже въ случаѣ поимки покупщика такого оружія, который въ своихъ-же интересахъ (чтобы и впредь можно было обзавестись скорострѣльнымъ боевымъ оружіемъ) никогда не выдастъ продавца.

Но казенное оружіе очень просто пріобрѣтается и легальнымъ путемъ: изъ казенныхъ оружейныхъ складовъ и заводовъ продается „въ ломъ“ оружіе, оказывающееся, однако, настолько мало испорченнымъ, что достаточно незначительной починки, чтобы оно было годно къ употребленію. Революціонеры и разбойники и прямо выписываютъ себѣ изъ-за границы лучшее оружіе и боевые припасы чрезъ посредство транспортныхъ конторъ, что при перешедшемъ кавказскомъ режимѣ—безвластія и инородческаго засилія власти, не представляетъ трудности.

Неудивительно, что практиковалось при Г. С. Голицынѣ частное разоруженіе туземцевъ (отдѣльныхъ селеній) въ большинствѣ случаевъ оказывалось фиктивнымъ: сегодня власть отбереть отъ жителей какого нибудь селенія оружіе, а чрезъ недѣлю—двѣ оно опять поголовно вооружено, ибо къ услугамъ его сколько угодно оружія.

Очевидно и общее разоруженіе туземнаго населенія, безъ чего немислимо гражданское и политическое умиротвореніе Кавказа, окажется фиктивнымъ, если одновременно не будутъ приняты дѣйствительныя мѣры, во-первыхъ, къ ограниченію мѣстнаго кустарнаго производства оружія, во-вторыхъ—къ прекращенію хищеній казеннаго (войскаго) оружія и въ-третьихъ—къ закрытію контрабанднаго ввоза оружія и боевыхъ припасовъ изъ-за границы, главнымъ образомъ изъ сосѣднихъ Персіи и Турціи.

Поголовное вооруженіе шестимилліоннаго туземнаго населенія, отдаленной географически и отчужденной культурно-политически, окранны не только является аномаліей, но и представляетъ опасность, въ смыслѣ государственно-политическомъ, съ которой нельзя далѣе мириться, которая должна быть устранена. Разоруженіе Кавказа необходимо не только въ видахъ гражданскаго умиротворенія края, но и обезпеченія его государственно-политической безопасности. Можно только удивляться нашему равнодушію къ этой мѣрѣ

до сего времени. Мѣра эта рано или поздно все равно неизбежна, ибо безъ нея, повторяемъ, невозможно гражданское и политическое умиротвореніе края. Своевременно она, къ сожалѣнію, не была осуществлена, что и привело Кавказъ къ теперешнему положенію. Но теперь съ нею медлить уже не приходится, если мы хотимъ вывести Кавказъ изъ анархіи и сохранить его какъ окраину русскаго государства.

III.

Армянство и мусульманство.

Въ послѣдніе двадцать лѣтъ произошла глубокая метаморфоза во внутренней и внѣшней жизни Кавказа. Двадцать лѣтъ тому назадъ совсѣмъ еще непримѣтны были здѣсь національно-сепаратистскія теченія. Казалось даже наоборотъ: всѣ старались быть русскими и даже шеголяли тѣмъ, что они русскіе. Теперь наоборотъ—всѣ стараются быть не-русскими и нагло шеголяютъ тѣмъ, что они именно не-русскіе. Въ послѣднія два десятилѣтія въ Закавказьѣ, создалась новая, невѣдомая дотолѣ, „національность“—армянская, которая и главенствуетъ теперь вездѣ и рѣшительно во всемъ.

Армяне были, конечно, здѣсь и ранѣе, но то были армяне—областной народецъ, всецѣло поглощенный своимъ повседневнымъ существованіемъ и все свое благополучіе видѣвшій въ тѣсномъ общеніи и сліяніи съ Россіей и русскими. Теперь тѣ же армяне—уже „національность“, мнящая себя даже „государственной“ и всецѣло поглощенная политическими бреднями, видящая свое благополучіе въ отчужденіи отъ всего русскаго, и затѣмъ и въ отторженіи отъ Россіи и образованіи самостоятельнаго государства.

Въ прежнее время среди армянъ были исключенія, сторонившіяся Россіи и шеголявшія тѣмъ, что они армяне. Теперь среди армянъ нѣтъ исключеній: всѣ они поголовно ненавидятъ Россію и все русское,—кромѣ, конечно, русскаго золота,—и бредятъ „свободною Арменіей“. Эта политическая бредня спланиваетъ всѣхъ армянъ въ какой-то кагалъ, какое то сообщество, девизомъ котораго служатъ: „всѣ за одного

и одинъ за всѣхъ“. Прежде армяне не только имена свои, но даже и фамиліи старались передѣлывать на русскія: окончанія фамилій на „янцъ“ замѣнялись русскими окончаніями „овъ“ или „евъ“ (Будаганцъ—Будаговъ, Манташянцъ—Манташевъ). Теперь такія замѣны считаютъ позоромъ и преступленіемъ, и мало по малу всѣ „овы“ и „евы“ преобразуются въ „янцевъ“. Любопытно отмѣтить, что даже парходамъ, торговымъ и промышленнымъ фирмамъ присваиваются различныя „патриотическія“ армянскія имена (древнихъ армянскихъ царей) и названія, напримѣръ, „Астхикъ I“, „Астхикъ II“ (нефтепромышленныя фирмы), „Арай“, „Арменія“, „Аршалуйсъ“ и т. д. Прежніе мелкіе торговцы и ремесленники—армяне обратились въ „интеллигенцію“, политиканствующую, фрондирующую, агитирующую, революционизирующую, мечтающую о самостоятельной Арменіи и ни о какой-нибудь, а о „великой Арменіи“, заключающей въ себѣ не Кавказъ только, а и низовья Дона (съ Ростовомъ и Нахичеванью) и Волги (съ Астраханью).

Изо всѣхъ нашихъ государственно-національныхъ вопросовъ, какъ польскій, нѣмецкій, еврейскій и т. д., армянскій вопросъ, въ существѣ своемъ, представляется вопросомъ наиболѣе дурнымъ и потому наиболѣе вздорнымъ. Поляки все-таки имѣютъ прошлое, которое не можетъ, конечно, не вызывать въ нихъ чувства горечи и обиды. У нѣмцевъ за спиной стоитъ цѣлый могущественный, самостоятельный и самобытный народъ. Что же есть у армянъ, что служитъ основой для „армянскаго вопроса“? Ничего или почти ничего. Народъ армянскій, за исключеніемъ весьма непродолжительныхъ періодовъ времени, не пользовался политической самостоятельностью, могуществомъ и значеніемъ. Только маленькое киликійское царство, въ известной степени, было и могло называться независимымъ государствомъ, но существовало оно слишкомъ не долго и, какъ политическая единица, было столь незначительно, что не скрашивало политической ничтожности армянской „монархіи“. Армянская нація существовала всегда и всюду, но, въ большинствѣ, лишь какъ нація областная и очень рѣдко, какъ государственная. Таковую же областную національностью она существуетъ и нынѣ въ Россіи, наравнѣ съ грузинами и прочими входящими въ составъ нашего великаго отечества мел-

кими народцами. Политически самостоятельным армянский народ почти не был и всё мечтаніе о такой самостоятельности его „интеллигенціи“ не имѣют прочной исторической и нравственной основы.

Очень вѣрный взглядъ на армянскій и подобные ему „вопросы“ высказалъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, Н. Я. Данилевскій. Тогда еще и помина не было о подобныхъ вопросахъ, но глубокой умъ писателя и ученаго предвидѣлъ ихъ и, такъ сказать, предсказалъ появленіе ихъ въ русской жизни, исковерканной нашимъ „европейничьемъ“ и сангвинтизмомъ по отношенію къ инородцамъ. „Въ составъ русскаго государства, говоритъ Н. Я. Данилевскій¹⁾, входитъ много небольшихъ народностей, которыхъ оно не завоевало, не подчинило себѣ насильственно, а приняло подъ свое покровительство. Эти народности, каковы армяне, грузины и т. п., не имѣютъ причины быть враждебными Россіи и дѣйствительно ей и не враждебны. Они, въ массѣ, невозбранно сохраняютъ свои національныя формы быта. Но отдѣльныя личности, выходя на просторъ общей государственной жизни, будутъ всегда стараться перенять жизненную обстановку вышшихъ классовъ господствующаго народа. Однако, въ то же время, именно у этихъ передовыхъ личностей, зарождается сожалѣніе о прежней политической самобытности ихъ націи, невозвратно погибшей въ историческомъ круговоротѣ, или мечты о будущемъ ея возрожденіи. Оба эти стремленія²⁾ противоположены другъ другу и такъ какъ послѣднее не имѣетъ внутренней основы, то при некоторой силѣ перваго, болѣе реальнаго стремленія, оно и исчезаетъ, какъ неосуществимая мечта. Но ежели оно не находитъ себѣ противодѣйствія въ этомъ первомъ стремленіи, или даже находитъ себѣ въ немъ поддержку, то народное образованіе этихъ народностей ведетъ не къ сліянію ихъ съ господствующею въ государствѣ народностью, а къ разведенію съ нею, служащему къ обоюдному вреду. Послѣ того, какъ жизненная обстановка вышшихъ классовъ русскаго общества лишилась своего народнаго характера,

¹⁾ „Россія и Европа“, гл. XI, стр. 298—299.

²⁾ Т. е. съ одной стороны стремленіе къ внѣшнему сліянію съ господствующею (т. е. русскою) национальностью, а съ другой—къ политической самобытности и независимости отъ нея.

сдѣлавшись общеевропейскою, чтобы выступить на арену общей государственной жизни Россіи (инородцамъ) нѣтъ надобности дѣлаться русскими по правамъ и обычаямъ, а надо принять лишь на себя общеевропейскій обликъ. Но этотъ общеевропейскій характеръ, который по существу своему враждебенъ характеру русско-славянскому, не ослабляетъ, а усиливаетъ ту долю отчужденности, которая болѣе или менѣе свойственна всякому инородцу, и изъ этого-то сліянія и порождаются тѣ—„молодая Армения“, „молодая Грузія“, о которыхъ мы недавно слышали, а можетъ быть народятся и „молодая Мордва“, „молодая Чувашія“, „молодая Якутія“, „молодая Юкагірія“ о которыхъ не отчаиваемся еще услышать“.

Вотъ дѣйствительно одинъ изъ источниковъ нашихъ инородческихъ вопросовъ, въ послѣднее время одинъ за другимъ выступающихъ на арену государственной жизни Россіи. Мы сами много повинны въ возникновеніи этихъ вопросовъ, ибо сами мы отклонились отъ вѣкового склада русской жизни, мы сами отрекаемся отъ всего русскаго и стремимся быть „европейцами“. Какъ же инородцамъ нашимъ стремиться дѣлаться русскими, принимать укладъ русской жизни? Да мы и сами не допускаемъ ихъ до этого; мы не желаемъ и не стремимся вовсе ввести инородскія племена свои въ кругъ *русскаго* просвѣщенія, *русской* культуры. Напротивъ, мы желаемъ и стремимся сдѣлать ихъ тѣмъ-же, чѣмъ сдѣлались сами, т. е. ввести и ихъ въ кругъ *европейскаго* просвѣщенія, *западной* культуры, сдѣлать ихъ *европейцами*. Они и дѣлаются ими, становясь оттого еще менѣе русскими, чѣмъ были ранѣе и принимая положеніе враждебное русской культурѣ и русской государственности. До общности ихъ европейскою культурой и просвѣщеніемъ, армяне видѣли въ насъ своихъ покровителей, просвѣтителей и благодѣтелей, теперь тѣ же самые армяне, облицованные нами на европейскій ладъ, ненавидятъ Россію, считая ее поработорительницей ихъ и клянутъ русское имя, видя въ немъ какой-то синонимъ неволи и невѣжества отъ которыхъ сами русскіе тщательно отрываются. Вѣзмъ обязанные намъ, они, однако, свое подчиненіе Россіи считаютъ случайнымъ, временнымъ. Армения оказывается порабощенною Россіей, армянскій народъ лишенъ нами самобытности и

независимости, русское ярмо становится тяжким для европейски-просвѣщенной армянской „интеллигенціи“, — она мечтает освободиться изъ-под него, по всеѣмъ, конечно, правиламъ европейской цивилизации, т. е. путемъ революціи, конституцій и т. п. Посмотрите, какъ хлопочутъ теперь наши армяне о введеніи на Кавказѣ земскихъ учрежденій, какъ распинается за нихъ услужливая армянамъ кавказская „русская“ печать. Для кого нужны эти учрежденія на Кавказѣ? Да уже, конечно, не намъ, т. е. не Россіи и не русскимъ. Эта маленькая „конституція“ нужна Арменіи и армянамъ. И развѣ мы можемъ противиться этому? Да какіе же тогда мы будемъ европейцы! Нѣтъ, конечно, мы не дойдемъ до такой „отсталости“, мы дадимъ, безъ сомнѣнія Кавказу земскія учрежденія. За нихъ уже распинается вся наша „освободительная“ печать и, повидимому, скоро въ рукахъ армянъ явится это новое орудіе для борьбы съ Россіей...

Армянскій народъ обязанъ Россіи безчисленными благодѣяніями. Когда въ Турціи обостряется „армянскій вопросъ“, то-есть когда турки принимаются за свою обычную, по отношенію къ „гяурамъ“, расправу съ армянами, послѣдніе взываютъ къ защитѣ и покровительству Россіи и массами бѣгутъ къ намъ, въ Закавказье, спасаясь и дѣйствительно находя у насъ спасеніе отъ турецкаго истребленія. Какимъ поистинѣ „раемъ“ представляется армянамъ Россія послѣ Турціи, краснорѣчивѣйшимъ образомъ свидѣтельствуется, конечно, тотъ общезвѣстный фактъ, что никакими способами нельзя потомъ, по минованіи „турецкихъ звѣрствъ“, вернуть армянъ-бѣженцевъ обратно на родину: попавъ разъ въ Россію, они уже ни за что не хотятъ уходить изъ нея.

Чѣмъ же представители армянскаго народа отблагодарили Россію? Они еще въ 1890-хъ годахъ учредили въ Лондонѣ революціонный комитетъ; затѣмъ начали открывать отдѣленія его на Кавказѣ и, наконецъ, совсѣмъ перенесли его въ Россію, во образѣ пресловутаго „Дашнакцутюна“, организовавшаго кавказскую революцію и сыгравшаго видную роль въ россійской революціи вообще. Еще за долго до россійской революціи начался на Кавказѣ кровавый терроръ. Систематическія покушенія и убійства (которыхъ нигдѣ нельзя избѣгнуть—ни въ Москвѣ, ни въ Лондонѣ)

должны были, по расчету армянскихъ революціонеровъ, терроризовать кавказскую власть и все армянское населеніе, заставивъ первую ослѣпнуть и не мѣшать ихъ дѣятельности, а послѣднее—обративъ въ покорное орудіе подпольныхъ комитетовъ, преслѣдующихъ цѣль отторженія отъ Россіи всего Кавказскаго края и образованія изъ него самостоятельнаго „Армянскаго государства“; а пока что, промышленяющихъ политическимъ шантажемъ, выманимая, путемъ угрозъ и убійствъ, отъ богатыхъ соплеменниковъ огромныя суммы въ свое безотчетное „патріотическое“ распоряженіе. Расчетъ оказался вѣренъ: армянскимъ революціонерамъ удалось терроризовать кавказскую власть, до степени забвенія своего служебнаго долга и мировленія крамоль. Такъ же точно удалось имъ терроризовать систематическими политическими убійствами (совершители которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, остались безнаказанными, такъ какъ почти всегда успѣваютъ скрыться) и массу армянскаго населенія, обративъ его себѣ на службу. Подъ влияніемъ террора, не только армянское, но и не-армянское населеніе Кавказа отказалось отъ содѣйствія власти въ поимкѣ армянскихъ политическихъ убійцъ и даже, въ случаѣ надобности, скрываетъ ихъ отъ власти.

Такимъ образомъ, вся масса населенія очутилась во власти кучки крамольниковъ и силою вещей стала ихъ орудіемъ. Это и обратило весь Кавказъ въ сплошной революціонный станъ.

Въ 1903 году при приведеніи въ исполненіе закона о церковныхъ имуществѣхъ, впервые проявились мятежная вспышки кавказскаго армянства. Не только въ Елисаветполѣ, Эривани, Александрополѣ, Шушѣ, Баку, но и въ самомъ Тифлисѣ, „столицѣ“ края и средоточіи высшей краевой власти, господа армяне не постыжались дерзко и бурно, съ оружіемъ въ рукахъ и съ проклятіями на языкѣ, выражать свои протесты противъ Высочайшаго повелѣнія. Всѣ захваченные на мѣстѣ преступленія были преданы обыкновенному уголовному суду. И что же? Половина ихъ судомъ была оправдана, другая же половина признана виновною лишь по 271 ст. (вмѣсто 263 ст., по каковой обвинялись) Угол. Улож. и приговорены къ ничтожному наказанію—четыре-восьмимѣсячному тюремному заключенію.

Обыкновенные разбойники судятся на Кавказѣ военнымъ судомъ и подвергаются смертной казни, а крамольники поднимающіе революціонное знамя и съ оружіемъ въ рукахъ выступающіе противъ русской Государственной Власти и русскаго войска,—судятся обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ и, въ лучшемъ случаѣ, если не оправдываются вовсе,—подвергаются лишь кратковременному тюремному заключенію.

Такимъ образомъ на Кавказѣ преступленіе противъ отдѣльной частной личности оказывается, *по нашей же собственной оцѣнкѣ*,—несравненно болѣе важнымъ и тяжкимъ, чѣмъ преступленіе противъ Государства!

Что-же удивительнаго, что съ слѣдующаго 1904 года, по сигналу „дашнакцутюна“, все армянство, а за нимъ и все прочее кавказское инородчество, ринулись въ революцію, которая и до сихъ поръ на Кавказѣ отнюдь не можетъ считаться ликвидированной?

Даже русскій языкъ армяне почитаютъ зазорнымъ для себя. Армянскимъ Синодомъ наложенъ формальный запретъ на русскій языкъ и не на Кавказѣ только даже, а *во всей Россіи*. Армянскому духовенству *во всей Россіи* запрещено употребленіе русскаго языка при приведеніи къ присягѣ не только свидѣтелей—армянъ въ русскихъ судахъ, но даже и новобранцевъ—армянъ, вступающихъ въ русское войско!

До восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія не существовало никакого вопроса объ армянской присягѣ, не существовало по той простой причинѣ, что до того времени и никакой „армянской національности“ у насъ, да и нигдѣ еще не существовало. Только съ восьмидесятыхъ годовъ армяне, старавшіеся до того быть русскими, начали стараться быть армянами. На сцену явилась новая армянская „национальность“ и тотчасъ-же начались въ мѣстахъ осѣлости армянъ всякіе инциденты и всякія недоразумѣнія съ языкомъ: возгрезившіе уже давно о своей государственности, армяне нашли, что русскій языкъ совсѣмъ не соответствуетъ ихъ высокому національному сану и отказались отъ употребленія его не только тамъ, гдѣ можно, но и тамъ даже, гдѣ нельзя, а именно—въ присутственныхъ мѣстахъ, въ судахъ и т. п. Вскорѣ-же дошло до того, что армянскій священникъ даже не на Кавказѣ, который армянскіе государственники ввеличили въ составъ будущей „Великой Арме-

ніи“, а въ Астрахани, „на великой русской Волгѣ-рѣкѣ“, отказался привести новобранцевъ—армянъ къ присягѣ на русскомъ языкѣ!

По поводу сего—тогда, въ восьмидесятыхъ годахъ, еще не совсѣмъ обыкновеннаго—случая Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ тотчасъ-же обратилось въ Эчміадзинскій армяно-григоріанскій синодъ съ указаніемъ законовъ, требующихъ присяги на русскомъ языкѣ, и съ предложеніемъ сдѣлать подлежащее распоряженіе по всѣмъ армянскимъ епархіямъ объ обязательномъ приводѣ новобранцевъ къ присягѣ на русскомъ языкѣ. Это обращеніе правительства къ армянскимъ духовнымъ властямъ осталось не только безъ отвѣта, но и безо всякаго результата. А вскорѣ произведена была армянствомъ и новая, еще болѣе вызывающая, демонстрація: при разбирательствѣ дѣла поручика Джамарджидзе въ Тифлискомъ окружномъ судѣ, армянскій священникъ отказался привести къ присягѣ на русскомъ языкѣ свидѣтели—армянина, русскаго офицера, который, въ свою очередь, тоже отказался принять присягу на русскомъ языкѣ! По сему—ставшему уже болѣе обыкновеннымъ—случаю вновь послѣдовало обращеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ къ Эчміадзинскому синоду уже съ настоятельнымъ предложеніемъ исполнить немедленно первое предложеніе и объ исполненіи увѣдомить его. „Въ противномъ случаѣ,—говорилось въ Министерскомъ обращеніи,—противъ армяно-григоріанскихъ священниковъ, отказывающихся приводить къ присягѣ на русскомъ языкѣ, будутъ принимаемы строгія административныя мѣры“. Это вторичное обращеніе правительства къ армянскому синоду не осталось безъ результата,—но только совершенно противоположнаго тому, какой ожидался отъ сего: вмѣсто предписанія священникамъ оставаться не идущую къ ихъ сану политическую фронду, Эчміадзинскій синодъ, по распоряженію католикоса Макарія, издалъ въ 1891 году циркулярное распоряженіе по всѣмъ армяно-григоріанскимъ епархіямъ, не исключая и внутренней Россіи, коимъ духовенству *встрѣчается* приводить армяно-григоріанъ къ присягѣ на русскомъ языкѣ. Всюду и во всякихъ случаяхъ священники должны приводить армявъ къ присягѣ на армянскомъ языкѣ, за отступленіе отъ чего, то-есть за приведеніе къ присягѣ на русскомъ

языкъ, священники будутъ подвергаться отлученію отъ церкви! Патриархъ-католикосъ, такимъ образомъ, открыто выступилъ сторонникомъ и покровителемъ сепаратической фронды армянства, бросивъ дерзкій вызовъ правительству!

Сдѣлавъ такое распоряженіе, Макаріи извѣстилъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что желаніе его (министра) о приведеніи армянъ къ присягѣ на русскомъ языкѣ не можетъ быть (sic) исполнено, такъ какъ-де это „противорѣчить канонамъ армянской церкви“. Между тѣмъ на томъ-же Кавказѣ имѣются армянскія церкви, въ которыхъ богослуженіе совершается на грузинскомъ языкѣ. Очевидно, католикосъ Макаріи, въ „патріотическомъ“ усердіи, не оставилъ даже предъ клеветой на свою церковь.

Хотя католикосъ Макаріи и скончался въ слѣдующемъ-же (1892) году, но наложенный имъ запретъ на русскій языкъ остался и послѣ него въ силѣ. Инциденты съ языкомъ стали обычнымъ явленіемъ, при чемъ особеннымъ усердіемъ отличалась въ этомъ отношеніи всегда Астраханская епархіальная власть, во главѣ которой стоялъ епископъ Кеворкъ Суреньянъ—первый возбудившій вопросъ о недопущеніи канонами армянской церкви русскаго языка. Новый армянскій патриархъ—католикосъ Мкртичъ даже отличилъ его за такое „патріотическое“ усердіе въ дѣлахъ церкви, переведа на высшее мѣсто—въ Тифлисъ. Въ 1898 году армянскій священникъ въ Астрахани вновь отказался привести новобранцевъ—армянъ къ присягѣ на русскомъ языкѣ. Губернаторъ обратился въ епархіальную консисторію, предложивъ ей сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы новобранцы были приводимы священниками къ присягѣ на русскомъ языкѣ, какъ это требуетъ законъ. Консисторія, однако, отказалась сдѣлать такое распоряженіе. Чтобы положить разъ навсегда конецъ подобнаго рода инцидентамъ, случай этотъ былъ доведенъ до Правительствующаго Сената, который, рассмотрѣвъ его, издалъ 17-го февраля 1899 года, за № 1816, слѣдующій указъ, который мы приводимъ въ существенныхъ частяхъ, въ виду его важнаго принципиальнаго значенія:

„На основаніи примѣчанія къ ст. 185 Уст. о Сл. Гражд., присяга на вѣрность службѣ принимается при вступленіи въ послѣднюю чинами военными и гражданскими по об-

щимъ правиламъ и формѣ, указанной въ примѣчаніи V къ законамъ основнымъ; по силѣ ст. 34 этихъ законовъ, каждый присягаетъ по своей вѣрѣ и закону. Что-же касается вопроса о томъ, на какомъ языкѣ долженъ быть произнесимъ лицами иностранныхъ исповѣданій текстъ упомянутой присяги, то въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ не содержится особыхъ постановленій по этому предмету. Однако, такое умолчаніе закона не есть неточность и неполнота его, такъ какъ *при существованіи въ Россійской имперіи только одного государственнаго языка—русскаго—не представляется сомнѣній въ томъ что указанная присяга должна быть произведена на этомъ языкѣ, тѣмъ болѣе что текстъ клятвеннаго обѣщанія изданъ по-русски и не имѣетъ перевода на другія нарѣчія. По смыслу дѣйствующихъ законовъ, обязательность русскаго языка во всѣхъ государственныхъ актахъ составляетъ такое основное и при томъ общее правило, которое не требуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ особаго законодательнаго подтвержденія и, наоборотъ, всякое изъятіе изъ этого общаго правила можетъ быть допущено не иначе какъ съ особаго на этотъ предметъ опредѣленія закона. Такимъ исключеніемъ по вопросу о языкѣ присяги является лишь постановленіе, изложенное въ ст. 1,022 Св. Зак. т. IX, изд. 1876 г., на основаніи коего присяга иностранцевъ на подданство Россіи дается каждымъ на своемъ отечественномъ языкѣ или на другомъ, ему извѣстномъ“. Поэтому, Сенатъ призналъ что лица иностранныхъ исповѣданій, при опредѣленіи на службу въ войска и при вступленіи на государственную службу вообще должны быть приводимы къ присягѣ на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ совершеннаго незнанія ими русскаго языка, въ каковомъ случаѣ должны пользоваться переводчиками.*

Этотъ указъ Сената былъ сообщенъ армянскому патриарху—католикосу Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ, который, усматривая изъ него что запрещеніе прежняго католикоса (Макарія) присяги на русскомъ языкѣ противорѣчитъ дѣйствующимъ въ Россіи гражданскимъ законамъ, предпринявающимъ исполненіе обряда присяги исключительно на государственномъ, то-есть русскомъ языкѣ,—предложилъ Мкртичу отмѣнить незаконное распоряженіе прежняго католикоса. Католикосу Мкртичу поставлено было при этомъ на

видь, что неисполненіе армяно-григоріанами государственнаго закона о присягѣ, естественно, должно будетъ повлечь за собой возбужденіе вопроса о правѣ этихъ лицъ на вступленіе въ государственную службу.

Это обращеніе правительства къ армянскому синоду послѣдовало весной 1899 года, а осенью всѣ армянскіе священники на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи отказались привести новобранцевъ—армянъ къ присягѣ на русскомъ языкѣ! На предьявленіе имъ указа Сената, всѣ они отвѣчали, что не имѣютъ на этотъ предметъ никакихъ распоряженій отъ своихъ консисторій. Консисторіи-же, въ свою очередь, заявили, что не имѣютъ на этотъ предметъ никакихъ распоряженій отъ своего синода. Словомъ, началась мальчишеская игра въ прятки, задорное неповиновеніе не только ближайшей государственной власти, но и высшему законодательному учрежденію государства, которому (государству) армяне всецѣло обязаны существованіемъ какъ своимъ собственнымъ, такъ и своей церкви. Главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ сдѣлано было, въ силу сенатскаго указа, циркулярное распоряженіе по всѣмъ губернскимъ и областнымъ правленіямъ края, о томъ что русскіе подданные армяно-григоріанскаго исповѣданія должны быть приводимы къ присягѣ не иначе, какъ на русскомъ языкѣ. И всѣ армяне какъ новобранцы, такъ и вообще вступающіе въ государственную службу, а равно и свидѣтели въ судахъ, стали приводиться къ присягѣ на русскомъ языкѣ, но только не священниками своими, ставшими въ открытую оппозицію къ правительству и демонстративно отказавшимися повиноваться русскимъ законамъ, а гражданскими властями.

Что-же отвѣтилъ армянскій синодъ на сообщенный ему указъ Сената и на предложеніе правительства отгнѣнить противузаконное распоряженіе прежняго католикоса, наложившаго запрещеніе на государственннй языкъ? Въ теченіе полугода и то, и другое оставалось безо всякаго отвѣта и результата. Отвѣтъ послѣдовалъ только осенью 1899 года, въ видѣ слѣдующаго „кондака“ католикоса: „Мкртичъ, рабъ Иисуса Христа и непостигаемой волей Божіей архіепископъ, пастырь и католикосъ всѣхъ армянъ, верховный патріархъ первопрестольнаго апостольскаго Араратскаго монастыря св.

Эчмиадзина. Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ мартѣ мѣсяцѣ настоящаго года, объяснивъ мнѣ указъ Правительствующаго Сената по дѣлу присяги армяно-григоріанъ на русскомъ языкѣ, просилъ отъ насъ, если найдемъ возможнымъ, измѣнить распоряженіе въ Богѣ почившаго католикоса Макарія о воспрещеніи армянскому духовенству приводить къ присягѣ армянъ на русскомъ языкѣ. Невозможнымъ считая по церковнымъ правиламъ армянской св. церкви измѣнить распоряженіе достопамятнаго католикоса Макарія, мы отвѣчали г. Министру 6-го сего мѣсяца, за № 1139, оставивъ распоряженіе покойнаго безъ измѣненія, о чемъ увѣдомляемъ епархіальное присутствіе.—Мкртичъ католикосъ всѣхъ армянъ, 15 октября 1899 года, по церковному 1349, патріаршества нашего 7-го года“.

„Кондакъ“ этотъ, опубликованный въ „Арабатъ“ (официальный органъ католикоса) и разосланный по всѣмъ консисторіямъ, вызвалъ настоящее торжество среди сепаратистскаго армянства, усмотрѣвшаго въ немъ какъ бы провозглашеніе армянской независимости, признаніе армянства государствомъ въ государствѣ, управляющимся своими особыми законами. Пресловутый „кондакъ“ очевидно и расчитанъ былъ на демонстрацію, которая, однако, этимъ далеко не ограничилась. Боясь, что въ силу сенатскаго указа непопитуемые священники могутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ употреблять при обрядѣ присяги русскій языкъ, не желая и не считая себя въ правѣ оппозировать государственной власти,—армянскій синодъ предписалъ епархіальнымъ консисторіямъ, независимо отъ особаго строгаѣшаго распоряженія по епархіямъ. Эти „особыя“ и „строгаѣша“ распоряженія выразились въ томъ, что ото всѣхъ приходскихъ армянскихъ священниковъ отобраны благочинными подписки, что ни въ какомъ случаѣ они не будутъ приводить къ присягѣ армянъ на русскомъ языкѣ.

Очевидно, само армянское духовенство плохо вѣрить въ каноничность армянскаго языка, такъ какъ нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы каноническія правила церкви служители послѣдней исполняли только въ силу отобранной отъ нихъ начальствомъ подписки! Тѣмъ труднѣе, конечно, повѣрить въ это намъ, грѣшнымъ людямъ, знающимъ

что въ Кутаисской, напримѣръ, губерніи есть не мало армянскихъ церквей, въ которыхъ даже богослуженіе совершается не на армянскомъ языкѣ. Еще болѣе такихъ церквей въ сосѣднихъ Персіи и Турціи. Не ясно-ли, что вся эта фронда имѣетъ характеръ отнюдь не каноническій и вообще не религиозный, какой ей хотѣтъ придать, а чисто-политическій.

Но въ такомъ случаѣ, конечно, тѣмъ болѣе приходится пожалѣть, что дважды брошенный Россіи изъ Эчміадзина вызовъ оба раза привелъ насъ къ отступленію. Благодаря такому непонятному отступленію, и до сихъ поръ на русскомъ языкѣ не только на Кавказѣ, но и во всей Россіи лежитъ строгій запретъ Эчміадзинскаго армянскаго синода, и происходятъ инциденты, подобные недавно случившемуся въ Асхабадѣ: ни новобранцевъ въ войскахъ, ни свидѣтелей въ судахъ армянскіе священники не желаютъ, да и не могутъ, въ силу отобранной у нихъ подписки, приводить къ присягѣ на русскомъ языкѣ и всѣхъ ихъ приходится приводить къ присягѣ гражданской власти. Но вѣснее армянское духовенство, объявившее армянскій языкъ каноническимъ языкомъ церкви, естественно считаетъ и объявляетъ присягу на русскомъ языкѣ противуканонической, то-есть незаконной, не имѣющей никакой обязательной силы и никакого значенія. Такимъ образомъ армяне-чиновники, армяне-офицеры и солдаты и т. д. de facto не только не связаны никакой присягой на вѣрность службы Россіи, ни самое даже ихъ подданство Россіи, присяга на которое принята на русскомъ языкѣ, оказывается, — по толкованію и внушенію епископовъ-„патріотовъ“, — фиктивной!

Обаюдаясь разными „культурными“ и „просвѣтительными“ обществами, кавказское армянство занялось въ послѣдніе два десятилѣтія „патріотической“, т. е. революціонно-сепаратистской обработкой всей миллионной армянской массы. Просвѣщеніе армянъ, какъ и всѣхъ прочихъ народовъ Кавказа и всей Россіи, вѣдается специальнымъ вѣдомствомъ Народнаго Просвѣщенія. Вѣдомство это проявило на Кавказѣ усиленную дѣятельность: Кавказъ покрытъ густою сѣтью народныхъ школъ. Въ настоящее время на Кавказѣ имѣется до 2000 школъ только Министерства Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ того, существуетъ свыше двухъ тысячъ (съ мусульманскими) училищъ разныхъ другихъ вѣдомствъ.

Всего, такимъ образомъ, свыше 4 тысячи учебныхъ заведеній, въ которыя армянамъ открытъ доступъ наравнѣ съ другими народностями. На сколько армяне не обижены просвѣщеніемъ, можно судить потому, что, составляя 23% всего населенія Закавказья въ народныхъ школахъ, они составляютъ свыше 30% всѣхъ учащихся. Что-же касается среднихъ учебныхъ заведеній, то о переполненіи ихъ армянами лучше всего свидѣтельствуяютъ слѣдующія данныя:

Учебныя заведенія.	% учащихся армянъ.
Тифлисская 2-я гимназія	24,3 ⁰ / ₀
Тифлисская 1-я "	25,5 ⁰ / ₀
Елисаветпольская "	44 ⁰ / ₀
Бакинская "	50 ⁰ / ₀
Эриванская "	56 ⁰ / ₀
Тифлисская 3-я "	66 ⁰ / ₀
Шушинск. реальное училище	83 ⁰ / ₀

А вотъ составъ учащихся въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ:

Заведенія.	% учащихся армянокъ.
Бакинская гимназія	40 ⁰ / ₀
Телавское заведеніе св. Нины	42 ⁰ / ₀
Эриванская гимназія	60,5 ⁰ / ₀
Тифлисская (3) гимназія	61 ⁰ / ₀
Елисаветпольское завед. св. Нины	64,5 ⁰ / ₀
Александропольская прогимназія	78 ⁰ / ₀

Совсѣмъ армянскія учебныя заведенія, хотя армяне, какъ сказано, составляютъ лишь 23% населенія Закавказья. Очевидно, армяне не только не обижены въ средствахъ просвѣщенія, но пользуются ими преимущественно даже предъ другими народностями и въ ущербъ послѣднимъ.

Но это совсѣмъ не то „просвѣщеніе“, какое желательно и нужно политикамъ армянской „интеллигенціи“. Ей нужно возрожденіе прежней „патріотической“ армянской школы, служившей расадникомъ анти-государственныхъ тенденцій и разврашавшей армянское населеніе Кавказа. Когда въ 1895—1897 годахъ Правительство рѣшило прео-

бразовать армянскія школы въ духѣ русской гражданственности и государственности, то армянскіе главари предпочли лучше закрыть всѣ школы, чѣмъ ввести въ нихъ русское преподаваніе и подчинить вѣдомству Народнаго Просвѣщенія! И закрыли. А теперь, послѣ того какъ открыты повсемѣстно русскія школы, воспитывающія новыя поколѣнія въ духѣ русскаго гражданства,—опять возвращается все къ „недобрымъ старымъ временамъ“! Для возрожденія „патриотической“ школы собраны армянами громадныя капиталы. Помимо частных пожертвованій, которыми не скупаются армянскіе крезы—„патріоты“, имѣется на этотъ предметъ капиталъ, составившійся изъ завѣщанныхъ суммъ разными умершими армянами—„патріотами“. Такъ, покойный армянскій епископъ Саркисъ Асанъ-Джялалъ завѣщалъ на армянскія школы весь свой капиталъ, составляющій свыше 100,000 рублей. Недавно умершіе армянскіе крезы Мирзоевъ и Манташевъ тоже завѣщали громадныя капиталы на школы. Въ средствахъ, такимъ образомъ, недостатка нѣтъ и весь Кавказъ покрывается съѣю „патриотическихъ“ армянскихъ школъ, въ которыя переводятся армяне изъ русскихъ школъ. Конечно, русская школа ничего отъ этого не потеряетъ. Но выиграетъ ли отъ этого русское государство и самъ край?

Мнѣ довелось познакомиться съ учебниками (заграничныхъ изданій), по которымъ преподавались въ армянскихъ школахъ „Отечественныя“, то-есть армянскія, исторія и географія. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ неподобныхъ „учебниковъ“, по которымъ легко судить о духѣ и направленіи армянскихъ школъ:

„Арменія—великое слово, великое воспоминаніе прошлыхъ временъ, великій элементъ будущаго! Кто знаетъ въ пятьдесятъ лѣтъ чѣмъ станетъ эта страна, гдѣ день-о-дня все разрастается армянскій народъ—племя усердное и полное будущности?.. Если производительность страны въ упадкѣ, то въ этомъ виновато Правительство... Съ тѣхъ поръ, какъ Арменія лишилась своихъ природныхъ царей, многія мѣстности заглохли, обратились въ пустыни. Страна, благодаря дурному управленію, часто подвергается голоду... Правительство обременяетъ земледѣльца всевозможными податями, у земледѣльца нѣтъ собственной земли... Армяне какъ въ численомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи превосходятъ всѣ

окружающіе ихъ народы... Армянскій народъ Божественнымъ Промысломъ избранъ посредникомъ въ распространеніи христіанства и цивилизаціи на Востокаъ“ и т. д. Къ учебникамъ приложены фантастическія карты Арменіи, заключающей въ себѣ, кромѣ всего Кавказа, и часть южныхъ губерній Россіи съ Ростовомъ на-Дону.

Вотъ какое „просвѣщеніе“ насаждается на Кавказѣ армянскими „патриотическими“ обществами.

Отъ армянъ стараются не отстать и мусульмане (персотатары). Примѣръ армянъ, образовавшихъ изъ себя „государственную національность“ и пустившихъ во всѣ тяжкія революціонно-сепаратистской фронды, оказался соблазнительнымъ и для мѣстнаго мусульманства, понявшаго, что если „бездомнымъ“ армянамъ позволительно мечтать о политической самостоятельности, то тѣмъ болѣе это пристало имъ, живущимъ о бокъ съ самостоятельными мусульманскими государствами—Персіей и Турціей, которымъ когда-то принадлежало Закавказье и съ которыми они жили общей политической жизнью, общей-же духовной жизнью и сейчасъ живутъ. Закавказье находится въ непосредственномъ соствѣствѣ съ Персіей и Турціей, съ которыми мѣстное (закавказское) мусульманское населеніе находится въ постоянномъ и самомъ близкомъ общеніи, и къ которымъ, естественно, чувствуется тяготѣніе, какъ и онѣ—Персія и Турція—всегда чувствуютъ тяготѣніе, какъ и онѣ—Персія и Турція—всегда чувствуютъ тяготѣніе, а теперь особенно чувствуютъ тяготѣніе къ новому Закавказью. Въ этомъ смыслѣ и народилась въ послѣднее время въ мѣстномъ мусульманскомъ населеніи „движеніе“, усердно поддерживаемое и культивируемое павіѣ. Прежде, еще десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ, мѣстные персотатары, турки и курды не старались проявлять своего политическаго „я“, хотя особенно нѣжныхъ чувствъ къ Россіи,—чуждой имъ по вѣрѣ, культурѣ и всему духовному складу и мировоззрѣнію,—никогда не питали. Но въ послѣднее десятилѣтіе и они завлечены въ политическое движеніе, на религіозной почвѣ (панисламизмъ).

Въ мусульманскомъ движеніи на Кавказѣ многіе склонны, правда, видѣть какъ-бы противовѣсъ армянскому движенію. Въ дѣйствительности, однако, это не такъ: оба движенія направлены противъ Россіи и это ихъ общая почва, не только уничтожающая всякіе противовѣсы, но и создающая

извѣстнаго рода общность и солидарность. Съ армянами мѣстное мусульманство, дѣйствительно, не дружитъ и революція на Кавказѣ началась съ ихъ взаимной рѣзни. Но это не мѣшаетъ имъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать солидарно. Закавказскіе мусульмане въ нѣкоторомъ родѣ ученики болѣе опытныхъ по революціонно-сепаратистской части армянъ, которыхъ въ политической области не чуждаются, какъ и армяне мусульманъ, видя въ соединенной борьбѣ больше шансовъ на успѣхъ.

Не такъ давно закавказскимъ статистическимъ комитетомъ изданы были этнографическія карты губерній и областей Закавказскаго края, въ 20-верстномъ масштабѣ, на отдѣльныхъ листахъ, съ показаніемъ населенныхъ мѣстъ, числа жителей и господствующей народности въ нихъ. Самыя же карты раскрашены яркими цвѣтами, обозначающими этнографическій составъ населенія, съ указаніемъ численности каждой народности. Получается, такимъ образомъ, рельефная этнографическо-политическая картина Кавказа, производящая поразительное впечатлѣніе и не могущая не вызвать русскаго человѣка на глубокія и скорбныя размышленія. Вотъ, напр., данныя о числѣ населенныхъ мѣстъ и тѣхъ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ преобладающею народностью значится русская:

Губерній или областей.	Территорія (кв. вер.).	Всѣхъ на- селенныхъ мѣстъ.	Сельскихъ обществъ съ преобладаю- щимъ рус- скимъ насе- леніемъ.
Тифлисская ¹⁾	40,198	2,294	22
Бакинская	35,017	1,261	22
Карсская	16,869	802	9
Елисаветпольская	38,949	1,617	9
Эриванская	25,012	1,283	5
Кутанская	32,583	1,603	4
Дагестанская	26,815	1,127	0
	215,443	9,987	71

¹⁾ Тифлисская губернія у насъ вездѣ соединена съ Закавказскимъ округомъ, въ которомъ, впрочемъ, при территоріи въ 3.571 кв. версту и населеніи въ 82 тысячи, нѣтъ ни одного русскаго поселенія и русскихъ числится 167 человѣкъ.

Т. е. одно русское сельское общество приходится на 140 населенныхъ мѣстъ и на 2950 кв. верствъ территоріи. Это вообще въ краѣ. Въ отдѣльныхъ же губерніяхъ, одно русское сельское общество приходится на 180 населенныхъ мѣсть и 4.300 кв. верствъ территоріи (Елисаветпольская), на 256 населенныхъ мѣсть и 5000 кв. верствъ территоріи (Эриванская) и на 400 населенныхъ мѣсть и 8,145 кв. верствъ территоріи (Кутанская). А въ Дагестанской области, занимающей территорію въ 26.815 кв. верствъ и имѣющей 1.127 населенныхъ мѣсть, даже нѣтъ ни одного русскаго сельскаго общества! Самыми „русскими“ (sic) губерніями являются Бакинская, въ которой одно русское сельское общество приходится на 1.600 кв. верствъ территоріи, и Тифлисская, въ которой одно русское сельское общество приходится на 1.800 кв. верствъ территоріи!

Но, можетъ-быть, въ численномъ отношеніи русское населеніе представляетъ болѣе значительную величину?

Увы! Въ этомъ отношеніи положеніе оказывается еще хуже: русскія сельскія общества—самыя малочисленныя, и цвѣта, обозначающіе ихъ на картахъ, оказываются мелкими крапинками, совершенно непримѣтными для невооруженнаго глаза на широкомъ цвѣтномъ фонѣ, изображающемъ инородческія, туземныя и пришлыя племена. Только вооружившись микроскопомъ можно отыскать на картѣ нѣсколько такихъ мелкихъ крапинокъ, долженствующихъ обозначать присутствіе, въ дѣйствительности же свидѣтельствующихъ о полномъ отсутствіи, — въ краѣ государственной русской народности.

Но и та горсть русскихъ, которой удалось осѣсть въ Закавказьѣ, въ послѣдніе года эвакуирована въ значительной части обратно „въ Россію“, армянскій-же и мусульманскій элементы, наоборотъ, постоянно мобилизуются, усиливаясь эмиграціей изъ соедѣнныхъ Персіи и Турціи. Благодаря этому, въ послѣднее десятилѣтіе съ Закавказьемъ произошла скорбнѣйшая и тревожная, съ государственной точки зрѣнія, метаморфоза: русское дѣло сдѣлало тамъ большой шагъ, но не впередъ, а назадъ. Вотъ для наглядности сопоставленіе состава народонаселенія края въ 1897 и 1909 г.г., по даннымъ официальной статистики ¹⁾:

Такимъ образомъ, вообще народонаселеніе Закавказья

¹⁾ Данныя переписи 1897 г. и „Ежегодникъ Россіи“ 1909 г.

Губернii или области.	1897 годъ.		1909 годъ.	
	Общее на- селение.	Въ томъ числѣ рус- скихъ.	Общее на- селение.	Въ томъ числѣ рус- скихъ.
Тифлисская ¹⁾	1,051	85,6	1,237	101,4
Кутаисская ²⁾	1,058	23,2	1,133	24,9
Эриванская	830	15,8	944	17,9
Елисаветпольская	878	17,8	992	19,8
Бакинская	827	78,1	996	93,5
Дагестанская	571	15,9	662	18,5
Карская	291	27,6	365	35
Черноморская	57	33,9	121	72,6
	5,563	357,9	6,450	383,6

возросло съ 1897 года на 887 тысячъ человекъ или на 16%, въ частности-же русское население возросло численно едва на 23,7 тысячъ человекъ или на 7%, т. е. *сильно уменьшилось* въ составѣ народонаселенiя края: въ 1897 году составляло 6,5% всего населенiя, въ настоящее-же время (1909 г.) составляетъ меньше 6% (5,95%). Если-же взять въ отдѣльности русское и не-русское населенiя, то получится такая картина: не-русское населенiе возросло съ 1897 года на 17%, русское-же на 7%, т. е. русское населенiе возросло въ два съ половиною раза меньше, чѣмъ не-русское (инородческое и иностранное) населенiе, ergo—*русское населенiе не возрастаетъ, а уменьшается*, процентъ его въ составѣ населенiя края понижается. Составляя и такъ ничтожную горсть, оно все болѣе теряется въ растущей массѣ туземно-инородческаго и извнѣ притекающаго населенiя.

Особенно возросли за это время элементы армянскiй и мусульманскiй, что показываетъ нижеслѣдующая таблица:

Губернii или области.	1897 годъ.		1909 годъ.	
	Армянь.	Мусуль- манъ.	Армянь.	Мусуль- манъ.
Тифлисская	196	157	233	222
Кутаисская	17	99	261	225
Эриванская	376	277	501	397
Елисаветпольская	265	448	328	625
Бакинская	56	604	63	817
Дагестанская	3	558	4	628
Карская	51	120	92	183
Черноморская	7	3	13	7
	971	2,266	1,495	3,104

¹⁾ Съ Закавказскимъ округомъ. ²⁾ Съ Батумскою областью.

Такимъ образомъ, въ то время, когда русское населенiе возросло численно (съ 1897 года) едва на 7%, армянскiй элементъ возросъ на 54% и мусульманскiй—на 37%. Въ то время когда русское населенiе почти не увеличилось численно (съ 1897 года), армянскiй элементъ увеличился болѣе, чѣмъ въ полтора раза, а мусульманскiй болѣе, чѣмъ на треть. Въ общемъ составѣ народонаселенiя края армянскiй элементъ, составлявшiй въ 1897 году 17,5%, въ настоящее время составляетъ уже 23%; мусульманскiе элементы, составлявшiе въ 1897 году 40%, въ настоящее время составляютъ свыше 48%. А русскiй элементъ, составлявшiй въ 1897 году 6,5%, составляетъ въ настоящее время менѣе 6%!

Вотъ какая анти-русская, анти-государственная метаморфоза произошла въ послѣднее десятилѣтiе (съ наибольшимъ) съ Закавказьемъ! Процессъ „экспроприаци“ Закавказья у Россiи, очевидно, идетъ очень быстро и столь-же успѣшно: русское дѣло ликвидируется на глазахъ, Россiя отгнѣсается за Кавказскiй хребетъ (на сѣверъ) и на глазахъ-же тамъ растетъ и утверждается армяно-мусульманское царство.

Само собою понятно, что такое огромное, такое паумительное увеличенiе въ такое короткое время (тринадцать лѣтъ) мусульманскихъ и особенно армянскаго элементовъ не могло произойти отъ естественнаго роста населенiя (естественно такъ размножаются только кролики, а не люди). Какъ уменьшенiе русскаго элемента произошло въ послѣднее десятилѣтiе въ Закавказь искусственно—путемъ систематической эвакуации мѣстнаго русскаго населенiя обратно „въ Россiю“, такъ-же искусственно—путемъ систематическаго-же и массоваго прииселенiя изъ сосѣднихъ Персiи и Турци—произошло и идетъ безостановочно и увеличенiе мусульманскихъ и особенно армянскаго элементовъ.

Вопросъ объ армянской иммиграци въ Закавказь, какъ извѣстно, не новый въ недавнее время (при Г. С. Голлицычѣ) онъ неоднократно служилъ даже предметомъ дипломатическихъ переговоровъ между Оттоманскою Портою и нашимъ правительствомъ, всячески старавшимся добиться, во-первыхъ, прекращенiя переселенiя изъ Турци и во-вторыхъ, принятiя обратно послѣдней массы армянскихъ бѣженцевъ, ея подданныхъ, водворившихся и водворяющихся самовольно у насъ въ Закавказь. Переговоры, однако, ни къ чему

не привели. Да и сами армянские „патриоты“ всячески старались удержать турецких бѣженцевъ отъ обратнаго переселенія, дабы, такимъ образомъ, еще болѣе усилить армянскій элементъ въ „Русской (пока, конечно) Арменіи“, какъ именуютъ армянская „интеллигенція“ Закавказья. Въ концѣ концовъ правительству пришлось разрѣшить (sic) въсѣмъ (десяткамъ тысячамъ) армянамъ-бѣженцамъ остаться въ Россіи, при условіи лишь принятія ими русскаго подданства. Заботливость о нихъ простерлась до того, что желающимъ изъ нихъ предоставлены были не только казенныя земли во внутренней Россіи, но даже и бесплатный проѣздъ къ мѣсту водворенія. Однако никто изъ армянъ-бѣженцевъ (поспѣвшихъ принять русское подданство, дабы закрѣпить свое пребываніе въ Россіи) не пожелалъ воспользоваться ни бесплатнымъ проѣздомъ, ни казенными землями, дабы остаться именно въ Закавказьѣ, для усиленія здѣсь армянскаго элемента. Армянскіе кресты „патриоты“ озаботились устройствомъ ихъ здѣсь и, такимъ образомъ, въ Закавказьѣ прочно были водворены новый транспортъ гражданъ будущаго „Армянскаго государства“, въ количествѣ не менѣе 50.000 чел.

Разрѣшеніе (въ 1902 году) остаться въ Закавказьѣ 50.000 армянамъ-бѣженцамъ, понятно, не остановило дальнѣйшаго армянскаго нашествія въ Закавказья, а наоборотъ—способствовало усиленію его въ послѣднее десятилѣтіе,—и результировать на лицо: численность армянства въ Закавказьѣ возросла (съ 1897 года) на 54% и составляетъ въ настоящее время уже *полтора миллиона*, т. е. почти четвертую часть всего населенія, а въ отдѣльныхъ губерніяхъ до 53%, т. е. болѣе половины всего населенія (Эриванская губернія). Переселенцы прекрасно устраиваются среди своихъ соотечичей, а также въ качествѣ арендаторовъ не только частныхъ, но даже и казенныхъ земель. Армянскіе кресты и „патриоты“ оказываютъ имъ всякую помощь. Со своей стороны и турецкое правительство прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы переселившіеся къ намъ армяне уже не могли возвращаться: во-первыхъ,—ихъ силой не пускаютъ обратно чрезъ границу, а во-вторыхъ—земли ихъ тотчасъ же заселяются колонистами мусульманами, которыхъ турецкое правительство переселяетъ къ себѣ, между прочимъ, и отъ насъ же, съ Кавказа и изъ Крыма. Такимъ образомъ, армянская колонизація Закавказья

продолжается; скоро всѣ его губерніи и области подвергнутся такой же арменизаціи, какой въ короткое время подверглась Эриванская, Тифлисская и Елисаветпольская губерніи, обращающіяся въ форменную Арменію.

Хотя и не въ столь массовыхъ размѣрахъ, но такъ-же систематически шло и идетъ привселеніе въ Закавказье и персотатаръ (шахсеванъ) изъ Персіи (о чемъ рѣчь подробнѣе будетъ далѣе), благодаря чему и мусульманскіе элементы растутъ тамъ въ весьма внушительномъ размѣрѣ, составляя уже безъ малаго половину (48%) всего населенія края.

Эта систематическая эмиграція въ Закавказье изъ соедѣнныхъ Персіи и Турціи должны, наконецъ, обратить на себя самое серьезное вниманіе, ибо она грозитъ—и въ весьма недалекомъ уже времени—полнымъ заглохненіемъ закавказской окраины армянствомъ и мусульманствомъ, ergo—полнымъ вытѣсненіемъ оттуда Россіи, и такъ держащейся тамъ буквально, какъ говорится, на волоскѣ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, наше Закавказье предназначено служить „обѣтованной землей“ для турецкихъ армянъ и персидскихъ шахсеванъ? Выходитъ именно такъ, потому что русскіе переселенцы не допускаются туда, переселенцы-же изъ Турціи и Персіи притекаютъ широкими волнами.

Въ отвѣтъ на это всегда мы слышимъ: что же дѣлать, когда армяне бѣгутъ къ намъ, а турецкое правительство не хочетъ принимать ихъ обратно? Но если турецкое правительство находитъ способы не пускать къ себѣ обратно даже своихъ подданныхъ, то неужели же нѣтъ способовъ не пустить къ себѣ подданныхъ чужихъ? Развѣ тотъ самый Кавказъ, который служитъ „обѣтованною землей“ для турецкихъ армянъ и персидскихъ шахсеванъ, не знаетъ примѣровъ недопущенія русскихъ переселенцевъ, голодныя толпы которыхъ можно видѣть всегда въ Тифлисѣ, Баку и другихъ этапныхъ пунктахъ ихъ обратнаго путешествія „въ Россію“? Не далѣе, какъ три—четыре года тому назадъ, въ Баку, по распоряженію мѣстнаго начальства, цѣлые пароходы грузились русскими рабочими, выворяемыми „за необходимость“ на родину.

Но если Россія такъ ужъ непременно должна служить „обѣтованной землей“ для турецкихъ армянъ и персидскихъ шахсеванъ, то пусть имъ дается пріютъ гдѣ угодно, но

только не на Кавказъ, гдѣ въ существеннѣйшихъ интересахъ государственныхъ, требуется усиленіе русскаго элемента, а не армянскаго и персидскаго, и безъ того тамъ чрезмѣрно расплодившихся и усилившихся.

Дальнѣйшая эволюція „кавказскаго вопроса“ въ направленіи той этнографическо-политической метаморфозы, которая произошла тамъ въ послѣднее десятилѣтіе, означало-бы ясно уже полное и окончательное вытѣсненіе Россіи изъ Закавказья.

IV.

Стратегическое положеніе.

Говоря о Закавказьѣ, нельзя упускать изъ вида, что этотъ край, блистающій почти полнымъ „отсутствіемъ присутствія“ государственнаго русскаго элемента и такимъ обиліемъ элементовъ анти-русскихъ и противогосударственныхъ,—пограничный: всѣ Закавказскія губерніи и области, за исключеніемъ лишь одной (Тифлисской), пограничныя.

Но мало того, что это край пограничный: только одной стороною примыкая къ территоріи Русскаго государства, онъ съ трехъ прочихъ сторонъ совершенно открытъ и очень удобно приспособленъ для вторженія внѣшняго врага, который всегда, а теперь въ особенности, можетъ расчлѣпывать на широкое гостепримство со стороны врага внутренняго, взрожденнаго и сыто-вскормленнаго въ вѣковое русское владычество.

Обстоятельство это имѣетъ, конечно, чрезвычайно важное значеніе въ смыслѣ какъ государственно-политическомъ, такъ и военно-стратегическомъ. Въ виду такого положенія, казалось бы, первую заботу нашею по присоединеніи и покореніи края должно было бытъ—созданіе внутренней, органической связи его съ Русскимъ государствомъ и, прежде всего, обезпеченіе границы.

Но, какъ видно изъ приведенныхъ въ предыдущей главѣ данныхъ, о внутренней, органической связи Закавказья съ

Русскимъ государствомъ не приходится говорить. Въ то время какъ русскій государственный элементъ составляетъ въ немъ менѣе 6%¹⁾ всѣхъ жителей, при 23% сепаратистскаго армянскаго элемента, почти половину (48%) его населенія составляютъ государственные элементы сосѣднихъ Турціи и Персіи.

Очевидно, если можно говорить о внутренней органической связи Закавказья, то скорѣе съ этими послѣдними государствами, но только не съ Россіей.

Что же касается обезпеченія границы, то достаточно взглянуть на раскрашенныя карты Закавказскаго Статистическаго Комитета, чтобы придти въ ужасъ отъ этого „обезпеченія“.

Вотъ раскрашенная карта Кутаисской губерніи (съ Батумской областью), шесть уѣздовъ и округовъ которой—пограничныя. Подъ картою нарисованъ бѣло-розовый квадратъ, съ указаніемъ, что этотъ цвѣтъ обозначаетъ русское населеніе. Можно было бы, однако, и не указывать этого, ибо ни одного бѣло-розоваго пятнышка, какъ въ пограничныхъ уѣздахъ и округахъ, такъ и во всей остальной губерніи не оказывается. Зато, по мѣрѣ приближенія къ сусуптнной границѣ съ Турціей, все болѣе сущестуетъ лиловый цвѣтъ, обозначающій турецкое населеніе. Пограничный Артвинскій округъ представляетъ уже сплошной лиловый фонъ, на которомъ попадаются иногда желтыя пятна, обозначающія аджарцевъ—грузинскаго происхожденія, но магометанъ и совсѣмъ почти отурченныя.

Вотъ Карсская область, два округа которой—Ольтинскій и Кагызманскій—границатъ съ Турціей. Русскихъ здѣсь обозначаетъ свѣтло-лиловый цвѣтъ, полоска котораго замѣтна только въ серединѣ области, возлѣ Карса. Чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ болѣе сущестуетъ розовый и желтый цвѣтъ, обозначающіе турокъ и курдовъ (турецкіе казаки). Ольтинскій округъ представляетъ уже почти сплошной розовый фонъ,

¹⁾ Слѣдуетъ оговориться, что это вообще русскихъ, включая городскихъ жителей (рабочихъ, ремесленниковъ и т. п., въ большинствѣ временно-проживающихъ), чиновниковъ, вообще служащихъ и т. д.; прочно осѣдлаго-же русскаго населенія (сельскаго) въ Закавказьѣ всего 140 тысячъ человекъ, что составляетъ всего около 2% всего населенія.

а Кагызманскій—желтый, безъ единого свѣтло-лиловаго пятнышка.

Вотъ Эриванская губернія, одна часть которой (Сурмалинскій уѣздъ) граничитъ съ Турціей, а другая (уѣзды Эриванскій, Шаруро-Даралагезскій и Нахичеванскій)—съ Персіей. Желто-бѣлый цвѣтъ, обозначающій русскихъ, попадаетъ здѣсь, въ видѣ мелкихъ крапинокъ, тоже только внутри губерніи (въ сѣверной ея части), на синемъ и желтомъ фонѣ, обозначающемъ армянъ и персо-татаръ. Помѣръ приближенія къ границѣ, съ одной стороны сгущается желтый цвѣтъ (персо-татары), въ пограничныхъ съ Персіей уѣздахъ образующій уже сплошной фонъ съ рѣдкими лишь синими (армяне) островами. Съ другой стороны—на желтомъ фонѣ все гуще выступаетъ зеленый цвѣтъ, обозначающій курдовъ; приграничная полоса Сурмалинскаго уѣзда, прилегающая къ Турціи, представляетъ сплошной зеленый фонъ, за которымъ такой же сплошной желтый фонъ. *Ни въ одномъ пограничномъ уѣздѣ нѣтъ ни одного русскаго пятнышка.*

Вотъ Елисаветпольская губернія, двумя уѣздами, Загазурскимъ и Джебралльскимъ, граничащая съ Персіей. Та же картина: внутри губерніи нѣсколько маленькихъ бѣлоголубыхъ пятнышекъ, обозначающихъ русскихъ, пограничные-же уѣзды представляютъ сплошной желто-зеленый марморный (персо-татары и курды) фонъ, совершенно „незаятанный“ нами.

Наконецъ, вотъ Бакинская губернія, четыре уѣзда которой пограничны. Пограничная линія—сухопутная (съ Персіей) и морская—охватываетъ губернію съ трехъ сторонъ. Внутри губерніи болѣе или менѣе значительные сине острова (армяне), нѣсколько зеленыхъ пятнышекъ (русскіе) и бѣло-розовыхъ штриховъ (евреи). *Вся огромная приграничная полоса сплошь закрашена желтымъ, розовымъ, бѣлымъ и лиловымъ цвѣтами (персо-татары), на которыхъ ни одного зеленаго (русскаго) пятнышка.*

То же и въ Дагестанской области, съ тою лишь разницей, что здѣсь одинъ только русскій островокъ—въ самой глубинѣ губерніи, на границѣ съ Терскою областью.

Общая картина такова: всѣ губерніи (Эриванская) и области (Карская и Батумская), пограничныя съ Турціей, представляютъ одну и ту-же картину—въ сѣверныхъ ча-

стяхъ и отчасти въ центрѣ пестритъ еще нѣсколько цвѣтовъ, обозначающихъ различныя національности; по мѣрѣ же удаленія къ югу, то-есть по мѣрѣ приближенія къ туземной границѣ, все болѣе сгущаются два цвѣта, обозначающіе турокъ и курдовъ, а пограничные округа и уѣзды (Арвинскій, Кагызманскій, Ольгинскій, Сурмалинскій) представляютъ уже сплошные фоны этихъ двухъ цвѣтовъ. То-же и въ восточной половинѣ края: всѣ губерніи (Бакинская, Елисаветпольская и Эриванская), пограничныя съ Персіей, сплошь заселены татаро-персидскимъ элементомъ, на фонѣ котораго замѣтно выдѣляется только армянскій (въ западной-же части Эриванской губерніи и турецкій) цвѣтъ. При этомъ ни въ западной, ни въ восточной части Закавказья, ни въ одномъ пограничномъ уѣздѣ нѣтъ ни одного русскаго поселенія, ни одного пятнышка, обозначающаго русскую національность, то-есть ни одной русской души. Наша Закавказская граница въ полномъ смыслѣ „незаятнана“ нами! Но не только въ уѣздахъ, во всей пограничной съ Турціей Батумской области (Батумскій и Арвинскій округа) нѣтъ ни одного русскаго поселенія, ни одной осѣдлой русской души.

Вотъ какъ „обезпечена“ наша Закавказская граница! Очевидно, очень спокойно спалось здѣсь все это время. Можно ли, однако, и далѣе предаваться этому спокойному сну? Карта Закавказскаго Статистическаго Комитета—этоъ по истинѣ скорбный листъ Кавказа,—должна, кажется, пробудить отъ него. Нельзя безъ тревоги смотрѣть на эти пестрые листы, жестоко изобличающіе нашъ самообманъ, по которому мы считаемъ себя владѣльцами и господами Кавказскаго перешейка. Въ дѣйствительности, насъ даже вовсе нѣтъ за Кавказскимъ хребтомъ и наше владѣтельство здѣсь является номинальнымъ, призрачнымъ, но не дѣйствительнымъ. 140.000 русскихъ колонистовъ, разбросанныхъ на огромной территоріи (215,5 тысячъ кв. верстъ) и совершенно теряющихся въ массѣ анти-русскаго населенія, не могутъ, понятно, служить опорой государственной власти. Но и самая государственная власть въ Закавказьѣ, какъ мы видѣли, фактически въ не-русскихъ рукахъ. Можно-ли считать своимъ край, въ смыслѣ и этнографическомъ, и культурномъ, и политическомъ—мало того, что чужой, но и

враждебный намъ, какъ это воочію показали событія послѣднихъ лѣтъ?

Когда наши владѣнія ограничивались Сѣвернымъ Кавказомъ, у насъ существовала военная охрана границы, въ видѣ казачьихъ поселеній, густою сѣтью покрывающихъ Терскую и Кубанскую области. Такая охрана границы существовала и существуетъ и въ другихъ пунктахъ—Донъ, Семипалатинская область и т. д. Въ Закавказьѣ же, едва ли не самомъ ненадежномъ, въ смыслѣ политическомъ, пунктѣ государства, гдѣ не только казачьихъ поселеній, но и вообще никакого русскаго населенія. Мало того, что самъ край предоставленъ на волю чуждыхъ и враждебныхъ Россіи стихій, но и государственная граница находится на ихъ же попеченіи!

Если, выпуская свой „скорбный листъ“ Кавказа, высшая мѣстная власть имѣла въ виду открыть глаза Русскихъ людей и Русскаго Правительства на такое тревожное и опасное положеніе Закавказской окраины государства, то нельзя не пожелать, чтобы, прежде всего, *сама она* впредь не закрывала глазъ предъ этою страшною дѣйствительностью. Ибо, конечно, только невидимымъ, а вслѣдствіе того и невѣднимъ ея можетъ быть объяснено то полное игнорированіе вопроса о русско-колонизаціи края, которое проявляла до сего времени эта власть, и которое и привело, естественнымъ образомъ, къ тревожному и опасному положенію послѣднихъ лѣтъ. Только съ заселеніемъ Закавказья Русскими, *такъ же, какъ заселенъ Сѣверный Кавказъ*, и приобщеніемъ его, такимъ путемъ, къ обще-русской культурной жизни, будетъ закрѣплена должнымъ образомъ политическая связь края съ Русскимъ государствомъ и надежно обезпечена его южная граница.

Въ 1877—78 г.г. мусульманское населеніе Кавказа открыто стало на сторону Турціи, съ которой мы воевали, оказывая ей всяческую поддержку и помощь, а намъ создавая всяческія затрудненія, до вооруженныхъ возстаній въ тылу нашей арміи включительно (Дагестанъ). Россія пришлось вести войну на Кавказъ на два фронта: съ Турціей и съ ея союзниками въ тылу. Теперь положеніе не лучше, а хуже, несравненно хуже. Во первыхъ, численность мусульманъ въ Закавказьѣ съ 1877—78 г.г. увеличилась чуть не

втрое—отъ присоединенія Карсской и Батумской области, почти сплошь населенныхъ турками и курдами, отъ привселенія мусульманъ изъ Персіи и отъ естественнаго прироста. Во-вторыхъ-же теперь, и мусульмане и всѣ прочіе туземные элементы (армяне, грузины) далеко не тѣ, что были раньше; всѣ они находятся въ состояніи революціонно-сепаратическаго броженія; всѣ они, подъ влияніемъ этого „освободительнаго“ броженія, преисполнены острой вражды къ Россіи и ненависти къ русскимъ. Ни на кого, рѣшительно ни на кого, опереться въ Закавказьѣ Россія теперь не можетъ. Наоборотъ—должно ждать большихъ помѣхъ и затрудненій, чѣмъ въ 1877—78 г.г. Мусульмане, особенно турки и курды (Батумской и Карсской областей и Эриванской губерній), не замедлятъ стать на сторону Турціи; прочіе туземцы (армяне и грузины) на сторону Турціи, конечно, не стануть, но не преминутъ воспользоваться случаемъ для своей революціонно-сепаратической фронды, въ которую съ головой ушли. Это они вовсе и не думаютъ скрывать. Когда, три года тому назадъ (весной 1908 года), явились опасенія войны съ Турціей, со стороны которой проявились нѣкоторые симптомы намѣренія вторгнуться въ наше Закавказье, мусульманское (турецкое и курдское) населеніе Западнаго Закавказья, смежнаго съ Турціей, обнаружало замѣтное и совсѣмъ недвусмысленное волненіе. Мѣстная-же инородческая печать прямо заявляла, что „въ случаѣ войны съ Турціей, Россія придется учестъ большія перемены (сравнительно съ 1877—78 г.г.) въ настроеніи туземцевъ“. То, что, по откровенному заявленію туземныхъ газетъ, „придется учестъ“ теперь Россіи, несомнѣнно, учитывается и Турціей, имѣющей въ нашихъ предѣлахъ свыше полумилліона своего (турецко-курдскаго) населенія, точнѣе—своего авангарда, поголовно вооруженнаго. А что представляеть собою теперь и весь Кавказъ, какъ не вооруженный станъ, мятуційся и волнуційся противъ Россіи?

Опасность турецкаго вторженія въ 1908 году миновала и мы успокоились. Однако, Турція не успокоилась и съ переходомъ власти къ младо-туркамъ особенно стала лелѣять мысль о вторженіи въ Закавказье, значительная часть котораго состоитъ изъ бывшихъ турецкихъ областей (изъ нихъ двѣ—Карсская и Батумская—только въ 1878 году присоеди-

нены отъ Турціи къ Россіи), и готовиться къ этому вторженію. Вотъ что писала недавно младотурецкая газета „Тасвири Эдокиаръ“ (мартъ 1911 года), сравнивая Россію и Турцію съ Римомъ и Карфагеномъ (Турція—Римъ, Россія—Карфагенъ, который долженъ быть разрушенъ): „Россія, которая является пятномъ на современномъ человѣчествѣ,—постоянная угроза. Мы обязаны постоянно имѣть въ виду войну съ непримиримымъ врагомъ, который въ исторіи играетъ роль убійцы. Россія—врагъ не столь опасный и непобѣдимый, какъ это вообще принято думать, Россія имѣетъ враговъ и внутри и внѣ; первые сильно способствуютъ ея разложенію. Мы, турки, должны совершенно искоренить въ себѣ мысль, что Россія—врагъ непобѣдимый. Если въ дѣйствительности имѣется у насъ врагъ, надъ которымъ мы можемъ одержать легкую побѣду, это—Россія. Когда мы пополнимъ пробѣлы въ нашей боевой подготовкѣ,—чего съ помощью Божіею въ скорости достигнемъ,—Кавказскія горы готовы будутъ откликнуться вѣхомъ триумфа нашего сильнаго и хорошо организованнаго пятисоттысячнаго оттоманскаго войска“.

До японской войны Турція не смѣла мечтать о реваншѣ. Японская война *ослабила* всѣхъ враговъ Россіи. Что-же мудренаго, если турки задумали возвратить себѣ Карсскую и Батумскую области, а можетъ-быть и еще кое-что?

Въ составѣ необъятнаго Русскаго царства нѣтъ края, вмѣщающаго въ себѣ столько богатствъ и купленнаго Россіей столь дорогой цѣной, какъ Кавказъ. И нѣтъ въ составѣ Русскаго царства другаго края, который былъ-бы такъ удобенъ для вѣшняго вторженія, который, какъ-бы нарочито, такъ былъ приспособленъ для чужеземнаго захвата, какъ Кавказъ, особенно современный Кавказъ, точнѣе—Закавказье. Турціи это, конечно, лучше чѣмъ кому-бы ни было извѣстно, и она давно сдѣлала то, чего мы до сихъ поръ не удосужились или не сумѣли сдѣлать: *укрѣпила свои позиціи на закавказской границѣ и въ самомъ Закавказьи*.

Отъ Россіи Закавказье отдѣлено Кавказскимъ хребтомъ, со стороны-же Турціи и Персіи—совершенно открыто. Естественной границы нѣтъ, условная-же такова, что турецкіе Курды и персидскіе кочевники,—не единицами, а цѣлыми отрядами и ватагами, всегда прекрасно вооруженными,—

свободно гуляютъ, разбойничаютъ и, конечно, шпионятъ по всему Закавказью; они-то и поддерживаютъ духовную и политическую связь между его мусульманскими областями и Турціей и Персіей, какъ будто тутъ и границы никакой нѣтъ, какъ будто это ихъ-же—султанскія и шахсскія—владѣнія!

Но этого мало. *Турція организовала военную оккупацию нашей закавказской границы*, въ видѣ непрерывной цѣпи курдскихъ поселеній вдоль всей линіи ея, причемъ цѣпь эта тянется не только по ту (турецкую) сторону границы, но и по сю сторону, *то-есть по нашу сторону, въ нашихъ предѣлахъ*. Получается, такимъ образомъ, двойная цѣпь военной оккупации, заходящей далеко вглубь нашихъ предѣловъ. *Наша закавказская граница (турецкая) прекрасно обезпечена, но только не для Россіи, а противъ Россіи!*

Не лучше положеніе и въ восточной части Закавказья, заключающей въ себѣ бывшія персидскія области. Въ военномъ отношеніи Персія въ данную минуту не представляетъ, конечно, опасности. Но тутъ идетъ не военное, а разбойное вторженіе и даже отторженіе. Не дальѣ, какъ три года тому назадъ, весной 1908 года, въ то самое время, когда западному Закавказью грозило вторженіе со стороны Турціи, въ восточномъ Закавказьи произошло вторженіе со стороны Персіи и отторженіе отъ Россіи пограничнаго Баясуварскаго участка. Этотъ инцидентъ на персидской границѣ, всѣмъ, конечно, хорошо памятный (такъ какъ онъ вызвалъ не мало шума и толковъ), разрѣшился мирнымъ образомъ: пограничный Баясуварскій участокъ, составляющій южную оконечность нашей Муганской степи и захваченный персидскими разбойниками (шахсеванами), совершавшими оттуда свои набѣги на селенія и города Бакинской губерніи, возвращенъ по принадлежности, причемъ всѣ поселенія персидскихъ кочевниковъ, самовольно водворившихся на участкѣ, уничтожены отрядомъ генерала Снарскаго и сами кочевники удалены въ Персію. Последняя доля была еще удовлетворить требованія, предъявляемая къ ней Русскимъ правительствомъ, за нарушение границы и убытки, причиненные разбойными набѣгами шахсевановъ.

Но, во-первыхъ, самое совпаденіе этого персидскаго вторженія въ восточное Закавказье съ ожидавшимся вторженіемъ Турціи въ западное Закавказье невольно останавливаетъ

на себя вниманіе: очевидно, одновременно съ военнымъ вторженіемъ въ Закавказье Турціи мы можемъ, если не должны, ждаты и разбойнаго вторженія въ него Персіи. Приходится, такимъ образомъ, быть готовымъ къ натиску съ двухъ фронтовъ, „эхомъ триумфа“ на который должно откликнуться, слѣдовательно, все (турецкое и персидское) четырехмилліонное кавказское мусульманство.

Во-вторыхъ-же, вопросъ, въ которомъ Баясуварскій инцидентъ составляетъ только отдѣльный эпизодъ, именно — вопросъ о „мирномъ“, но систематическомъ завоеваніи персидскими выходцами нашего Восточнаго Закавказья остался и остается не только безъ разрѣшенія, но, повидимому, даже и безо всякаго вниманія. Захватъ персидскими выходцами Баясуварскаго участка явился для насъ открытымъ, произведеннымъ своею неожиданностью не малую сенсацію въ нашихъ общественныхъ и даже правительственныхъ сферахъ. Между тѣмъ, то-же самое происходитъ во всемъ Восточномъ Закавказьѣ, подвергающемся форменному нашествію и захвату со стороны персидско подданныхъ шахсеванъ. Намъ очень удивилъ захватъ пограничнаго участка персидскими кочевниками, раселившимися на немъ, какъ дома. Но что же тутъ удивительнаго, когда они свободно разгуливаютъ, занимаясь разбоями и контрабандой, и селятся, образуя разбойные притоны, по всему Восточному Закавказью, систематически „экспроприруя“ тѣ казенныя земли, которыя могли бы и должны бы быть заселены русскими переселенцами? Ленкоранскій, Джеватскій, Геокчайскій уѣзды и вся огромная и плодоносная Муганская степь — этотъ главный земельный фондъ для русской колонизаціи — фактически находится въ захватъ персидскихъ шахсеванъ. То, что произошло съ Баясуварскимъ приграничнымъ участкомъ, грозитъ всей Муганской степи и чуть не всей Бакинской губерніи: онъ уже обращены въ огромный разбойничій притонъ и постепенно обращаются въ персидскую территорію.

Не имѣя естественныхъ огражденій, Муганская степь сливается съ равниной Персіи. Въ прежнее время Мугань была ограждена отъ вторженія персидскихъ шахсеванъ крѣпостными сооруженіями, остатки которыхъ сохранились до сихъ поръ (въ мѣстности Агдамъ-Ери). Теперь граница со-

вершено открыта и персидскіе шахсеване свободно проникаютъ на 150—200 и болѣе верстъ въглубь нашихъ предѣловъ, устраняя на всемъ этомъ протяженіи свои поселенія на казенныхъ земляхъ. Въ видахъ огражденія отъ этихъ систематическихъ захватовъ казенныхъ земель пришельцами, явился въ 1899 году проектъ заселенія приграничнаго района и — всей Муганской степи русскими переселенцами изъ внутренней Россіи. Дѣйствительно, это было бы лучшимъ употребленіемъ свободныхъ казенныхъ земель и лучшимъ огражденіемъ границы. Проектъ исходилъ отъ бывшаго управляющаго государственными имуществами Бакинской губерніи и Дагестанской области, К. А. Шапошниковъ — энергичнаго русскаго челоѣка, организовавшаго въ Баку „Переселенческое общество“ и тотчасъ же приступившаго къ осуществленію проекта: въ теченіе двухъ лѣтъ было устроено нѣсколько русскихъ поселеній въ Муганской степи (Новониколаевка и Новоалександровка) и одно — Голицино — почти у самой персидской границы, въ 5 верстахъ отъ персидско-шахсеванскаго селенія Баясуваръ-Кендъ и вблизи Инчунскаго пограничнаго пикета (въ предѣлахъ Ленкоранскаго уѣзда). Поселокъ образовался изъ 110 семей, прибывшихъ изъ Херсонской, Екатеринославской и др. южныхъ губерній — народъ крѣпкій, надежный. Новоселы устроились прекрасно, но съ перваго-же дня противъ нихъ началось гоненіе со стороны не только туземцевъ, но и „русской“ власти. Туземные инородцы (персы-шахсеваны) начали уничтожать ихъ посѣвы и огородныя посадки, преграждать рѣку Инчу, чтобы лишить ихъ воды и т. д. Со стороны „русской“ власти новоселы не только не встрѣтили защиты и поддержки, но она сама стала преслѣдовать ихъ; въ 1900 году Бакинскимъ губернаторомъ было сдѣлано даже распоряженіе о выдвореніи русскихъ поселенцевъ, — распоряженіе, не приведенное въ исполненіе только благодаря вмѣшательству главнаго начальствующаго (Г. С. Голицына), уничтожить русское поселеніе, такимъ образомъ, не удалось, но дальнѣйшее заселеніе русскимъ элементомъ приграничной полосы и Муганской степи было остановлено и К. А. Шапошниковъ удаленъ съ Кавказа.

Граница осталась и остается открытой, персидскіе шахсеваны свободно идутъ въ наши предѣлы, захватывая ка-

звенная земли и образуя самовольно на русской территории свои оседлые поселения, подвигаясь все дальше на север (в глубь нашего края) и достигнув уже линии Закавказской желѣзной дороги (Баку-Тифлис). Восточное Закавказье на глазахъ быстро и систематически „экспроприруется“ у Россіи, становясь персидской областью, заселенной и все гуще заселяемой персидско-подданными шахсеванами. Въ то время, когда для русскихъ переселенцевъ Закавказье совершенно закрыто, пришельцы изъ Персіи заселяютъ его не только безъ запрета, но и безо всякихъ помѣхъ. Происходить это очень просто: приходятъ на русскую территорию къ своимъ сородичамъ-шахсеванамъ, уже осѣвшимъ самовольно на казенной землѣ, занимаютъ прилегающіе казенные участки, возводя на нихъ „турдучныя“ (камышевыя) постройки, и „отводятъ“ себѣ столько окружающей казенной земли, сколько угодно. При этомъ всегда имѣется въ виду не только собственная надобность, но и свои родичи и сородичи, которые придутъ еще изъ Персіи по ихъ слѣдамъ. Когда поселокъ такимъ образомъ разрастается, отъ него выдѣляется отселокъ, который занимаетъ новыя казенныя земли и т. д. У нѣкоторыхъ обществъ, особенно числящихся кочевыми, такихъ отселковъ имѣется по 15—20 и болѣе. Со стороны власти такіа разселенія и захваты никакихъ препятствій не встрѣчаютъ. Напротивъ, администрація сама нерѣдко хлопочетъ о разселеніи пришельцевъ, испрашивая для нихъ надѣлы, въ размѣрахъ нѣсколько разъ превышающихъ надѣлы русскихъ поселенцевъ. Всего же чаще администрація (въ большинствѣ состоящая изъ туземцевъ) предпочитаетъ „не замѣчать“ чужеземныхъ поселеній и „не гнать“ объ ихъ существованіи. Бакинскимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ неоднократно дѣлались представленія о выдвореніи съ казенныхъ земель персидско-подданныхъ захватчиковъ, но всѣ такіа представленія оставались безъ исполненія: персидско-шахсеванскіе захватные поселки остаются, вновь возникаютъ и расширяются на глазахъ „не замѣчающей ихъ сельской администраціи, захватывая все болѣе и болѣе своимъ пользованіемъ государственныя земли и не допуская къ пользованью ими арендаторовъ, снявшихъ эти земли отъ казны на законномъ основаніи.

Первоначально, пришельцы изъ Персіи поселялись въ глухихъ мѣстностяхъ (въ горахъ и дѣсахъ Ленкоранскаго уѣзда и въ сосѣднихъ съ персидской границей районахъ Муганской степи), и мало кому вѣдомые, жили безо всякихъ видовъ на жительство. Но затѣмъ, вѣдряясь все болѣе и болѣе своими отселками въ глубь Бакинской губ., они стали правильно располагаться во всемъ Ленкоранскомъ, Геокчайскомъ, Джеватскомъ и Шемахинскомъ уѣздахъ и занимать лучшія мѣста по берегамъ рѣкъ, съ заливными землями, оставляя на долю будущихъ (?) русскихъ переселенцевъ неплодныя мѣстности, требующія искусственнаго орошенія. Ставъ, такимъ образомъ, доступными взору начальства, они стали получать отъ полиціи свидѣтельство на жительство въ такой курьезной формѣ (списываю съ подлинника): „самовольно водворившемуся въ деревнѣ Болгарь-Кендъ персидско-подданному, именуемому себя выходящемъ изъ деревни Мамедъ-Хаплы, Ленкоранскаго уѣзда, Ага-Кулію-Адигезаль-оглы, дозволяется проживать въ деревни Болгарь-Кендъ, впредь до воспослѣдованія о немъ особаго распоряженія“.

Къ этому остается прибавить, что никакой утвержденной подлежащей властью деревни Болгарь-Кендъ не существовало и не существуетъ: это такая же „самовольно водворившаяся“ на русской территоріи, на захваченной казенной землѣ, персидская деревня, какъ и Ага-Кулію-Адигезаль-оглы съ компаніей. Такихъ „самовольно водворившихся“ въ Восточномъ Закавказьѣ персидскихъ деревень уже сотни, если не тысячи, а такихъ „оглы“ десятки, если не сотни тысячъ.

Какой-нибудь Кербалай-Аскеръ арендуетъ у казны участокъ земли въ Ленкоранскомъ уѣздѣ; чрезъ годъ на прилегающихъ къ нему участкахъ возникаетъ уже цѣлое селеніе выходцевъ изъ Персіи. Еще черезъ годъ-два часть этихъ самовольныхъ поселенцевъ-захватчиковъ переселяется въ Джеватскій уѣздъ; къ нимъ присоединяется еще нѣсколько персидскихъ шахсеванъ и, такимъ образомъ, возникаетъ новое персидское поселеніе, оставленные же казенныя земли въ Ленкоранскомъ уѣздѣ (переселившимися въ Джеватскій уѣздъ) поступаютъ въ распоряженіе и пользование новыхъ выходцевъ изъ Персіи и т. д. Такимъ образомъ, систематически „экспроприруются“ казенныя земли и по всему Во-

сточному Закавказью, „самовольно водворяются“ персидскія селенія, какъ Болгарь-Кендъ, Баладжи, Хармандали, Кадарлы, Армянъ-Кендъ, Баласуваръ-Кендъ, Абишъ-Кендъ, Кочахъ-Кендъ и т. д., и т. д. Изъ каждаго такого селенія образуются отселки, которые, расширяясь новыми привселеніями изъ Персіи, въ свою очередь, даютъ новые отселки и т. д. Получается планомѣрная и систематическая „экспроприація“ Закавказья Персіей.

Такимъ именно способомъ оборудована была „экспроприація“ пограничнаго Баласуварскаго участка: по ту сторону персидской границы существуетъ селеніе Баласуваръ; часть его перекочевала по сю сторону границы и образовала на русской территоріи селеніе Баласуваръ-Кендъ (захвативъ около 1000 десятинъ казенной земли); отъ него образовалось нѣсколько отселковъ и, такимъ образомъ, нашъ приграничный участокъ оказался персидской территоріей и былъ фактически приобщенъ къ Персіи. Нѣсколько разъ приходилось отбивать здѣсь вооруженныя нападенія. А затѣмъ (въ 1908 г.) потребовалась и цѣлая военная экспедиція для возвращенія „экспропрированнаго“ участка русской территоріи.

Баласуварскій участокъ освобожденъ былъ въ 1908 г. отъ „самовольно водворившихся“ на немъ персидскихъ селеній, занимающихся разбоемъ и контрабандой. Но и въ тылу его (если и овъ вновь уже не подвергся послѣ того „мирному завоеванію“) остаются сотни такихъ самовольныхъ и разбойныхъ персидскихъ селеній, съ каждымъ годомъ умножающихся и угрожающихъ, при удобномъ случаѣ, „экспроприаціей“ не маленькаго участка, а, по меньшей мѣрѣ, трехъ уѣздовъ Бакинскій губерніи—Тенкоранскаго, Джеватскаго и Геокчайскаго, съ ихъ плодородной Муганской степью. Можно ли, при такомъ положеніи, считать вопросъ исчерпаннымъ и границу обезпеченной?

Очевидно, необходимо во всемъ Восточномъ Закавказьѣ произвести такую же чистку, какая произведена была въ 1908 году отрядомъ генерала Снарскаго въ Баласуварскомъ участкѣ: всѣ самовольно образовавшіяся, въ ущербъ государственнымъ интересамъ, и промышленныя разбои, селенія персидскихъ шахсеванъ должны быть уничтожены во всемъ Восточномъ Закавказьѣ, жители ихъ водворены обратно въ Персію, а земли (захваченныя у казны) отданы русскимъ

переселенцамъ. Тогда только безопасность границы будетъ обезпечена и мы почувствуемъ въ Закавказьѣ твердую почву.

Таково стратегическое положеніе Кавказа со стороны сухопутной границы. Со стороны морской границы оно не лучше если не хуже еще.

Батумъ и Новороссійскъ командуютъ 500-верстнымъ Кавказскимъ побережьемъ, являясь ключами отъ Кавказа, ибо изъ нихъ идутъ главные пути внутрь его, и чрезъ нихъ только Черноморское побережье Кавказа сообщается съ остальной Имперіей. Батумъ—главная твердыня Кавказа, на который такъ зарятся не только Турція, но и Англія, и который въ послѣдніе годы уже и подвергся со стороны послѣдней „мирному завоеванію“, (о чемъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ), единственная на 500-верстномъ Кавказскомъ побережьѣ Чернаго моря крѣпость. Въмѣстѣ съ тѣмъ Батумъ—главный вывозной портъ Закавказья, чрезъ который идетъ нашъ нефтяной экспортъ, составляющій до 80 милліоновъ пудовъ въ годъ. И вотъ, случилось такое удивительное недоразумѣніе:

Послѣ присоединенія Батума къ намъ (1878 г.), Военное Вѣдомство начало укрѣплять его, какъ важнѣйшій пунктъ Черноморскаго побережья, а Вѣдомства Путей Сообщенія и Финансовъ начали устранивать здѣсь коммерческій портъ: сооружена особая нефтяная гавань (глубиной въ 26 футовъ), молъ, защищающій ее отъ волненія, сооружена другая гавань (глубиной 15 футовъ) для каботажныхъ судовъ и т. д. На одну только нефтяную гавань затрачено до 6 милліоновъ руб. Возлѣ этой гавани, по берегу бухты, на глазахъ выросъ цѣлый „нефтяной городокъ“; земли частью захвачены, частью скуплены разными нефтяными дѣльцами, и на нихъ выросли огромныя нефтехранилища, въ которыхъ сливаются прибывающіе изъ Баку по Закавказской желѣзной дорогѣ (и трубопроводу) нефтяные продукты, для перекачки ихъ затѣмъ на наливныя суда, или для разливки въ жестянки, которыя въ ящикахъ (по двѣ) грузятся на пароходы. Рядомъ съ нефтехранилищами возникъ рядъ ящично-жестяночныхъ заводовъ (для выдѣлки жестянокъ и деревянныхъ ящиковъ, въ которыхъ экспортируется керосинъ въ Азію), и нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ огромныя территоріи и представляютъ собой цѣлыя поселенія, въ числѣ ко-

ихъ жить ни одного русскаго: почти всѣ заводы—иностранные, во главѣ съ Ротшильдомъ, у котораго самый большой заводъ, занимающій огромный кварталъ въ береговой полосѣ порта.

Какое же тутъ,—спроситъ читатель,—недоразумѣние, да еще и удивительное? А вотъ какъ оно:

Прибрежная территория расположена амфитеатромъ, въ верхней части котораго находится крѣпость (форты) и военныя сооруженія (службы, пороховыя и провантскіе склады и т. д.), а въ нижней части, т. е. *подъ крѣпостью*,—„нефтяной городокъ“ съ группой заводовъ и нефтехранилищъ, изъ которыхъ въ каждомъ въ любой моментъ находятся сотни тысячъ и миллионы пудовъ, а въ общей сложности бываетъ до 20 миллионъ пудовъ нефтяныхъ продуктовъ (главнымъ образомъ керосина). Знаете, что это значитъ? Это значитъ, что *достаточно малѣйшей искры, чтобы Батумская крѣпость со всеми своими сооруженіями и складами (находящаяся надъ „нефтянымъ городкомъ“) взлетѣла на воздухъ*, и чтобъ отъ нея въ одинъ мигъ остались одни только воспоминанія.

Это можетъ случиться совершенно случайно. Но, понятно, можетъ случиться и вовсе не случайно. Достаточно указать, что Батумъ переполненъ иностранными, *главнымъ образомъ англійскими*, торговыми конторами и агентствами, и что большая часть „нефтянаго городка“, съ его заводами и нефтехранилищами, принадлежитъ иностранцамъ, *частью тоже англичанамъ...*

Вышеизложенное не плодъ нашей фантазій, а дѣйствительная опасность, давно обратившая на себя вниманіе и давно служащая предметомъ сужденій различныхъ правительственныхъ комиссій какъ на мѣстѣ, такъ и въ Петербургѣ. Еще въ 1898 году, по Высочайшему повелѣнію, въ Петербургѣ, подъ предѣлательствомъ генерала-отъ-инфантерій Навлова, была учреждена особая междуведомственная комиссія¹⁾ для разрѣшенія вопроса о согласованіи интересовъ Батумской (Михайловской) крѣпости съ интересами экспортной нефтяной торговли. Комиссія выдѣлила изъ

¹⁾ Въ составъ комиссії вошли представители: Министерствъ—Военнаго, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Путей Сообщенія и Государственныхъ Имуществъ и Главнотачествующаго гражданскаго частію на Кавказѣ.

себя подкомиссію, которая, разсмотрѣвъ вопросъ на мѣстѣ, признала необходимымъ направить дальнѣйшее развитіе „нефтянаго городка“ въ противоположную отъ крѣпости сторону, точно обозначивъ для него границы. Это заключеніе подкомиссіи, вмѣстѣ со всемъ собраннымъ ею матеріаломъ, поступило въ Петербургскую междуведомственную комиссію генерала-отъ-инфантерій Навлова, учрежденную при Военномъ Министерствѣ. Въ 1900 году комиссія, послѣ ряда засѣданій, пришла къ заключенію о необходимости, въ видахъ обезпеченія безопасности крѣпости, *вовсе удалить нефтяной городокъ изъ Батумскаго порта* въ одинъ изъ ближайшихъ къ Батуму приморскихъ пунктовъ. Такимъ пунктомъ избрано прибрежное селеніе и станція Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ (Баку-Батумъ) Кобулеты, въ 22 верстахъ на сѣверъ отъ Батума. Для перевода сюда изъ послѣдняго „нефтянаго городка“, т. е. для устройства нефтехранилищъ и заводовъ, казной приобрѣнено было отъ частныхъ владѣльцевъ 16 десятинъ земли, по выбору спеціальной комиссіи. Нефтяная гавань осталась бы въ Батумѣ, и для нагрузки судовъ керосинъ долженъ передаваться прямо на нихъ изъ Кобулеты по подземнымъ, т. е. безопаснымъ, трубопроводамъ.

Все это давно окончательно рѣшено и утверждено, опасное положеніе Батумской крѣпости давно всѣми признано,—а между тѣмъ проектъ перевода „нефтянаго городка“ изъ Батума въ Кобулеты *по-сейчасъ остается проектомъ* (хотя и земли *подъ „нефтяной городокъ“* въ Кобулетахъ уже давно приобрѣтены, и за баснословную цѣну—по 8000 рублей за десятину!), ерго—Батумская крѣпость,—главная твердыня Кавказа и оплотъ нашего владычества на Черномъ морѣ,—продолжаетъ находиться въ ежеминутной опасности страшнаго катастрофы.

Русокому челоѣку отъ природы свойственна безпечность. Но въ такомъ дѣлѣ для безпечности, конечно, не можетъ быть мѣста: Батумская крѣпость безотлагательно должна быть приведена въ безопасное состояніе, т. е. „нефтяной городокъ“ немедленно долженъ быть переведенъ изъ Батума въ Кобулеты. Этого требуетъ безопасность не Батума только, этого требуетъ наша государственная безопасность, безопасность нашего положенія на Черномъ морѣ, одною изъ главнѣйшихъ опоръ для котораго служить Батумъ...

Другой важный, стратегический пункт на Кавказском побережье Черного моря, откуда идут пути въ глубь Севернаго Кавказа и внутрь Имперіи,—Новороссійскъ, находится еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ Батумъ,—въ худшемъ потому уже, что тутъ и укрѣпленій никакихъ нѣтъ. Положеніе это таково, что Новороссійскъ только по ошибкѣ считается русскимъ, т. е. принадлежащимъ Россіи, городомъ. Правда, русское правительство—непосредственно и чрезъ посредство Владикавказской желѣзной дороги—затратило многіе милліоны на устройство Новороссійска и на его портовое оборудованіе. Но эти милліоны пошли на созданіе въ важнѣйшемъ стратегическомъ пунктѣ Черноморскаго побережья не русскаго, а какого-то „вольнаго“ города. Вольнаго, однако, не по типу Гамбурга или Бремена, которые хотя и вольные, но все же нѣмецкіе города; нашъ же „вольный“ городъ Новороссійскъ—не русскій, а иностранный.

Исторія „мирнаго завоеванія“ иностранцами Новороссійска и оборудованія его ими для своихъ цѣлей и надобностейъ такова:

Въ началѣ девятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія образовалось иностранное Общество, съ Ротшильдомъ во главѣ, „Русскій Стандартъ“, заарендовавшее земли въ окрестностяхъ Новороссійска (въ Ильскѣ). Одновременно Общество приобрѣло почти весь правый берегъ Новороссійской бухты (64 десятины). Въ Ильскѣ оно начало поиски нефти, а въ Новороссійскѣ—построило нефте-обрабатывающій заводъ, начало укрѣплять берегъ бухты и устраивать пристани. Ильское нефтяное дѣло не увѣчалось успѣхомъ, и Общество перенесло его въ Грозный. А въ Новороссійскѣ оно стало устраивать *свой* городъ и производить дальнѣйшія скупки портовыхъ земель. Собственно-Новороссійскъ находится на лѣвомъ берегу бухты, на правомъ же берегу, скупленномъ „Русскимъ Стандартомъ“, то-есть Ротшильдомъ, на нашихъ глазахъ выросъ самостоятельный городъ, который правильнѣе всего можно назвать „Ротшильдополемъ“. Здѣсь болѣе ста домовъ, и всѣ они принадлежатъ Ротшильдъу, который состоитъ участникомъ англійскихъ нефтеторговыхъ предпріятій („Consolidated Company“ и др.) и дѣйствуетъ за одно съ Англичанами. Здѣсь имѣются гостиницы (главная „Европейская“, принадлежитъ тому же „Русскому Стан-

дарту“), клубъ, различныя учрежденія, англійскія торговыя конторы и агентства и т. д., и все это помѣщается въ домахъ „Русскаго Стандарта“. Выше этого „Ротшильдополя“ находится желѣзнодорожный вокзалъ, а ниже, на берегу бухты, Ротшильдовскіе нефтяные резервуары, баки, амбары, двѣ пристани „Русскаго Стандарта“ и цѣлый рядъ иностранныхъ заводовъ (керосиновый, цементный, механическій и т. д.). Тутъ же резервуары другихъ экспортеровъ—Владикавказской желѣзной дороги и Англичанъ.

Такимъ образомъ, въ Новороссійскѣ та же исторія, что и въ Батумѣ: въ одинъ мигъ вокзалъ и всѣ желѣзнодорожныя сооруженія, находящіяся *надъ* „нефтянымъ городкомъ“, могутъ взлетѣть на воздухъ, и сообщеніе Черноморья съ Имперіей будетъ прекращено.

Безъ преувеличенія можно сказать, что *не менѣе половины Новороссійска принадлежитъ „Русскому Стандарту“*, то-есть иностранцамъ; всѣ лучшіе дома въ городѣ принадлежатъ имъ и отъ нихъ сдаются подъ помѣщенія различныхъ учреждений и подъ квартиры чиновниковъ, коммерсантовъ и т. д. Такимъ образомъ, все въ рукахъ иностранцевъ и въ зависимости отъ нихъ.

Само собою понятно, что, при такомъ положеніи, Новороссійскъ не можетъ считаться надежнымъ оплотомъ Россіи на Черномъ Морѣ. А между тѣмъ, вѣдь это единственный пунктъ на всемъ Черноморскомъ побережьѣ Кавказа отъ Тамани до Поти, чрезъ который Россія сообщается съ Черноморьемъ, и который можетъ и, конечно, долженъ быть здѣсь ея оплотомъ. Ни одинъ изъ другихъ пунктовъ побережья на 600-верстномъ разстояніи отъ Тамани до Поти не имѣетъ путейъ сообщенія внутрь не только Имперіи, но и самого Кавказа.

Такое положеніе важнѣйшаго стратегическаго пункта на Кавказскомъ побережьѣ Чернаго Моря, конечно, нельзя не признать *недопустимымъ*, тѣмъ болѣе что все это опирается на „мирное завоеваніе“ Англичанами вообще Кавказскаго побережья Чернаго Моря, представляющаго такое важное государственно-политическое значеніе и имѣющаго такое важное военно-стратегическое назначеніе. Нѣтъ надобности доказывать, что это является факторомъ, ослабляющимъ наше положеніе на Кавказѣ и вообще на Черномъ Морѣ,

въ которое англійскій флотъ всегда съ готовностью будетъ впущенъ Турціей, на вѣрность коей намъ едва-ли можно особенно полагаться.

Мы должны, очевидно, укрѣпить свое положеніе на Черномъ Морѣ, егда—поставить въ болѣе благонадежныя, въ смыслѣ государственно-политическомъ, условія его побережья вообще и въ особенности такіе важные военно-стратегическіе пункты, какъ Батумъ и Новороссійскъ..

Все вышесказанное имѣть тѣмъ большее значеніе, что до сихъ поръ Черноморское побережье и вообще Закавказье разобщены съ внутренней Россіей, не имѣя прямого сообщенія съ нею и слѣдовательно, прочной даже внѣшней связи.

Желѣзная дорога вдоль Черноморскаго побережья Кавказа (Новороссійскъ—Геледджинъ—Чжубуга—Туайсе—Сачи—Адлеръ—Гагры—Гадаутъ—Новый Афонъ—Сухумъ—Очамчыра—Поти), давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе и правительственныхъ сферъ и всего русскаго общества, что очень понятно, потому что дорога эта имѣетъ не только первостепенное культурно-экономическое, но и очень важное государственно-политическое и военно-стратегическое значеніе и назначеніе. Прежде всего, дорогой этой связывается кратчайшимъ и непрерывнымъ рельсовымъ путемъ Закавказская окраина со своей метрополіей—Россіей. Теперь сообщеніе Закавказья съ внутренней Россіей происходитъ кружнымъ, очень дальнимъ и сложнымъ путемъ—черезъ Петровскъ и Баку (Баладжары); чтобы попасть въ Тифлисъ, Эривань, Карсъ, Кутаисъ, Батумъ и т. д., приходится по сию сторону Кавказскаго хребта ѣхать на Востокъ до Каспійскаго моря (Петровскъ), а затѣмъ по ту сторону хребта возвращаться обратно на западъ. Насколько это усложняетъ и удлинняетъ путь, то-есть отдаляетъ Закавказье отъ внутренней Россіи, показываетъ слѣдующее сопоставленіе: отъ Москвы до Тифлиса желѣзнодорожный путь составляетъ теперь 2.888 верстъ, до Карса—3.167 верстъ, до Эривани—3.240, до Кутаиса—3.096, до Батума—3.215 верстъ. Съ постройкой Черноморской желѣзной дороги путь отъ Москвы будетъ составлять: до Тифлиса—2.220 верстъ, то-есть сокращается на 670 верстъ; до Эривани—2.590, до Карса—2.510 верстъ, до Кутаиса—2.030 верстъ, т. е. сокращается на 1.050 верстъ; до

Батума—2.090 вер., т. е. сокращается на 1.117 верстъ. Отсюда ясно значеніе Черноморской желѣзной дороги, *сближающей* Закавказье съ внутренней Россіей, связывающей съ нею непрерывнымъ рельсовымъ путемъ окраину государства, столь важную въ смыслѣ военно-стратегическомъ, и соединяющей кратчайшимъ и непрерывнымъ рельсовымъ путемъ Россію и Западную Европу съ Персіей и Азіатской Турціей.

Въ настоящее время уже открыта желѣзная дорога въ Персію (Тифлисъ—Александрополь—Эривань—Джульфа). При теперешнемъ кружномъ сообщеніи (черезъ Петровскъ и Баладжары) разстояніе между Москвою и персидской границей (Джульфа) составляетъ 3.420 вер. (Москва—Ростовъ—Петровскъ—Баладжары—Тифлисъ—Александрополь—Эривань—Джульфа). Съ постройкой Черноморской желѣзной дороги разстояніе отъ Москвы до персидской границы (Москва—Ростовъ—Тихорѣцкая—Новороссійскъ—Сухумъ—Новосепаки—Тифлисъ—Александрополь—Эривань—Джульфа) будетъ 2.700 верстъ, т. е. сокращается на 720 вер. Нѣтъ надобности говорить о важномъ значеніи этого географическаго сближенія Россіи съ Персіей, въ смыслѣ какъ политическомъ, такъ и еще болѣе экономическомъ. Сближеніе это значительно облегчитъ торговую конкуренцію Россіи съ Англійей въ Персіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Оренбурго-Ташкентская желѣзная дорога создала транзитный путь черезъ Россію между Западной Европой и Индіей, такъ Черноморская желѣзная дорога создаетъ такой же путь между Западной Европой и Персіей.

Не менѣе важно культурно-экономическое значеніе Черноморской желѣзной дороги, должной вывести изъ почти непронизительнаго прозябанія богатѣйшій край, создать для него новую цвѣтущую и производительную жизнь. Только съ постройкой желѣзной дороги станетъ возможно правильное и прочное заселеніе и культурно-экономическое развитіе Черноморскаго края, требуемая государственнымъ интересами. До сего времени колонизація его, несмотря на всѣ мѣры правительства, подвигалась весьма плохо (напримѣръ, въ обширной Батумской области до сего времени нѣтъ ни одного русскаго селенія), и одна изъ главныхъ причинъ этому—отсутствіе путей сообщенія. При теперешней разобщенности, можно сказать даже—почти полной оторванности

края, жизнь въ немъ крайне затруднительна, а культурно-экономическая дѣятельность — почти невозможна.

Единственное сообщеніе Черноморскаго края не только съ Россіей, но даже съ самимъ Кавказомъ — морское. Навсемъ побережьѣ, отъ Новороссійска до Поти, нѣтъ ни одного порта, и пароходы могутъ заходить въ прибрежные пункты только въ хорошую погоду. При малѣйшей непогодѣ на морѣ пассажиры и грузы провозятся мимо Туапсе, Сочи, Адлера, Гагръ, Сухума и даже Поти, гдѣ устроенъ портъ, хотя и очень дорого стоящій, но никаду негодный. Нерѣдко, а въ зимнее время (съ ноября по апрѣль) очень часто по цѣлымъ недѣлямъ приходится кататься взадъ и впередъ между Новороссійскомъ и Батумомъ, пока море успокоится настолько, что пароходъ можетъ, наконецъ, пристать къ мѣсту назначения. Нельзя ни уѣхать, ни пріѣхать, ни получить грузъ, ни отправить. И почта не получается и не отправляется по цѣлымъ недѣлямъ. Такое положеніе, служащее непреодолимымъ препятствіемъ къ заселенію благодатнаго края и его культурно-экономическому развитію, съ постройкой желѣзной дороги, понятно, измѣнится кореннымъ образомъ. Край сблизится съ Россіей, прочное заселеніе его культурнымъ русскимъ элементомъ станетъ легко осуществимымъ и онъ скоро огранически сольется со своей метрополіей, что, помимо всѣхъ прочихъ значеній, имѣетъ важное и военно-стратегическое значеніе. Тогда, и только тогда, край станетъ дѣйствительно, а не по названію только „Русской Ривьерой“, которая по благодатному климату и дивной природѣ смѣло можетъ поспорить съ настоящей французской Ривьерой. Если даже теперя возникли здѣсь такіе благоустроенно-культурные уголки, какъ Сочи, Гагры, Новый Афонъ, то съ постройкой желѣзной дороги все побережье обратится въ цвѣтущій и оживленный курортъ, подобно южному берегу Крыма, на что Кавказское побережье, особенно его южная часть, имѣетъ несравненно болѣе природныхъ данныхъ.

При такомъ важномъ культурно-экономическомъ, государственно-политическомъ и военно-стратегическомъ значеніи и назначеніи Черноморской желѣзной дороги, нельзя не привѣтствовать проявленное въ послѣднее время правительствомъ намѣреніе безотлагательно осуществить Черноморскую желѣзную дорогу средствами казны (дорога эта, какъ

стратегическая, и должна находиться въ рукахъ казны, т. е. государства, а отнюдь не частныхъ лицъ), хотя въ то-же время нельзя не выразить сожалѣнія, что дорога проектируется не вдоль всего побережья (отъ Новороссійска), а почему-то только отъ Туапсе, что оставляетъ значительную часть побережья (отъ Новороссійска до Туапсе) въ разобщеніи съ внутренней Россіей.

Но при всѣхъ важности и необходимости Черноморской желѣзной дороги, ею отнюдь не исчерпывается государственно-политическая и военно-стратегическая задача Россіи — сблизенія Закавказья съ коренными частями Имперіи и обезпеченія его вышней безопасности. Для этого необходимо соединеніе Закавказья съ внутренней Россіей непрерывнымъ рельсовымъ путемъ не только кратчайшимъ, чему только отчасти удовлетворяетъ Черноморская желѣзная дорога, но и *вполнѣ обезпеченнымъ въ военно-стратегическомъ отношеніи*, т. е. для служенія Россіи, въ случаѣ чужеземнаго вторженія на Кавказъ. Такимъ путемъ является перевальная желѣзная дорога Владикавказъ—Тифлисъ, проектъ которой первоначально возникъ еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Вопросъ этотъ очень занималъ правительственныя, особенно военныя, сферы и было произведено нѣсколько изысканій перевальной желѣзной дороги изъ Владикавказа въ Тифлисъ. Война съ Турціей 1877—1878 гг. остановила разработку вопроса, но въ то-же время она подтвердила необходимость рельсового пути въ Закавказье: перевозка войскъ, военныхъ грузовъ и продовольствія на театръ войны, помимо того, что обходилась очень дорого, сопряжена была съ большими трудностями и требовала слишкомъ много времени. Послѣ турецкой войны вопросъ о перевальной желѣзной дорогѣ былъ выдвинутъ еще энергичнѣе. Финансовыя затрудненія, переживавшіяся тогда Россіей, не дали, однако, возможности осуществить проектъ. Пришлось его оставить. Но въ девяностыхъ годахъ вопросъ о перевальной желѣзной дорогѣ Владикавказъ—Тифлисъ вновь возникъ; были произведены новыя изысканія, и дѣло готово было осуществиться. Но тутъ Общество Владикавказской желѣзной дороги выступило съ проектомъ соединенія Закавказья рельсовымъ путемъ черезъ Петровскъ, Дербентъ и Баладжары. Проектъ этотъ, какъ болѣе дешевый, былъ встрѣ-

чень общимъ сочувствіемъ, и къ сооруженію желѣзной дороги Петровскъ—Дербентъ—Баладжары было тотчасъ же приступлено, а проектъ перевальной желѣзной дороги оставленъ.

Событія послѣднихъ лѣтъ, однако, показали необходимость болѣе тѣснаго сближенія Закавказья съ Россіей. Хотя оно и соединено теперь непрерывнымъ рельсовымъ путемъ съ остальной Россіей, но путемъ кружнымъ и очень дальнимъ, не сближившимъ Закавказья съ Россіей, а какъ-бы даже удалившимъ его отъ нея. Такъ, отъ Москвы до Тифлиса черезъ Владикавказъ разстояніе 2.100 верстъ, по желѣзной же дорогѣ Петровскъ—Дербентъ—Баладжары отъ Москвы до Тифлиса 2.888 верстъ, то есть больше на 788 верстъ. Такъ-же и для всего центрального и западнаго Закавказья, какъ бы удалившагося отъ Россіи почти на 800 верстъ. Это и понятно, такъ какъ желѣзная дорога Петровскъ—Дербентъ—Баладжары, какъ говорилось выше, не только кружная, но слишкомъ ужъ кружная.

Такимъ образомъ, съ постройкой желѣзной дороги Петровскъ—Дербентъ—Баладжары перевальная желѣзная дорога (Владикавказъ—Тифлисъ) отнюдь не утратила своего значенія—кратчайшаго рельсового пути, дѣйствительно сближающаго Кавказъ съ Россіей. Комиссія, послѣдовавшая два года тому назадъ этотъ вопросъ на мѣстѣ, совершенно справедливо указала въ своемъ заключеніи, что сооруженіе перевальной желѣзной дороги представляетъ „самую острую необходимость“, вытекающую изъ соображеній государственно-политическихъ и военно-стратегическихъ. Даже для Восточнаго Закавказья, которое непосредственно обслуживается желѣзною дорогой Петровскъ—Дербентъ—Баладжары, перевальная желѣзная дорога составитъ значительное сокращеніе пути; разстояніе между Москвой и Баку сократится на 150 верстъ, для Елисаветполя сокращеніе получится въ 300 вер. Для прочихъ же мѣстъ Закавказья (Тифлисъ, Боржомъ, Кутаисъ, Батумъ, Карсъ, Эривань и т. д.)—на цѣлыхъ 800 верстъ. Можно-ли, при наличности этого, сказать, что желѣзная дорога Петровскъ—Дербентъ—Баладжары дѣлаетъ излишней и ненужной перевальную желѣзную дорогу?

Что-же касается Черноморской желѣзной дороги, то, во-первыхъ, ея не только еще не существуетъ, но и неизвѣстно, когда она будетъ существовать. Во-вторыхъ же, и

Черноморская желѣзная дорога, если бы даже она осуществилась въ скоромъ времени, не лишаетъ значенія перевальную желѣзную дорогу, не дѣлаетъ ее излишней и ненужной: она все-таки остается кратчайшимъ путемъ, связующимъ центръ Закавказья и всего Кавказа—Тифлисъ съ внутреннею Россіей. Въ смыслѣ же военно-стратегическомъ Черноморская желѣзная дорога тѣмъ болѣе не можетъ замѣнить перевальную: Черноморское побережье, по которому должна пройти желѣзная дорога, открыто извѣстнѣе и не можетъ считаться надежнымъ стратегическимъ путемъ. Въ 1854—55 гг. оно обстрѣливалось неприятелемъ, въ войну же 1877—78 гг. турки безпрепятственно хозяйничали на немъ. Едва ли желѣзная дорога могла бы тутъ нести свою службу въ военное время. Ее могла бы нести Прикаспійская желѣзная дорога, такъ какъ Каспійское море—наше внутреннее море, но это слишкомъ кружный путь.

Конечно, мы вовсе не намѣрены отрицать или умалять значеніе и важность какъ Прикаспійской, такъ и особенно Черноморской желѣзныхъ дорогъ. Но ясно, что ни та, ни другая не замѣняютъ ни въ какомъ отношеніи, а тѣмъ менѣе въ военно-стратегическомъ, Кавказской перевальной желѣзной дороги. Постройка ея не только желательна, но и необходима въ видахъ болѣе тѣснаго общенія Закавказья съ внутренними областями Имперіи, въ видахъ лучшаго обезпеченія государственно-политическихъ и военно-стратегическихъ интересовъ Россіи на этой окраинѣ.

Правительство и выдвинуло въ послѣднее время вопросъ о Кавказской перевальной желѣзной дорогѣ. Была учреждена для изслѣдованія вопроса на мѣстѣ особая комиссія, признававшая „самую острую необходимость“ перевальной желѣзной дороги. Строительнымъ-же желѣзнодорожнымъ управленіемъ на Кавказѣ былъ составленъ и проектъ ея, по которому стоимость перевальной (черезъ главный Кавказскій хребетъ) желѣзной дороги, протяженіемъ въ 180 верстъ, исчислена въ 60 милліоновъ рублей. Стоимость, конечно, огромная (свыше 330 тысячъ рублей верста), но и техническія трудности сооруженія огромныя; дорога сплошь идетъ по горнымъ лабиринтамъ и должна пересѣчь главный Кавказскій хребетъ; не говоря о безчисленныхъ мо-

стахъ, насыпяхъ, выемкахъ и т. п., требуется рядъ тоннелей, общимъ протяженіемъ въ 21 версту.

Однако, осуществленіе проекта встрѣтило неожиданную помѣху со стороны Государственной Думы: въ ея „сферахъ“ проектъ Кавказской перевальной желѣзной дороги не встрѣтилъ сочувствія и испрашиваемой ассигновки на нее Дума не даетъ. Думскимъ „сферамъ“, очевидно, совершенно непонятно важное государственное значеніе Кавказской перевальной желѣзной дороги. Рѣчь идетъ тутъ о сближеніи Закавказья съ Россіей,—неужели не ясно, въ чьи руки играютъ думскія „сферы“, мѣшая такому сближенію?

Пора серьезно залязть Кавказомъ. Нужно спасти (именно спасти) его, *пока не поздно*. Цѣлые полвѣка мы предавались здѣсь сладкой дремотѣ, ничего не сдѣлавъ для закрѣпленія политической связи Кавказа съ Россіей; послѣдніе же годы все дѣлалось для большаго еще ослабленія этой связи, что и привело естественнымъ образомъ къ теперешнему тревожному и опасному положенію, угрожающему Россіи перспективой вторичнаго завоеванія и покоренія Кавказа. Все какъ бы нарочно приспособлено здѣсь для этого.

Пора опомниться! Не дай Богъ намъ оказаться вновь „неподготовленными“, какъ это было въ 1904 году: это грозитъ потерей не Сахалина, а Кавказа, справедливо именуемаго „жемчужиной въ Русской Коронѣ“...

V.

Англійская оккупация.

Кто не былъ на Кавказѣ въ послѣдніе десять-двѣнадцать лѣтъ и посѣтитъ его теперь—будетъ крайне удивленъ и пораженъ тою метаморфозой, которая произошла за это короткое время во внутренней жизни и политическомъ положеніи этой важной окраины Русскаго государства. И то, и другое, правда, и ранѣе представляло весьма мало отраднаго, съ точки зрѣнія русской, государственной. Но за послѣднее десятилѣтіе народился совсѣмъ новый факторъ, еще болѣе ослабляющій культурную связь Кавказа съ Россіей и

еще болѣе осложняющій его политическое положеніе. Рядомъ съ преумноженіемъ доморощенной „вражьей силы“, изобильно питающейся русскимъ золотомъ, но открыто выступающей противъ русской государственности и борющейся со всѣмъ, что только носитъ русское имя,—край подвергся еще „мирному завоеванію“ извнѣ и обращается въ какую-то иностранную колонію, въ какой-то новый Трансвааль. Происходитъ форменное нашествіе иноплеменныхъ. Каждый пароходъ, каждый поѣздъ привозитъ иноземныхъ гостей, рассыпающихся по всему Кавказскому краю и жадно устремляющихся на его естественныя богатства, одно за другимъ поглощаемыя ими.

Въ нефтяной промышленности тринадцать лѣтъ тому назадъ не было еще ни одного Англичанина и вообще былъ только одинъ иностранецъ—Ротшильдъ, присосавшійся къ нимъ въ восьмидесятыхъ годахъ. Въ 1897 году впервые появляются въ Баку Англичане, приобретающіе за 5 милліоновъ рублей Биби-Эйбатскій промыселъ Тагіева и тотчасъ же перепродающіе его другой, англійской же, компаніи за 10 милліоновъ рублей. Съ этого времени начинается настоящая осада Баку Англичанами. Въ нѣсколько лѣтъ Бакинская, а за нею и Грозненская нефтяная промышленность совершенно измѣняютъ свою физиономію и свой характеръ: изъ отечественной промышленности она обращается на пользу въ иностранную промышленность въ Россіи, за счетъ которой служить обогащенію чужого государства—Англии.

Вотъ перечень нефтяныхъ предпріятій, перешедшихъ съ 1897 года къ иностранцамъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ,—къ Англичанамъ:

„Олеумъ“ („Общество для добыванія русской нефти“),—самое крупное англійское предпріятіе (въ Баку); „С. М. Шибавевъ и К^о“; „Зубаловъ“; „Каспійскій нефтяной синдикатъ“; „Армазидъ“; „Вишау и К^о“; „Балаханское нефтепромышленное общество“; „Каланторовская нефтяная Компанія“; „Бакинское общество русской нефти“; „Петроль“; „Европейская нефтяная Компанія“; „Восточное нефтепромышленное Общество“; „Бахтъ“; „Стюартъ“; „Альбертъ Близи и К^о“; „Балаханскій синдикатъ“; „Соединенное Русское нефтяное Общество“; „Англо-Русское нефтяное Общество“; „Общество Кавказской нефти“; „Романинскій синдикатъ“; „Общество

керосино-масляного производства“; „Бакинское керосиновое Общество“; „Англо-Русское Максимовское Общество“ (Грозный); „Шпиль и Стукень“ (въ Грозномъ); „Московское нефтепромышленное Общество (въ Грозномъ); „Ахвердовъ и К^о“ (въ Грозномъ); „Рускій Стандарт“ (въ Грозномъ); „Новый Рускій Стандарт“ (въ Грозномъ); „Англо-Петровское нефтяное Общество“ (близъ Темиръ-Ханъ-Шуры); „Казбекскій синдикатъ“ (въ Терской области); „Анапское Общество Русской нефти“; „Озургетское нефтяное Общество“ (въ Кутаисской губернии); „Общество хранения и перевозки нефти“; „Чатма“ (близъ Тифлиса). Итого—тридцать пять нефтепромышленныхъ фирмъ—не считая цѣлыхъ серій заявочныхъ участковъ, скушенныхъ англичанами въ Берскѣ, (новая нефтеносная площадь близъ Дербента), Майкопъ и другихъ мѣстахъ Кавказа,—уже принадлежатъ англичанамъ. А еще тринадцать лѣтъ тому назадъ на Кавказъ не было ни одной,—ни нефтепромышленной и никакой другой промышленной,—англійской фирмы, не было вообще Англичанъ!

Но число фирмъ, перешедшихъ въ иностранная руки, еще не выражаетъ той степени „мирнаго завоеванія“, какой подверглась нефтяная промышленность. Захвату подверглись болѣе, и даже наиболѣе крупная фирма (какъ, бывшая Тагіева, бывшая Арафелова, Зубалова, Шиббаева и т. д.), съ переходомъ которыхъ въ иностранная руки, въ нихъ перешли и главныя нити промышленности, участіе въ которой иностранцевъ выражается цифрой добычи почти въ 200 милліоновъ пудовъ, изъ 500 милл. пуд. всей добычи. Грозненская нефтяная промышленность, которой сулитъ всѣми такое блестящее будущее, уже почти вся отнята отъ насъ Англичанами: три четверти оперирующихъ въ Грозномъ фирмъ—иностранная и, главнымъ образомъ, англійскія.

Къ этому нужно прибавить еще, что экспортъ нашихъ нефтяныхъ продуктовъ почти всецѣло захваченъ Англичанами. Изъ всѣхъ бакинскихъ и грозненскихъ не-иностранныхъ фирмъ, только одна—А. И. Манташевъ и К^о—самостоятельно экспортируетъ нефтяные продукты на иностранные рынки. Всѣ прочія доставляютъ свои продукты только въ Батумъ и Новороссійскъ, откуда ихъ экспортируютъ за-границу уже иностранцы. Промышляетъ этимъ въ Батумъ и Новороссійскъ множество, преимущественно англійскихъ,

фирмъ. Но львиная доля экспорта находится въ рукахъ „Англо-Кавказскаго Общества“ (Англичане Лейнъ и Мекендри и Ротшильдъ) и лондонскаго „Консолидата“ („Consolidated Petroleum Company“), во главѣ котораго стоятъ Англичане (Самуель), но въ составъ котораго находятся и Ротшильдъ—этотъ настоящій нефтяной король—и Нобель.

Итакъ, кто же хозяева „нашей“ нефтяной промышленности? Во имя чьихъ интересовъ она преуспѣваетъ и развивается?

Но Англичане далеко еще не сказали своего послѣдняго слова въ захватѣ нефтяныхъ богатствъ Кавказа и созданиіи тамъ новаго Трансваала. Въ Лондонѣ открытъ Нефтяной Институтъ, очевидно предназначенный для нашей нефтяной промышленности, такъ какъ въ Англии нѣтъ нефти, и нефтяной промышленности не существуетъ. Не менѣе симптоматиченъ и фактъ изданія въ Лондонѣ еженедѣльнаго журнала „Petroleum Review“ („Нефтяное Обзоріе“). Появленіе этого спеціальнаго нефтяного журнала въ столицѣ государства, не имѣющаго вовсе нефти и нефтяной промышленности, конечно, можетъ показаться столь же страннымъ, какъ и открытіе Нефтяного Института. Но если въ Англии нѣтъ нефти и нефтяной промышленности, то у Англии есть уже, какъ мы видѣли, цѣлая нефтяная промышленность въ Россіи, для дальнѣйшаго расширенія которой и предназначенъ „Petroleum Review“: въ немъ печатаются всѣ свѣдѣнія о продажѣ у насъ нефтепромышленныхъ предпріятій и нефтеносныхъ земель, приобретать которыя приглашаются англійскіе капиталисты, ищущіе выгоднаго помѣщенія своихъ капиталовъ. Очевидно, приходится ждать захвата Англичанами всей нашей нефтяной промышленности, на нашихъ глазахъ обращающейся въ національную англійскую промышленность,—блага препятствій къ тому никакихъ не встрѣчается.

Англичане прямо стерегутъ естественныя богатства Кавказа: не успѣтъ гдѣ-либо обнаружиться присутствіе ихъ,—они тотчасъ же ихъ забираютъ. Такъ, въ Анапѣ, открыты были нефтяные источники,—и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они уже оказались въ рукахъ какъ изъ земли выросшей англійской компаніи („Анапское акціонерное Общество жидкаго топлива и керосина“), которому, по ходатайству начальника Кубанской области, представлено еще шесть неф-

тяныхъ участковъ на Таманскомъ полуостровѣ. Обнаружились залежи нефти въ Гуріи,—и тотчасъ же явилось для разработки ихъ англійское „Общество Кавказской нефти“, а за нимъ и бельгійское „Общество изысканія и эксплуатаціи нефти въ Гуріи“. Показались признаки присутствія нефти въ земляхъ станицы Вознесенской, Терской области,—и тотчасъ же появляется „Англо-русская контрактная Компания“, принимающаяся за эксплуатацію ея. Словно нюхомъ англичане чувствуютъ присутствие подземныхъ богатствъ, и гдѣ бы ни обнаружили малѣйшій признакъ таковыхъ, въ Лондонѣ это извѣстно ранѣе, чѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Прямо поразительно и вездѣшнее и всевѣднiе Англичанъ, благодаря которымъ не только Русскимъ, но даже туземнымъ, кавказскимъ капиталистамъ, не уняться за ними въ „ловль“ естественныхъ богатствъ Кавказа: въ Москвѣ и Петербургѣ, нерѣдко только тогда и узнають объ обнаруженіи ихъ, когда въ Лондонѣ образовалось уже акціонерное Общество и законтрактовало ихъ. Только два года, какъ выступилъ на сцену Майкопъ (новая нефтеносная площадь въ Кубанской области), а тамъ уже болѣе десятка англійскихъ предпріятій.

И это происходитъ не только съ нефтью, но вообще со всѣми естественными богатствами, которыми такъ обильно надѣленъ благодатный Кавказъ, и которыя такъ же магнетически дѣйствуютъ на Англичанъ, какъ южно-африканское золото и алмазы, погубившіе Трансвааль.

Богатые марганцевые рудники въ Кутаисской губерніи уже давно привлекаютъ къ себѣ взоры сыновъ Альбиона. Посадъ нефти, это важнѣйшее богатство Кавказа и вообще Россіи, такъ какъ, хотя у насъ имѣются три марганцево-промышленные района—Югъ, Уралъ и Кавказъ, но первые два района даютъ едва 15% всей марганцевой добычи, 85% которой даетъ Кавказъ. Добыча марганца здѣсь достигаетъ 40 милл. пудовъ въ годъ. За удовлетвореніемъ внутренней потребности, до 30 милл. пудовъ марганца вывозилось за границу, что служило немаловажною статьей приращенія отечественныхъ капиталовъ. Но Англія и Германія—главныя потребительницы нашего марганца—разсудили, что гораздо лучше имъ самимъ обогащаться нашимъ даромъ природы, чѣмъ давать обогащаться имъ намъ. И вотъ, кавказская мар-

ганцепромышленность подвергается такому же „мирному завоеванію“, какъ и нефтяная промышленность. Въ рукахъ иностранцевъ она служить уже, конечно, приращенію капиталовъ не нашей страны, а чужихъ странъ. Англичане и Нѣмцы захватили въ свои руки прежде всего экспортъ нашего марганца, во главѣ котораго стала берлинская фирма „Аронъ Гиршъ“. Теперь они сами доставляютъ себѣ нашъ марганецъ и, понизивъ цѣны на него на мѣстѣ производства съ 15—16 до 5 копѣекъ за пудъ, дѣлаютъ очень выгодный гешефтъ, въ то время какъ русскій производитель, вынужденный сбывать его по цѣнѣ, не окупающей стоимости производства, разоряется, осажая Правительство ходатайствами о помощи въ наступившемъ „кризисѣ“. Не правда ли, какъ выгодно для Государства такая эксплуатація богатаго дара природы? Англичане (Мекензи и К^о) купили марганцевыя копи въ селеніи Дарквети, Шаропанскаго уѣзда, Кутаисской губерніи, а возлѣ крѣпости Ватума (Нотанеби) арендовали „для добычи нефти“, которой здѣсь нѣтъ, значительные участки.

Англичане появились и въ каменно-угольной промышленности Кавказа. Первыми попали въ ихъ руки Зангезурскія залежи (Елисаветпольской губерніи). Недавно открытыя залежи каменнаго угля въ Ткварчелахъ (Кутаисской губерніи) тоже уже направляются въ англійскія руки. Съ такою же ачностью Англичане начали прибирать къ своимъ рукамъ серебряноцинковые и мѣдные рудники и заводы Кавказа. Центромъ кавказской мѣдной промышленности служитъ Елисаветпольская губернія, въ которой добывается до 5½ миллионновъ пудовъ мѣдной руды (изъ 6 миллионновъ общей добычи ея на Кавказѣ), и въ которой сосредоточены мѣдноплавательные заводы. И вотъ, въ короткій промежутокъ времени, лучшіе мѣдные рудники и почти всѣ мѣдноплавильные заводы куплены Англичанами (Кедабекскій и Калакентскій заводы, Елисаветпольскаго уѣзда, выплавляющіе въ годъ до 300 тысячъ пудовъ мѣди, и почти всѣ заводы Зангезурскаго уѣзда). А такъ какъ рудники, частью еще не подвергшіеся захвату, находятся въ полной зависимости отъ заводовъ, на которые сбывается руда для плавки, то можно сказать, что вся мѣдная промышленность Кавказа захвачена Англичанами, въ рукахъ которыхъ сосредото-

вается и добыча руды, и выдѣлка металла, и сбытъ его. Англійское „Кавказское мѣднопромышленное Общество“ скупило рудоносныя земли и въ Арвинскомъ округѣ (Батумской области), и приобрѣло Дзансульскіе мѣдные рудники. Не лишне отмѣтить, что и эта англійская колонія на Кавказѣ пріотилась въ очень удобномъ стратегическомъ уголкѣ: въ нѣсколькихъ верстахъ, съ одной стороны—Турецкая граница, съ другой—Черноморскій берегъ, съ третьей—наша Батумская крѣпость...

Не минуя англіейскихъ рукъ и наземныя богатства Кавказа. Знаменитые когда-то Борчалинскіе лѣса (Тифлисской губерніи) уже, кажется, всё скуплены Англичанами на срубъ и скоро исчезнутъ безслѣдно. Помимо того, что край лишается богатства, необходимаго ему въ будущемъ, это грозитъ большимъ бѣдствіемъ не только Борчалинскому уѣзду, но и всѣмъ остальнымъ мѣстностямъ, орошаемымъ рѣками и родниками, проходящими по этому уѣзду, такъ какъ, съ исчезновеніемъ дѣвственныхъ лѣсовъ Борчалы, пересекутъ родники и уменьшится притокъ воды во многихъ рѣкахъ края. Но сыны Альбіона идутъ и еще далѣе: образовалось акціонерное англійское Общество для устройства въ Закавказьѣ мельницъ, маслодѣленъ, сахарныхъ и хлопкоочистительныхъ заводовъ,—что ближайшимъ образомъ означаетъ, понятно, подчиненіе Англии всей сельской промышленности края.

Однимъ словомъ, всюду—Англичане, отечественныя силы отовсюду вытѣсняются и мѣсто ихъ занимаютъ сыны Альбіона, въдрывающіеся внутрь Россіи, укрѣпляющіеся на ея пути въ Персію, Афганистанъ и Индію.

Петербургская газета „Промышленный Миръ“ (органъ чужеземныхъ крестовъ нашей промышленности) утѣшала русскую публику, что де „Англичане не питаютъ враждебныхъ чувствъ къ намъ (то-есть къ Русскимъ); ихъ всегда манитъ къ себѣ огромная страна (Россія), въ пѣдрахъ которой таятся, но ихъ представлеію, несмѣтныя богатства, пока еще не тронутыя англійскими капиталами. Увы!—„несмѣтныя богатства нашей огромной страны“, дѣйствительно „всегда“ и, кажется, уже слишкомъ манятъ къ себѣ Англичанъ. Но немного,—на Кавказѣ, по крайней мѣрѣ,—уже теперь остается этихъ богатствъ, „еще не тронутыхъ англій-

скими капиталами“. Англичанъ это не сдѣлало и, конечно, никогда не сдѣлаетъ нашими друзьями. Намъ же это причиняетъ огромный, неисчислимый и непоправимый ущербъ и дѣлаетъ Русскій народъ англійскимъ батракомъ. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, всё наши несмѣтныя естественныя богатства предназначены быть „тронутыми англійскими капиталами“, то-есть попасть въ руки Англичанъ?

Къ этому, однако, очень быстро идетъ дѣло.

Къ англійскимъ захватамъ нужно еще присоединить „мирныя завоеванія“ на Кавказѣ другихъ иностранцевъ.

Въ мѣдной промышленности то, чего не успѣли захватить Англичане, захватили Французы. Образовавъ анонимное „Кавказское промышленное и металлургическое Общество“, они скупили всё мѣдные рудники и заводы Тифлисской губерніи, гдѣ добыча мѣдной руды достигаетъ 700.000 пудовъ въ годъ, и два завода Аллавердскій и Шамблугскій, выплавляющіе до 40.000 пудовъ въ годъ мѣди. Въ захватъ серебряноспичковой промышленности соперниками Англичанъ выступаютъ Бельгійцы. Образованное ими акціонерное Общество „Алагиръ“ приобрѣло богатые Садовскіе серебряноспичковые рудники Фильковича (близъ Владикавказа) и казенный Алагирскій серебряноспичковый заводъ. Бельгійцы наложили также свою руку на шелковую промышленность, питающую туземное населеніе и играющую такую большую роль въ экономической жизни края. Въ Шущѣ, главномъ центрѣ кавказскаго шелководства, работаетъ уже бельгійская шелковая фабрика; массою производителей сырья дирижируютъ теперь Бельгійцы, преслѣдующіе при этомъ, конечно, не мѣстные и вообще не русскіе, а свои, въ Россіи сосредоточенные, интересы и выгоды. Тѣ же Бельгійцы, образовавъ акціонерное „Общество Черноморскихъ курортовъ“, закупаютъ и арендуютъ въ окрестностяхъ Туансе, Сочи и Адлера участки земли для устройства здѣсь курортовъ. Русская публика будетъ вѣдти на эти „русскіе“ курорты, думая, что она дѣлаетъ этимъ нѣкое патріотическое дѣло, такъ какъ оставляетъ дома тѣ миллионы, которые уплывають изъ него при посѣщеніи заграничныхъ курортовъ. На самомъ же дѣлѣ это тѣ же „заграничные“ курорты въ Россіи, и свозимое на нихъ русское золото также точно уплываетъ за границу, обогащая бельгійскихъ акціонеровъ. Наконецъ,

агенты американских капиталистов недавно подробно занимались съ закавказскими рыбными промыслами (на Курь и Каспийском морь) и, как отмѣчали мѣстные газеты, „остались весьма довольны осмотромъ, особенно восхищаясь нашими рыбными промыслами“. Слѣдуетъ такимъ образомъ, надѣяться, что вотъ-вотъ и рыбныя богатства Кавказа очутятся въ рукахъ иностранцевъ.

Словомъ, въ обширномъ и богатомъ Кавказскомъ краѣ нѣтъ уже, можно сказать, ни одной отрасли промышленной дѣятельности, въ которой бы не орудовали иностранцы—въ девяти случаяхъ изъ десяти Англичане. При этомъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что всѣ эти пришельцы являются здѣсь,—какъ, впрочемъ, и во всей остальной Россіи,—не пионерами промышленности, а въ буквальномъ смыслѣ *захватчиками* ея: они явились и являются уже на готовое дѣло, не основывая, а лишь прибрѣтая промышленныя предприятия, основанныя отечественными силами; отбѣсная послѣдняя, пришельцы снимаютъ жирныя пѣнки съ приготовленныхъ другими сливокъ. Въ нефтяной промышленности, напримѣръ, наиболѣе подвергшейся захвату Англичанъ и другихъ иностранцевъ, нельзя указать ни одного предприятия, основаннаго самостоятельно иностранцами, а не прибрѣтеннаго ими, уже готовымъ изъ русскихъ рукъ. Правильная, нормально возрастающая, сообразно ресурсамъ и потребностямъ страны, эксплуатація природныхъ богатствъ сразу же обращается въ рукахъ иностранцевъ, особенно Англичанъ, въ безшабашное расхищеніе ихъ, въ самое хищническое разграбленіе, преслѣдующее одну только цѣль—скорѣйшее использование всего, что есть. Какъ пришельцевъ, лишь случайно попавшихъ въ чужую страну, съ которою у нихъ нѣтъ ничего рѣшительно общаго, ихъ, естественно, обуреваетъ одно только стремленіе—возможно большей наживы, большаго преумноженія привезенныхъ извнѣ капиталовъ и возвращенія ихъ съ прибылями и приростами обратно въ свою страну, въ которую и переплываютъ всѣ наши богатства.

Законы 3 іюня 1892 и 29 мая 1898 годовъ, ограничившіе права иностранцевъ на Кавказѣ¹⁾, казалось, оградили

¹⁾ Закономъ 3 іюня 1892 года воспрещена иностранцамъ и иностраннымъ Обществамъ, хотя бы и получившимъ разрѣшеніе дѣй-

эту важную охрану Россіи отъ „мирнаго завоеванія“ извнѣ. Въ дѣйствительности, однако, оказывается, что законы эти нисколько не препятствуютъ вторженію „вражьей силы“ и созданою на Кавказѣ новаго Трансваала. Мало того, именно послѣ изданія законовъ противъ иностранцевъ—какъ это ни странно—Кавказъ и подвергся энергичному „мирному завоеванію“ съ ихъ стороны.

Любопытно сдѣлать такое сопоставленіе:

Въ 1895 году, когда иностранцы впервые прибрѣли въ Грозномъ нефтеносныя земли („Ахвердовское Общество“), Терское областное управленіе, въ лицѣ начальника области и казакаго атамана, вошло съ ходатайствомъ къ высшему Правительству объ отмѣнѣ, въ силу закона 3 іюня 1892 г., результатовъ этихъ торговъ и о передачѣ заторгованныхъ иностранцами участковъ въ болѣе благонадежныя руки русскихъ предпринимателей, изъявившихъ готовность платить ту же цѣну, какую предложили Англичане. Наоборотъ, въ 1901 году, когда иностранцы (Англиское „Анапское Общество жидкаго топлива и керосина“) вознамѣрились захватить въ свои руки всѣ Анапскія нефтяныя мѣсторожденія, Кубанское областное управленіе, въ лицѣ начальника области, ходатайствовало предъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи имъ, вопреки закону 3 іюня 1892 года, этого захвата. Вотъ какъ измѣняются „времена и нравы“ на протяжении какихъ-нибудь шести лѣтъ!

Неизмѣнно остается только, къ несчастію, участь нашихъ естественныхъ богатствъ: какъ въ 1895 году, за неудовлетвореніемъ ходатайства Терской администраціи, Грозненскіе, такъ и въ 1901 году, за удовлетвореніемъ ходатайства Кубанской администраціи, Анапскіе нефтяныя источ-

ствовать въ предѣлахъ Россіи, прибрѣтать въ собственность или въ пользованіе нефтеносныя земли, поиски, полученіе отводовъ на добычу нефти и управленіе нефтяными землями въ Кавказскомъ краѣ.

Закономъ 29 мая 1898 года, „въ огражденіе интересовъ водворяющихся въ западной и южной пограничныхъ полосахъ Кавказа русскихъ переселенцевъ“, воспрещается иностранцамъ приобрѣтать, внѣ портовыхъ и городскихъ поселеній, право собственности, владѣнія или пользования на недвижимыя имуществва во всѣхъ пограничныхъ уѣздахъ Кавказа (Кубанской области, Черноморской, Кутаисской, Елисаветпольской, Эриванской, Бакинской губерній и Карской области).

ники попали в руки иностранцев и, вмѣстѣ съ другими богатствами, захваченными ими въ послѣдніе годы, навсегда потеряны для Россіи, добровольно отдавшей ихъ Англичанамъ и, вопреки изданному ею же самой закону, любезно допустившей ихъ хозяйничать въ своей пограничной области!

Законами 3 іюня 1892 и 29 мая 1898 годовъ права иностранцевъ по приобретѣнію на Кавказѣ недвижимыхъ имуществъ не только ограничены, но они вовсе лишены этого права, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда на приобретѣніе (въ собственность, аренду или пользованіе) недвижимости будетъ дано особое разрѣшеніе высшею правительственною властью. Казалось бы, при такихъ условіяхъ, оккупация Англичанами Кавказа совершенно невозможна. Но Англичане въ этомъ случаѣ пользуются не нашими законами, а нашими „особыми разрѣшеніями“, то-есть нашимъ особымъ попустительствомъ, въ силу котораго оказывается возможнымъ водвореніе иностранцевъ на Кавказѣ даже безо всякаго разрѣшенія. Такимъ образомъ, de jure Кавказъ съ 1898 года закрытъ для иностранцевъ, de facto-же онъ оказывается открытымъ для нихъ, и именно съ 1898 года (какая, право, фатальная иронія!

Англичане предприняли свою кавказскую экспедицію, ведомую съ возрастающею энергіей и съ возрастающими успѣхами. Ни одна экспедиція ихъ не давалась имъ такъ просто и не вѣчалась такими „мирными“ успѣхами, какъ кавказская. Наше особое попустительство въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, обусловливается, точнѣе—было обусловлено при допущеніи его, финансово-экономическими соображеніями: „иностранная колонизация, поднимающая промышленность“, выгодна-де для государства. При этомъ, однако, было упущено одно „маленькое“ обстоятельство, именно—что Кавказъ—окраина государства, и при томъ очень важная, по своему географическому и стратегическому положенію: между двухъ морей, она является какъ бы мостомъ изъ Россіи въ Персію, Индію и вообще въ Азію, и опорною твердыней на Черномъ Морѣ, на которомъ мы не были бы господами, не обладая Кавказомъ. Поэтому, вопросъ объ иностранной, тѣмъ болѣе англійской, колонизации здѣсь—вопросъ не финансово-экономическій, а государственно-политическій.

Мирная оккупация англичанами Кавказа происходитъ, хотя и вопреки закону, но съ нашего согласія и разрѣшенія (какъ это ни изумительно!), обусловливаемыхъ матеріальными выгодами (?) и экономической пользой (?) англійской колонизации, привлекающей де въ страну капитала, развивающей промышленность, поднимающей вообще производительныя силы и открывающей новыя широкія поля для примѣненія народнаго труда...

Такъ ли, однако, все это? То ли мы видимъ въ дѣйствительности? Въ томъ-то и дѣло, что совѣтъ не то.

Прежде всего, нельзя назвать ни одного сколько-нибудь значительнаго промышленнаго предпріятія на Кавказѣ, организованаго англичанами: тутъ ими захвачена лишь *готовая*, то-есть и безъ нихъ существовавшая, промышленность. Но и ее они стали не развивать, а наоборотъ—*торозить* ее развитіе путемъ синдикатовъ, то-есть стачекъ. Это лучше всего видно по нефтяной промышленности, наиболѣе подвѣрженной англійскому захвату: послѣ колоссальнаго роста, не прерывавшагося съ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, она въ послѣдніе годы вдругъ пошла вспять. Добыча нефти, достигшая въ 1901 году 672 милл. пудовъ, къ 1904 году понизилась до 590 милл. пудовъ, а въ настоящее время не достигаетъ и 500 милл. пудовъ! Не правда ли, хорошее „развитіе“ промышленности, ради котораго отданы въ чужія руки такіе драгоцѣнные источники народнаго и государственнаго благосостоянія, какъ нефть, марганецъ, мѣдь, каменный уголь и т. д.?

Еще большій разгромъ внесли англичане въ культуру и технику промышленности: они находятъ выгоды, торговать сырьемъ безо всякой технической обработки. Часть нефтеобрабатывающихъ заводовъ ими вовсе была закрыта, остальные же не повысили, а наоборотъ, *понижили* свою технику: выходъ керосина съ 30—32% понижился до 23%. Выходъ этотъ по крайней мѣрѣ процентовъ на 12 ниже технически-возможнаго и бывшаго—до перехода дѣла въ англійскія руки—выхода, что на 500 милл. пудовъ сырой нефти (годовая добыча) составляетъ разницу въ 60 милл. пудовъ керосина. Эти 60 милл. пудовъ могли бы быть выставлены на рынокъ и дать казнѣ 36 милл. рублей (по 60 коп. съ пуда) акциза, но они остаются въ недочетъ и сжи-

гаются топками паровозов. Не правда ли, милое и выгодное для Государства „культурное развитие“ промышленности?

А марганцевая промышленность, достигшая—было такого блестящего развития и состояния очутилась въ послѣдніе годы въ безысходномъ положеніи, такъ какъ, вслѣдствіе плохой очистки „русскаго“ (кавказскаго) марганца, за границей никто не хочетъ его брать.

Что касается „новыхъ широкихъ полей для примѣненія народнаго труда“, то таковыя, понятно, могли бы открываться только при развитіи промышленности, которая, однако, съ появленіемъ англичанъ, стала проявлять обратную тенденцію. Помимо этого, англичане стали разгонять всѣхъ русскихъ служащихъ и рабочихъ, замѣняя ихъ своими соотечественниками. Больше 10 тысячъ русскихъ рабочихъ остались, вслѣдствіе этого, безъ дѣла и выселены вовсе изъ Закавказья „на родину“, то-есть во внутреннюю Россію. О томъ, какимъ преобразованиямъ подвергаются переходящія въ англійскія руки предприятия, свидѣтельствуетъ слѣдующая записка одной мѣстной газеты: „Балаханскій управленій „Бакинскаго Общества Русской нефти“ началъ свою дѣятельность чисткой служащихъ, то-есть замѣщеніемъ старыхъ служащихъ новыми и непремѣнно англичанами: машинистъ Θ ., прослужившій 17 лѣтъ въ этой фирмѣ (перешедшей къ англичанамъ) и машинистъ Г., прослужившій 4 года, уволены, причемъ послѣдній еще избитъ англичанами. Инженеръ-механикъ Н. удаленъ со службы только за то, что оказался опытиѣ англійскихъ туристовъ, мпящихъ себя техниками. Горный инженеръ М. и участковый завѣдующій инженеръ кн. А. поставлены въ необходимость оставить службу“¹⁾.

Мѣста всѣхъ уволенныхъ занимаютъ англичане. Принявъ во вниманіе, что уже десятки нефтепромышленныхъ и иныхъ Закавказскихъ промышленныхъ предприятий перешли въ англійскія руки, что же удивительнаго, что Закавказье обращается въ новый Трансвааль, а Баку въ новый Иоганнесбург?

Еще въ 1903 году русскіе составляли 27,3%, служащихъ и рабочихъ на Бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ а ино-

1) „Каспій“ 1902 г., № 133.

странцы 18%. Теперь русскихъ 19,5%, а иностранцевъ до 30%. Такимъ образомъ, не только не расширилось поле примѣненія народнаго труда, но русскій народъ оказывается вовсе лишнимъ на Кавказѣ, обращающемся въ англійскую колонию, и принужденъ оставлять его.

Остается—приливъ капиталовъ въ страну. По этому пункту достаточно указать, что чрезъ посредство кавказской промышленности, захваченной англичанами, въ Англию ежегодно переводится около 15 милл. рублей русскаго золота, въ видѣ прибылей оперирующихъ на Кавказѣ англійскихъ фирмъ и дивидентовъ англійскихъ акціонеровъ. Что это приливъ капиталовъ—несомнѣнно, но только приливъ не изъ Англии въ Россію, а наоборотъ...

Таковы финансово-экономическіе результаты англійской колонизаціи. Конечно, самъ собою является вопросъ: ради чего же приносятся нами въ жертву политическіе интересы Государства, совершенно несомвѣстимые, какъ это всякому понятно, съ оккупаціей Кавказа англичанами?

Любопытно отмѣтить ту „перемѣну фронта“ въ этомъ—все еще какъ будто не ясномъ для кабинетныхъ людей Петербурга—вопросѣ, которая рѣзко обозначилась даже въ самихъ промышленныхъ сферахъ Кавказа, въ свое время привѣтствовавшихъ появленіе англичанъ, какъ „благодѣтелей“, призванныхъ обогатить ихъ и своими капиталами, и своею высшею культурой и техникой.

Развѣ капиталъ имѣетъ національность? Развѣ на золото иностранцевъ написано, что оно иностранное? Лишь бы больше его привозили къ намъ; вѣдь вмѣстѣ съ нимъ привозятся и техническія знанія, полезныя и необходимыя всѣмъ намъ...

Такъ, слѣдую моднымъ столичнымъ вѣяніямъ, разсуждали мѣстные промышленники, такъ говорили мѣстные политико-экономы, такъ писала и вся мѣстная инородческая печать, при первыхъ появленіяхъ англичанъ. А вотъ что заявляла спустя пять лѣтъ, бакинская газета „Каспій“—органъ извѣстнаго инороднаго Крѣза промышленника (и захватчика казенныхъ земель) Гаджи-Зейналь-Адбинъ-Тадіева, перваго продавшаго свой нефтяной промыселъ англичанамъ и тѣмъ положившаго, такъ-сказать, первый камень англійской промышленности на Кавказѣ:

„Большая ошибка, что англичане были допущены въ Баку. Прошло пять лѣтъ, и мы всё, сторонники англичанъ и ихъ капиталовъ, должны сознаться, что наши надежды не сбылись ни въ одной ихъ части: ни техника, ни культура не получили отъ англичанъ ничего ровнымъ счетомъ... Усовершенствованій они никакихъ не внесли, а эксплуатація промысловъ у нихъ самая хищническая“.

Отчего же произошла эта „ошибка“, въ которой приходится раскапывать даже Гаджи-Тегиеву, которому англичане честь-честью уплатили 5 милліоновъ рублей? А очень просто отчего, какъ поясняетъ газета:

„По нашему мнѣнію, англичане должны были придти и тотчасъ приняты насаждать культуру и совершенствовать технику. Мы полагали, что съ приходомъ англичанъ начнется настоящая скачка культуры и техники: культура обгонитъ технику, а техника въ свою очередь будетъ силиться обогнать культуру. Англичане же думали совсѣмъ иначе: они полагали, что культура и техника имъ дома нужны, а для Россіи достаточно будетъ, если они помогутъ ей поскорѣе истощить ея нефтяные пласты. Словомъ, они видѣли возможность легко наживать капиталы и отправлять ихъ въ Англію,—и эту цѣль только и преслѣдовали, и преслѣдуютъ. И нужно отдать имъ полную справедливость—въ этомъ направленіи они дѣйствуютъ неуклонно. Политика ихъ направлена исключительно къ тому, чтобы какъ можно меньше вкладывать капиталовъ въ предпріятія и какъ можно больше получать отъ нихъ. Сообразно съ этимъ, при буреніи и, вообще, эксплуатаціи, усилія ихъ направлены не къ тому чтобы полнѣе использовать нефтяные пласты, а къ тому чтобы добыть больше нефти въ каждый данный моментъ, то-есть, попросту, хозяйство на промыслахъ ведется самое хищническое, котораго у себя дома они, конечно, не допустили бы ни въ какомъ случаѣ. „Что касается ихъ капиталовъ, то—увы!—и тутъ наши надежды не оправдались. Лондонскія конторы англійскихъ предпріятій въ Баку весьма зорко слѣдятъ, чтобы ихъ капиталы не залежались у насъ. Во время такъ-называемыхъ „денежныхъ кризисовъ“, изъ Лондона чуть не каждую недѣлю поступаютъ напоминанія, чтобы крупныя суммы какъ можно скорѣе переводились въ Лондонъ, а въ Баку держались бы только мелкія суммы на

текушія надобности. „Словомъ, англичане не даютъ намъ ничего, за исключеніемъ развѣ одного презрѣнія, а берутъ очень много. Во-первыхъ, они добываютъ сотни милліоновъ пудовъ, не платя въ казну ничего, или почти ничего. Добываютъ притомъ, какъ сказано, хищнически, оставляя солидную часть нефтяного богатства не использованною, а слѣдовательно пропавшею для страны. Во-вторыхъ, тѣ же англичане, повидимому, въ большей мѣрѣ причастны къ существующему кризису. Въ Лондонѣ существуетъ экспортная компанія, которая вывозитъ изъ Баку керосинъ. Эта компанія покупаетъ въ Баку керосинъ по 8—9 коп., а продаетъ его въ Лондонѣ по рублю и дороже, пользуясь на пудѣ до 50 и болѣе копѣекъ. Иначе говоря, нашъ цѣнный за границею товаръ они искусственно обезцѣниваютъ, путемъ остроумныхъ сдѣлокъ и контрактовъ, и берутъ его почти даромъ, пользуясь при этомъ весьма существенными привилегіями, на ряду съ отечественными промышленниками. Эти привилегіи заключаются въ пониженномъ тарифѣ и отсутствіи акциза на вывозимый керосинъ. И акцизъ, и тарифъ—все это остается въ касѣ лондонской компаніи, а природнымъ владѣльцамъ нефтяныхъ богатствъ остаются одни убытки и всё ихъ послѣдствія“¹⁾.

Какъ мѣстный органъ, „Каспій“, можно думать, болѣе или менѣе знакомъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла: какъ органъ же инородческой, онъ, конечно, никакъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ „двусомнѣ“, то-есть русскомъ. патриотизмъ, которымъ обыкновенно объясняется защитниками иностраннаго капитализма всякое критическое къ нему отношеніе. Конечно, было бы верхомъ наивности,—каковой, впрочемъ, не занимать стать у насъ очень многимъ,—предполагать, что англичане являются къ намъ и орудуютъ у насъ ради нашей, а не своей пользы. Ужъ не ради ли пользы буровъ они и въ Трансваалъ забралась? Что имъ, въ самомъ дѣлѣ, Россія, и съ какой стати они стали бы думать о ея пользахъ, заботиться о ея выгодахъ? Какъ чуждый ей элементъ, понятно, они совершенно безразличны къ пользамъ и выгодамъ Россіи. Но, какъ элементъ враждебный ей, они

¹⁾ „Каспій“ 1902 года, № 11. Нами сдѣланы дословныя выдержки съ исправленіемъ лишь орфографіи и стили, въ которыхъ очень хромаютъ гг. бакинскіе „литераторы“, издающіе „русскую“ газету.

далеко не безразличны и стараются, поэтому, вести у насъ дѣла и блюсти *свои* выгоды съ наименьшею пользою для Россіи.

Вотъ, для иллюстраціи этого положенія, маленькая статистическая справка:

Изъ 82 нефтяныхъ промысловъ (участковъ), эксплуатируемыхъ въ настоящее время иностранцами, 53, то-есть 64%—*завлаченные у казны, которая за владѣніе и пользованіе ими ничего не получаетъ.* Затѣмъ изъ остальныхъ 29 промысловъ, 12 приобрѣтены иностранцами отъ частныхъ лицъ и 8 арендованы у крестьянъ. Итого 73 промысла, изъ которыхъ 63 казенные, приобрѣтены *помимо казны*, которой ничего не заплачено и не платится за нихъ. И только 9 промысловъ изъ 82 оплачиваются арендною платой въ пользу казны. Что же это значитъ? Это значитъ, что г. англичане желаютъ наживать миллионы на нашемъ богатствѣ, но не желаютъ ничего платить за это собственникѣ его—казнѣ, то-есть русскому государству. Въмѣсто того чтобы приобрѣтать нефтеносные участки отъ казны (на торгахъ или перенимать у арендаторовъ ихъ, какъ это обыкновенно дѣлается), они предпочитаютъ приобрѣтать казенные участки помимо казны, отъ захватчиковъ, и ничего за владѣніе и пользованіе ими казнѣ не платить. Такимъ образомъ государство, регальное имущество котораго эксплуатируется иностранцами, ничего не извлекаетъ изъ этого, и всѣ баснословные барыши отъ эксплуатации его цѣлкомъ переводятся въ Англію. Вотъ какіе „благодѣтели“ англичане, которымъ мы сами помогаемъ утверждаться на Кавказѣ и создавать тамъ новый Трансвааль!..

„Не все-ли, однако, равно для страны и ея населенія—кто хозяйничаетъ въ промышленности? Тутъ играетъ роль не лицо и не національность, а капиталъ, который—кому бы онъ не принадлежалъ: русскому, инородцу или иностранцу,—всегда будетъ стремиться къ возможно большому приращенію. Всякое же лишнее приращеніе, дающее плюсъ отдѣльнымъ промышленникамъ, составляетъ минусъ для массы, съ которою оно борется, и, слѣдовательно, является эксплуатацией страны, хищничествомъ. Причемъ же тутъ иностранцы?“.

Это—обычное и, повидимому, неотразимое возраженіе

сторонниковъ распродажи Россіи иностранцамъ, мнѣ кажется, лучше всего разбивается указаніемъ на Москву, гдѣ всѣ почти богоугодныя и благотворительныя учрежденія (больницы, клиники, богадѣльни и т. д.), а также многія учебныя заведенія, носятъ имена тѣхъ благотворителей, средствами которыхъ они возникли, существуютъ и навсегда обеспечены. Не въ такихъ размѣрахъ, но то же мы видимъ и во всей Россіи, покрывающейся сѣтью богоугодныхъ, благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденій на средства національныхъ капиталовъ накопленныхъ отдѣльными лицами и затѣмъ обращаемыхъ на пользу общую, на благо народное. Давно ли Солодовниковъ оставилъ свыше 30 мил. рублей на дѣла благотворенія и просвѣщенія? Почти одновременно съ нимъ Солдатенковъ оставляетъ на тѣ же дѣла 8 милл. руб., Сибириковъ 1½ милл. руб., Ермаковъ 3 милл. руб., и т. д., и т. д., и т. д. Пусть же укажутъ хоть одного иностранца, нажившаго въ Россіи капиталы и обратившаго ихъ на пользу обогатившей его страны, на благо русскаго народа? Такого иностранца никто не укажетъ, потому что нѣтъ такого. Капиталы, нажитые иностранцами въ Россіи и съ русскаго народа, *не только не возращаются въ народъ, но даже въ Россіи не остаются*, уходя изъ нея безслѣдно и обращаясь нерѣдко на дѣла враждебныя ей и опасныя для нея.

Очевидно, далеко не все равно, кто хозяйничаетъ въ промышленности, вообще—въ чьихъ рукахъ скопляются богатства страны. Мы же, вмѣсто націонализациі своихъ богатствъ и капиталовъ, стараемся не только сдѣлать ихъ анти-национальными для своей страны, но и вовсе изгнать ихъ изъ нея,—на обогащеніе, за счетъ Россіи, чужихъ и враждебныхъ ей странъ!

Но въ данномъ случаѣ вопросъ объ иностранномъ капитализмѣ имѣетъ еще болѣе широкое значеніе. Если во внутренней Россіи онъ разсматривается какъ вопросъ только финансово-экономическій, то на окраинахъ вообще, а на Кавказѣ въ особенности, это вопросъ не только финансово-экономическій, но и *государственно-политическій*, прежде и болѣе всего *государственно-политическій*, а потомъ уже финансово-экономическій. Въ результатъ, въ смыслъ финансово-экономическомъ, иностранный капитализмъ оказался

блестящимъ пуфомъ. Въ смыслѣ-же политическомъ, край приведенъ англійской колонизаціей къ такому не блестящему положенію, что должно безотлагательно подумать о выходѣ изъ него, если мы не хотимъ очутиться предъ перспективой новаго завоеванія Кавказа.

Допуская даже, что „мирное завоеваніе“ Кавказа англичанами не угрожаетъ намъ ничѣмъ непосредственно,—во всякомъ случаѣ оно служить помѣхой мирному культурному завоеванію Кавказа русскими, что составляетъ первую и настоящую государственную необходимость. Мы видимъ, что, по мѣрѣ водворенія въ край чужеземцевъ, сосредоточенія въ ихъ рукахъ естественныхъ богатствъ и перехода къ нимъ промышленности,—русскій элементъ, и безъ того чрезвычайно слабый на Кавказѣ, еще болѣе ослабляется: русскіе оказываются лишними въ англійской промышленности, и имъ пришлось въ послѣднее десятилѣтіе выселиться съ Кавказа, въ то время когда на Кавказѣ переселились англичане и другіе иностранцы. Не является ли абсурдомъ положеніе, въ силу котораго на окраинѣ, обладаніе которою куплено нами столь дорогою цѣной, и которая имѣетъ такое важное государственно-политическое и военно-стратегическое значеніе,—что на окраинѣ этой, вмѣсто русскаго, утверждается иноземное господство, вмѣсто Россіи, водворяется Англія? Допустимъ, что послѣдняя не преслѣдуетъ при этомъ никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ наживы, что англичанѣ прельщаются здѣсь только наши естественныя богатства, что имъ нужно только наше золото. Но вѣдь, Англія не другъ намъ, а нашъ врагъ, англичане—наши всевѣстные соперники и противники, какъ экономическіе, такъ и политическіе. Какъ же мы можемъ снабжать ихъ своимъ золотомъ, то-есть *своими же средствами материально усиливать своего врага?* Вѣдь все, что извлекается англичанами изъ Россіи, *обращается или противъ Россіи.*

Очевидно, что даже съ одной только финансово-экономической точки зрѣнія кавказская экспедиція англичанъ представляется совершенно недопустимомъ. Но такъ же очевидно, что тутъ во всякомъ случаѣ приходится считаться и съ политическими неудобствами „мирной оккупации“ иностранцами, тѣмъ болѣе англичанами, такой важной и такой мало еще обрусѣлой окраины государства, какъ Кавказъ.

Чтобы понять значеніе и неудобство „Кавказскаго Трансваала“, достаточно припомнить исторію иностранной колонизаціи нашихъ западныхъ окраинъ. Когда въ концѣ XVIII и началѣ минувшаго XIX столѣтій началась эта колонизація, никто и мысли не допускалъ о ея политическомъ значеніи и какой бы ни было опасности. Въ смыслѣ же экономическомъ усматривалась такая польза ея, что правительство само вызвало извѣстѣ колонистовъ и, надѣляя ихъ казенными землями, на свой счетъ селило въ южныхъ, юго-западныхъ и привислинскихъ губерніяхъ. Предполагалось, что каждая иностранная колонія явится образцовой сельскохозяйственной школой для русскихъ крестьянъ, въ какомъ-либо теченіемъ времени обратятся и сами колонисты, благодѣтельствовавшие Россіей. Извѣстны результаты этого благодѣтельствованія: иностранныя колоніи на югъ и въ западной Россіи обратились не въ образцовыя сельско-хозяйственныя школы для русскаго крестьянина, а въ очаги религіозно-нравственнаго совращенія и социально-политическаго развращенія русскаго народа. Разжирѣвшіе на русскихъ земляхъ и субсидіяхъ колонисты не обратились съ теченіемъ времени въ „русскихъ крестьянъ“, а остаются чуждымъ и враждебнымъ Россіи элементомъ, сторонящимся всего русскаго, въ томъ числѣ и русскаго крестьянина, котораго призваны были „культурить“. Въ результатѣ невинной и полезной, какъ казалось, экономической колонизаціи, на западныхъ окраинахъ получились грозный и опасный политическій вопросъ, уже потребовавшій со стороны правительства цѣлаго ряда экстренныхъ мѣръ къ обезпеченію государственной безопасности со стороны этихъ окраинъ.

Та же точно исторія повторится на Кавказѣ, гдѣ въ роли „мирной завоевательницы“ выступила Англія, именно здѣсь, со стороны Чернаго моря, могущая наиболѣе угрожать намъ. Различіе можно усмотрѣть только въ томъ, что Англія водворяется на Кавказѣ путемъ не земельной, а промышленной колонизаціи. Но различіе это только усугубляетъ значеніе и опасность факта: если земельная колонизація—дѣло чрезвычайно трудно поправимое, то промышленная колонизація, представляющая болѣе прочную осѣдлость для пришельцевъ, дѣло еще труднѣе поправимое, да при томъ же всегда сопровождающееся и земельной колонизаціей.

Злополучный южно-африканскій Трансвааль захваченъ Англїей именно путемъ промышленной колонизаціи, то-есть захвата естественныхъ богатствъ края, что повторяется и на Кавказѣ. „Мирное завоеваніе“ Привислинскаго края тоже началось съ промышленной колонизаціи, и теперь тамъ, кромѣ Лодзи, Сосновицъ и другихъ центровъ иностранной промышленности,—подмилліона иностранныхъ колонистовъ, разселенныхъ по всему краю.

Понятна экономическая опасность захвата чужимъ и враждебнымъ государствомъ отечественной промышленности и естественныхъ богатствъ страны, могущихъ и должныхъ служить на собственную ея пользу, а не на усиліе врага. Но нельзя не видѣть того политическаго неудобства, какое представляетъ англійская колонизація Закавказья: удаленное и какъ бы отдѣленное высочайшими горами отъ ядра русскаго государства, оно и такъ до себѣ времени имѣетъ съ нимъ только, такъ сказать, механическую, чисто внѣшнюю связь. Если на югѣ Россіи и въ юго-западныхъ губерніяхъ иностранцы селились и живутъ все же среди русскаго народа, то въ Закавказь англичане селятся и живутъ среди не русскаго народа, котораго тамъ нѣтъ и который туда даже вовсе не допускается, а среди элементовъ, которые и сами въ большинствѣ чужды и враждебны Россіи. При такихъ условіяхъ, понятна, англійская колонизація Кавказа, особенно его 500 верстнаго Черноморскаго побережья, можетъ явить собою еще болѣе сложный политическій вопросъ чѣмъ иностранная колонизація на западныхъ окраинахъ.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что иностранные колонисты на западныхъ окраинахъ не пользовались никогда такими удобствами сообщенія со своей государственной метрополїей, какими на Кавказѣ пользуются англичане, имѣющие тамъ свой собственный (такъ называемый Индо-Европейскій) телеграфъ, дающій имъ возможность совершенно конфиденціально сноситься со своимъ, то-есть англійскимъ, правительствомъ—какъ центральнымъ (Лондонъ), такъ и индійскимъ (Калькута). Исторія этого телеграфа такова:

Въ 1873 году частнымъ англійскимъ предпринимателемъ Сименсъ и К^о дана была русскимъ правительствомъ

концессія на проведеніе чрезъ Россію Индо-Англійскаго телеграфа. Давая концессію (на 32 года), Правительство наше видѣло въ этомъ телеграфѣ частное коммерческое предпріятіе. Таковымъ оно и было съ вида. Но, *получивъ концессію и проводя чрезъ всю Россію телеграфъ, Сименсъ и К^о сейчасъ же передали его, вмѣстѣ съ концессіей англійскому правительству*, которое скрывалось за спиной частныхъ предпринимателей, боясь, что само концессіи не получить. Такимъ образомъ, Индо-Европейскій телеграфъ—предпріятіе не частное, а правительственное англійское, значеніе и назначеніе его—не коммерческое, а политическое.

Когда началась у насъ война съ Японіей, телеграфные кабели между Россіей и Японіей (Владивостокъ—Нагасаки и Чифу—Портъ-Артуръ) были прерваны. Но Японія продолжала получать по телеграфу все нужная ей свѣдѣнія изъ Россіи и совершенно конфиденціально сносилась чрезъ Россію со своею западно-европейскою союзницею, которая, въ свою очередь, продолжала передавать по телеграфу чрезъ Россію свои увѣдомленія и распоряженія въ Японію, Китай и Индію, направленные противъ Россіи. Происходило это по Индо-Европейскому телеграфу, т. е. черезъ наши головы. Не правда-ли очень удобно... для враговъ Россіи?

Но значеніе и назначеніе англійскаго телеграфа въ Россіи этимъ далеко не исчерпывается. Достаточно указать, что телеграфъ этотъ опосылаетъ Россію на протяженіи болѣе 3.000 верстъ (отъ Прусской до Персидской границъ), причѣмъ на всемъ этомъ протяженіи все служащія англійскіе чиновники. Не станемъ уже говорить о томъ, что въѣздъ подъ видомъ этихъ „англійскихъ чиновниковъ“ очень просто могутъ скрываться агенты англійскихъ военнаго министерства и министерства иностранныхъ дѣлъ. Допустимъ, однако, что это—самые обыкновенные англійскіе чиновники. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что они служатъ въ Россіи интересамъ не Россіи, а Англии? А въ интересы Англии можетъ ли не входить полученіе изъ Россіи всякихъ конфиденціальныхъ извѣщеній о всемъ, происходящемъ у насъ, собираніи въ Россіи военныхъ и всякихъ иныхъ „полезныхъ“ свѣдѣній? Конечно, свѣдѣнія эти удобнѣе всего могутъ собираться англійскими телеграфными чиновниками, разсыянными по всей Россіи, и передаваться при посредствѣ Индо-

Европейскаго телеграфа, въ обѣ стороны: и въ Англію и въ Индію, а при надобности (какъ это и было въ 1904—1905 гг.) и въ Японію.

Неволью обращаетъ на себя вниманіе самый путь этого телеграфа въ Россіи: входя въ наши предѣлы изъ Пруссіи (станція Александровъ, Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги), онъ идетъ на Варшаву, Люблинъ, Ковель, Луцкъ, Дубно, чрезъ Подольскую губернію на Одессу, чрезъ Крымъ на Керчь, и по Кавказскому берегу Чернаго моря, на Кутаисъ, Тифлисъ, Эриванъ и Джульфу, гдѣ скрывается въ предѣлахъ Персіи. Такимъ образомъ все наше сѣверное и восточное побережье Чернаго моря, отъ Одессы до Поти, т. е. *весь нашъ уязвимый со стороны Англіи морскою базисъ опоясанъ англійскимъ телеграфомъ*, то-есть связанъ электрическою ниткой съ Лондономъ и оккупированъ англійскими телеграфными чиновниками. Все, что дѣлалось и дѣлается англичанами въ Индін и въ Персіи противъ Россіи дѣлается чрезъ Россію: надъ нашими головами передаются изъ Лондона въ Персію и Индію всѣ распоряженія, дѣлаемые Англійскимъ правительствомъ противъ насъ. Проходя черезъ Россію, телеграфъ этотъ не подчиненъ ни вѣдѣнію, ни надзору государственной Русской Власти. Онъ находится въ непосредственномъ вѣдѣніи и распоряженіи Британскаго правительства и служитъ для непосредственныхъ конфиденціальныхъ сношеній Кавказской англійской колоніи съ ея государственною метрополіей. Индо-Европейскій, то-есть Англійскій, телеграфъ какъ-бы приобщаетъ Кавказъ къ сферѣ англійскаго вліянія, создаетъ условія, позволяющія водворяемымъ здѣсь англичанамъ чувствовать себя не на чужбинѣ, а совсѣмъ какъ дома.

Единственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ могло служить окончаніе данной англичанамъ концессіи, срокъ которой истекалъ 10 января 1905 года. Но Англійское правительство предвидѣло это и еще въ 1899 году предусмотрительно исходатайствовало себѣ новую концессію, которая и дана была ему еще на двадцать лѣтъ, по 19 января 1925 года! Правда, въ этой новой концессіи, заключенной 25 декабря 1899 года и тотчасъ же вступившей въ дѣйствіе, взаимѣть концессіи 19 января 1873 года, сказано, что, по истеченіи назначеннаго для концессіи 1873 года срока 19 ян-

варя (1 февраля) 1905 года, вся телеграфная линія со всѣми принадлежностями и добавочными проводами переходить безвозмездно, въ исправномъ состояніи, въ собственность Русскаго правительства. Казалось бы, такимъ образомъ, что англичане со своимъ телеграфомъ должны убраться съ Кавказа и вообще изъ Россіи. Но это только казалось бы: слѣдующая статья концессіи 25 декабря 1899 года говоритъ, что, получивъ въ свою собственность англійскую телеграфную линію, Русское правительство предоставляетъ ее *съ того же срока* въ пользованіе англичанъ до 19 января 1925 года!

Такимъ образомъ, до 1925 года положеніе Англіи на Кавказѣ обезпечено. А къ этому времени Кавказъ совсѣмъ уже будетъ обращенъ въ англійскую колонію.

Россія имѣетъ собственные телеграфные провода въ Афганстанъ, Персію, Китай и Японію, и сношенія Западной Европы со всею Восточною и Южною Азіей могутъ происходить по русскимъ проводамъ. Такимъ образомъ, очевидно, что англійскій телеграфъ причиняетъ матеріальный ущербъ Россіи, чрезъ которую проходитъ. „Чтобы возмѣстить Россійскому Правительству,—говорится въ концессіи,—уменьшеніе дохода съ его линіи по телеграфной корреспонденціи съ Индіей и странами, лежащими за Индіей, а равно вознаградить за преимущества и права, Общество (Индо-Европейскаго телеграфа) обязано за каждую переданную исключительно по эксплуатируемой имъ линіи индійскую и заиндійскую телеграмму уплачивать Правительству (Русскому) 17½% съ русской транзитной таксы за эти телеграммы. При этомъ Общество гарантируетъ Правительству ежегодный минимальный доходъ отъ такихъ телеграммъ въ размѣрѣ 111.000 рублей“.

За эти 111.000 рублей, гарантированныя, къ тому же, лишь въ возмѣщеніе нашихъ собственныхъ убытковъ, причиняемыхъ намъ англійскимъ телеграфнымъ предпріятіемъ,—мы поступились и своими военно-стратегическими соображеніями, и требованіями государственно-политической безопасности, ибо несомнѣнно и очевидно, что ни тѣ, ни другія не допускаютъ телеграфной оккупациі Англіей нашихъ береговъ Чернаго моря.

По концессіи 25 декабря 1899 года, „Индо-Европейское телеграфное Общество обязано, одновременно съ введе-

ніемъ въ дѣйствіе этой концессіи, учредить въ Россіи въ трехъ городахъ, по указанію Русскаго Правительства, школы для образованія опытныхъ телеграфистовъ изъ русскихъ подданныхъ; лица, окончившія курсъ въ этихъ школахъ, состоящихъ подъ контролемъ Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ, пользуются преимущественнымъ правомъ для поступленія на службу Общества въ предѣлахъ Россіи, причемъ послѣ перваго выпуска телеграфистовъ изъ этихъ школъ Общество не должно болѣе опредѣлять на свою службу въ Россіи иностранныхъ подданныхъ. Но гдѣ же эти школы? Ихъ, кажется, и до сихъ поръ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, и сейчасъ всѣ, или почти всѣ, служащіе на телеграфѣ—иностранцы, именно—англичане (по крайней мѣрѣ, на Кавказѣ). Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ мы могли-бы воспользоваться для того, чтобы или уничтожить концессію, данную англичанамъ, взявъ Индо-Европейскій телеграфъ въ свое вѣдѣніе и управленіе (отчего, конечно, телеграфное сообщеніе Англіи и вообще Европы съ Индіей ничуть не пострадаетъ), или же замѣнить на немъ английскихъ служащихъ русскими.

Такъ или иначе, но необходимо устранить это орудіе шпионства и „мирнаго завоеванія“ Англіей Кавказа. Мыслимое ли дѣло устройство русскихъ поселеній, проведеніе русскаго телеграфа, учрежденіе русскихъ промышленныхъ предпріятій и т. д. въ Британской Индіи, куда зоркія английскія власти даже простыхъ русскихъ туристовъ не допускаютъ, особенно въ сѣверныя провинціи? А у насъ англичане преспокойно водворяются и устраиваются на Кавказѣ, даже на его Черноморскомъ и Каспійскомъ побережьяхъ, гдѣ эта „колониализація“ особенно неудобна для насъ.

Англія перенесла на Кавказъ и частицы своей государственной территории, въ лицѣ британскихъ консульствъ, которыхъ въ короткое время открыто уже пять: въ Новороссійскѣ, Поті, Батумѣ, Тифлисѣ и Баку. Словомъ, англичане устроились у насъ на Кавказѣ совсѣмъ какъ дома, обративъ нашу окраину въ свой новый Трансвааль, который быстро заселяется английскими „уйтлендерами“. Какъ вамъ понравится, напримѣръ, такой фактъ: въ одномъ изъ кавказскихъ центровъ, обдѣленная мокрымъ снѣгомъ, телефонная проволока обвисла и о, ужасъ! коснулась проволоки

англійскаго телеграфа. Возмущенные такою дерзостью, англійскіе телеграфные чиновники, ничтоже сумняшея, откомандировали рабочихъ обрѣзать телефонную проволоку. Когда же почтово-телеграфное вѣдомство (телефонъ тамъ правительственный) командировало для объясненій по этому поводу въ англійскую телеграфную контору своего чиновника, англійскіе чиновники не пожелали объясняться съ нимъ по-русски!

Во всѣхъ значительныхъ кавказскихъ городахъ, какъ Тифлисѣ, Ваку, Грозный, и во всѣхъ черноморскихъ портахъ, представляющихъ важныя стратегическія пункты (Батумъ, Поті, Сухумъ Новороссійскъ, Анапа) образовались цѣлыя англійскія колоніи. Сѣтъ ихъ покрываетъ также всѣ губерніи и области края. Сторонясь совершенно русской государственной власти, англичане, при столкновеніяхъ и недоразумѣніяхъ съ послѣдней, обращаются не къ высшей власти, а къ своимъ консуламъ или, въ болѣе важныхъ случаяхъ, къ своему послу въ Петербургѣ. Въ качествѣ различныхъ агентовъ, консуловъ и директоровъ англійскихъ промышленныхъ предпріятій на Кавказѣ орудуютъ будущіе Мильнеры, Родсы и Джемсоны. Во главѣ же одного предпріятія („Каспійскій нефтяной синдикатъ“) стоитъ сынъ Чемберлана—бывшаго англійскаго министра колоній.

Хорошей иллюстраціей къ этому можетъ служить такой фактъ: въ 1899 г. по распоряженію высшихъ военныхъ властей былъ произведенъ пробный перебросъ военного эшелона съ Кавказа на Кушку. Маневръ удался блестяще: оказалось, что для сосредоточенія кавказской арміи на границѣ Афганистана требуется всего шесть дней. Понятно, маневръ этотъ не подлежалъ огласкѣ, и русская публика ничего о немъ не знала. Каково же было удивленіе, когда англійская печать завила вдругъ по этому поводу тревогу, помѣстивъ описаніе нашего маневра въ такихъ подробностяхъ и деталяхъ, которыя даже въ нашемъ военномъ мѣрѣ были мало кому извѣстны, и такъ своевременно, какъ будто это происходило не на Кавказѣ и въ Средней Азій, а гдѣ-нибудь подъ Лондономъ! Но, конечно, удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ, коль скоро англійское правительство имѣетъ на Кавказѣ не только своихъ агентовъ, официальныхъ и неофициальныхъ, но свой особый телеграфъ, соединяющій

электрической проволокой чуть не всё закоулки края съ Лондономъ и Калькутой и управляемитъ английскими чиновниками, въ всякаго надзора и контроля со стороны русской власти. Ни о какой цензурѣ телеграммъ, ерго—ни о какой государственной тайнѣ, при такомъ положеніи не можетъ быть рѣчи и таковыхъ для англичанъ не существуетъ.

Въ Батумѣ имѣется Английское Консульство и есть добровольное пожарное Общество. Казалось бы, что общаго между ними? Оказывается, однако, вотъ что: Английскій Консулъ, г. Стевенсъ, состоитъ начальникомъ Батумской добровольной дружины и ея бригадмейстеромъ; въ качествѣ такового, онъ имѣетъ право, въ случаѣ пожара въ крѣпости, входить въ нее и, такимъ образомъ, получить ясное предствленіе о томъ, какъ строжайшая военная тайна, скрывается отъ глазъ даже русскихъ подданныхъ.

Очевидно урокъ Японской войны насъ не научилъ...

Не слѣдуетъ также упускать изъ вида значенія Кавказа, какъ исходной базы нашего движенія въ Индію, неизбежнаго въ случаѣ войны у насъ съ Англіей, какъ единственно-возможной съ нашей стороны диверсіи.

Во время нашей войны на Дальнемъ Востоке бывшій тогда глава англійскаго министерства, г. Бальфуръ, произнесъ въ Нижней Палатѣ, во время преній о комитетѣ государственной обороны, небольшую, но очень откровенную рѣчь, которая объясняетъ многа явленія Англійской политики, и которую намъ отнюдь не слѣдовало бы обходить вниманіемъ, какъ это случилось. Обсуждался вопросъ о защитѣ Индіи на случай войны съ Россіей. По этому поводу г. Бальфуръ сдѣлалъ въ парламентѣ, между прочимъ, такое интересное поясненіе: „Россія уже располагаетъ въ настоящее время большимъ рельсовымъ путемъ въ Индію: Средне-Азіатская желѣзная дорога съ вѣтвью на Кушку, который ведетъ къ самой границѣ Афганістана, а въ непродолжительномъ времени въ ея распоряженіи окажется еще одинъ рельсовый путь (читай: желѣзная дорога Тифлисъ-Александрополь-Эривань-Джульфа и далѣе внутрь Персіи)... Меньше всего мнѣ представляется вѣроятною война съ Россіей. Но каждая нація обязана считаться съ тѣмъ, что рано или поздно ей придется воевать съ каждымъ изъ ея сосѣдей. Наша

задача на сѣверо западной границѣ Индіи чисто-оборонительная. Но это вовсе не значитъ, что оборона страны безусловно должна осуществляться позади границы“.

Итакъ, ларчикъ открывается просто: Афганскія походы, Тибетская экспедиція, захваты въ Персіи, происки въ Турецкой Арменіи, все это „оборона Индіи *впереди* границы“. Кто же можетъ запретить Англіи обороняться? Не такая ли же „обороной *впереди* границы“ является и „мирная“ оккупация Англичанами Кавказа, который служитъ для насъ „мостомъ“ въ Персію, Малую Азію и Индію, и гдѣ, поэтому, Англіи, понятно, очень интересно прочно укрѣпить свою колонію?

Никогда еще „русская опасность“ для Индіи не выступала предъ Англичанами такимъ страшнымъ призракомъ, какъ во время нашей войны съ Японіей. Никогда оборона Индіи не озабочивала Англию такъ, какъ въ послѣднее время. Кто же не понимаетъ въ Англіи, что, въ случаѣ конфликта съ Россіей, послѣдняя должна будетъ прибѣгнуть къ единственно-возможной съ ея стороны диверсіи—предпринять походъ въ Индію? Въ Англіи хорошо такъ же извѣстно, что и въ Туркестанѣ, и на Кавказѣ у насъ сосредоточены грозныя вооруженныя силы, приспособленныя для такого похода и готовыя къ нему, и что, кромѣ того, въ настоящее время вся Россія соединена уже непрерывными рельсовыми путями и съ Афганскою, и съ Персидскою границами. Это и побуждаетъ Англичанъ на ту лихорадочную дѣятельность по военной оборонѣ Индіи, которую мы видимъ въ послѣднее десятилѣтіе.

Но, зная качества своей арміи, для которой борьба даже съ горстью почти не вооруженныхъ Буровъ оказалась не подъ силу, и нерасположеніе къ нимъ туземнаго населенія, Англичане, повидимому, не особенно-то полагаются на свои оборонительныя средства въ самой Индіи: уже самый фактъ появленія въ Индіи войска легендарнаго среди Индусовъ Бълага Царя можетъ имѣть роковое для Англіи значеніе... Отсюда, быть можетъ, понятны поиски Англичанами оборонительныхъ средствъ и силъ въ Индіи, ихъ старанія создать „оборону Индіи *впереди* границы“, по выраженію (въ комитетѣ государственной обороны) бывшаго главы англійскаго министерства, г. Бальфура. Съ этою дѣлью и

предпринята английскія „научная“ и „коммерческая“ экспедиции въ Тибетъ, въ Персію и въ Афганистанъ. Съ этою же, повидимому, цѣлью ведется въ послѣднее десятилѣтіе и „экономическая“ колонизація Англичанами нашего Кавказа.

Когда въ 1904 году среди англичанъ возникли опасенія за судьбу Индіи, въ случаѣ войны съ Россіей, министр-президентъ г. Бальфуръ сдѣлалъ такое заявленіе въ Нижней Палатѣ, во время преній о комитетѣ обороны: „Сэръ-Чарльзъ Дильсъ и другіе чины Нижней Палаты неоднократно высказывались въ томъ смыслѣ, что о вторженіи непріятельской арміи въ Индію вовсе не можетъ быть рѣчи: вторженіе невозможно уже въ силу однихъ неопределимыхъ трудностей по перевозкѣ транспортовъ. Я со своей стороны признаю, что эти трудности дѣйствительно очень велики“. Къ этому присоединяютъ еще такое соображеніе: въ минувшемъ столѣтіи Россія дважды (въ началѣ и въ половинѣ столѣтія) воевала съ Англіей, которая „кусала ее со всѣхъ сторонъ (и въ Балтійскомъ, и въ Черномъ, и въ Бѣломъ моряхъ, и въ Тихомъ Океанѣ), и, тѣмъ не менѣе, она, то-есть Россія, ни разу не подумала о походѣ въ Индію. Очевидно-де, такой походъ невозможенъ.

Но Англичанамъ, конечно, хорошо извѣстно, что большинство военныхъ авторитетовъ всегда и теперь признаютъ возможность похода со стороны Россіи въ Индію,—Наполеонъ I даже настоятельно рекомендовалъ такой походъ Императору Александру I. Въ числѣ современныхъ намъ военныхъ авторитетовъ нѣтъ, кажется, ни одного, который считалъ бы походъ Россіи въ Индію невозможнымъ. А вотъ интересное сужденіе по этому вопросу хотя и „штатскаго“, но выдающагося русскаго политическаго писателя, мыслителя и ученаго—покойнаго Н. Я. Данилевскаго, который въ своей извѣстной книгѣ „Россія и Европа“, указывая на Англію какъ на „самого отъявленнаго и самого постояннаго противника Россіи“, и считая новую войны, съ ней неизбежными,—пишетъ: „Мы убѣждены, что походъ въ Индію есть вещь совершенно возможная. Если султанъ Баберъ и много другихъ восточныхъ завоевателей могли добраться до Индіи и покорить ее, то трудно представить себѣ резонъ, почему бы возможное для нихъ стало невозможнымъ для Россіи, которая частью занимаетъ уже тѣ самыя мѣста, ко-

торая служили точками исхода для магометанскихъ завоевателей, и которая обладаетъ Кавказскою арміей, привыкшею къ жаркому климату и горнымъ переходамъ“.

Это написано слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, когда Россія только еще занесла ногу въ Среднюю Азію. Съ тѣхъ поръ Россія много продвинулась въ глубь Азій и приблизилась къ границамъ Индіи. Теперь передовые посты Россіи находятся уже на Кушкѣ и, кромѣ Кавказской арміи, Россія имѣетъ теперь еще и Туркестанскую армію, специально приспособленную для Индійскаго похода... Конечно, походъ этотъ представляетъ извѣстныя трудности. Но, какъ говоритъ Н. Я. Данилевскій,—„послѣдствія такого похода, предпринимаго даже съ малыми силами и даже неудачнаго, были бы самыя губительныя для Англійскаго могущества,—такъ же точно, напримѣръ, какъ и Французская высадка на Англійскій берегъ, хотя бы и неудачная. Въ странѣ торговой и промышленной по преимуществу (какъ Англія)—все основано на кредитѣ, на вѣрѣ. И вѣра Англичанъ въ неприкосновенность Англійскаго террриторіи (въ одномъ случаѣ) такъ же, какъ вѣра туземцевъ въ неприкосновенность Англійскаго владѣчества въ Индіи (въ другомъ) были бы поколеблены, нарушены. Что не удалось одинъ разъ, можетъ, при большихъ усиліяхъ, при лучшемъ веденіи дѣла, удастся въ другой. Съ момента этихъ вторженій Дамокловъ мечъ постоянно висѣлъ бы надъ Англіей“.

Россія можетъ не имѣть ни малѣйшаго интереса овладѣвать Индіей или какою-нибудь частью ея, *но походъ въ Индію есть единственное оборонительное средство Россіи въ войнѣ съ Англіей*. „Англія сама по себѣ не можетъ, правда, нанести Россіи вреда слишкомъ значительнаго. Однако же въ ея рукахъ, если не прекратить вышнюю торговлю Россіи, то, во всякомъ случаѣ, сильно препятствовать ей, заставивъ принять сухопутное направленіе, блокировать русскія гавани, бомбардировать русскіе приморскіе города. На все это Россія ничѣмъ не можетъ отвѣчать: роль ея въ войнѣ съ Англіей должна быть чисто-пассивною, если она не прибѣгнетъ къ походу въ Индію, который, при малочисленности тамъ Англичанъ, при расположеніи туземнаго населенія, можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія однимъ

своимъ началомъ, одною предшествующею ему молвой, расцвѣтаемою восточнымъ воображеніемъ“.

Конечно, Россія не можетъ желать войны съ Англіей, какъ не желала и войны—съ Японіей; и сама не начнетъ ея. Но, конечно, Россія должна будетъ прибѣгнуть къ единственно-возможной съ ея стороны диверсіи, въ случаѣ нападенія на нее Англіи, ergo—предпринять походъ въ Индію. Если Россія не прибѣгала къ этому въ прежнія войны съ Англіей, то на то были причины, которыхъ теперь нѣтъ: тогда Россія не стояла еще твердою ногой въ Средней Азіи, ни за Кавказомъ (которой и въ Крымскую кампанію еще не былъ покоренъ). Теперь оба эти этапные пункта на пути въ Индію въ ея рукахъ, связаны непрерывными рельсовыми путями со всею Россіей и служатъ средоточіемъ ея вооруженныхъ силъ, и тутъ-то вотъ именно и сосредоточивается англійская колонизація...

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ многимъ у насъ какъ будто непонятны истинный смыслъ этой колонизаціи и значеніе англійскихъ колоній на побережьяхъ Чернаго и Каспійскаго морей и въ областяхъ, смежныхъ съ Персіей и Афганистаномъ. А казалось бы, это такъ ясно: Кавказъ и Туркестанъ—исходныя базы нашего движенія въ Индію, наши этапные пункты на пути въ Персію, Афганистанъ и Индію, гдѣ, понятно, Англіи не только интересно, но и очень важно прочно укрѣпить свои колоніи. Неужели же простая случайность влечетъ Англичанъ именно сюда? И влечетъ сюда именно Англичанъ? Между тѣмъ, до сихъ поръ мы смотримъ на все это именно какъ на простую случайность. Мы не только допустили Англичанъ прочно утвердиться на Кавказѣ, гдѣ имъ заняты все наши стратегическіе пути и пункты, создана цѣлая сеть своихъ колоній и консульствъ и даже устроены свой телеграфъ, связывающій эти колоніи и консульства электрической проволокою съ Лондономъ и Калькуттой.

Конечно, Англичане на Кавказѣ не представляютъ для насъ непосредственной политической опасности. Но несомнѣнно, что англійскія колоніи на Кавказѣ (и въ Туркестанѣ) представляютъ очень большое неудобство въ смыслѣ военно-стратегическомъ: въ случаѣ войны съ Англіей, онѣ могутъ создать намъ не малая затрудненія и помѣхи. Наша война съ Японіей служить, кажется, назидательнѣйшимъ

примѣромъ въ этомъ отношеніи. Возможно ли что-нибудь подобное для насъ въ Индіи? Она закрыта даже для простыхъ русскихъ туристовъ! Мы ничего не знаемъ, что тамъ дѣлается противъ насъ Англичанами, Англичане же, благодаря своимъ колоніямъ, своимъ консуламъ и своему телеграфу, знаютъ до мельчайшихъ подробностей все, что дѣлается у насъ на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, какъ Японцы знали все, что дѣлалось у насъ въ Портъ-Артурѣ, въ Манчжуріи, во Владивостоѣ. Конечно, для нихъ это очень удобно и очень важно. Удобно ли это, однако, для насъ? Коль скоро цѣль Англичанъ, по ихъ собственному заявленію,—создать „оборону Индіи впереди границы“,—очевидно, что ихъ колонизація на Кавказѣ не экономическая, а стратегическая. Конечно, эта англійская „оборона“ *позади нашей границы* совершенно недопустима...

Мы, какъ это всемъ понятно, чрезвычайно интересовались Тибетскою экспедиціей Англичанъ, мы даже волновались по поводу нея и, вопль справедливо, считали ее опасною для нашихъ интересовъ... И въ то же время мы всегдѣмъ обходимъ своимъ вниманіемъ Кавказскую экспедицію тѣхъ же Англичанъ,—экспедицію систематически ведомую ими уже рядъ лѣтъ (съ 1898 года) въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ и, конечно, представляющую несравненно большую опасность для нашихъ интересовъ, чѣмъ ихъ Тибетская экспедиція! Правда, на Кавказѣ у насъ еще не гремятъ англійскія пушки, какъ гремѣли въ Тибетѣ. Но зачѣмъ пушки, когда мы не только не препятствуемъ англійскому „мирному“ вторженію, но и сами еще всячески содѣйствуемъ ему?

Англійская колонизація или точнѣе и вѣрнѣе оккупация—это новый политическій факторъ, пародившіійся на Кавказѣ и еще болѣе ослабляющій его и безъ того малоамтѣную культурную связь съ Россіей, еще болѣе осложняющій его и безъ того безотрадное политическое положеніе: рядомъ съ преумноженіемъ дома взрощенной и вскормленной „вражьей силы“, край подвергнется въ широкихъ рамахъ „мирному завоеванію“ Англичанъ и на глазахъ обращается въ какой то новый Трансвааль, подготовляемый себѣ Англіей. *Каждое новое приобретение Англичанъ создаетъ на Кавказѣ новую англійскую колонію*, сопровождается переселе-

нiемъ въ край цѣлыхъ сотенъ англійскихъ „уйтлендеровъ“. Такимъ образомъ, весь нашъ край быстро покрывается сѣтью англійскихъ колоній, для обереганія которыхъ по городамъ края открываются англійскія консульства, а для непосредственныхъ конфиденціальныхъ сношеній которыхъ съ Англiей существуетъ особый англійскiй (такъ-называемый Индо-Европейскiй) телеграфъ, хотя и находящiйся въ Россiи, но управляемый англiйскими чиновниками. Пусть все это имѣетъ значенiе и назначенiе лишь экономическое. Но все это, очевидно, представляетъ извѣстныя „удобства“ и въ смыслѣ политическомъ.

Эти политическiя „удобства“ колонизацiи Кавказа отлично понимаются въ Англiи, и, въ видахъ лучшаго обезпеченiя ихъ, она и стремится колонизовать наиболее важныя стратегическiе пункты нашей окраины, сосредоточивая свои силы на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа. На сѣверѣ побережья, у Анапы (западнѣе Новороссiйска) Англичане скупили земли (подъ видомъ поисковъ нефти) и образовали англiйскую колонiю. Многочисленная англiйская колонiя существуетъ также въ Новороссiйскѣ. Въ центрѣ побережья—въ Ткварчелахъ (близъ Сухума) Англичане приобрѣли каменно-угольныя земли и тоже образовали англiйскую колонiю. Недалеко отъ Потн (въ селенiи Дарквети) они скупили марганцевыя земли и образовали англiйскую колонiю. Возлѣ самаго Батума (Нотанеби) заарендовали земли (якобы для добычи нефти, которой здѣсь нѣтъ), гдѣ тотчасъ же образуется англiйская колонiя. Южнѣе Батума Англичане приобрѣли мѣдно-рудныя земли (Дзанзульскiя) и тоже образовали англiйскую колонiю. Прибавьте къ этому англiйскiй телеграфъ, управляемый англiйскими чиновниками и опоясывающiй все Черноморское побережье Кавказа,—и вы увидите, что *вся эта важная морская база формальнымъ образомъ оккупирована Англичанами.*

Не меньшимъ политическимъ удобствомъ „экономической“ колонизацiи Кавказа, несомнѣнно, является сосредоточенiе Англiей цѣлаго флота у нашихъ Кавказскихъ береговъ Чернаго моря. Вотъ перечень пароходныхъ обществъ, оперирующихъ въ Батумѣ, приведенный въ официальномъ изданiи „Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ“:

- „Стивенсъ и Мосанъ“ (Англичане).
- „Кавказское Общество“ (Англичане).
- „И. Нотъ“ (Англичане).
- „М. Самуэль“ и К^оа (Англичане).
- „Гунтингъ и Сынь“ (Англичане).
- „Гамильтонъ, Фрезеръ и К^оа“ (Англичане).
- „Леннардъ и К^оа“ (Англичане).
- „Бурингъ и К^оа“ (Англичане).
- „Гильбрайтъ, Темброкъ и К^оа“ (Англичане).
- „Робертъ и К^оа“ (Англичане).
- „Европейское Общество“ (Англичане).
- „Альбертъ и К^оа“ (Англичане).
- „Бельгiйское Общество“ (Бельгiйцы).
- „Американское Общество“ (Бельгiйцы).
- „Итальянское Общество“ (Итальянцы).
- „Манташевъ и К^оа“ (Армяне).
- „Русское Общ. Парох. и Торговля“ (Русскiе).

Итакъ, изъ семнадцати пароходныхъ Обществъ, оперирующихъ въ Батумѣ, главной твердынѣ Кавказа, нашей единственной на Черноморскомъ его побережьѣ крѣпости, *двѣнадцать англiйскихъ*, четыре прочихъ иностранныхъ и *только одно русское!* То же или почти то же въ Потн и Новороссiйскѣ: всѣ эти три кавказско-черноморскiе порты становятся прямо англiйскими портами, въ которыхъ развивается почти исключительно англiйскiй флагъ.

Какова же численность Англiйскаго Черноморскаго флота?

Въ одномъ только Батумѣ флотъ перечисленныхъ выше 12 англiйскихъ пароходныхъ фирмъ состоитъ изъ 50 съ лишкомъ судовъ, то-есть болѣе двухъ третей всѣхъ оперирующихъ судовъ (70). Всего у Кавказскихъ береговъ Чернаго моря находится цѣлый англiйскiй флотъ въ 80—90 судовъ, пользующихся нашими портами, стоящихъ (Батумѣ, Потн и Новороссiйскѣ) и курсирующихъ въ нашихъ водахъ. Конечно, это суда не военныя, а коммерческiя. Но въ это различiе имѣетъ значенiе только въ мирное время...

Любопытно отмѣтить, что успѣхъ англiйской колонизацiи Кавказа какъ разъ совпалъ съ утвержденiемъ Англiйскимъ парламентомъ новаго закона объ ограниченiи притока иностранцевъ въ Англiю. По этому новому закону, пе-

решение иностранцев в Соединенное Королевство крайне затруднено: для этого требуется в каждом отдельном случае особое разрешение правительства, выдаваемое только лицам безукоризненной репутации. Но и при такой репутации, иностранцы могут или вовсе не получить разрешения поселиться в Соединенном Королевстве, или же получить разрешение поселиться только в определенном месте, где их пребывание не может представить опасности или неудобства для английских интересов. Вот как тщательно сама Англия оберегает себя от иностранной иммиграции! А между тем английская эмиграция всегда устремляется туда, где она представляет для других наибольшую опасность и неудобство, как это было в Трансвааль, и как это повторяется теперь у нас на Кавказе. Конечно,—как нас в этом всегда готовы уверять,—Англичане преследуют у нас на Кавказе лишь экономические интересы. Но где в наше время граница между экономическими и политическими интересами? Каждое новое экономическое приобретение Англичан создает на Кавказе новую английскую колонию и расширяет сферу пресловутых английских интересов, для которых сначала потребовался английский телеграф, затем потребовались пять английских консульств и, наконец потребовалось уже содержание у наших берегов цѣлага английского флота.

Казалось бы, и нам не грѣшно бы было позаботиться о своих политических удобствах,—конечно, совершенно несовместимых с Кавказскою экспедиціей Англичан.

Нам отвѣчают на это, что английская колонизация на Кавказе имѣет совершенно мирный, промышленный характер. Но, во-первых, ипаче развѣ она была допущена? Развѣ могли бы Англичане явиться на Кавказе съ раскрытыми картами, какъ въ Тибетъ? Конечно, тогда немислимы были бы тѣ „мирныя завоеванія“, которыя сдѣланы Англичанами на Кавказѣ въ послѣднее десятилѣтіе (съ 1898 года), при посредствѣ промышленной колонизации. А во-вторыхъ, именно такой, то-есть промышленный, характер колонизации и представляетъ наиболѣе трудно поправимое зло, и притомъ зло не экономическое только, но и политическое. Не такой же ли точно мирный промышленный характер носила иностранная колонизация въ Привислинскомъ Краѣ, гдѣ нынѣ

съ нею приходится считаться какъ съ факторомъ несравненно болѣе политическимъ, чѣмъ экономическимъ? Въ наше время капиталъ является могущественнымъ орудіемъ господства. Лучшимъ примѣромъ этому служить тотъ же Кавказъ, гдѣ сосредоточеніе въ послѣдніа два—три десятилѣтія промышленности и капитала въ рукахъ паносаго армянскаго элемента создало полное господство его въ краѣ, совершенно отпигнувъ на задній планъ и обезличивъ коренной Грузинскій элементъ. Капиталъ создалъ здѣсь новую невѣдомую долей армянскую національность, уже не ограничивающуюся экономической областью, а играющую и политическую роль, мнящую себя даже государственною національностью. Такимъ же точно способомъ создается теперь английское господство на Кавказѣ. Переходъ промышленности въ английскія руки, сосредоточеніе въ нихъ богатствъ и капиталовъ ставитъ все мѣстное население въ экономическую зависимость отъ Англичанъ, то-есть создаетъ господство ихъ въ краѣ, сосредоточиваетъ въ ихъ рукахъ власть, съ которою всѣмъ поневолю приходится считаться. Можетъ ли не считаться съ этимъ государство? Англичане не друзья намъ а враги, мало того—всесвѣтные соперники и политические противники. При томъ же эта національность, не только мнящая себя государственною, какъ Армяне, но и дѣйствительно государственная. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ о вторженіи къ намъ нашего политическаго противника, объ утвержденіи въ рѣдѣлахъ Русскаго государства власти могущественнаго своими капиталами чужого и враждебнаго ему государства.

Очевидно, это вообще недопустимо. Если даже Англичанамъ нужны только наши естественныя богатства, то-есть наше золото, то и въ такомъ случаѣ—какъ-же мы можемъ своими же средствами материально усиливать своего все-свѣтнаго соперника и политическаго противника? Но Кавказъ—окраина и притомъ окраина чрезвычайно важная въ смыслѣ политическомъ и стратегическомъ: составляя какъ-бы мостъ изъ Россіи въ Азію, граница съ двумя азіатскими государствами—Персіей и Турціей, столь соблазнительными для Англии, омываемый двумя морями,—Кавказъ только одною стороною примыкаетъ ко своей государственной метрополіи—Россіи, съ трехъ-же сторонъ открытъ для внѣшняго

вторжения. При этомъ Кавказъ, — массу населения котораго составляютъ 1) мусульмане, вообще враждебные христіанскому владычеству, тѣмъ болѣе находясь о-бокъ съ единоплеменными мусульманскими государствами, и 2) Армяне, мечтающіе о собственной государственности, — имѣютъ весьма слабую политическую связь съ Россіей, въ смыслѣ же культурномъ и вовсе отчужденъ отъ нея. При полномъ почти отсутствіи въ составѣ народонаселенія края русскаго элемента, на который единственно опирается власть Русскаго государства, послѣдняя до сихъ поръ не укрѣплена здѣсь должнымъ образомъ. И при наличности этихъ условій, край открывается для иностранцевъ, предоставляется ихъ „мирному завоеванію“! Въмѣсто русскаго, въ немъ утверждается иноземное, антирусское господство, вмѣсто Россіи водворяется Англія!

Не секретъ, вѣдь, что армянская „патріотическая“, сирѣчь—сепаратическая агитация, столь выразительно прозвучавшая себя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и въ Турціи, и у насъ поддерживалась, а можетъ быть и руководилась сильною рукой извнѣ. Теперь эта „сильная рука“ уже не внѣ, а здѣсь, на мѣстѣ. Не правда-ли—очень удобно?

„Удобство“ это выступитъ еще рельефнѣе, если принять во вниманіе тотъ фактъ, что водвореніе иностраннаго элемента влечетъ за собой выдвореніе и безъ того ничтожнаго на Кавказѣ государственнаго русскаго элемента. И Бакинская, и Грозненская нефтяная промышленность основана и выращена Русскими людьми, но ни въ той, ни въ другой не осталось уже почти ни одного русскаго предпріятія: не выдержавъ натиска, Русскіе удалились. На ихъ мѣсто водворились Англичане и другіе иностранцы, пользующіеся здѣсь такимъ широкимъ госпріимствомъ, какого Русскіе никогда не знали. Переходъ въ англійскія руки промышленныхъ предпріятія сопровождается цѣлымъ шествіемъ Англичанъ, замѣняющихъ въ этихъ предпріятіяхъ русскихъ служащихъ и рабочихъ. Русскіе разгоняются, и на ихъ мѣста водворяются Англичане и другіе иностранцы.

Понятно, въ какомъ рѣзкомъ противорѣчій находится все это съ нашими государственными интересами, которые требуютъ усиленія на Кавказѣ не инородныхъ и пришлыхъ элементовъ, а элемента русскаго. Намъ нужна на Кавказѣ

Россія, а не Армения и Англія, созидающія и укрѣпляющія тамъ противъ насъ, за счетъ нашихъ же національныхъ богатствъ. Какія бы финансово-экономическія выгоды ни представлялъ этотъ „Русскій Трансвааль“, — съ государственно-политической точки зрѣнія онъ, очевидно, не допустимъ.

Но, какъ мы видѣли, и съ точки зрѣнія финансово-экономическихъ интересовъ страны хозяйничанье иностранцевъ въ кавказской, какъ и вообще русской, промышленности даетъ не плюсъ, а минусъ. Понятны выгоды стороны, приобретающей чужія богатства. Но можно ли въ самомъ дѣлѣ, серьезно говорить о выгодахъ другой стороны — не приобретающей чужія, а теряющей свои богатства?

По отношенію къ окраинамъ, эта финансово-экономическая точка зрѣнія, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должна имѣть рѣшающаго значенія. Повторяемъ, здѣсь это вопросъ не финансово-экономическій, а государственно-политическій, въ которомъ всякія балансовыя, курсовыя и вообще финансово-биржевыя соображенія остаются на второмъ планѣ. Подчиненіе государственныхъ интересовъ этимъ финансово-биржевымъ соображеніямъ, приведшее уже край къ столь печальному и трудно-поправимому политическому положенію, легко и быстро можетъ довести его и до того, что Россія вновь придется завоевывать и покорять край, сто лѣтъ считавшійся ею своимъ.

Очевидно, нужно и должно вовсе выдѣлить этотъ вопросъ изъ числа финансово-экономическихъ вопросовъ и взглянуть на него съ точки зрѣнія не сомнительныхъ балансово-курсовыхъ соображеній, а дѣйствительныхъ государственно-политическихъ интересовъ Россіи.

Тогда двухъ рѣшеній его быть не можетъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ должно приписать простой случайности то, что именно Англичане не находятъ въ Россіи болѣе привлекательныхъ мѣстъ, какъ именно наше Черноморское побережье и вообще Кавказъ, гдѣ создать намъ помѣху и преграду, конечно, особенно интересно Англіи?

Но дѣло не въ томъ, понятно, отчего и почему это происходитъ, а въ томъ, что столь энергично-ведомая въ послѣднее десятилѣтіе кавказская экспедиція Англичанъ весьма неудобна для насъ въ смыслѣ государственно-политиче-

скомъ, что „мирная оккупация“ ими нашихъ морскихъ побережій, очевидно, совершенно недопустима съ точки зрѣнія военно-стратегической. Удаленное и какъ бы отдѣленное высочайшими горными хребтами отъ остального Русскаго государства, Закавказье и такъ до сего времени имѣетъ съ нимъ, весьма слабую, чисто-внѣшнюю связь. Неужели же допустимо при такихъ (да и вообще при какихъ бы то ни было) условіяхъ сосредоточеніе въ Закавказьѣ иноземныхъ силъ?

Представимъ себѣ, что въ Крымскую компанію, которой мы недавно праздновали всего только полувѣковой юбилей, побережье Крыма было бы покрыто англійскими, французскими и итальянскими колоніями. Кому бы это облегчило, и кому затруднило бы борьбу: намъ, или вражьей коалиціи? Кажется, не можетъ быть двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ: каждое англійское, французское или итальянское поселеніе на нашемъ побережьѣ явилось бы, конечно, удобнымъ пунктомъ для высадки непріятеля. Эти поселенія вообще послужили бы непріятелю опорными пунктами на сушѣ, гдѣ онъ могъ бы и пристанище получить, и продовольствіе раздобыть, и всякими нужными свѣдѣніями заpastись, и проводниками обзавестись и т. д. Конечно, съ нашей стороны были бы приняты всѣ мѣры къ пресѣченію сообщенія непріятеля съ его поселеніями на нашей территоріи. Но насколько усложнилась бы наше положеніе эта необходимость охраны множества пунктовъ на побережьѣ и въ тылу! Пришлось бы оккупировать свою же собственную территорію и расплачиваться за свою же собственную безопасность, которой только и могло бы быть объяснено допущеніе „мирнаго завоеванія“ иностранцами такой важной, въ смыслѣ военно-стратегическомъ области, какъ Крымъ.

Дабы сдѣлать невозможною такую рискованную и опасную безопасность, въ свое время былъ изданъ законъ (22 мая 1874 года), который по сей часъ, слава Богу, остается въ силѣ и которымъ воспрещено иностранцамъ какъ приобрѣтеніе, какими бы ни было способами, въ собственность недвижимыхъ имуществъ, такъ и самое водвореніе въ предѣлахъ Крымскаго полуострова.

Невольно является вопросъ: почему же Кавказское побережье того же Чернаго моря, имѣющее столь же важное

государственно-политическое и военно-стратегическое значеніе, какъ и Крымское побережье, отдается Англичанамъ? Если, при современной группировкѣ державъ, новая „Крымская компанія“ невозможна, то вѣдь война Россіи съ Англіей всегда возможна. Какую же роль призваны сыграть тогда англійскія колоніи на нашихъ Черноморскихъ побережьяхъ и вообще на Кавказѣ?

Вопросъ этотъ не впервые возникаетъ. Совсѣмъ наоборотъ: еще въ 1898 году, какъ мы видѣли былъ изданъ законъ (29 мая) воспрещающій иностранцамъ приобрѣтать безъ особаго разрѣшенія недвижимость на Кавказскомъ побережьѣ Чернаго моря и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа. Къ несчастію, однако, законъ этотъ до сего времени остается мертвою буквой, и Англичане невозбранно оккупируютъ Черноморское побережье и весь Кавказъ. Въ видахъ обезпеченія государственной границы, мы стремимся заселить это побережье Русскими. Но какое значеніе можетъ имѣть это заселеніе, когда на каждаго Русскаго поселенца придется десятокъ Англичанъ колонистовъ, и когда всѣ главные пункты побережья будутъ заняты Англичанами? Неужели и здѣсь, какъ на Дальнемъ Востокѣ, мы перекрестимся только тогда, когда уже грянетъ громъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, будетъ допущено созданіе на Кавказѣ новаго Трансваля? Неужели Россія завоевывала и покоряла Кавказъ не для себя, а для Англій? Неужели Русскому народу придется еще отвоевывать Кавказъ отъ Англичанъ, мирно завоевывающихъ его? Неужели не очевидно, что укрѣпленіе Англичанами своей колоніи на нашемъ пути въ Персію и Малую Азію, помимо экономическихъ выгодъ для нихъ, представляетъ для нихъ же конечно, извѣстный „удобства“ и въ смыслѣ политическомъ?

Наша война съ Японіей явила наглядный и достаточно назидательный, казалось бы, примѣръ неудовда и опасности колонизаціи окраинъ элементами, принадлежащими странамъ, политически враждующимъ и соперничающимъ съ нами. Но насъ даже и такой тяжелый урокъ, повидимому, ничему не научилъ...

VI.

Русская колонизация.

Многовѣковое государственное строительство наше тогда только будетъ закончено, когда всѣ составныя части государства будутъ скрѣплены внутренно, а племена, и народы ихъ слиты духовно съ главною, русскою частью, составляющею ядро его, и всѣ, то-есть, какъ само ядро государства, такъ и всѣ составныя его части или окраины будутъ жить однако общею, *русскою* жизнью.

Несомнѣнно, что наиболѣе прямымъ и притомъ наиболѣе, если не единственно, вѣрнымъ путемъ, ведущимъ въ этомъ случаѣ къ цѣли, является колонизация инородческихъ окраинъ, то-есть заселеніе ихъ русскимъ землевладѣльческимъ и земледѣльческимъ элементами. Съ устройствомъ русскихъ поселеній, конечно, не единичныхъ, въ край тотчасъ же водворяется русскій обиходъ жизни, и туземное населеніе съ теченіемъ времени невольно и незамѣтно для себя самаго принаравливается къ нему, знакомится съ русскимъ языкомъ, русскими порядками и обычаями. Инородческая окраина, такимъ образомъ, приобщается къ русской культурѣ, и создается прочная связь ея съ государствомъ.

Огромное государственное значеніе колонизации окраинъ признавалось издавна. Еще при Иоаннѣ Грозномъ, Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ II новоприобрѣтаемыя области, въ видахъ внутренняго объединенія ихъ съ государствомъ, заселялись русскими земельными сословіями—дворянами и крестьянами. Даже чисто русскія этнографическія области нынѣшняго Западнаго и Юго-Западнаго Края, по возвращеніи ихъ отъ Польши, для прекращенія связи ихъ съ послѣднею, Екатерина II тотчасъ же начала колонизовать Русскими изъ внутреннихъ областей государства, причемъ особенное вниманіе обращено было на созданіе и прочное водвореніе въ новоприсоединенныхъ областяхъ русскаго дворянскаго землевладѣнія.

Переселеніе на окраины, какъ извѣстно, организовывалось и въ позднѣйшія эпохи, особенно съ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, когда вообще стало созрѣвать сознаніе исторической необходимости поступательнаго хода

Россіи на окраинахъ. Къ несчастію, однако, дѣло колонизации окраинъ никогда, даже послѣ того какъ у насъ выросъ и созрѣлъ цѣлый „переселенческой вопросъ“, не имѣло постоянной и прочной организациі, а, какъ и все вообще наше переселеніе, носило всегда характеръ чего-то случайнаго, стихійнаго. Конечно, такой характеръ колонизациі, хотя, не смотря даже на это все же она много содѣйствовала укрѣпленію Русскаго владычества на окраинахъ,—въ значительной степени ослабляла и значеніе, и успѣхи и пользу ея. Это были лишь попытки заселенія окраинъ, попытки весьма слабыя и не принимавшія, въ большинствѣ случаевъ сколько-нибудь значительныхъ, отвѣчающихъ государственнымъ требованіямъ, размѣровъ, а потому и не могшія дать желаемыхъ результатовъ. Это одинаково относится ко всѣмъ, какъ ближнимъ, такъ и дальнимъ окраинамъ, за исключеніемъ развѣ только одной Сибири, куда въ теченіе долгаго уже времени направлялись—хотя и крайне безпорядочно—почти вся широкая переселенческая волна изъ центральныхъ европейскихъ губерній.

Въ частности на Кавказѣ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, значеніе русскаго переселенія еще болѣе терялось, въ виду того что край этотъ, рядомъ съ колонизациею его русскими крестьянами заселялся всякими чужеродцами, причемъ размѣры этого послѣдняго заселенія, превосходившаго и превосходящаго систематически, значительно превосходили и превосходящаго размѣры русской колонизациі. Не удивительно что, не смотря на послѣднюю (какъ увидимъ, она такъ ничтожна, что и взирать-то тутъ особенно не на что) отношеніе русскаго элемента къ инородческимъ не возросло и не возрастаетъ, но еще, напротивъ, понижается, благодаря постоянному и широкому притоку въ край иностранныхъ поселенцевъ, главнымъ образомъ Армянъ изъ Турціи и персатаръ изъ Персіи, а въ послѣднее десятилѣтіе и Англичанъ. Въ настоящее время они успѣли уже захватить въ свои руки не только массу земель, но и всю промышленную и торговлю, а также проникнуть въ общественныя и правительственныя учрежденія края, считая его уже своимъ достояніемъ и включая его въ составъ воображаемой Великой Арменіи“. Конечно, пока это не болѣе какъ вздорныя, хотя и очень задорныя, мѣтания. Но, тѣмъ не менѣе, фактъ

„мирнаго завоеванія“ Кавказа Армянами и другими иностранцами (Персы, Англичане и т. д.) налицо и заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія что, не встрѣчая съ нашей стороны никакаго отпора и противодѣйствія, „мирное завоеваніе“ не ослабѣваетъ, а усиливается. Враждебные русской государственности и всему русскому (за исключеніемъ, конечно, русскаго золота) элементы быстро растутъ и множатся, а въ то же время русской элементъ, не усиливаемый и не укрѣпляемый, остается не только слабымъ, но прямо ничтожнымъ по сравненію съ не-Русскими.

Положеніе представляется тѣмъ болѣе неутѣшительнымъ и даже тревожнымъ что, въ то время когда культурно и политически-благонадежный русской элементъ и безъ того представляющій собою ничтожную горсть разбросанную на огромномъ пространствѣ, еще болѣе ослабѣваетъ, культурно и политически-враждебные Россіи элементы возростаютъ численно и усиливаются нравственно. Не говоримъ о коренномъ населеніи Закавказья. Но и одни пришлые элементы представляютъ здѣсь собою, хотя въ большинствѣ случаевъ темную и грубую, но силоченную силу, съ которою поневоля приходится считаться всѣмъ, а особенно горсточкѣ Русскихъ. Такъ, однихъ Армянъ въ Закавказьѣ полтора милліона, то-есть почти пятая часть всего населенія, да до полумилліона прочихъ пришельцевъ (Персы, Нѣмцы, Поляки, Англичане, Греки и т. д.). Это при 4-милліонной массѣ прочаго не-русскаго и только при 383 тысячахъ русскаго населенія! Въ рукахъ 6.100.000 нерусскаго населенія и земля, и капиталы, и промышленность, и даже власть, въ рукахъ же 383 тысячъ Русскихъ—соха, да крауха хлѣба...

„Для кого Кавказъ?“—спрашивалъ болѣе 40 лѣтъ тому назадъ М. Н. Катковъ.—„Для коренныхъ ли обитателей Россіи, ея гражданъ, ея дѣтей, которые своимъ трудомъ и кровью стяжали этотъ край, или для иностранныхъ выходцевъ, которые придуть воспользоваться удобствами мирнаго обладанія этимъ краемъ, несомнѣнно имѣющимъ блистательную будущность? Для Русскихъ ли эта часть Россіи, или для иностранцевъ, кто бы они ни были? Казалось бы, невозможно и ставить подобный вопросъ. Однакожь въ дѣлахъ міра его нѣрѣдко и невозможное бываетъ возможнымъ“.

То, чего сорокъ лѣтъ тому назадъ Катковъ только опа-

сался и что представлялъ только возможнымъ, то нынѣ—увы!—прискорбный фактъ. Въ истекшее столѣтіе Кавказъ былъ, во всякомъ случаѣ, не для русскихъ, и потому нынѣ мы его видимъ не только не-русскимъ, но и анти-русскимъ.

Но, конечно, въ концѣ концовъ Кавказъ, какъ и всѣ прочія окраины, какъ и вся Россія,—для Русскихъ и долженъ быть русскимъ, а не армянскимъ и вообще не-русскимъ, какимъ онъ, вслѣдствіе прискорбныхъ ошибокъ нашихъ, былъ и есть до сихъ поръ. Измѣнить это ненормальное и вредное и въ гражданскомъ и въ политическомъ отношеніяхъ положеніе и обезпечить болѣе тѣсное сближеніе и внутреннюю, органическую связь Кавказской окраины съ Русскимъ государствомъ можетъ, конечно, только усиленіе и укрѣпленіе въ краѣ культурнаго русскаго элемента. А какъ же можно иначе укрѣпить и усилить въ краѣ русской элементъ, какъ не колонизаціей его, то-есть широкимъ водвореніемъ и прочнымъ утвержденіемъ русскаго дворянскаго землевладѣнія и заселенія края русскими земледѣльцами-крестьянами?

Первое появленіе Русскихъ на Кавказѣ относится еще къ IX вѣку (взятіе Тмутаракани). Съ этого времени Русскіе начинаютъ появляться повсемѣстно на Кавказѣ, движеніе ихъ сюда идетъ безостановочно и особенно усиливается съ XVI вѣка, когда покореніе Астрахани приблизило Россію къ Кавказскому перешейку, соединяющему Европу съ Азіей. Но въ своемъ движеніи на Кавказъ, какъ этапный пунктъ въ Азію, Русскіе встрѣтили естественную преграду въ видѣ непроходимаго для нихъ Кавказскаго хребта, и колонизація, такимъ образомъ, поневоля ограничивалась Сѣвернымъ Кавказомъ, то-есть нынѣшними Ставропольскою губерніей и Кубанскою и Терскою областями. Сюда переселялись цѣлыя деревни съ Дона и Днѣпра; въ XVII вѣкѣ Русскіе подчинили даже себя могущественнаго владѣтеля, хана Тарковского, совершали походы въ глубь Кавказа, вплоть до Куръ, и къ XVIII вѣку, уже вполне прочно утвердились на Кумѣ, Терекѣ и Кубани.

Насколько успѣшно шла колонизація Сѣвернаго Кавказа и въ послѣдующее время, видно изъ того, что въ настоящее время Русскіе составляютъ здѣсь 75%, то есть три

четверти всего населения, причемъ въ Кубанской области процентъ Русскаго населенія достигаетъ 93, въ Ставропольской губерніи составляетъ 79% и только въ Терской области не превышаетъ 33,5%. Изъ общей массы 4,800 тысячъ жителей этихъ трехъ областей, 3,600 тысячъ Русскихъ.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится, какъ мы видѣли, Закавказье, гдѣ, при общемъ населеніи въ полтора раза большемъ чѣмъ на Сѣверномъ Кавказѣ, Русскихъ въ десять разъ менѣе чѣмъ въ послѣднемъ. О колонизаціи Закавказья Русскими думалъ еще Петръ Великій, овладѣвшій частями нынѣшнихъ Бакинской губерніи и Дагестанской области (1723), и Екатерина II. Ни тому, ни другой не суждено было, однако, осуществить свои благія намѣренія, и колонизація Закавказья началась только послѣ окончательнаго присоединенія всего этого края къ Россіи, то-есть уже въ XIX столѣтіи.

Первое русское поселеніе въ Закавказьѣ—село Вель, Ленкоронскаго уѣзда, Бакинской губерніи—возникло въ 1834 году. Первыми русскими поселенцами были сектанты, сосланные сюда изъ внутреннихъ губерній. Такимъ путемъ, въ короткій сравнительно промежутокъ времени, въ край возникъ цѣлый рядъ русско-сектантскихъ поселеній (Привольное, Николаевка, Пришибъ, Андреевка, Астраханка, Новогонка и т. д.). Русско-православныя же села образовались преимущественно изъ отставныхъ солдатъ, оставшихся со своими семьями въ край, въ большинствѣ случаевъ при штабъ-квартирахъ войсковыхъ частей, въ которыхъ они служили (Гомборы, Вѣлий-Ключъ, Манглисъ, Сергеевское, Лагодехи, Гергеры, Царскіе-Колодцы—все въ Тифлисской губерніи, Ханкенды—въ Елисаветпольской губерніи, Кусары—въ Бакинской, Дашагортъ—къ Дагестанской области и др.). „Русское сектантское населеніе, — читаемъ въ одной официальной запискѣ (генерала Скалона) по кавказскимъ дѣламъ,—прибывало въ край массами и было надѣлено землями въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ, а православному, осѣдавшее единицами, предоставленное своимъ силами и средствами,—устранивалось болѣею частью не земледѣльцами, а чѣмъ-то въ родѣ мѣщанъ, занимаясь отдачей квартиръ, огородничествомъ, павозомъ, ремеслами и другимъ промысломъ“. Переселеніе, въ болѣе или менѣе зна-

чительныхъ размѣрахъ, продолжалось, впрочемъ, очень недолго.

Казалось бы, покореніе горскихъ племенъ и замиреніе Кавказа должно было повлечь усиленную колонизацію его Русскими,—въ видахъ обезпеченія въ край гражданскаго мира и приобщенія его къ культурной жизни. Но случилось совершенно наоборотъ: съ пятидесятихъ годовъ такъ успѣшно была начата колонизація Кавказа, почти совсѣмъ приостановилась вплоть до восьмидесятихъ годовъ. Въ это время, если здѣсь осѣдалъ русскій пахарь или ремесленникъ, то это было по преимуществу самовольное переселеніе, въ размѣрахъ весьма незначительныхъ. За все время едва-ли возникъ въ край и десятокъ новыхъ русскихъ поселеній.

Послѣдняя наша Турецкая война еще разъ воочию показала сколь существенное и важное государственно-политическое и военно-стратегическое значеніе представляетъ колонизація пограничныхъ областей. По окончаніи войны организовано было, поэтому, переселеніе въ одну изъ новоприсоединенныхъ областей—въ пограничную съ Турціей Карскую область. Въ пятилѣтіе 1880—1885 г.г. тамъ возникло 23 русскихъ (3 православныхъ и 20 сектантскихъ) поселеній съ населеніемъ свыше 10 тысячъ человекъ. Всего къ 1886 году во всѣхъ десяти губерніяхъ и областяхъ Закавказскаго края образовалось 132 русскихъ (56 православныхъ и 76 сектантскихъ) поселеній.

На этомъ колонизація Закавказья и остановилась. Несмотря, съ одной стороны, на всѣми признанную необходимость русской колонизаціи окраинъ, а съ другой, на общій ростъ переселенческаго движенія и трудность устройства всей массы переселенцевъ въ Сибирь, вѣдствие чего многимъ приходится даже возвращаться обратно,—Кавказъ съ 1886 года совсѣмъ былъ закрытъ для русскаго переселенія. Изъ полторадесятилѣтія не только не было предпринято ничего для организаціи русскаго переселенія на эту важную окраину,—чего, казалось бы, одинаково требуютъ и государственные интересы Россіи, и мѣстные культурные и экономическіе интересы,—не только не оказывалось никакого содѣйствія собственнымъ инстинктомъ идущимъ сюда переселенцамъ, но, напротивъ, создавались даже затрудненія къ

устройству ихъ здѣсь, какъ, напримѣръ, недопущеніе переселенцевъ на казенныя земли. Понятно, что недопущеніе переселенцевъ на казенныя земли въ край,—гдѣ только на казенныхъ земляхъ и возможно поселеніе ихъ,—равносильно закрытію этого края для русскаго переселенія. И дѣйствительно, Кавказъ является страной запретною для русскаго переселенія. Если происходилъ притокъ сюда русскаго элемента, то только, такъ сказать, контрабанднымъ путемъ, то есть безъ содѣйствія, вѣдома и разрѣшенія власти. Но рядомъ съ этимъ притокомъ русскаго элемента въ край, происходилъ и происходитъ и отливъ его изъ края; не говоря уже о новыхъ переселенцахъ, которые, не находя пріюта, естественно возвращаются обратно, голодные и холодные,—путь Закавказья выселились и были выселены (въ девяностыхъ годахъ) цѣлыя русскія деревни (духоборовъ), какъ, напримѣръ, с.с. Горьловка, Спасовка, Кирилловка, Подородное (Карской области), Славянка (Елисаветпольской губ.) и др. Въ результатъ русскій элементъ въ Закавказь не только не возросъ сравнительно съ массой не-русскихъ элементовъ, но еще сократился.

А что касается вліянія русскихъ поселеній на гражданскій бытъ и культурно-этнографическій строй, то какое же въ этомъ отношеніи вліяніе могутъ оказать 132 поселенія съ 70 тысячами жителей ¹⁾ на огромной территоріи въ 214,243 квад. верстѣ, съ 5,516 тысячами жителей? Въ среднемъ, это составляло одно русское поселеніе на 1,623 квад. версты территоріи и одного русскаго пахаря на 60 слышкомъ тысячъ человѣкъ сельскаго населенія! На самомъ же дѣлѣ и этого не было: изъ 57 уѣздовъ и округовъ Закавказскаго края, русскія поселенія существуютъ только въ 28, то есть менѣе чѣмъ въ половинѣ. Въ большей половинѣ уѣздовъ и округовъ, именно въ 29,—русскихъ поселеній и осѣдлага русскаго населенія вовсе нѣтъ.

Но не говоря уже о ничтожной, недостаточной для какого бы то ни было вліянія, численности русскихъ въ Закавказь,—и положеніе въ какомъ они здѣсь находятся вовсе не таково, чтобъ они могли вліять на окружающія ихъ массы инородческаго населенія. „Русскихъ въ Закавказь немного,

¹⁾ По даннымъ 1886 года.

да и тѣмъ,—указывается въ отмѣченной уже нами официальной запискѣ по кавказскимъ дѣламъ,—живется здѣсь плохо, что зависитъ частью отъ нихъ самихъ ¹⁾, частью отъ дружной ненависти мѣстнаго населенія и слабой защиты ихъ администраціей. Въ былое время русскія селенія отстаивали свои права отъ разныхъ посягательствъ туземцевъ силой, и достигали цѣли. Нынѣ, когда нужно искать защиты у суда и администраціи, плохо оказывающихъ защиту, положеніе русскаго населенія во всѣхъ отношеніяхъ ухудшилось».

Полная безпомощность и беззащитность русскихъ переселенцевъ вызвали учрежденіе (въ концѣ 1890-хъ годовъ) въ Закавказь двухъ частныхъ переселенческихъ обществъ, въ Тифлисѣ и Баку. Общества эти оказывали матеріальную помощь переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній, испытывающимъ здѣсь страшную нужду и вынужденнымъ нищенствовать по городамъ. Но, понятно, даѣе этого общества идти не могли; они не могли ни оказывать поселенцамъ нравственную и юридическую помощь съ борьбъ ихъ съ полудикими воинствующими инородцами, ни устраивать новыхъ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ, которыя имъ не отводятся.

Въ 1890-хъ годахъ, правда, водворено было нѣсколько десятковъ семействъ новыхъ русскихъ поселенцевъ въ Елисаветпольской губерніи и въ Карской области. Но эти новые поселенцы не составили новыхъ русскихъ поселеній, не заняли новыхъ земель, не увеличили собою численности русскаго населенія въ край: они лишь заняли милое предоставленныя имъ пепелища духоборовъ, выселившихся въ Канаду ²⁾. Новыхъ же русскихъ поселеній, которыя увеличили бы численно и подняли бы нравственно русскій элементъ

¹⁾ Здѣсь авторъ разумѣетъ склонность Русскихъ къ цынству пагубно отражающемуся на ихъ матеріальномъ благосостояніи.

²⁾ Такъ, въ Славянскѣ и окрестныхъ деревняхъ (Елисаветпольской губ.) брошенныхъ духоборами, водворено 60 семействъ переселенцевъ изъ Черниговской губерніи. Въ большинствѣ же случаевъ и этого нѣтъ, а въ оставленныхъ духоборами села переселяются крестьяне изъ другихъ мѣстныхъ же русскихъ селъ; такъ, въ село Горьловку, Карской области, оставленное духоборами, переселены крестьяне села Ольговки той-же Карской области, въ числѣ 28 семействъ; духоборское село Корниловка, Карской области, отведено было 64 семействамъ селеній Манглиевъ, Сергіевское, Голицинское и Вѣдльн Ключъ, Тифлисской губ. и т. д.

ментъ въ краѣ образованно не было. Не было не по тому что нѣтъ желающихъ селиться въ Закавказь,—ихъ напротивъ, очень много, и могло бы быть еще болѣе,—а потому что русскимъ переселенцамъ прибывающимъ сюда и желающимъ здѣсь поселиться, не давали (какъ и теперь не даютъ) для этого земель.

На необходимость русской колонизаціи Закавказья указывалъ еще А. П. Ермоловъ (1816—1827). Потто въ своей „Исторіи Кавказской войны“, говоритъ, что, по проекту Ермолова, въ новопокоренный край долженъ былъ быть переселенъ миллионъ крестьянъ изъ внутренней Россіи. Удаленный въ 1827 году съ Кавказа, Ермоловъ не успѣлъ осуществить этотъ проектъ. А затѣмъ вопросъ о русской колонизаціи былъ преданъ полному забвенію, въ какомъ и пребываетъ, къ несчастію для края и для Россіи, до настоящаго времени.

Правда, начиная съ 1834 г., въ Закавказь стали возникать отдѣльныя русскія поселенія. Но это не было организованное переселеніе, это не была правильная колонизація края. Русскія поселенія образовывались случайно—или изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, оставшихся со своими семьями въ краѣ или же, чаще, изъ сектантовъ, сосланныхъ сюда изъ внутреннихъ губерній. Вотъ въ какомъ видѣ представляются результаты этой полувѣковой колонизаціи по „Своду данныхъ о населеніи Закавказскаго края по семейнымъ спискамъ 1886 года“:

Губерніи.	Число русскихъ селеній.		Численность населенія.	
	Православныхъ.	Сектантскихъ.	Православнаго.	Сектантскаго.
Тифлисская 1).	25	14	8.881	10.168
Кутаисская	6	—	1.005	—
Эриванская	—	10	—	3.730
Елисаветпольская	2	13	321	7.562
Бакинская	4	19	2.470	15.661
Дагестанская	1	—	194	—
Карская	3	20	669	9.192
	41	76	13.540	46.313

1) Съ Закатальскимъ округомъ, въ которомъ, впрочемъ, нѣтъ ни одного русскаго поселенія.

Такимъ образомъ, колонизація была главнымъ образомъ сектантская 1); 67%, т. е. болѣе двухъ третей всѣхъ образовавшихся за полстолѣтіе русскихъ поселеній были сектантскія и только 33%—православныя. По численности же своей сектанты составляли 75%, т. е. три четверти населенія всѣхъ русскихъ поселеній, православные же едва 25%, или одну четверть 2).

Ссылка сектантовъ продолжалась до 1890 г., причемъ они щедро надѣлялись казенными землями и заботливо устраивались въ краѣ. Православные же переселенцы, являвшіеся въ край единицами, были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ; не получая земель, они устраивались болѣею частью въ городахъ, занимаясь огородничествомъ, извозомъ, ремеслами, отхожимъ промысломъ и т. п., вообще влчача довольно жалкое существованіе и совершенно теряясь въ ипородческой массѣ. Такое положеніе, понятно, не только не привлекало въ краѣ русскаго элемента, но наоборотъ—отвращивало его.

Благопріятный (относительно) поворотъ въ сторону русской колонизаціи происходитъ только въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Подъ вліяніемъ открыто и вызывающе проявившей себя армянской политической фронды, вопросъ о русской колонизаціи Закавказья, только путемъ которой оно и можетъ быть пріобрѣтено къ общерусской культурной и политической жизни, самъ собою выдвинулся на очередь. Въ это время произошла перемена въ высшемъ Кавказскомъ управленіи. Новый главноначальствующій, кн. Г. С. Голицынъ, прибывшій въ краѣ въ началѣ 1897 года, сразу же проявилъ свое благожелательное отношеніе къ дѣлу русской колонизаціи, выказавъ твердое намѣреніе дать ему надлежащій ходъ и поставить его на твердую почву. Первымъ шагомъ князя Голицына въ этой области

1) Въ составѣ сектантовъ находилось: 30.650 молоканъ, 12.448 духоборовъ, 7.890 субботниковъ, 2.080 прыгуновъ, 582 баптиста и 1.119 другихъ толкомъ (шалопуты, хлысты, скопцы и т. д.). Кроме 46.313 сектантовъ, жившихъ въ селеніяхъ, еще 3.993 жило въ городахъ—Тифлисъ (1.841), Баку (730), Ленкорани (682), Шемахъ (459), Карсъ (211), Ардаганъ (160) и др.—и 1.146 жили по-одиночкѣ и небольшими группами среди туземцевъ, въ селеніяхъ послѣднихъ.

2) Въ среднемъ, на одно православное селеніе приходится 310, а на одно сектантское—614 жителей.

было представлено объ отъѣнъ ссылки въ Закавказье сектантовъ, въ видахъ необходимости, въ интересахъ русскаго дѣла, колонизаціи края православнымъ русскимъ элементомъ и огражденія послѣдняго отъ вліянія сектантовъ. На отъѣнду этой ссылки послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Въ томъ же 1897 г. учреждена была особая должность завѣдующаго переселенческой частью на Кавказѣ. Числясь чиновникомъ особыхъ порученій при Переселенческомъ Управленіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, этотъ завѣдующій проживаетъ постоянно въ Тифлисѣ и состоитъ при главноначальствующемъ.

Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ также не осталось безучастнымъ къ дѣлу. Въ началѣ 1898 года оно возбудило вопросъ о распространеніи на Кавказѣ дѣйствія переселенческаго закона 13 іюля 1889 г. За распространеніе закона высказалось и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а также главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ. Независимо отъ этого, главноначальствующимъ созвано было въ Тифлисѣ лѣтомъ 1898 г. Совѣщаніе по вопросу о постановкѣ переселенческаго дѣла на Кавказѣ. Въ составъ Совѣщанія вошли: уполномоченный Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ на Кавказѣ, вице-директоръ канцеляріи главноначальствующаго, одинъ губернаторъ (Елисаветпольскій—Кирѣевъ) и завѣдующій переселенческой частью на Кавказѣ.

Признавъ, что „переселенческое дѣло на Кавказѣ составляетъ неотложную потребность настоящаго времени, такъ какъ переселенцы изъ разныхъ внутреннихъ губерній, въ лицѣ своихъ представителей-ходовъ, начинаютъ прибывать въ край“, Совѣщаніе нашло, что „сама жизнь до нѣкоторой степени намѣчаетъ тотъ путь, въ которомъ можетъ быть найденъ исходъ для благоприятнаго разрѣшенія переселенческаго дѣла, не ожидая изданія особыхъ правилъ о переселеніи на Кавказѣ“. Такъ, въ Бакинскои губ. Управленіи Государственными Имуществами, не имѣя права отвести переселенцамъ свободныя казенныя земли, начало сдавать таковыя имъ въ аренду, съ тѣмъ, чтобы сначала поселять ихъ тутъ временно, на срокъ аренды, а затѣмъ, если послѣдуетъ разрѣшеніе, то и окончательно. Такой способъ Совѣщаніе признало необходимымъ распространить на все За-

кавказье, дабы не заставлятъ русскихъ переселенцевъ бѣдствовать и возвращаться назадъ въ Россію. При этомъ, по заключенію Совѣщанія, казенныя земли и оброчныя статьи должны сдаваться въ аренду только Русскимъ—православнымъ (а не сектантамъ) крестьянамъ, безъ торговъ, на сроки отъ 6 до 12 лѣтъ. Совѣщаніе вполне правильно признало, что „въ интересахъ русскаго дѣла на Кавказѣ необходима колонизація этого края людьми исключительно Русскаго происхожденія и Православной Вѣры; привлеченіе людей другихъ народностей и вѣроисповѣданій, а также сектантовъ, здѣсь не можетъ быть допущено“. Признавъ, что „разумѣется, на Кавказѣ, гдѣ,—напр., къ составу пастбищъ были относимы земли не столько по свойству почвы, сколько по существующему способу пользоваія землей,—найдутся въ числѣ таковыхъ значительныя площади, годныя для земельной культуры и осѣдлой жизни“ и найдя необходимымъ командированіе въ Закавказье, подобно Сибири, для опредѣленія и отвода земель для колонизаціи, переселенческихъ отрядовъ, Совѣщаніе высказало въ заключеніе, что „для правильнаго развитія переселенческаго дѣла на Кавказѣ, конечно, особенно важно, чтобы первые переселенцы могли устроиться здѣсь прочно, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣло переселенія въ глазахъ населенія будетъ дискредитировано и, вслѣдствіе сего, можетъ въ дальнѣйшемъ пойти весьма неуспѣшно. Вслѣдствіе сего крайне необходимо, чтобы арендаторамъ, которые являются сюда съ цѣлью окончательнаго водворенія, были предоставлены всѣ переселенческія льготы, каковы: право проѣзда по удешевленному переселенческому тарифу, право на ссуду и т. п.“

Всѣ эти мнѣнія и соображенія Совѣщанія, по утвержденіи (28 сентября 1898 г.) главноначальствующимъ, были сообщены для руководства губернаторомъ края, предъ высшимъ же Правительствомъ возбуждены соответствующія ходатайства. 15 апрѣля 1899 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе Положенія Комитета Министровъ о распространеніи на Кавказѣ дѣйствія переселенческаго закона 13 іюля 1889 г. Въ началѣ 1900 г. изданы правила о выдачѣ денежныхъ пособій переселенцамъ, устраиваемымъ на Кавказѣ на основаніи закона 13 іюля 1889 г. По этимъ правиламъ, установленнымъ по соглашенію министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Финан-

совъ и Государственныхъ Имуществъ, наиболѣе нуждающимся семьямъ переселенцевъ выдаются на первоначальное домообзаведеніе ссуды „въ размѣрѣ дѣйствительной надобности, но не свыше 200 руб. на семью“, на что требуется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по представленію губернскаго или областного начальства¹⁾. Наконецъ, была издана „инструкція для образованія переселенческихъ участковъ на Кавказѣ“, утвержденная Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 12 марта 1910 г. Согласно этой инструкціи, образованіе переселенческихъ участковъ возлагается на особый отрядъ поземельно-устроительныхъ и межевыхъ чиновъ, состоящій подъ общимъ руководствомъ уполномоченнаго министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ на Кавказѣ. Участки образуются изъ назначенныхъ для того Министромъ свободныхъ казенныхъ земель, расположенныхъ въ предѣлахъ дачъ, обмежеванныхъ судебнымъ порядкомъ. Въ составъ переселенческихъ участковъ входятъ: а) земли вполне пригодныя для культуры, и б) прилегающіе къ нимъ луга и выгоны, а въ мѣстахъ лѣсистыхъ и малолѣсныхъ лѣсныя заросли, не имѣющія значенія защитныхъ, и иныя земли, могущія служить для выпаса скота. Каждый участокъ долженъ быть обеспеченъ водой для питья и водопоя. Участки нарѣзываются въ зависимости отъ ихъ величины и водоснабженія, для устройства на нихъ селеній или отдѣльныхъ хуторовъ. Въ каждомъ участкѣ опредѣляются пункты для устройства усадебной осѣдлости. Размѣръ надѣловъ не долженъ превышать для высокогорной холодной полосы 12 дес., для средней умѣренной—8 дес., и для низменной теплой—4 дес. удобной земли на личную душу мужского пола²⁾.

1) Ссуды погашаются, по истеченіи пяти льготныхъ лѣтъ, въ слѣдующія 28 лѣтъ ежегодными взносами 6% съ занятой суммы, въ томъ числѣ 4% интереса и 2% погашенія. Уплата полученной ссуды обезпечивается всѣмъ состояніемъ заемщика, коему до полного возмѣщенія долга воспрещается отчуждать возведенныя имъ на казенной землѣ постройки.

2) При неблагоприятныхъ условіяхъ участковъ, таковыя, съ разрѣшенія главноначальствующаго, могутъ назначаться и въ болѣешемъ размѣрѣ. На участкахъ, образуемыхъ для устройства селеній, отводятся, если это признано необходимымъ, надѣлы для причтовъ православныхъ церквей.

Переселенческіе участки во всякое время, по первому заявленію губернатора, безпрепятственно должны поступать въ распоряженіе администраціи, для отвода переселенцамъ въ безсрочное пользованіе.

Всѣ эти бумажныя мѣры требовались, однако, повидимому, только „для очистки совѣсти“: ни осуществленія и никакого вообще реальнаго значенія онѣ не получили и ни на югу дѣла впередъ не подвинули. Въ то время какъ Закавказская окраина наша служитъ какою-то „обѣтованною землей“ для чужихъ и чуждыхъ государству переселенцевъ Армянъ и Персовъ,—вопросъ о направленіи туда русской переселенческой волны посейчасъ остается открытымъ.

Если это государственное дѣло все же не стояло со-всѣмъ, то этому мы едва ли во всецѣло обязаны лишь энергичной дѣятельности мѣстныхъ частныхъ Переселенческихъ Обществъ—Тифлискаго и особенно Бакинскаго. Общества эти не только оказывали матеріальную помощь прибывающимъ въ Закавказье русскимъ переселенцамъ, въ находящимъ себѣ пріюта и принужденнымъ бѣдствовать, но содѣйствовали и самому водворенію и устройству ихъ въ негостепріимномъ для Русскихъ краѣ.

Фактъ, несомнѣнно, чрезвычайно характерный и примѣчательный: столь важное *государственное* дѣло, какъ русская колонизація Закавказья, озачивается болѣе, или, точнѣе, реальнѣе, частныхъ лицъ изъ среды мѣстнаго русскаго общества, чѣмъ само государство! Въ то время какъ послѣднее все еще не можетъ разобраться въ массѣ своей земельной собственности и опредѣлить—гдѣ и какия земли могутъ быть предоставлены для русской колонизаціи, дѣло которой не можетъ, благодаря этому, двинуться далѣе подготовительныхъ стадій,—мѣстное русское общество, видя, какъ туго разрѣшается этотъ вопросъ первостепенной важности и сколько горя и униженія терпятъ отъ этого русскіе переселенцы, желающіе поселиться здѣсь, рѣшило само ваяться за дѣло. Съ этою цѣлью, сначала возникло въ Тифлисѣ „Закавказское Переселенческое Общество“, подъ предѣлательствомъ управляющаго контрольною палатой В. С. Бутыркина, а затѣмъ, въ 1898 г., въ Баку возникло „Бакинское Общество вспоможенія нуждающимся переселенцамъ и рабочимъ изъ внутреннихъ губерній“, подъ предѣлатель-

ством управляющего Государственными Имуществами К. А. Шапошникова.

Дѣятельность обоихъ этихъ обществъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ, помимо матеріальной помощи русскимъ переселенцамъ (а Бакинское Общество также и рабочимъ) не находящимъ себѣ здѣсь пріюта и принужденнымъ страшно бѣдствовать, они много содѣйствовали и самому водворенію и устройству этихъ переселенцевъ въ Закавказьѣ. Трудami и средствами Тифлискаго Общества возникло первое русское поселеніе въ Караязской степи, заселеніе которой до того времени считалось невозможнымъ по климатическимъ и инымъ условіямъ. Общество построило здѣсь на свои средства небольшой русской поселокъ изъ семи дворовъ, вырыло колодезь для питьевой воды (оказавшійся прекраснаго качества) и, поселивъ въ немъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній⁴⁾, доказало тѣмъ возможность заселенія неприводительно-пустующей обширной степи, находящейся въ самомъ центрѣ Закавказья. Вскорѣ-же въ Караязской степи, пригодность которой для русской колонизаціи была удостовѣрена, при содѣйствіи того же Общества, устроено было второе большее русское поселеніе—изъ 38 семей переселенцевъ изъ Кубанской области. Общество оказало имъ помощь не только въ устройствѣ на новомъ мѣстѣ, но и въ приобрѣтеніи необходимаго рабочаго скота. По ходатайству Общества, Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ разрѣшило отпускъ ему на льготныхъ условіяхъ тѣса для постройки домовъ для переселенцевъ.

Болѣе важныя услуги дѣлу русской колонизаціи Закавказья успѣло (именно—*устѣло*—до пресѣченія начальствомъ его „преступной“ дѣятельности) оказать Бакинское переселенческое общество. Обществомъ этимъ, открывшимъ свои дѣйствія въ концѣ 1898 г., выстроены въ г. Баку, на землѣ православнаго духовнаго вѣдомства, подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ члена комитета Общества, архитектора Д. Д. Буйнова, и по его проекту, два каменные дома,—

⁴⁾ Изъ поселенныхъ 42 человѣкъ, на первыхъ порахъ почти всѣ переболѣли лихорадкой, но трудно больныхъ было только три, смертныхъ же случаевъ ни одного. Въ теченіе года среди новоселовъ была только одна смертная случай, но не отъ малярии: умерла дѣвочка отъ воспаления легкихъ.

одинъ для пріюта переселенцевъ и рабочихъ, рассчитанный на 80, но въ дѣйствительности свободно помѣщающій до 150 человѣкъ, а другой—закрывающій въ себѣ столовую, кухню и прачечную съ каменной ванной. Такимъ образомъ, переселенцы и рабочіе со своими семьями не только получили пріютъ, но и имѣли столь важную въ дорогѣ горячую пищу, а также возможность помыться въ теплой водѣ, что особенно необходимо для дѣтей, и возстановить чистоту одежды и бѣлья. Постройка обоихъ домовъ обошлась Обществу въ 6,380 руб., вся же внутренняя обстановка для нихъ, стоимостью въ 520 руб., пожертвована была членомъ комитета Общества, Д. Д. Митрофановымъ. О томъ сочувствіи, какое встрѣтили задачи и дѣлы Общества не только на мѣстѣ, въ Закавказьѣ (конечно въ русской средѣ), но и въ егѣ, до столицъ включительно, видно изъ того, что бывшій экзархъ Грузіи (нынѣ митрополитъ Кіевскій) высокопреосвященный Флавіанъ, по ходатайству благочиннаго протоіерея А. И. Юницкаго, предоставилъ Обществу безвозмездно удобное мѣсто на церковной землѣ въ г. Баку подѣ устройство переселенческаго пріюта; генераль-лейтенантъ Навроцкій, по собственной инициативѣ, собралъ отъ разныхъ лицъ въ Петербургѣ и препроводилъ на нужды Общества 1.000 руб.; не считая массы мелкихъ пожертвованій, дѣльмъ рядомъ лицъ изъ мѣстнаго общества и многими нефте-промышленными фирмами сдѣланы были денежные пожертвованія Обществу, для осуществленія его дѣлей, суммами свыше 500 рублей. При этомъ пожертвованія сдѣланы лицами и фирмами не только русскими (В. П. Буровъ, И. С. Дойниковъ, И. Ф. Логиновъ, Д. Д. Митрофановъ, Г. И. Тарусовъ, Н. А. Терентьевъ, „Бакинское Нефтяное Общество“ и т. д.), но и туземными (А. Мапташевъ, К. Зубаловъ, Г. Тагильевъ, „Товарищество бр. Нобель“) и даже одною иностранною („Я. Визау“—Англичане). Все это не только дало Обществу возможность безотлагательно устроить въ Баку пріютъ для его переселенцевъ, но и составило нѣкоторый капиталъ для его дѣятельности благотворительной (выдача пособій нуждающимся русскимъ переселенцамъ и рабочимъ—деньгами и вещами) и по устройству осязности переселенцевъ.

Въ виду значительнаго движенія переселенцевъ чрезъ Дагестанскую область, Общество обратилось къ мѣстному гу-

бернатору за содѣйствиємъ къ открытію въ нѣкоторыхъ городахъ этой области своихъ отдѣленій. Встрѣтивъ существенно этотъ проектъ, Дагестанскій губернаторъ сдѣлалъ соотвѣтствующія предложенія городскимъ управленіямъ Темиръ-Ханъ-Шуры, Дербента и Петровска. Но изъ нихъ только Дербентское городское управленіе обѣщало собрать путемъ подписки 150 рублей (!) на открытіе въ городѣ отдѣленія переселенческаго Общества, — конечно, неосуществимаго на такую сумму; Петровское городское управленіе заявило, что оно предполагаетъ (!) само открыть попечительство о переселенцахъ, — какового предположенія до сего времени, однако, не осуществило; Темиръ-Ханъ-Шуринское же городское управленіе прямо отозвалось не имѣніемъ средствъ (бѣдный областной городъ!).

Помимо помощи, денежной и вещевой, оказываемой нуждающимся переселенцамъ и рабочимъ, движущимся чрезъ Баку въ Закавказье и Закаспійскій край, или обратно на родину, и предоставленія имъ временнаго пристанища и пропитанія, Общество заботилось также, — и это понятно, самая существенная и важная область его дѣятельности, — о водвореніи и устройствѣ ихъ въ край, такъ какъ многіе, — къ сожалѣнію слишкомъ многіе, — изъ нихъ, не найдя себѣ осядлости, принуждены возвращаться обратно на родину. Въ короткій промежутокъ времени (три года) трудами и средствами Бакинскаго Общества въ Восточномъ Закавказьѣ образовано и устроено, не считая мелкихъ поселковъ, *пятнадцать* новыхъ русскихъ поселеній: шесть въ Дагестанской области и девять въ Бакинской губерніи.

Всѣ шесть новыхъ поселеній Дагестанской области находятся въ сѣверной части ея, въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ. Изъ нихъ три — на казенной оброчной статьѣ Озень, въ 16—20 верстахъ отъ г. Петровска, въ степи, между Петровско-Шуринскимъ шоссе и Владикавказскою желѣзною дорогой (Петровскъ-Ростовъ). Всѣ три поселенія основались въ 1899—1900 годахъ; одно изъ нихъ имѣетъ свыше ста семей, оба другіе, которые предположено соединить въ одинъ, — около 130 семей. Остальные три поселенія находятся: одно на казенномъ участкѣ *Ишикартъ*, въ 15 верстахъ отъ г. Темиръ-Ханъ-Шуры; поселокъ образовался въ 1901 г. въ составѣ 26 семей; другое — *Темиргой*, въ 4 верстахъ отъ станціи

(того же имени) Владикавказской желѣзной дороги и въ 27 верстахъ отъ г. Петровска, — и третье при рѣкѣ *Сулакъ*, на казенной оброчной статьѣ, вблизи станціи „Чирь-Юртъ“, Владикавказской желѣзной дороги и Кумыскаго оула. Поселеніе имѣетъ свыше ста семей, часть которыхъ основалась при штабъ-квартирѣ Ширванскаго полка и имѣвшихся жилищъ оставшихся солдатъ, другая же часть нѣсколько въ сторонѣ.

Изъ девяти новыхъ русскихъ поселеній въ Бакинской губерніи, пять образовались въ сѣверной части ея, въ Кубанскомъ уѣздѣ, и четыре — въ южной, въ Ленкоранскомъ и Джеватскомъ уѣздахъ. Четыре изъ нихъ возникли въ 1901 году, а именно: на Карачаевскомъ казенномъ участкѣ, въ 6 верстахъ отъ г. Кубы (30 семей), названное почему-то губернской администраціей „Козьяковкой“, хотя въ этой мѣстности и козловъ совсѣмъ не водится; на казенной оброчной статьѣ *Дара-Ятагъ* (15 семей); на *Ахталъской* оброчной статьѣ (30 семей) и на *Яломинской* оброчной статьѣ (всѣ въ Кубинскомъ уѣздѣ), отличающейся прекрасною почвой. На эту оброчную статью поступило много ходатайствъ со стороны переселенцевъ разныхъ губерній, давно облюбовавшихъ ее. Но всѣ эти ходатайства оставались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безо всякаго отвѣта; только въ 1901 году удалось основать здѣсь поселеніе на арендномъ правѣ, расположенное вблизи станціи „Худатъ“, Владикавказской желѣзной дороги (Петровскъ-Баку). Въ 12 верстахъ отъ г. Ленкорани, на казенномъ участкѣ *Сейдатурба*, образовался небольшой поселокъ изъ 8 семей переселенцевъ, которые съ успѣхомъ занялись культурой разныхъ высшихъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ (персики, лимоны, финики, французскія сливы, хурма и т. д.) и чайныхъ кустовъ.

Но наибольшій интересъ, по особеннымъ топографическимъ и инымъ условіямъ, представляютъ четыре поселенія Бакинской губерніи, образовавшіяся: на *Гильскомъ участкѣ*, расположенномъ на высотѣ свыше 5.000 футовъ надъ уровнемъ моря, въ предгорьѣ снѣжныхъ вершинъ Шахдагъ и Карадагъ; на *рѣкѣ Ичиль*, при персидской границѣ, и въ *глубокой Муванской степи*, гдѣ не было до сего времени никакихъ осядлыхъ поселеній.

О послѣднихъ (трехъ) селеніяхъ подробно рѣчь будетъ

дальше (въ особой главѣ — „Муганская степь“). Поселеніе на Гильской оброчной статьѣ (въ предѣлахъ Кубинскаго уѣзда, Бакинской губерніи) образовалось изъ 24 семей, прибывшихъ изъ разныхъ внутреннихъ, преимущественно южныхъ губерній, и названо ими *Ермоловскими*, — въ честь бывшаго тогда Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, А. С. Ермолова. Поселеніе это интересно въ смыслѣ удачнаго опыта осѣдлости и веденія хозяйства русскимъ крестьяниномъ на Кавказскихъ возвышенностяхъ. Гильская оброчная статья, на которой находится теперь Ермоловское поселеніе, представляетъ собою изолированную площадь на высотѣ почти 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Переселенцы первоначально поселились въ избахъ изъ самодѣльнаго земляного кирпича и, получивъ отъ Переселенческаго Общества пособие, въ размѣрѣ 20 рублей на семью, засѣяли поля пшеницей, рожью, ячменемъ и просомъ, а также огородными овощами, могущими произрастать въ этомъ поясѣ. Раздѣлавъ мѣстные родники въ колодцы, они получили обильный запасъ прекрасной воды для питья и хозяйственныхъ потребностей. Первый хозяйственный годъ (1900) оказался крайне неблагоприятнымъ для полевой растительности, вслѣдствіе обилія дождей. Тѣмъ не менѣе, новоселы прокормились весь годъ и, видимо, остались довольны полученнымъ урожаемъ. Рѣшивъ упрочить здѣсь свою осѣдлость, они со втораго года (1901) приступили къ постройкѣ постоянныхъ деревянныхъ избъ. Въ послѣдующіе годы шло даже привселеніе въ Ермолово новыхъ переселенцевъ, и Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ прирѣзало къ нему соседній казенный участокъ, рассчитанный еще на 30 семей. Такимъ образомъ, въ Ермолово образовалось 55 семей или дворовъ, а теперь ихъ уже до 80. Находясь въ районѣ горскихъ (деагинскихъ) селеній, изъ которыхъ многія (Кюсюнъ, Хазры, Гиль и др.) давно прославились разбоями и грабежами, это значительное русское поселеніе, съ культурнымъ и трудолюбивымъ населеніемъ, явилось здѣсь оплотомъ русской гражданственности и порядка, показавъ при этомъ полную возможность осѣдлости и веденія хозяйства русскимъ крестьяниномъ на Кавказскихъ возвышенностяхъ, имѣющихъ то преимущество предъ низменностями, что онѣ вовсе не знаютъ маляріи. Туземцы охотно поку-

паютъ у новоселовъ ихъ прекрасныя огородныя овощи, и отношенія между ними вообще самыя мирныя.

Слѣдуетъ отмѣтить, что это уже не первый удачный опытъ поселенія русскихъ крестьянъ въ горахъ Кавказа. Въ Эриванской губерніи, напримѣръ, имѣется цѣлый рядъ русскихъ поселеній (Еленовка, Семеновка, Корякинское, Шубинское и др.), расположенныхъ на высотѣ отъ 5 до 7,5 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Нѣкоторыя изъ этихъ поселеній существуютъ уже болѣе полувѣка, и земледѣльческое хозяйство ихъ идетъ вполне успѣшно.

Казалось бы, столь дѣятельное и полезное содѣйствіе названныхъ переселенческихъ Обществъ Правительству въ важномъ дѣлѣ русской колонизаціи Закавказья должно было привѣтствоваться отъ всей души и вызывать сочувствіе и поддержку всѣхъ Русскихъ людей, какъ равно и Правительства. Дѣйствительно, вождь этихъ Обществъ сгруппировалось все, можно сказать, мѣстное русское общество — по крайней мѣрѣ, въ лучшей своей части, что лучше всего указываетъ на сочувствіе его Обществу. Равнымъ образомъ, и Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ А. С. Ермоловъ, посѣтивъ въ 1900 г. Тифлисъ и Баку и, ознакомившись съ дѣятельностью здѣшнихъ переселенческихъ Обществъ выразилъ полное удовольствіе ею и назвалъ возникновеніе этихъ Обществъ „особенно отраднымъ явленіемъ“. Но, какъ ни странно, съ другой стороны дѣятельность Обществъ по устройству въ краѣ русскихъ поселеній не только не встрѣтила одобренія, но и признана была даже вредною (sic!), и въ 1901 году Тифлисскому Обществу официально было поставлено на видъ, что „цѣль его — оказывать исключительно пособие переселенцамъ, но не входить въ какія-либо сообщенія съ ходаками или переселенцами, указывать имъ мѣста для поселенія и т. д.“.

Такимъ образомъ, Тифлисскому Обществу, устроившему первое русское поселеніе въ Караязской степи, заселеніе которой считалось до того времени невозможнымъ, запрещено было, вслѣдствіе враждебныхъ русскому дѣлу интригъ, проявлять какую бы то ни было заботливость по земельному устройству переселенцевъ (она кому-то не понравилась, и ее напалъ вредною!); оно (со смертью своего руководителя В. С. Бутыркина, управлявшаго Тифлисскою контрольною палатой

стало чахнуть, а затѣмъ и совсѣмъ замерло,—къ великой, конечно, радости мѣстныхъ анти-русскихъ и противогосударственныхъ элементовъ.

Та-же участь постигла и Бакинское общество: его дѣятельность (устройствo русскихъ переселенцевъ) нашли вредной (sic!) и вскорѣ-же фактически упразднили и его, запретивъ устраивать осѣдлость переселенцевъ и разрѣшивъ оказывать имъ только матеріальную (денежную) помощь. Между тѣмъ, переселяющіеся въ Закавказье изъ внутреннихъ губерній, попадая въ совершенно новыя условия жизни и оказываясь въ чуждой, а не рѣдко и прямо враждебной имъ средѣ, требуютъ не только матеріальной помощи, но и еще болѣе именно соответствующаго руководства и содѣйствія въ отысканіи мѣстъ для поселенія и водворенія на нихъ.

Что касается собственно благотворительной дѣятельности Тифлискаго и Бакинскаго переселенческихъ Обществъ, то устронительная, такъ-сказать, дѣятельность ихъ не только не мѣшала ей, но всегда находилась въ связи съ нею, восполняя одна другую. Обои общества устроены были и содержались въ различныхъ мѣстахъ особыя переселенческіе пункты, при нихъ имѣлись столовыя для переселенцевъ и ночлежныя пріюты. Въ Тифлисъ и Баку устроены были центральныя пріюты для переселенцевъ, причемъ въ Баку при пріютѣ, рассчитанномъ на 80—100 человекъ, имѣлась и больница. Общества оказывали и денежную помощь слѣдующимъ чрезъ пункты переселенцамъ, доставляли имъ заработки до устройства на мѣстахъ и т. п.

Но, конечно, вся эта благотворительная дѣятельность утратила свое значеніе и назначеніе, разъ Общества лишены были возможности прилагать заботы къ скорѣйшему и лучшему поземельному устройству переселенцевъ. Она и вовсе должна была изсякнуть, ибо Общества не имѣютъ ни средствъ, ни возможности содержать переселенцевъ долгое время. Между тѣмъ, безъ соответствующаго руководства и содѣйствія въ отысканіи мѣстъ для осѣдлости и водворенія на нихъ, переселенцы, естественно, должны нуждаться въ продолжительномъ попеченіи и иждивеніи Обществъ.

Конечно, въ этомъ частномъ руководствѣ и содѣйствіи, въ этомъ, если угодно, постороннемъ вмѣшательствѣ въ государственное дѣло не было-бы, быть-можетъ, никакой на-

добности, если-бы дѣло русской колонизаціи Закавказья дѣйствительно стало *государственнымъ дѣломъ*, то-есть, если-бы за него взялось само государство и повело его какъ должно и какъ того требуютъ общіе интересы. Конечно, тогда частное руководство и содѣйствіе переселенцамъ стали бы излишними. Но когда это будетъ? До чего времени, по крайней мѣрѣ, этого нѣтъ, и оставалось, казалося-бы, только радоваться, что столь важное и необходимое государственное дѣло все же не совсѣмъ стоитъ, а, какъ ни какъ, да дѣлается...

Этимъ частнымъ „дѣланіемъ“ дѣло, конечно, ограничиваться не можетъ и не должно. Какую бы дѣятельность частныя переселенческія Общества не проявляли, и сколько бы ихъ ни было, они не могутъ вести дѣло въ такихъ размѣрахъ какъ требуется: на это у нихъ нѣтъ ни средствъ, ни возможности. По существу своему, дѣятельность ихъ можетъ быть только вспомогательная, но не самостоятельная. Они если устраивали переселенцевъ, то только наличныхъ, случайныхъ, или, какъ ихъ называютъ, „самовольныхъ“. Дѣло же русской колонизаціи Закавказья не состоитъ въ томъ чтобъ устраивать только случайно забредшихъ сюда переселенцевъ, а въ томъ чтобъ организовано было *широкое и правильное* переселеніе сюда изъ внутреннихъ губерній, что въ задачи частныхъ переселенческихъ Обществъ вовсе не входило и не можетъ входить. Это—дѣло государства, правительства, и чѣмъ скорѣе оно возьмется за него, тѣмъ лучше. Средствами и силами однихъ только переселенческихъ обществъ Закавказье никогда не будетъ заселено Русскими и, слѣдовательно, никогда не приобщится къ обще-русской жизни, и никогда не будетъ закрѣплена должнымъ образомъ политическая связь его съ Русскимъ государствомъ. И то и другое достигнется только усиленіемъ въ краѣ Русскаго элемента до размѣровъ преобладанія его надъ элементами если не вообще не-русскими, то во всякомъ случаѣ надъ анти-русскими. А это возможно, конечно, только путемъ широко и правильно организованной русской колонизаціи.

Несмотря, однако, на всеобщее признаніе необходимости русской колонизаціи Закавказья, несмотря на проявленныя въ 1890—1905 г.г. правительствомъ стремленія и мѣро-

прятія къ безотлагательному осуществленію этого государственнаго дѣла, не взираая на благожелательное, повидимому (въ то время) отношеніе къ нему и высшей мѣстной власти,—оно фактически все-таки не двигалось и не движется впередъ. Мало того,—въ послѣднее время шло даже выселеніе изъ края русскаго элемента, то-есть большее еще ослабленіе его, въ то время какъ анти-русскіе элементы, вслѣдствіе непрекращающейся массовой эмиграціи извнѣ (Армяне, Англичане, Персы и т. д.), преумножаются и усиливаются.

Въ послѣднее десятилѣтіе (съ 1903 года) шло прямо массовое выселеніе изъ Закавказья русскаго элемента. Въ Баку цѣлые пароходы грузились русскими рабочими, выдворяемыми съ семьями чрезъ Астрахань „на родину“. Кромѣ того, выселеніе шло и сухимъ путемъ, по желѣзной дорогѣ. Всего выселено съ 1903 года „на родину“ не менѣе 20,000 человекъ. Эта цифра и сама по себѣ громадна. Но нужно имѣть въ виду, что въ Закавказь, при $6\frac{1}{2}$ миллионномъ населеніи, всего-то Русскихъ 380 тысячъ человекъ¹⁾. Слѣдовательно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ Закавказья выселено „на родину“ 7%, то-есть тринадцатая часть всего русскаго населенія!

Такое выселеніе (при помощи мѣстной администраціи) Русскихъ изъ края, въ который необходимо, напротивъ, привлеченіе ихъ, старались объяснить сначала безработицей, вызванною нефтянымъ „кризисомъ“. Но, во-первыхъ, почему же эта „безработица“ не только не вызвала выселенія изъ края чужеземцевъ и иноплемениковъ, на которыхъ она, казалось бы, болѣе всего должна была обрушиться, ибо они составляютъ большинство рабочихъ въ нефтяномъ районѣ, но не остановила даже массоваго привселенія ихъ извнѣ, продолжавшагося все это время и продолжающагося безостановочно? Во-вторыхъ,—пресловутый нефтяной „кризисъ“ очень скоро миновалъ, а между тѣмъ высылка Русскихъ, — только Русскихъ,—продолжалась до самаго послѣдняго времени. А въ третьихъ,—если дѣйствительно 20 тысячъ Русскихъ оказались въ Закавказь „не у дѣль“, то вѣдь на то

¹⁾ Собственно-же осѣдлага на землѣ русскаго элемента всего около 140 тысячъ. Остальные чиновники, рабочіе и вообще случайный элементъ, живущій въ городахъ и неимѣющій прочной, постоянной осѣдности въ краѣ.

же учреждены тамъ переселенческіе органы, чтобъ устраивать Русскихъ переселенцевъ, давать имъ дѣло, то-есть землю. А между тѣмъ, Русскіе массы выселяются властью обратно „на родину“! Любопытно отмѣтить, что среди русскаго населенія Закавказья, не имѣющаго возможности прочно устроить здѣсь свою постоянную осѣдность, въ послѣднее время возникло даже переселеніе въ Сибирь! Высланные въ теченіе послѣдняго десятилѣтія изъ Закавказья 20,000 Русскихъ могли бы составить сорокъ—пятьдесятъ новыхъ русскихъ поселеній въ краѣ, что обезпечило бы ихъ благосостояніе, и столь трудно дающіяся здѣсь успѣхъ русскаго государственнаго дѣла. Но, вмѣсто этого, ихъ выпроводили изъ края, снабдивъ даже удешевленными или бесплатными билетами на проѣздъ...

Это—скажутъ намъ—рабочіе, а не переселенцы. Но, во-первыхъ, рабочихъ, уже обжившихся, съ семьями и акклиматизировавшихся, какъ высланные, и нужно поселять въ краѣ. А во-вторыхъ—развѣ съ переселенцами дѣло обстоитъ лучше? Вотъ выдержки изъ частнаго письма одного мѣстнаго русскаго дѣятеля:

„Цѣлая партія въ 66 человекъ стоитъ въ вагонахъ въ Тифлисѣ, съ плугами и зерномъ, распродавъ рѣшительно все дома. Пора не только что пахать, а сѣять на новыхъ мѣстахъ, чтобы не умереть имъ съ голоду зимою. А мѣста не отведены, и люди маются. Они молятъ, чтобы имъ хотя дали землю въ аренду, пока ихъ дѣло не рѣшено въ болѣе устойчивой формѣ. Вотъ ужъ именно безпастушное стадо! И буквально не знаешь, къ кому обратиться! Они рѣшили ожидать исхода своихъ ходатайствъ на станціи Сагиръ или въ селеніи Петропавловскомъ, а ходяки ѣдутъ бить челомъ высшимъ властямъ. Поддержите ихъ, во имя Бога живого! Теперь мудрено уже разобрать, кто виноватъ въ томъ, что эти люди сунулись въ воду, не ознакомившись поближе съ дѣйствіемъ предательскимъ бродомъ. Но не погибать же имъ, въ самомъ дѣлѣ!!!“

Эти 66 семей переселенцевъ прибыли изъ Херсонской губерніи и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль „били челомъ“ всѣмъ, кому надлежитъ здѣсь вѣдать дѣло русскаго переселенія, до высшей власти включительно. Но все что послѣдняя нашла возможнымъ сдѣлать для нихъ, это—напра-

вить въ Баку, въ частное Переселенческое Общество, которое только приняло въ нихъ участіе и устроило временную осѣдность ¹⁾.

Другой примѣръ.

Переселенцы устраиваются, при содѣйствіи и помощи частнаго Переселенческаго Общества, на арендованной казенной землѣ; ходоки ихъ, въ числѣ 12 человѣкъ, отправляясь на родину за семьями новоселовъ, просятъ губернскую администрацію выдать имъ удостовѣренія на проѣздъ по удешевленному переселенческому тарифу. Губернская администрація, однако, отказываетъ имъ въ этомъ, препровождая ихъ прошенія въ частное Переселенческое Общество, — „не найдеть-ли оно возможнымъ оказати какую-либо помощь просителямъ изъ своихъ средствъ“.

Третій примѣръ.

Переселенцы, образовавшіе два поселенія въ Муганской степи, ходатайствуютъ предъ высшею властью края о соудѣ на продовольствіе и обрѣженіе полей, въ виду порчи ихъ посѣвовъ саранчой. Власть отвѣчаетъ, что хотя она сочувствуетъ укрѣпленію новоселовъ, „которые на дѣлѣ показали свои колонизаторскія способности“, но не можетъ дать движенія ихъ ходатайству, такъ какъ они — не законные переселенцы и, „будучи официально временными обитателями края, являются для Правительства только частными лицами“. Поэтому, ходатайство ихъ препровождается въ частное Переселенческое Общество, „на предметъ оказанія возможнаго вспомошествованія указаннымъ крестьянамъ изъ суммъ Общества“.

Итакъ, государственная власть совершенно устраняется отъ дѣла русской колонизаціи края, имѣющей такое важное государственное значеніе, направляя переселенцевъ въ частное Общество и предоставляя ихъ исключительному вѣдѣнію и попеченію послѣдняго! Можно ли при такихъ условіяхъ, при такой постановкѣ и обстановкѣ дѣла ожидать успѣшнаго хода русской колонизаціи?

При подавляющемъ численномъ и нравственномъ господствѣ въ Закавказьѣ анти-русскихъ элементовъ, не могушихъ, понятно, сочувствовать дѣлу русской колонизаціи и

¹⁾ Село Голицыно, на персидской границѣ.

поддерживать его, силы и средства частныхъ Переселенческихъ Обществъ, конечно, были ограничены. Членовъ мало, пожертвованій же и того еще меньше. Для усиленія своихъ средствъ Бакинское Общество пробовало было устраивать вечера, какъ это дѣлается обыкновенно. Но даже представители мѣстной русской власти не сочли нужнымъ посѣщать вечера въ пользу русскаго Переселенческаго Общества. Публика же на 95% не русская, конечно, и тѣмъ болѣе уклонилась отъ какой бы ни было поддержки русскаго дѣла. Но этого мало. Устроенный Обществомъ вечеръ ознаменовался такою каверзой: въ самый разгаръ вечера — въ театрѣ вдругъ потухло электричество. Публика начала чиркать спички и поспѣшно развѣзжаться. Оказалось, электричество потухло по „ошибочному“ распоряженію полиціи! А когда его зажгли вновь, почти вся публика развѣхалась. Такимъ образомъ, вечеръ пропалъ, еле окупивъ расходы. Конечно, прибѣгать къ такому способу „усиленія“ своихъ средствъ Общество болѣе не рѣшилось.

Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось дѣйствовать частнымъ Переселенческимъ Обществамъ! А между тѣмъ къ нимъ, какъ мы видѣли, предъявлялись формальныя требованія о помощи переселенцамъ, которые прямо препровождались властью на его попеченіе! Въ концѣ концовъ, впрочемъ, усердіемъ той-же „русской“ власти оба частныя переселенческія общества — Тифлисское и Бакинское — приведены были (послѣ 1905 г.) въ полное небытіе и окончательно ликвидированы.

Какой-то по-истинѣ злой рокъ тяготѣетъ надъ русской колонизаціей Закавказья. Важная и необходимая государственная мѣра эта, намѣченная и разработанная еще Ермоловымъ, до сихъ поръ не можетъ получить желаемаго и должнаго осуществленія. Край систематически заселяется выходцами изъ Персіи и Турціи, а въ послѣднее десятилѣтіе подвергается еще и „мирному завоеванію“ англичанъ, хорошо понимающихъ политическое и стратегическое значеніе Кавказскаго перешейка, какъ „моста“ изъ Россіи въ Азію. Русское же переселеніе туда никакъ не можетъ до сихъ поръ организоваться. Мало того, организовано было даже выселеніе оттуда и той горсточки Русскихъ, которой удалось осѣсть въ край въ истекшіе полулѣта. Въ тамъ

прекрасно устраиваются, а для Русских не оказывается мѣста; для всѣхъ Кавказъ—благодатный край, для Русскихъ же въ буквальномъ смыслѣ „погибельный“: сколько погибло тамъ русскихъ переселенцевъ, не допускаемыхъ къ осѣдлости и гонимыхъ обратно „на родину“!

Оттого, понятно, не можетъ утвердиться на Кавказѣ и власть Русскаго государства: при равноплеменности его населенія и при отсутствіи государственнаго русскаго элемента, она лишена тамъ точки опоры, не имѣетъ твердой почвы подъ собою.

VII.

Есть-ли въ Закавказь свободныя земли для русскаго переселенія?

Подъ влияніемъ земельного „голода“ въ Европейской Россіи переселенческой вопросъ привлекаетъ въ настоящее время всеобщее вниманіе. Государственная Дума учредила переселенческую комиссію; правительство всячески содѣйствуетъ переселенію, стараясь дать ему болѣе правильную и осмысленную организацію. Переселенческое дѣло озабочиваетъ и нашу, такъ называемую, „оппозицію“, т. е., раскрывая ея теперешій псевдонимъ,—революцію (ранѣе выступавшую подъ псевдонимомъ „освободительства“), но только съ другой стороны: она всячески старается затормозить переселеніе и отвратить отъ него русское крестьянство, нуждающееся въ „землицѣ“. Революція, окрестившая себя болѣе благовиднымъ (по нынѣшнимъ „реакціоннымъ“ временамъ) именемъ „оппозиція“, и тутъ остается вѣрной себѣ: съ одной стороны, разрѣшеніе „аграрнаго вопроса“, столь широко употребляемаго ею для своихъ (революціонныхъ) цѣлей, конечно, для нея совсѣмъ неинтересно и невыгодно, съ другой же стороны—заселеніе инородческихъ окраинъ осѣдлымъ русскимъ элементомъ можетъ послужить существенной помѣхой ихъ „самоопредѣленію“...

Но какъ во всемъ, такъ и въ данномъ случаѣ жизни идетъ мимо революціи, и русскій народъ оказывается въ рѣзкой коллизіи съ нею: въ послѣдніе годы переселенче-

ское движеніе приняло небывалые никогда ранѣе размѣры. До 1906 года въ среднемъ переселялось по 66 тысячъ душъ въ годъ, въ 1906 же году переселилось 180 тысячъ душъ, а съ 1907 года переселяется до полумилліона душъ. Къ сожалѣнію, какъ и ранѣе, вся переселенческая волна направляется въ одну сторону—за Уралъ. Прочія окраины обходятся русскимъ переселенческимъ движеніемъ, точнѣе—на прочія окраины оно не направляется. Почему же забыто Закавказье, гдѣ имѣется огромный фондъ казенныхъ земель и колонизація котораго русскимъ элементомъ,—помимо того, что можетъ дать прочную и обезпеченную земельную осѣдлость не одной сотнѣ тысячъ крестьянскихъ семей внутреннихъ губерній,—представляетъ настоятельную и воищую государственную необходимость? За столѣтіе принадлежности Россіи Закавказья въ немъ поселено было всего-навсего 140 тысячъ русскихъ колонистовъ. И всего русскаго населенія въ Закавказь въ настоящее время не болѣе 380 тысячъ душъ, т. е. менѣе 6% всего населенія. Русскій народъ, неисчислимыми потоками крови и материальными жертвами котораго завоевано и затѣмъ покорено Закавказье, de facto, очевидно, до сихъ поръ еще не введенъ во владѣніе этой благодатной и богатѣйшей страной, только номинально входящей въ составъ его владѣній.

Можно было ожидать и ожидали многие, что съ учрежденіемъ Кавказскаго намѣстничества положеніе намѣнитца къ лучшему. Въ дѣйствительности, положеніе намѣстника, но не къ лучшему, а къ худшему еще: съ учрежденіемъ намѣстничества Кавказъ былъ вовсе закрытъ для русскаго переселенія. Но этого мало: не только прекращено было русское переселеніе на Кавказъ, но было еще организовано *выселеніе* оттуда и той гореточки русскихъ, которой удалось осѣсть въ краѣ въ прежнее время.

Что-же все это значитъ? Почему русскіе переселенцы не только не направляются, но и не допускаются на Кавказъ? Начальникъ главнаго переселенческаго управленія г. Глинка заявилъ въ переселенческой комиссіи Государственной Думы, что „дѣло переселенія на Кавказъ находится всецѣло въ вѣдѣніи намѣстника и переселенческое управленіе тутъ ни причѣмъ“. Кавказскіе-же инородческіе депутаты пояснили при этомъ, что на Кавказъ пѣтъ свобод-

ныхъ земель для русскаго переселенія. Такія же объясненія мы слышали неоднократно и изъ официальныхъ устъ; этимъ-же „неимѣніемъ свободныхъ земель“ обусловлено было въ 1905 году закрытіе Кавказа для русскаго переселенія; этимъ же объясняется и недопущеніе туда и изгнаніе оттуда русскихъ переселенцевъ.

Препятствіемъ къ осуществленію русской колонизаціи имѣющей такое важное государственное значеніе, конечно, только и могло-бы быть отсутствіе или недостатокъ нужныхъ для этого казенныхъ земель. Но именно съ этой стороны въ Закавказьѣ ни о какомъ препятствіи и рѣчи быть не можетъ.

Въ Закавказьѣ, при территоріи 217, 123,6 кв. верстъ, числится всего населенія 6,450 тысячъ человѣкъ, что составляетъ, въ среднемъ, 29 человѣкъ на кв. версту. Плотность-же населенія въ Европейской Россіи вообще ¹⁾ составляетъ 42 человѣка на кв. версту, а въ частностяхъ, напримѣръ, въ Привислянскомъ краѣ 87 человѣкъ на кв. версту, т. е. почти вчетверо болѣе чѣмъ на Кавказѣ, въ Московской губерніи 88 чел. на кв. версту, въ Подольской губерніи 87, въ Киевской 81, въ Полтавской 65,7, въ Курской, Петербургской, Тульской, Харьковской, Черниговской, Орловской и др.—болѣе 50 чел. на кв. версту, т. е. почти вдвое болѣе чѣмъ на Кавказѣ. Въ Бельгіи плотность населенія достигаетъ 218 чел. на кв. километръ, въ Голландіи 148, въ Англіи 127, въ Италіи 111, въ Германіи 99,6, въ Австріи 77,7, въ Швейцаріи 75,2 во Франціи 72 и т. д.

Можно ли послѣ этого признавать, что Кавказъ, гдѣ плотность населенія составляетъ едва только 29 человѣкъ на кв. версту, такъ густо заселенъ, что тамъ дѣйствительно свободныхъ земель нѣтъ? Объ этомъ, очевидно, и рѣчи быть не можетъ.

Если Привислянской край, гдѣ плотность населенія составляетъ 87 чел. на кв. версту ²⁾, и западная губерніи, гдѣ плотность населенія составляетъ свыше 60 человѣкъ на кв.

версту, могли вмѣстити свободно свыше полумилліона нѣмецкихъ колонистовъ (въ короткій, сравнительно, промежутокъ времени), то какимъ же образомъ въ Закавказьѣ, гдѣ плотность населенія составляетъ только 29 душъ на кв. версту, не оказывается свободныхъ мѣстъ для колонизаціи? Въ дѣйствительности этого и не оказывается: колонизація Закавказья идетъ непрерывно и въ широкихъ размѣрахъ, но... Но только колонизація не русская, а иностранная! Въ краѣ постоянно переселяются цѣлыя массы пришельцевъ—Армяны изъ Турціи и Персовъ изъ Персіи,—и все здѣсь поселяются, для всѣхъ оказывается сколько угодно свободныхъ мѣстъ; только для русской колонизаціи нѣтъ свободныхъ мѣстъ, только Русскіе переселенцы не находятъ себѣ пріята въ этомъ злополучномъ для нихъ краѣ и принуждены или нищенствовать въ здѣшнихъ городахъ, или же, въ лучшихъ случаяхъ, возвращаться голодными и холодными обратно „въ Россію“.

Не странно ли, не удивительно ли въ самомъ дѣлѣ, что въ то время когда Закавказье служитъ прямо обѣтованною землей для всякихъ чужеродцевъ, массами переселяющихся въ него изъ сосѣднихъ государствъ,—каждый разъ какъ только заходитъ рѣчь объ организаціи въ него русскаго переселенія,—предъ нами сейчасъ же вырастаетъ неустрашимая помѣха: въ краѣ нѣтъ свободныхъ земель для русскихъ колонистовъ! Объ этомъ не только твердить настойчиво мѣстная туземно-инородческая печать, но объ этомъ доноситъ постоянно и мѣстная власть! И вотъ, несмотря на то что вопросъ о русской колонизаціи Закавказья привлекаетъ особое вниманіе и русскаго общества, и правительства, справедливо видящихъ въ ней единственное средство усилить въ краѣ русской элементъ и тѣмъ пріобщить его къ обще-русской жизни,—осуществленіе этого оказывается невозможнымъ, и Закавказье—въ смыслѣ культурномъ и политическомъ—остается „отрѣзаннымъ ломтемъ“ отъ Россіи.

Но, можетъ-быть, въ Закавказьѣ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ свободныхъ земель для русской колонизаціи, т. е. такихъ земель, которыя могли бы быть предоставлены для русскаго населенія? Хотя въ Закавказьѣ, вдвое и втрое рѣже населеномъ, чѣмъ внутреннія русскія губерніи, вообще, конечно, очень много свободныхъ земель, но вѣдь не всякими

¹⁾ За исключеніемъ Финляндіи и пустынныхъ губерній: Архангельской, Вологодской, Олонеккой, Оренбургской и Астраханской.

²⁾ По 1 отдѣльнымъ губерніямъ еще значительно болѣе; такъ, въ Петроковской, служащей центромъ нѣмецкой колонизаціи плотность населенія составляетъ 135,7 человѣкъ на кв. версту, въ Варшавской 128,2, въ Сѣдлецкой 118.

свободными землями правительство может располагать по своему усмотрению и отводить под русския населенія. Для этого оно должно имѣть свои, т. е. казенныя, земли. Но можетъ-быть въ Закавказьѣ нѣтъ казенныхъ земель? Можетъ-быть всѣ свободныя земли здѣсь частновладѣльческія, собственники которыхъ—инородцы, охотно предоставляя ихъ чужестраннымъ пришельцамъ, ни за что не предоставляя для русской колонизаціи, такъ что дѣйствительно организація русскаго переселенія сюда представляется невозможной? Не можетъ же въ самомъ дѣлѣ правительство распорядиться по своему усмотрению чужою собственностью, т. е. принудительно отводить подъ русскія поселенія частновладѣльческія земли!

Всѣ эти рассужденія само собою отпадутъ, когда мы скажемъ, что именно казна и является самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ Закавказья, что именно ей, а не частнымъ лицамъ, принадлежатъ почти всѣ свободныя земли края. За исключеніемъ двухъ только губерній—Тифлисской и Кутаисской (бывшія Грузія, Имеретія, Гурия и Мингрелія), гдѣ частная собственность существовала издавна, во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ края частной земельной собственности никогда не существовало и она возникла здѣсь только съ 1846 г., когда было создано высшее сословіе мусульманъ. Въ двухъ же областяхъ края—Карсской и Батумской частной собственности и нынѣ вовсе не существуетъ. Всѣ земли здѣсь государственныя. *Недавно законченными межеваніемъ въ Закавказскихъ губерніяхъ и областяхъ размежевано за казною свыше 10 милліоновъ десятинъ, что составляетъ болѣе трети всей территории края.*

И послѣ этого говорить, что въ Закавказьѣ нѣтъ свободныхъ земель для русскаго переселенія! Для кого-же эти 10 милліоновъ десятинъ казенныхъ земель? На нихъ вѣдь свободно можетъ быть разселенъ цѣлый милліонъ русскихъ переселенцевъ. Почему же мы не только не видимъ до сего времени широко и правильно организованнаго русскаго переселенія въ Закавказье, но оно даже совсѣмъ остановилось и русскимъ переселенцамъ совсѣмъ не отводятся земли? Почему? Да все потому-же: въ край нѣтъ свободныхъ земель для русскаго переселенія! Казна принадлежитъ болѣе третьей

части всей территоріи края, 10 милліоновъ десятинъ,—и все такіе нѣтъ свободныхъ земель!

Ни одна изъ окраинъ русскаго государства не требовала, для включенія ея въ составъ послѣдняго, столькожъ усилій и жертвъ со стороны Русскаго народа, сколько потребовалъ Кавказъ. Правда, почти всѣ окраины наши приобретены нами путемъ завоеванія (Польша, Финляндія, Новороссія, Туркестанъ, Амурь). Но Кавказъ, кромѣ завоеванія, потребовалъ еще и покоренія его, на которое потрачены были не только чрезвычайныя усилія и жертвы, но и цѣлыя десятки лѣтъ времени. Каждая пядь земли здѣсь досталась намъ не иначе какъ съ боя,—боя упорнаго и кроваваго. Государство Русское, однако, не остановилось предъ всѣми этими усиліями и жертвами, а народъ Русскій съ готовностью несъ ихъ, зная какимъ драгоценнымъ приобретеніемъ являлось это для Россіи и понимая какъ необходимо ей приобретеніе Кавказа, какъ этапа для пути въ Азію. Наконецъ, онъ былъ присоединенъ къ Россіи. Но и по присоединеніи Кавказа Русскій народъ не могъ еще вступить въ обладаніе имъ и воспользоваться его богатствами. Для этого потребовалось еще чуть не поголовное покореніе туземныхъ народовъ. Послѣ долгой упорной борьбы совершилось, наконецъ, и это покореніе.

Казалось бы, послѣ этого Кавказъ долженъ былъ уже стать русскимъ достояніемъ. Принесшіи столько усилій и жертвъ на завоеваніе и покореніе его, Русскій народъ долженъ былъ уже вступить въ обладаніе имъ и пользоваться всѣми его богатствами...

Но со времени окончательнаго покоренія Кавказа прошло уже болѣе полулѣтка. А между тѣмъ и до сихъ поръ еще онъ не сталъ de facto достояніемъ завоевавшаго и покорившаго его Русскаго народа. Не только всѣ его несметныя природныя богатства остаются въ не-русскихъ рукахъ, но Русскій народъ-завоеватель лишенъ даже возможности селиться въ этомъ благодатномъ край, который остается совсѣмъ какъ бы чужимъ для него. Какъ будто и нынѣ еще Кавказъ не принадлежитъ Россіи, или—еще того хуже—какъ будто Русскій народъ завоевывалъ и покорялъ его цѣлой неисчислимыя жертвъ и потоковъ своей крови не для себя, а для другихъ, для тѣхъ чуждыхъ ему и Россіи эле-

ментовъ, которые de facto являются нынѣ обладателями Кавказа, и въ распоряженіи которыхъ находятся всѣ его богатныя земли и колоссальныя природныя богатства...

Покореніе и умиротвореніе Кавкасскаго края сопровождалось, какъ извѣстно, массовымъ выселеніемъ изъ него въ Турцію туземныхъ горцевъ, не могшихъ примириться съ водвореніемъ здѣсь русскаго владычества. Когда горцы увидали, что ни мужество ихъ, ни отвага, съ какими они цѣлые десятилетия отстаивали родныя горы свои, не могутъ остановить насъ и заставить отказаться отъ обладанія этими горами, они стали бросать ихъ и переселяться въ сосѣдную, близкую имъ по культурѣ, магометанскую страну—Турцію. Переселеніе началось въ 1862 году и, какъ ни старались мы остановить его, продолжалось до конца шестидесятыхъ годовъ. Изъ всѣхъ почти областей Кавказа выселялись въ Турцію цѣлыя общества, цѣлыя селенія. Въ короткій промежутокъ времени, въ теченіе 5—6 лѣтъ, выселилось болѣе полумилліона горцевъ и магометанъ. Опустыли цѣлые уѣзды, какъ напримѣръ, Ахалкалакскій, Ахалцихскій, Александропольскій и др.

То же повторилось и послѣ 1878 года, когда, по окончаніи Русско-Турецкой войны, предѣлы Кавказа расширены были на югъ присоединеніемъ Карса, Ардагана, Кагизмана, Ольти, Артвина и Ватума съ округами. Жителямъ этихъ новоприсоединенныхъ областей предоставлено было въ теченіе трехъ лѣтъ, или принятъ русское подданство, или же выселиться безпрепятственно въ Турцію. Огромная масса магометанъ предпочла послѣднее и въ теченіе 1878—1881 годовъ шло „великое переселеніе“ правобѣрныхъ изъ Карской и Батумской областей въ сосѣдную страну полумѣсяца. О размѣрахъ этого переселенія—можно судить по тому, что изъ одной только Карской области выселилось въ Турцію 100,000 Турокъ. Не менѣе этого количества выселилось и изъ Батумской области (Батумскій и Артвинскій округа) всего въ шестидесятыхъ и концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ выселилось съ Кавказа въ Турцію не менѣе милліона туземныхъ мусульманъ.

Изъ сказаннаго естественно вытекаетъ вопросъ: что же стало съ землями оставшимися свободными за выселеніемъ этого милліона мусульманъ? Не въ пространствѣ же ви-

таль этотъ милліонъ людей, ушедшихъ изъ края. Почему же на мѣсто ихъ не водворены и не водворяются русскіе переселенцы?..

Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что выселеніе туземцевъ въ шестидесятыхъ годахъ происходило столь спѣшно и безпорядочно, прямо стихійно, что никакихъ продажъ или переуступокъ земли не могло быть совершено и не совершалось. Но не только въ шестидесятыхъ годахъ, даже и послѣ послѣдней Русско-Турецкой войны, когда жителямъ новоприсоединенныхъ Карской и Батумской областей предоставленъ былъ трехлѣтній срокъ для vollнѣ свободнаго и безпрепятственнаго выселенія въ Турцію, только въ меньшинствѣ случаевъ эмигранты продавали или переуступали свои земли остающимся на мѣстѣ; въ большинствѣ же случаевъ Турки прямо бросали свои земли и уходили. Послѣ выселенія турокъ въ шестидесятыхъ годахъ, опустѣли цѣлые уѣзды въ Тифлисской, Елисаветпольской и Эриванской губерніяхъ, послѣ же выселенія Турокъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ опустѣли многія мѣстности Батумской и особенно Карской областей.

Казалось бы, это массовое выселеніе туземцевъ и освобожденіе огромныхъ земельныхъ пространствъ, до того ими занятыхъ, явилось исключительно благоприятнымъ условіемъ для русской колонизаціи края, ибо открывало широкое поле для немедленной же организаціи ея въ обширныхъ размѣрахъ.

Дѣйствительно, немедленно же и началась колонизація освободившихся, за выселеніемъ горцевъ и Турокъ, земель, но только колонизація не русская, а иностранная, продолжающаяся и по сейчасъ. Въ Турцію выселялись съ Кавказа горцы и Турки, изъ Турціи же началось массовое нашествіе на Кавказъ Армянь, Грековъ и Курдовъ,—и всѣ или почти всѣ, освободившіяся, за выселеніемъ горцевъ и Турокъ, земли очень скоро оказались занятыми ими. Правда, одновременно же организовано было переселеніе сюда и русскихъ крестьянъ. Но въ то время, когда, напримѣръ, въ Карской области Русскіе заняли и образовали только 23 села (20 сектантскихъ и три православныхъ), иностранные пришельцы заняли 105 освободившихся селъ: 65 Греки, 26 Армяне и 14 Курды. Въ результатъ, Карсская область, несмотря на выселеніе изъ нея массы туземныхъ инородцевъ,

и по сей часъ остается не русскою; Турокъ и Курдовъ въ ней 183 тысячи человѣкъ, что составляетъ 50% всего населенія, 90 слишкомъ тысячъ Армянъ, до 40 тысячъ Грековъ и т. д., — Русскихъ же всего-на-всего 35 тысячъ человѣкъ, что составляетъ менѣе 10% всего населенія!

То же и по другимъ губерніямъ. Въ Эриванской губерніи за все время образовалось едва только 10 русскихъ селеній съ 6 тысячнымъ населеніемъ, армянское же населеніе въ губерніи возросло до 500 слишкомъ тысячъ человѣкъ, что составляетъ болѣе половины всего населенія губерніи. Въ Тифлисской губерніи Армяне завяли почти всѣ освободившіяся, за выселеніемъ горцевъ и магометанъ, мѣста на плоскогорьяхъ Ахалцихскаго и Ахалкалакскаго уѣздовъ, и теперь оба эти уѣзда совершенно армянскіе. Масса турецкихъ Армянъ расселилась и по всѣмъ прочимъ уѣздамъ Тифлисской губерніи, въ которой числится ихъ уже свыше 233 тысячъ человѣкъ, то-есть болѣе 20% всего населенія, а также и въ сосѣдней Елисаветпольской губерніи, гдѣ численность армянскаго населенія возросла въ настоящее время до 328 тысячъ человѣкъ, что составляетъ болѣе 35% всего населенія.

Рядомъ съ армянскимъ нашествіемъ шло нашествіе изъ той же Турціи Грековъ, которыхъ уже насчитывается въ Закавказьѣ до 100 тысячъ человѣкъ, главнымъ образомъ въ Карской области (40 тысячъ), Тифлисской губерніи (25 тысячъ) и Кутаисской губерніи (12 тысячъ) и Курдовъ, численность которыхъ въ Закавказьѣ возросла до 200 тысячъ человѣкъ, главнымъ образомъ въ Елисаветпольской (55 тысячъ человѣкъ), Эриванской (до 50 тысячъ) губерніяхъ и въ Карской области (до 50 тысячъ). Съ другой стороны, съ сѣвера шла колонизація Кавказа Нѣмцами, которыхъ въ настоящее время числится уже свыше 50 тысячъ человѣкъ, Поляками (26 тысячъ), Эстонцами и Лагъшами (17 тысячъ), Румынами и т. д. Словомъ, послѣ покоренія Кавказа Россіей и выселенія изъ него свыше милліона туземныхъ племенъ, началась колонизація его въ широкихъ размѣрахъ; Армяне, Курды, Персы, Греки, Нѣмцы и т. д. — все это цѣнами массами устремилось на Кавказъ, и всѣ нашли здѣсь для себя и свободныя земли, и привольный пріютъ, — всѣ, за исключеніемъ одного лишь Русскаго народа, завоевавшаго и покорившаго Кавказъ: для него

только не оказалось и не оказывается пріюта въ этомъ богатомъ краѣ! Когда чрезъ выселеніе милліона мусульманъ, на Кавказѣ освободились огромныя земельныя пространства, — на нихъ устремились всѣ и разбирали, захватывали ихъ кто хотѣлъ и сколько хотѣлъ, — только Русскій народъ — завоеватель и покоритель — не смѣлъ прикоснуться къ нимъ — и всѣ они прошли мимо его рукъ; когда же пожелади и ему что-нибудь удѣлить отъ трапезы пришельцевъ, то всѣ хоромъ стали пѣть, что на Кавказѣ нѣтъ и пяди свободной земли для русскаго переселенія!

Любопытно отмѣтить, что даже сами выселившіеся въ 1878—81 г.г. (въ предоставленный имъ трехлѣтній срокъ) изъ Карской и Батумской областей Турки начали послѣ возвращаться обратно, требовать себѣ свои земли и занимать ихъ, вовсе не принимая даже русскаго подданства (какъ того требуетъ законъ). А для Русскихъ людей не было и нѣтъ свободныхъ земель на Кавказѣ: всѣ свободныя земли его, или уже захвачены различными пришельцами, или же намѣчены для захвата ими же, — и мы отнюдь не должны мѣшать этому „семейному раздѣлу“ Кавказскихъ земель поселеніемъ на нихъ русскихъ крестьянъ...

Можно, однако, навѣрняка сказать что, если-бы произведена была повѣрка правъ на земли всѣхъ нынѣшнихъ кавказскихъ землевладѣльцевъ, очень много земель и теперь оказалось бы de jure свободными, то-есть не принадлежащими тѣмъ, кто ими самоуправно и незаконно пользуется. На Сѣверномъ Кавказѣ обнаружена была недавно цѣлая масса такихъ свободныхъ, за выселеніемъ горцевъ, земель (напримѣръ, въ аулахъ Вольномъ, Коновковомъ, Курюковомъ, Карамурзинскомъ, Урюнскомъ и др. Кубанской области), и ихъ рѣшено было раздать Русскимъ, отставнымъ нижнимъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ покореніи Кавказа и Севастопольской оборонѣ. Въ Закавказьѣ такихъ земель еще болѣе.

Нельзя не отмѣтить слѣдующее характерное явленіе: именно въ то самое время, когда происходила ожесточенная полемика по вопросу о русской колонизаціи Закавказья, когда мѣстная инородческая и столичная „либеральная“ печать, и власти рѣшительно заявляли и категорически доказывали, что въ Закавказьѣ „страшно малоземелье“, и что

для русских переселенцев нѣтъ здѣсь ни клочка свободныхъ земель, чему мы съ обычной готовностью и вѣрили,—именно въ это самое время, начиная съ конца девяностыхъ годовъ, Закавказье подвергалось и подвергается массовому нашествію армянъ, персовъ, грековъ, англичанъ и прочихъ чужеземцевъ, которые всѣ тамъ находятъ себѣ осѣдность и изъ которыхъ никому не только не приходится возвращаться обратно „за отсутствіемъ свободныхъ земель“, но невозможно никакимъ образомъ вернуть ихъ обратно (какъ турецкихъ армянъ). Очевидно, свободныхъ земель въ краѣ *пока еще* достаточно; но онѣ служатъ не для русской колонизаціи, а для колонизаціи края чужеземными пришельцами.

„Развитіе русскихъ поселеній въ краѣ,—говорится въ отмѣчавшейся уже нами официальной запискѣ (генерала Скалона) по Кавказскимъ дѣламъ, бывшей на разсмотрѣніи высшихъ правительственныхъ сферъ,—содѣйствуя насажденію среди дикаго населенія русской гражданственности, съ одной стороны, создаетъ въ самомъ населеніи надежную опору для русской же административной власти, а съ другой—повлечетъ за собою смягченіе нравовъ туземцевъ. Для учрежденія этихъ поселеній свободныя земли имѣются и раскинуты по всему краю. Но необходимо, чтобы движеніе Русскихъ въ Закавказь носило именно характеръ государственной мѣры и было строго организовано, не явилось бы лишь актомъ благотворительности для обидѣвшихся крестьянъ внутреннихъ губерній. Несмотря на всѣ затраты, произвошедшія для Закавказья въ теченіи цѣлаго столѣтія, оно до сего времени столь далеко отъ того, чтобы быть названо Русскимъ, и столь мало въ немъ % Русскихъ, что въ интересахъ органической связи съ остальнымъ государствомъ необходимо двинуть изъ внутреннихъ губерній русскій элементъ широкою волной, для чего прежде всего полезно учредить „Крестьянскій Банкъ“.

Несомнѣнно, Крестьянскій Банкъ (т. е. отдѣленіе его) могъ бы сослужить полезную службу русскому колонизаціонному дѣлу въ Закавказь,—при томъ, однако, непременномъ условіи, чтобы дѣятельность его здѣсь была пшя, чѣмъ на западныхъ нашихъ окраинахъ, гдѣ онъ нѣрѣдко служилъ расширенію площади землевладѣнія не русскаго, а инородческаго (польскаго), и гдѣ (напримѣръ, въ Прив-

сянскомъ краѣ), не взирая на многолѣтнюю уже дѣятельность Крестьянскаго Банка, русской колонизаціи вовсе не возникало и не существуетъ. Въ Закавказьѣ, какъ и вообще на окраинахъ, Крестьянскій Банкъ можетъ быть полезенъ, въ смыслѣ государственномъ, въ такомъ лишь случаѣ, если онъ будетъ имѣть здѣсь дѣло *только съ русскими крестьянами*, и если надѣленіе послѣднихъ землей при его содѣйствіи будетъ происходить на счетъ *не* русскаго землевладѣнія, а не на счетъ русскаго же, путемъ перепродажи крестьянамъ русскихъ дворянскихъ имѣній, какъ это мы видимъ въ Западномъ краѣ. Помимо того, что это является прямо переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, это совершенно противорѣчитъ и государственному значенію и смыслу колонизаціи окраинъ, гдѣ существованіе русскаго дворянскаго землевладѣнія не только столь же важно, какъ и крестьянская колонизація, но и необходимо въ интересахъ послѣдней же, какъ ея основа и опора.

Но для русской колонизаціи Закавказья, собственно говоря, и нѣтъ такой надобности въ Крестьянскомъ Банкѣ: по всему Закавказскому краю, раскинуты свободныя *казенныя* земли, слѣдовательно, для устройства русскихъ переселенцевъ вовсе не нужно приобретать частныя земли, при содѣйствіи Крестьянскаго Банка, для отвода же свободныхъ казенныхъ земель—этого Банка не требуется. Для этого нужно только признать, русскую колонизацію Закавказья необходимо государственною мѣрою, и тогда къ безотлагательному осуществленію ея никакихъ помѣхъ встрѣтиться не можетъ.

Къ несчастью, именно этого-то сознанія у насъ и нѣтъ. А потому-то русская колонизація не только не могла осуществиться въ теченіе цѣлаго столѣтія, но при каждой попыткѣ осуществить ее наталкивалась на всякія „непреодолимыя“ помѣхи и даже встрѣчала сопротивленіе со стороны мѣстной инородческой бюрократіи. Такъ, когда, десять лѣтъ тому назадъ, предположено было всѣ свободныя, годныя для поселенія, казенныя земли Закавказья предоставить для устройства русскихъ переселенцевъ, и главное кавказское начальство съдѣлало запросы подвѣдомнымъ ему мѣстнымъ учреждениямъ о наличности свободныхъ земель,—учрежденія эти (составъ служащихъ въ нихъ—полу-армянскій, полу-грузинскій) не только не выказали должнаго усердія къ

выясненію дѣла, но косвенно оказали еще сопротивленіе такому выясненію. Такъ, одни изъ губернскихъ учреждений воздержались въ теченіе нѣлаго года отъ какого бы то ни было отвѣта на запросъ высшей власти, другія—дали самыя неопредѣленные и противорѣчивыя свѣдѣнія, третьи же прямо заявили, что вопросъ о свободныхъ земляхъ можетъ быть выясненъ только по окончательномъ повземельномъ устройствѣ туземныхъ крестьянъ. Такъ и не удалось главному начальству края установить наличность свободныхъ земель для русской колонизаціи, хотя въ то же время (1897 и 1898 г.г.) особенно бойко шла колонизація Закавказья армянскими бѣглецами изъ Турціи, находившими себѣ въ край и пріютъ, и свободныя земли. „Даже наличныя свободныя земли,—жаловался „Кавказъ“ (1898 г., № 53),—зачастую, или куда-то испаряются, или оказываются неожиданно заселенными... но ужъ, конечно, не русскими пасынками, а какими-нибудь алашкертскими или трезизондскими любимцами. Буквально можно сказать: почва уходитъ изъ подъ погы!“...

Нашлись даже глубокоумные смѣльчаки, и даже изъ среды „русскихъ“ (г. Ларионовъ), которые открыто, въ мѣстной армянской печати, стали заявлять, что такъ и должно быть, что если въ Закавказьѣ есть свободныя казенныя земли, то онѣ должны предоставляться не русскимъ „пришельцамъ“, а „кореннымъ“ обитателямъ края, т. е. армянскимъ пришельцамъ изъ Турціи! Оно и понятно: какое имѣютъ право Русскіе „пришельцы“¹⁾ на казенныя земли, когда она—Русскіе, желающіе создать здѣсь Россію, а не Армяне, стремящіеся, напротивъ, создать здѣсь Арменію?..

Центральное Правительство держалось, правда, иныхъ взглядовъ на назначеніе свободныхъ казенныхъ земель въ Закавказьѣ и на права на нихъ Русскихъ „пришельцевъ“. Желая предоставить ихъ именно послѣднимъ, Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ само было занято за опредѣленіе количества свободныхъ земель и степени ихъ пригодности для заселенія; дѣло поручено было повземельно-устроительнымъ и межевымъ чинамъ, состоящимъ въ распоряженіи уполномоченнаго Министра Земледѣлія на

¹⁾ Это еще хорошо когда Русскіе переселенцы именуется здѣсь „пришельцами“, а то они и въ печати даже именуется прямо „попрошайками“.

Кавказѣ, и съ 1898 года приступлено было къ работамъ по образованію изъ свободныхъ казенныхъ земель переселенческихъ участковъ для водворенія на нихъ переселенцевъ изъ внутренней Россіи. Какъ и слѣдовало ожидать, свободныхъ земель вездѣ оказалось достаточно, и къ концу 1899 года въ Закавказьѣ было образовано 48 переселенческихъ участковъ, размѣромъ каждый отъ 110 до 6 тысячъ десятинъ, а всего площадью въ 57.500 десятинъ. Переселенческо-устроительныя работы продолжались и послѣ 1898 года, но все это ни къ чему не повело и не ведетъ: не только не приступалось къ организаціи русскаго переселенія въ Закавказье, но таковое официально даже не разрѣшалось, являются сюда лишь такъ-называемыя „самовольные“ переселенцы, ведомые прямо народнымъ инстинктомъ и идущіе на своей страхъ и рискъ. Но и этимъ „самовольнымъ“ переселенцамъ далеко не всегда удается найти себѣ здѣсь пріютъ, и многимъ изъ нихъ, претерпѣвъ страшныя бѣдствія „на чужой сторонѣ“, приходится, или возвращаться ни съ чѣмъ во-своица, или же оставаться здѣсь въ качествѣ полуголодныхъ батраковъ у г.г. Армянъ и прочихъ инородцевъ. Достоинъ отмѣтки тотъ фактъ, что, хотя русская колонизація Закавказья и начинается уже, повидимому, признаваясь государственнымъ дѣломъ, въ видахъ осуществленія котораго предпринимались даже переселенческо-устроительныя работы „самовольные“ переселенцы все же разсматриваются, не какъ добровольные служители этого государственнаго дѣла, а какъ какіе-то преступники, съ которыми поступается „по всей строгости закона“: не взирая на все ихъ бѣдственное положеніе и на всѣ мольбы дать имъ „землищы“, имъ категорически отказывается въ этомъ даже въ такихъ случаяхъ, когда имѣются на лицо свободныя для этого казенныя земли.

— Просто сердце сжимается, глядя на несчастныхъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ русскихъ дѣятелей!... А помочь нельзя..

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ, у васъ нѣтъ свободныхъ земель, чтобы устраивать на нихъ хотя бы только болѣе нуждающихся?—удивился я.

— Земель сколько угодно; у меня, напримѣръ, въ губерніи сотни поселеній можно устроить, но... Но мы не имѣ-

емъ права дѣлать это: вѣдь это самовольные переселенцы такъ-сказать, непрошенные гости. Жалость иногда побуждаетъ насъ устроить нѣкоторыхъ изъ нихъ, но это, такъ-сказать, контрабанднымъ путемъ, частнымъ образомъ, на свой рискъ и страхъ, съ тѣмъ, конечно, что при первомъ же требованіи начальства они будутъ прогнаны со своихъ мѣстъ...

Вотъ какъ у насъ дѣлается государственное дѣло, вотъ какъ относятся у насъ къ добровольнымъ служителямъ этого государственнаго дѣла! Въмѣсто того, чтобы привлекать въ Закавказье русскихъ переселенцевъ и устраивать здѣсь ихъ постоянную осѣдность,—благо на то имѣется достаточное количество незахваченныхъ еще чуждыми пришельцами казенныхъ земель,—мы буквально отталкиваемъ ихъ. И послѣ этого еще удивляются, что Закавказье, въ смыслѣ культурномъ и политическомъ, остается совершенно „отрѣзаннымъ ломтемъ“ отъ остальной Россіи, а въ смыслѣ гражданскомъ представляетъ собой какой-то дикій разбойничій вертепъ! Да кто-же можетъ приобщить Закавказье къ русской культурѣ и государственности, кто можетъ болѣе способствовать гражданскому умиротворенію и устроенію его, какъ не гонимый отсюда, но все же инстинктомъ влекомый сюда на службу Государству мирный, трудолюбивый и богобоязненный русскій пахарь?..

Правда, не всѣ казенныя земли въ Закавказьѣ—изъ числа замезованныхъ здѣсь за казною свыше 10 милліоновъ десятинъ—свободны фактически. Одна часть ихъ находится въ надѣльномъ пользованіи туземныхъ государственныхъ крестьянъ, другая—въ фактическомъ пользованіи различныхъ инородныхъ и иноземныхъ захватчиковъ, третья—во временномъ (арендномъ) пользованіи туземныхъ и пришлыхъ (изъ Персіи) кочевниковъ, которымъ онѣ предоставлены подѣ кочевья и пастбища въ видахъ охраны ихъ (казенныхъ земель) отъ захватовъ, практикуемыхъ въ Закавказьѣ въ чудовищныхъ размѣрахъ, и только четвертая часть казенныхъ земель фактически свободна. И на этихъ фактически свободныхъ казенныхъ земляхъ могутъ быть устроены многія тысячи русскихъ переселенцевъ. Но землями, которыя могутъ и должны быть предоставлены для русской колонизаціи, конечно, должно считать *всѣ казенныя земли*, за

исключеніемъ лишь надѣльныхъ земель государственныхъ крестьянъ и тѣхъ, которыя нужны для ихъ поземельнаго устройства (въ количествѣ, достаточномъ для ихъ собственной обработки). Земли же второй и третьей категорій (захваченныя фактически разными лицами и предоставленныя, въ цѣляхъ охраны отъ захватовъ, подѣ кочевья и пастбища туземцевъ), понятно, теперь, когда онѣ требуются для русскихъ народныхъ и государственныхъ надобностей, должны быть освобождены. Развѣ государство не имѣетъ возможности отобрать свои земли отъ „лихихъ“ захватчиковъ и развѣ оно должно поддерживать первобытный, пастушескій образъ жизни туземныхъ и пришлыхъ (извъ) ипородцевъ?

Но можетъ быть эти земли (роздачныя во временное пользованіе) нужны для поземельнаго устройства туземныхъ крестьянъ? Ничего подобнаго. Напримѣръ, кочевья Хидерли (Джеватскаго уѣзда, Бакинской губерніи), при 70 дымахъ (дворахъ), имѣютъ въ своемъ пользованіи до 20 тысячъ десятинъ казенныхъ земель, что составляетъ около 300 десятинъ на семью (дымъ). Во внутренней Россіи не каждый помѣщикъ имѣетъ такія земельныя территоріи! Но въ Закавказьѣ (въ восточномъ и юго-восточномъ) это не исключеніе, а почти общее правило. Селеніе Михайль-Абадъ (Килъязи), Бакинскаго уѣзда, состоящее изъ 60 дворовъ (дымовъ), имѣетъ въ своемъ пользованіи 10.000 десятинъ казенныхъ земель¹⁾, то-есть около 200 десятинъ на семью; кочевья Перембельское и Панаванское имѣютъ въ своемъ пользованіи по 100 десятинъ казенной земли на семью; селеніе Крызь, Постаичинское, Народжанское и др., имѣютъ „временные надѣлы“ достигающіе отъ 50 до 100 и болѣе десятинъ на дымъ; то-есть на семью и т. д. Надѣлы же въ 20—30 десятинъ составляютъ самое обычное явленіе и считаются небольшими. И это называется „тѣснотой“, при которой-де переселеніе сюда русскихъ крестьянъ невозможно.

Снилось-ли что-нибудь подобное нашимъ крестьянамъ во внутренней Россіи? Но не говоря уже о внутренней Россіи, въ Закавказьѣ-же русскіе крестьяне, водворенные на казенныхъ земляхъ, ничего подобнаго не знаютъ, имѣя по

¹⁾ Въ томъ числѣ 1.500 десятинъ надѣла, а остальное во временномъ пользованіи по закону 29 июля 1884 года, то-есть подѣ пастбище для скота, котораго въ этомъ селеніи почти нѣтъ.

4 десятины на душу (Горьловка и Плодородное, Карской области) и даже по 2 десятины (Константиновка и Семёновка, Эриванской губернии). На семью это составит 16, 12 и 8 десятин. А туземцы тутъ-же рядомъ, имѣютъ въ пользованіи по 100, 200 и 300 десятинъ на семью казенныхъ земель! На этихъ обширныхъ пространствахъ, которыя туземцы и не думаютъ распахать, пасутся кучки барановъ и этимъ ограничивается все пользование туземцевъ казенными землями.

Туземное населеніе вообще одержимо страстью сосредоточивать въ своемъ пользованіи возможно-большее количество земли безъ дѣйствительной въ томъ надобности, въ чемъ оно до сего времени не только не встрѣчало препятствія, но напротивъ—сама казна старалась болѣе раздать своихъ земель, во избѣжаніе захватовъ ихъ, хотя эти раздачи очень часто именно и повели къ захватамъ. На обширныхъ земельныхъ пространствахъ пасется обыкновенно небольшая кучка барановъ, тогда какъ эти пространства могутъ быть использованы для нуждъ государства, то-есть для русской колонизаціи. Сколько сотенъ тысячъ русскихъ переселенцевъ можетъ быть устроено только на такъ называемыхъ „пастбищныхъ“ земляхъ, находящихся во временномъ пользованіи закавказскихъ туземцевъ, по закону 29 іюля 1884 года! Не странно ли, что за инородцами числятся обширныя пустыющія, то-есть ненужныя имъ, пространства казенныхъ земель, а русскій пахарь, являясь сюда и не находя земельного пристанища, долженъ, или гибнуть здѣсь, въ край обогренномъ кровью его отцовъ и дѣдовъ-завоевателей его, или перебиваться въ качествѣ батрака „господь“ инородцевъ, захватившихъ казенныя земли?

Пользованіе туземцевъ казенными землями, въ видѣ пастбищъ (по закону 29 іюля 1884 года), вовсе не доказываетъ насущной потребности ихъ въ этихъ земляхъ, представляемыхъ имъ *сверхъ* огромныхъ надѣловъ. Этотъ законъ предоставляя въ льготное арендное пользованіе мѣстныхъ сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ скотохозяевъ огромные земельные участки, въ видѣ пастбищъ, имѣлъ въ виду лишь оградить такимъ путемъ отъ захватовъ этотъ запасъ казенныхъ земель, конечно, не для того, чтобы затѣмъ навсегда закрѣпить ихъ за туземцами, то-есть присоединить къ на-

дѣльнымъ землямъ, какъ нынѣ хлопочутъ объ этомъ, а для того, понятно, чтобы они могли послужить въ свое время для русской колонизаціи края. Этотъ фондъ государственныхъ земель, конечно, и долженъ быть нынѣ использованъ для этого государственнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что другія лучшія казенныя земли мѣстной администраціи постаралась закрѣпить за туземнымъ населеніемъ, всячески тормозя въ то же время образованіе въ Закавказьѣ русскихъ поселеній. Законъ 29 іюля 1884 года, конечно, отнюдь не имѣлъ въ виду расширять кочевой пастушій бытъ туземнаго населенія, вообще едва ли умѣстный въ цивилизованномъ государствѣ. Тѣмъ болѣе онъ не имѣлъ въ виду поддерживать ту полную оторванность, культурную и политическую, Закавказья отъ остальной Россіи, которая является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отсутствія въ край сплошнаго русскаго населенія, не могущаго водвориться въ немъ до тѣхъ поръ, пока почти всѣ свободныя (предназначенныя для него, казенныя земли остаются въ пользованіи туземцевъ, коимъ онѣ предоставлены сверхъ надѣловъ, и которые ими фактически даже не пользуются: значащіяся въ пользованіи мѣстныхъ сельскихъ обществъ, казенныя (пастбищныя) земли очень часто фактически находятся въ пользованіи постороннихъ лицъ (кулаковъ), переснявшихъ ихъ за ничтожную плату отъ сельскихъ обществъ. Очевидно, послѣднимъ онѣ вовсе не нужны. А между тѣмъ, для русской колонизаціи не оказывается свободныхъ земель!

Несомнѣнно, туземное крестьянство, не имѣющее собственной земли, нуждается въ казенномъ надѣлѣ, и, въ интересахъ гражданскаго устройства края, въ видахъ пріученія населенія къ дѣятельной жизни, ему необходимо предоставить свободныя казенныя земли. Но развѣ крестьянскій надѣлъ можетъ и долженъ измѣряться десятками и сотнями десятинъ? Не только 100, но и 30 десятинъ крестьянская семья сама обработать не въ состояніи: изъ полученнаго количества казенной земли обрабатывается обыкновенно не болѣе трети, четвертой части, а нерѣдко еще и меньше; остальная земля, или обрабатывается наемнымъ трудомъ, или же, въ большинствѣ случаевъ, сдается въ аренду. Можно смѣло сказать, что двѣ трети казенныхъ земель рожденныхъ туземнымъ крестьянамъ не состоятъ въ ихъ фак-

тическомъ пользованіи, а переданы, за *ненадобностью*, въ третью руку, причѣмъ платой за такую передачу сполна покрываются всѣ подати въ казну, включая сюда и ничтожную плату за свою землю. Такимъ образомъ, туземные крестьяне не только совершенно даромъ пользуются оставляемою для себя казенной землей, но и не несутъ никакихъ другихъ казенныхъ податей, всецѣло покрываемыхъ сдачей въ аренду (подъ вешпку или подъ пастбу овецъ) излишняго количества полученной земли. Не слѣдуетъ ли признать, что такое даровое пользованіе землей, такое вообще исключительное положеніе туземнаго населенія способствуетъ пріученію его не къ дѣятельной жизни, а совершенно наоборотъ—къ безпечности, лѣни и полной бездѣятельности, слѣдствіемъ которой являются разбои и другія подобныя „развлеченія“ не въ мѣру разбалованныхъ полудикарей?

Но сколь ни щедро раздавались свободныя казенныя земли туземнымъ крестьянамъ,—у казны посейчасъ по всѣмъ губерніямъ Закавказья имѣется множество незанятыхъ казенныхъ земель, на которыя казна и теперь смотритъ какъ на обузу, и, чтобы избавиться отъ нихъ, ежегодно сдаетъ ихъ участками отъ 200 до 1.000 десятинъ въ аренду съ торговою за самую ничтожную плату. Такіе торги ежегодно устраиваются по всѣмъ губерніямъ, причѣмъ вездѣ съѣмщиками являются тѣ же туземные крестьяне, кочевники и различные гешефтмахеры изъ инородцевъ; снимая за ничтожную плату участки въ тѣсколько сотъ десятинъ, якобы пастбищныхъ земель, они тотчасъ же передаютъ ихъ подъ хлѣбныя посѣвы,—конечно, за двойную или тройную плату (до 12 и 15 руб. за десятину). Такія передачи породили особую спекуляцію, которую очень выгодно промышленяетъ цѣльный классъ земельныхъ гешефтмахеровъ, въ явный, конечно, ущербъ интересамъ казны, которая получаетъ на торгахъ за свои земли не болѣе третьей-четвертой части дѣйствительной ихъ стоимости, каковую за нихъ тотчасъ же и выручаютъ ловкіе спекулянты, устраивающіе на торгахъ стачки, дабы задаромъ воспользоваться казеннымъ достояніемъ.

Законъ,—скажутъ, конечно, намъ,—предусмотрѣлъ подобнаго рода спекуляцію и, въ видахъ предупрежденія ея, переуступка арендованныхъ казенныхъ земель въ третью руку запрещена подъ страхомъ отобранія отъ арендатора

арендованной земли. Но, во-первыхъ, развѣ такія переуступки совершаются формальнымъ образомъ? А во-вторыхъ, развѣ казна не въ состояніи даже охранять свои земли отъ захватовъ и спѣшить, поэтому, сбытъ ихъ съ рукъ, то какъ она можетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы сбытыя ею съ рукъ земли состояли въ пользованіи именно тѣхъ лицъ, которымъ онѣ сданы? Да и возможно ли требовать этого при сдачѣ земли участками въ 200—1000 десятинъ.

Какою розданы были туземному населенію огромныя земельныя пространства не вслѣдствіе его земельной нужды, а въ видахъ огражденія своихъ земель отъ столь обычныхъ на Кавказѣ захватовъ ихъ различными проходимцами, Армянами и Персами; казна раздала почти всѣ лучшія и удобныя для поселенія земли въ неограниченномъ количествѣ въ такъ называемое, „временное“, впрѣдѣ до окончательнаго земельнаго устройства, пользованіе туземныхъ крестьянъ. При этомъ не было установлено никакой нормы, никакого порядка, туземные крестьяне получали земли сколько желали: чѣмъ больше, тѣмъ лучше,—такъ смотрѣла на дѣло сама казна, для которой свободныя земли составляютъ лишь обузу: ими вѣдь нужно владѣть, нужно охранять ихъ отъ захватовъ, для чего потребовались бы тройные и пятерные противъ существующихъ штаты мѣстныхъ казенныхъ управленій. Гораздо проще, поэтому, отказаться отъ всякаго владѣнія, избавиться отъ необходимости охранять, т. е. раздать землю кому попало.

Такимъ образомъ, цѣлью раздачи во временное пользованіе казенныхъ земель было охраненіе отъ захватовъ. Понятно, и самая цѣль эта будетъ лучше достигнута раздачей казенныхъ земель русскимъ переселенцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ устроены сотни тысячъ русскихъ крестьянъ, гонимыхъ изъ внутреннихъ губерній земельнымъ „голодомъ“, закрѣплена будетъ культурная и политическая связь Закавказья съ Россіей, при теперешнемъ положеніи не имѣющаго никакой связи со своею метрополіей и вотъ-вотъ готовяго ускользнуть совѣмъ изъ ея номинальнаго владѣнія имъ, чему мѣстная власть, по недомыслию, всемѣрно содѣйствуетъ. Для чего-же государству было и охранять отъ туземныхъ захватовъ свой земельный фондъ въ Закавказьѣ, какъ не для того, чтобы использовать его для русской ко-

лонизации? Онъ и долженъ быть нынѣ использованъ для этого государственнаго дѣла. Многія сотни тысячъ десятинъ казенныхъ земель въ Закавказьѣ уже захвачены туземными и пришлыми „лихими“ инородцами, закрѣпившими всякими неправдами ихъ за собой и обратившими, такимъ образомъ, ихъ на дѣли анти-государственныя. Не ждать-же, пока и остальные казенныя земли постигнетъ таже участь! А къ этому именно и сводятся всѣ усилія вражьей клики, объ руку съ которой идетъ и мѣстная власть, находящаяся де facto въ рукахъ этой вражьей клики. Для этого Кавказъ и закрытъ для русскаго переселенія, якобы за отсутствіемъ тамъ свободныхъ земель, которыхъ въ дѣйствительности имѣется сотни тысячъ, если не милліоны десятинъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ дѣйствительно уже не будетъ, а потому нужно немедленно использовать ихъ для русскаго переселенія.

Изъ сказаннаго со всею очевидностію устанавливается тотъ фактъ, что не можетъ быть и рѣчи о малоземельѣ и объ отсутствіи или недостаткѣ свободныхъ земель въ Закавказьѣ. Коль скоро у туземнаго населенія оказывается столь большое количество казенной земли, что само оно не можетъ даже обрабатывать ее и сдаетъ въ аренду,—весь этотъ громадный, въ общей сложности, *излишекъ* земель и есть тѣ свободныя казенныя земли, которыя могутъ и должны быть предоставлены русскимъ переселенцамъ. Для этого въ Закавказьѣ имѣется большое количество казенныхъ земель. Не лучше ли, вмѣсто сдачи этихъ свободныхъ земель въ аренду съ торговъ кому попало для спекулированія ими, предоставить ихъ за ту же плату, но безъ всякихъ торговъ, русскимъ переселенцамъ, что, нисколько не нарушая фискальныхъ интересовъ, послужило бы однако великую службу государственному русскому дѣлу въ краѣ?

Но, кромѣ этихъ наличныхъ, такъ-сказать, свободныхъ земель, сдаваемыхъ за излишествомъ въ аренду самою казною, такими же свободными землями, могущими послужить для русской колонизации, является, конечно, и та еще большая масса казенныхъ же земель, которыя сдаются въ аренду туземными крестьянами за невозможностію обрабатывать ихъ собственнымъ трудомъ. Это излишнее количество земель должно быть изъято изъ владѣнія туземныхъ крестьянъ, ко-

торымъ онѣ предоставлены лишь временно, и которымъ онѣ совершенно не нужны. Образовавшееся такимъ путемъ свободныя участки казенной земли тоже могутъ и должны быть предоставлены русскимъ переселенцамъ.

Пользованіе туземцами казенною землей въ неограниченномъ количествѣ признано было ненормальнымъ и Правительствомъ; именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 1 мая 1900 г. повелѣно было произвести поземельное устройство государственныхъ поселенъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ Закавказьѣ, причѣмъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ предоставлено было ввести на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ проектъ правилъ о порядкѣ опредѣленія земельныхъ надѣловъ и производства поземельно-устроительныхъ работъ. По проекту этихъ правилъ, государственные крестьяне Закавказья должны получить окончательно въ надѣлѣ состоящая въ ихъ пользованіи казенная земля, но въ размѣрѣ не свыше 12 десятинъ на наличную душу мужского пола; остающаяся же затѣмъ излишекъ земель предназначается для мѣстныхъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, а также для заселенія выходцами изъ внутреннихъ губерній. Устанавливая, такимъ образомъ, для туземныхъ крестьянъ опредѣленный (хотя и чрезмѣрно большой) надѣлъ, казалось бы, проектъ освобождалъ огромную площадь казенныхъ земель для русской колонизации. Но это только казалось, ибо далѣе въ немъ имѣлась слѣдующая оговорка: „при особо уважительныхъ условіяхъ, по ходатайству обществъ или селеній, или же по представленію подлежащихъ властей, и эти излишнія земли могутъ быть оставляемы во владѣніи данныхъ обществъ или селеній, и притомъ безъ приселенія новыхъ членовъ“, и затѣмъ: „для улучшенія быта малоземельныхъ и безземельныхъ допускается пользованіе и казенными свободными землями, не нужными для другихъ государственныхъ цѣлей“.

Такимъ образомъ, мало того, что за туземнымъ населеніемъ можетъ быть окончательно закрѣплено все то непомерно-громадное количество казенныхъ земель, которое нынѣ состоитъ лишь во временномъ его пользованіи, но ему же могутъ быть прирѣзаны и всѣ прочія свободныя казенныя земли края, считаемя, очевидно, „не нужными для другихъ

государственных дѣлей", ибо иначе, конечно, онъ не сдавались бы съ торговъ въ аренду, какъ это практиковалось до сего времени, вмѣсто предназначенія ихъ для такой важной государственной дѣли, какъ русская колонизація.

Нельзя не признать важнаго значенія окончательнаго поземельнаго устройства туземныхъ поселянъ, водворенныхъ на государственныхъ земляхъ Закавказья. Это устройство, предопредѣленное еще Высочайшимъ указомъ 1 мая 1900 г., и нынѣ должное получить осуществленіе, тѣсно связано съ вопросомъ о русской колонизаціи, и имъ окончательно рѣшается дальнѣйшая судьба края: останется ли онъ навсегда „отрѣваннымъ ломтемъ“ отъ Россіи, или же будетъ слитъ съ нею культурно, а слѣдовательно и политически? Если, какъ на то разчитываютъ на мѣстѣ, поземельное устройство туземныхъ поселянъ явится узаконеніемъ того зла, которое такъ широко распространено въ Закавказьи и служитъ главнымъ тормазомъ водворенія въ немъ культурнаго русскаго элемента, именно—захвата казенныхъ земель, легальнаго (въ силу закона 29 іюля 1884 г.) и нелегальнаго, государство будетъ лишено земельнаго фонда, предназначеннаго и необходимаго для русской колонизаціи и, слѣдовательно, край навсегда будетъ обреченъ на теперешнее положеніе „отрѣзаннаго лотка“. Если же, какъ того требуютъ государственные интересы, поземельное устройство, устройвъ и обезпечивъ бытъ туземныхъ поселянъ предоставленіемъ имъ соотвѣтственныхъ надѣловъ, тѣмъ самымъ освободить неприводительно и часто произвольно занятая этими поселянами огромнѣйшія пространства казенныхъ земель,—будетъ обезпечена возможность широкой организаціи русской колонизаціи, только путемъ которой край можетъ быть приобщенъ къ обще-русской культурной и политической жизни.

Поземельное устройство должно ограничить бродяжничество туземнаго и пришлага (изъ Персіи и Турціи) населенія по казеннымъ землямъ, въ которыхъ такъ нуждается русскій пахарь, и которыя такъ необходимы государству для устройства здѣсь русскихъ поселеній. Было бы, поэтому, ни съ чѣмъ несообразно, ради первобытныхъ породъ некультурнаго скота, закрѣпляя за туземцами, сверхъ надѣловъ, обширнѣйшія площади казенныхъ земель (пастбища), вполнѣ пригодныхъ для земледѣльческой культуры и нужныхъ для

питанія русскаго народа. Между тѣмъ, эти обширныя пространства казенныхъ земель стремятся закрѣпить за туземцами, наравнѣ съ надѣльными землями, т. е.—изъять ихъ изъ фонда земель для русской колонизаціи, чего тѣмъ болѣе приходится опасаться, что Закавказское поземельно-устроительное дѣло попало въ руки инородцевъ, которые, если даже не враждебно относятся къ русской колонизаціи, во всякомъ случаѣ не могутъ сочувствовать ей и относиться къ ней благожелательно.

На это обстоятельство необходимо своевременно обратить вниманіе: поземельно-устроительное дѣло въ Закавказьи должно разрѣшаться и осуществляться *непрерывно въ связи съ вопросомъ о русской колонизаціи*, т. е. должно быть непрерывно поручено Русскимъ людямъ, которые одни только должны входить въ составъ поземельно-устроительныхъ комиссій.

До сего времени, какъ препятствіе къ благопріятному разрѣшенію вопроса о направленіи части русской переселенческой волны въ Закавказье, неизмѣнно выставлялось всегда то обстоятельство, что всѣ годныя для поселенія и культуры казенныя земли края находятся во временномъ, до окончательнаго поземельнаго устройства, пользованіи туземныхъ крестьянъ-инородцевъ. Дѣйствительно, это составляло мѣстами затрудненіе къ выясненію и точному установленію количества и нахождения земель, могущихъ быть предоставленными для русскихъ переселенцевъ, хотя и безъ этого уже казны имѣется столько свободныхъ земель, что она ихъ ежегодно славала въ аренду съ торговъ тѣмъ же туземцамъ. Но поземельное устройство туземныхъ крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, и должно заключаться въ предоставленіи имъ *опредѣленныхъ надѣловъ*, т. е. въ прекращеніи ихъ пользованія казенною землей въ *неограниченномъ* количествѣ. Такимъ образомъ, съ окончательнымъ поземельнымъ устройствомъ туземныхъ крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, огромная площадь казенныхъ земель, занятыхъ до сего времени ими, должна освободиться для русской колонизаціи.

Но и помимо этого въ Закавказьи, особенно въ восточной части его, не только много, но очень много фактически свободныхъ казенныхъ земельныхъ пространствъ, какъ-бы ожидающихъ русскаго пахаря. Обширная Муганская степь,

находящаяся въ Бакинской губерніи и раскинутая на протяжении болѣе десяти тысячъ кв. верстъ, является главнымъ такимъ фондомъ, которому, въ виду его важнаго значенія въ дѣлѣ русской колонизаціи, нами и отводится особая (слѣдующая) глава. Это, однако, не единственный въ Закавказьѣ свободный земельный фондъ для русской колонизаціи. Въ той-же Бакинской губерніи, нѣсколько сѣвернѣе Мугани, раскинуты Кандринская и Мильская степи, представляющія такую же ровную и удобную для заселенія территорию *до 6 тысячъ кв. верствъ*. Затѣмъ, западнѣе Мугани, за рѣкой Курой, находится обширная Карабагская степь, расположенная въ двухъ губерніяхъ—Бакинской и Елисаветпольской. Далѣе, въ Сѣверной части Елисаветпольской губерніи находятся двѣ степи—Джеранчели и Нижне-Карабахская. Наконецъ, въ Тифлисской губерніи можно указать на три такія же свободныя земельныя пространства—степи Шираки, Упадаръ и Верне-Карабахская.

Необходимо прежде всего указать на характеръ всѣхъ этихъ, такъ называемыхъ, „степей“. Да не подумаетъ читатель, что это маленькія Сахары, разбросанныя среди грозныхъ кавказскихъ вершинъ. Кавказскія степи не имѣютъ ничего общаго не только съ Сахарой, но даже и съ нашими закаспійскими знойными, бесплодными степями, находящимися по ту сторону Каспія, въ предѣлахъ Туркестанскаго края. Проѣзжая по этимъ „степямъ“, я переносился въ наши чудныя южныя степи воспѣтыя Гоголемъ, въ нашу благодатную Новороссію, тоже вѣдь именуемую „степью“. Вотъ это какія степи! Конечно, въ культурномъ состояніи Новороссійскихъ и Кавказскихъ степей большая, и даже очень большая, разница. Но это вполне понятно: Новороссійскія степи заселены культурнымъ и осыдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ, Кавказскія же степи вовсе не заселены и служатъ лишь пріютомъ для полудикихъ кочевниковъ. Но вотъ что у нихъ общее: и тѣ, и другія „степи“—степи не по природѣ, такъ-сказать, а потому что хищническимъ уничтоженіемъ лѣсовъ, окружавшихъ и увлажнявшихъ ихъ, онѣ обращены въ степи. Еще недавно, въ началѣ истекающаго столѣтія, всѣ эти степи—Муганская, Кандринская, Мильская, Карабагская и т. д.—не были степями, и не были бы такими, если бы не оставались столь долгое время въ пол-

номъ забросѣ и не были предоставлены полному произволенію полудикихъ кочевниковъ и разбойниковъ, которые буквально разграбили ихъ и совершенно оголивъ отъ окружающихъ и въ изобиліи одѣлявшихъ ихъ живительную атмосферную влагой дремучихъ, чуть не дѣвственныхъ лѣсовъ, обратили ихъ въ тѣ запустѣлыя безводныя пространства, которыя мы видимъ въ настоящее время, и которыя именуемъ „степями“. На этихъ, недавно еще цвѣтушихъ, равнинахъ, теперь свободно гуляютъ вѣтры, перенося сыпучіе пески съ одного мѣста на другое. Но и теперь это не степи въ томъ смыслѣ въ какомъ мы привыкли понимать ихъ. Почва этихъ, какъ и Новороссійскихъ, степей отличается высокимъ качествомъ и производительностью, и въ мѣстахъ не очень удаленныхъ отъ рѣкъ онѣ и теперь покрыты цвѣтушею травяною растительностью, представляя собою лучшія пастбища, на которыя и стоняютъ свой скотъ кочевники всего восточнаго и центральнаго Закавказья.

Какъ и Мугань, всѣ эти „степи“ могутъ и должны служить для земледѣльческой культуры и явятся прекраснѣйшимъ пріютомъ для многихъ десятковъ тысячъ русскихъ переселенцевъ, нынѣ принужденныхъ возвращаться изъ Закавказья обратно „въ Россію“ якобы за отсутствіемъ (sic) здѣсь свободныхъ земель. Единственною помѣхой, которая мѣстами можетъ здѣсь встрѣтиться въ этомъ случаѣ,—это то же что и на Мугани—недостатокъ воды. Но эта помѣха легко устраняется путемъ канализаціи, особенно если рядомъ съ нею предпринято будетъ и лѣсонасажденіе.

Однимъ словомъ, всѣ эти „степи“ легко могутъ быть обращены въ цвѣтуція поля, пригодныя не только для земледѣльческой, но и для высшей культуры; широкое лоно ихъ можетъ и, конечно, должно послужить удобнымъ и пріютнымъ для многихъ десятковъ тысячъ Русскихъ людей, въ которыхъ такъ нуждается Закавказье. Здѣсь, во всѣхъ этихъ „степяхъ“, расположенныхъ въ трехъ губерніяхъ восточнаго и центральнаго Закавказья, можетъ быть образовано нѣсколько сотъ Русскихъ селеній, что, конечно, сразу приобщило бы край къ обще-русской культурной жизни, обезпечивъ нашу южную границу и въ отношеніи политическомъ. Такое образованіе дѣлахъ русскихъ областей среди чуждаго всему русскому инородческаго насе-

ления Закавказья тѣмъ легче осуществимо, что всѣ эти обширныя и еще незаселенныя „степи“ принадлежать казнѣ, — слѣдовательно во всякое время могутъ и, конечно, должны быть всецѣло предоставлены для русской колонизаціи.

Но всѣ эти „степи“ — лишь небольшая часть свободныхъ, то-есть ни за кѣмъ еще пока не закрѣпленныхъ формальнымъ образомъ казенныхъ земель Закавказья, могущихъ и должныхъ также точно быть предоставленными для русскаго переселенія.

„У насъ есть, — писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ „Каспій“, прежней, русской, редакціи, — не мало свободныхъ казенныхъ земель, которыя могли бы быть заселены русскими переселенцами, но мы вообще какъ-то индифферентно относимся къ этому дѣлу, имѣющему первостепенное государственное значеніе, и оставляемъ земли пустовать безо всякой пользы. Для доказательства приведемъ примѣръ вродѣ Витгенштейновскихъ имѣній въ Западномъ краѣ. Продавались недавно съ торговъ громадныя незаселенныя имѣнія извѣстнаго Джеваншира въ Елисаветпольской губерніи: покупателями на нихъ явились мѣстные капиталисты — Армяне и Татары, которымъ не трудно было войти на торгахъ между собою въ соглашеніе и купить имѣнія задаромъ. Между тѣмъ русскимъ переселенцамъ, являющимся въ Закавказье для присканія пригодной земли, постоянно приходится слышать одинъ отвѣтъ: „Земли нѣтъ!“ Такъ почему бы казнѣ не приобретать такія имѣнія, какъ Джеваншира, и не раздавать земли ихъ подъ водвореніе русскимъ переселенцамъ?“

Конечно, казнѣ нѣтъ надобности скупать для водворенія русскихъ переселенцевъ чужія земли, когда, какъ было указано выше, за нею отмежевано въ Закавказьѣ свыше 10 милліоновъ десятинъ ея собственныхъ земель. Считая даже что половина этого огромнаго земельного фонда должна отойти для поземельнаго устройства туземныхъ государственныхъ крестьянъ, все же остается не менѣе 5 милліоновъ десятинъ свободныхъ казенныхъ земель, на которыхъ можетъ быть расселенъ цѣлый полумилліонъ русскихъ колонистовъ. Зачѣмъ же казнѣ еще скупать чужія, частновладельческія земли? Пусть она только предоставитъ свои земли для русскаго переселенія, и государственный русскій вопросъ въ Закавказьѣ будетъ безповоротно разрѣшенъ: заселенное

осѣдлымъ русскимъ населеніемъ, Закавказье окончательно будетъ слито съ остальною Россіей, и южная граница наша будетъ вполне обезпечена, какія бы ослобженія ни произошли за рубежомъ ея.

Но казна не только далека отъ скупики частновладельческихъ земель, она даже свои земли, могущія и должныя служить для государственныхъ надобностей, важнѣйшею изъ которыхъ въ Закавказьѣ является русская колонизація, или оставляетъ, какъ мы видѣли, въ полномъ забросѣ и забвеніи, или же предоставляетъ ихъ во владѣніе и пользованіе чужихъ, не Русскихъ людей.

Любопытно отмѣтить, что особая коммиссія, подъ предѣтельствомъ уполномоченнаго Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ на Кавказѣ, тайнаго совѣтника Я. С. Медвѣдева, образованная для изслѣдованія Караячинской степи и выработки мѣръ къ поднятю культуры ея земель, въ число этихъ мѣръ на первомъ мѣстѣ поставила — заселеніе этихъ земель крестьянскими сельскохозяйственнымъ элементомъ. Несомнѣнно, что этимъ же только путемъ возможно возвращеніе къ прежнему культурному состоянію и всѣхъ прочихъ, названныхъ нами выше, закавказскихъ „степей“. Между тѣмъ, до сего времени земли ихъ отдавались казню исключительно не сельскохозяйственному элементу — мѣстнымъ кочевымъ инородцамъ подъ пастбу скота. Для земледѣльской культуры земли считаются непригодными и не даются, поэтому русскимъ переселенцамъ По заключенію же коммиссіи тайнаго совѣтника Я. С. Медвѣдева, земли эти — именно пригодны для земледѣльской культуры, и только заселеніе ихъ культурнымъ и осѣдлымъ Русскимъ населеніемъ можетъ поднять ихъ культуру и вернуть къ былому цвѣтущему состоянію.

Кромѣ малокультурныхъ земель поименованныхъ „степей“, въ разныхъ мѣстахъ края казнѣ принадлежать и самыя высококультурныя земли, на которыхъ, безо всякихъ предварительныхъ приспособленій, могутъ быть образованы русскія поселенія. Но какъ лучшея нефтеносныя земли, такъ же точно и лучшія сельскохозяйственныя казенныя земли находятся въ захватѣ разныхъ частныхъ лицъ — инородцевъ и казна и тутъ, какъ въ Баку, оказывается безсильною возвратитъ ихъ къ себѣ по принадлежности. Такъ, напримѣръ,

въ Тифлисской губерніи казні принадлежать двѣ дачи— Заалазанская и Ханкендынская, заключающія въ себѣ свыше 20 тысячъ десятинъ прекраснѣйшей земли. На этихъ земляхъ могло бы быть устроено нѣсколько русскихъ поселеній. Но обѣ эти дачи находятся въ захватѣ частныхъ лицъ, первая— князей Вачнадзе, а вторая— князей Уцмievыхъ; казна судится съ ними уже много лѣтъ, но... не тутъ повторится та же исторія, что и съ нефтеносными землями въ Баку: дѣла, переходя изъ инстанціи въ инстанцію, тянутся безконечно...

Чрезвычайно, конечно, прискорбно и досадно, что лучшія казенныя земли находятся въ фактическомъ владѣніи и пользованіи инородцевъ и не могутъ быть, поэтому, предоставлены для русскаго переселенія. Но и за исключеніемъ ихъ казна является обладательницей столь громаднаго количества земель въ Закавказьѣ, что это ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно служить помѣхой для широкой организаціи здѣсь дѣла русской колонизаціи. Никакія увѣренія туземно- и столично-инородческой печати въ немѣннѣи въ Закавказьѣ свободныхъ земель для русскаго переселенія не должны смущать и останавливать насъ въ осуществленіи дѣла русской колонизаціи Закавказья, которая настоятельно и неотложно требуется и въ видахъ гражданскаго умиротворенія и устроенія его, и еще болѣе въ интересахъ культурнаго и политическаго объединенія этой окраины Русскаго государства съ его внутренними областями. Не слѣдуетъ забывать, что какъ въ былое время Польша, такъ нынѣ и Кавказъ, гдѣ въ короткое сравнительно время успѣли вырости и созрѣть цѣлый „армянскій вопросъ“, подобный „польскому вопросу“, легко можетъ служить сильнѣйшимъ „шахматнымъ ходомъ“ въ рукахъ нашихъ внѣшнихъ враговъ. Не предусмотрительно ли и приготовленъ тамъ этотъ „армянскій вопросъ“, который легко можетъ быть обостренъ извнѣ тотчасъ-же какъ только какой-либо „дружественной“ намъ державѣ потребуется создать намъ маленькое „домашнее“ затрудненіе и тѣмъ отвлечь насъ отъ какого-нибудь большаго и важнаго для насъ дѣла?.. Подобные „шахматные ходы“ не разъ вѣдъ уже практиковались въ отношеніи насъ, широко практикуются и теперь въ отношеніи другихъ...

Муганская степь.

Муганская степь находится въ юго-восточномъ углу Закавказья (въ предѣлахъ Бакинской губерніи), по теченію рѣкъ Куры и Аракса, и занимаетъ пространство въ 4,800 слишкомъ квадратныхъ верстъ, т. е. около *полутора* десятилетій. По равнинности своей, эта степь представляетъ исключительно удобное (на Кавказѣ) мѣсто для устройства поселеній, по громаднѣй же размѣрамъ своимъ она можетъ служить мѣстомъ свободнаго расселенія десятковъ тысячъ колонистовъ. Къ этому, степь отличается необыкновеннымъ плодородіемъ; протекающая черезъ нее рѣка Араксъ разливается весной на громадныя пространства, оставляя затѣмъ на землѣ такое обиліе ила, какое оставляетъ послѣ своихъ разливовъ развѣ только Ниль ¹⁾. Благодаря такому естественному удобренію, урожай на Мугани прямо баснословные: самъ—30, самъ—40 и болѣе. Климатъ отличается сравнительною умѣренностію и сухостью и вполне благоприятенъ не только для земледѣлія, но и для вышихъ культуръ: здѣсь произрастаютъ самыя высокія сорта винограда, фруктовъ, хлопка и т. д. Этому благоприятствуетъ и то счастливое географическое положеніе какое занимаетъ степь, пересѣкающая ее, съ одной стороны Закавказская желѣзная дорога (Ваку-Тифлисъ-Батумъ), а съ другой сухоходная рѣка Кура, открываютъ удобный сбытъ ея произведеній. Вотъ данныя метеорологическихъ наблюденій, производимыхъ въ м. Сальянахъ, характеризующія климатъ степи:

Средняя годовая температура	+ 14,8°
Средняя лѣтняя	+ 23°
Средняя зимняя	+ 2,4°
Число морозныхъ дней въ году	15
Растительный періодъ въ году	255 дней.

Въ то время когда въ другихъ равнинныхъ мѣстностяхъ Закавказья лѣтній зной достигаетъ 50°, въ Муганской

¹⁾ Теперь огромная часть этого благодатнаго удобренія уходитъ бесполезно въ море; но, при желаніи, конечно, все оно можетъ задерживаться на поляхъ, еще болѣе поднимая производительность почвы.

степи жара лѣтомъ рѣдко превышаетъ 40—42°, а зимы здѣсь совсѣмъ нѣтъ.

Что касается почвы, то только ничтожное сравнительно пространство въ центрѣ степи представляетъ собою негодные для культуры солончаки. Все остальное пространство степи представляетъ различные виды почвъ (рѣчные отложения, супесь, суглинки, черноземъ и т. д.) вполне пригодные для культуры. По характеристикѣ мѣстнаго специального органа, «въ общемъ всѣ виды муганской почвы слѣдуетъ признать прекрасными. По выраженію крестьянъ, это земли самая пшеничная, по мнѣнію агрономовъ—идеальная для хлопководства»¹⁾.

Когда-то Муганская степь находилась въ цвѣтущемъ состояніи и слыла за прекраснѣйшій и плодороднѣйшій уголокъ Кавказа. Нынѣ она находится въ состояніи полного запустѣнія; вмѣсто того, чтобы быть высококультурнымъ уголкомъ и источникомъ богатѣйшаго многочисленнаго населенія, она представляетъ собою теперь почти пустошь, испещренную гниющими болотами, и служить очагомъ разбоевъ, приганищемъ грозныхъ шаекъ персидскихъ головорѣзовъ и грабителей. Укоренилось даже убѣжденіе, что Муганская степь совершенно якобы непригодна для поселенія, что водвореніе здѣсь колонистовъ равносильно обреченію ихъ на вѣрную и неизбѣжную гибель. Въ публикѣ, и даже въ печати, распространяются по этому поводу самые невѣроятные ужасы: Мугань,—говорятъ,—это царство злокачественнѣйшей маляріи, обиталище безчисленныхъ ядовитыхъ змѣй, скорпионовъ, фалангъ, саранчи, полевыхъ мышей.

Не станемъ отрицать:—въ настоящемъ своемъ состояніи Муганская степь представляетъ много неблагоприятныхъ условій для жизни и для культуры. Остающіяся послѣ разлитія Куры и Аракса и не спускаемая посредствомъ канавъ воды образуютъ во многихъ мѣстахъ болота, которыя гниютъ и поражаютъ мѣстами жестокою малярію, принимающую нерѣдко даже эпидемическій характеръ; съ другой стороны, заброшенная и заросшая сорными травами безводная почва представляетъ всѣ условія для свободнаго размноженія на просторѣ змѣй, скорпионовъ, фалангъ, полевыхъ мышей и особенно саранчи, дѣлая движущіяся горы которой нерѣдко

1) „Вѣстникъ горнаго дѣла и орошенія на Кавказѣ“. 1901 г. № 16.

препятствуютъ даже движенію поѣздовъ желѣзной дороги. Все это дѣйствительно представляетъ неблагоприятныя условія для жизни людей и для культуры. Но отчего все это происходитъ? Да отъ того именно и происходитъ, что здѣсь нѣтъ людей и—главное—не существуетъ культуры. Какъ по-казываетъ та же Муганская степь,—и малярія, и ядовитыя змѣи, скорпионы, фаланги, саранча и т. д.—все это отстываетъ предъ человѣкомъ и быстро исчезаетъ по мѣрѣ водворенія культуры, нисколько не препятствуя ни жизни человѣка, ни развитію культуры. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ тому служить русское село Петропавловка, устроенное двадцать лѣтъ тому назадъ на краю Муганской степи (въ сѣверной части). На мѣстѣ, гдѣ находилось Петропавловка, предположено было ранѣе устройство гор. Джевата; предположеніе это было, однако, оставлено, въ виду крайне неблагоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій мѣстности, и, чрезъ нѣкоторое время, вмѣсто гор. Джевата здѣсь возникло русское поселеніе Петропавловка. Дѣйствительно, въ первые годы населеніе Петропавловки сильно страдало отъ маляріи, которая обрушилась на свѣжіе организмы съ такою силой, что часть населенія даже разбѣжалась. Но затѣмъ, съ акклиматизаціей переселенцевъ и—главное—съ водвореніемъ земледѣльческой культуры, малярія совершенно, можно сказать, исчезла въ Петропавловкѣ, населеніе которой живетъ и здравствуетъ нынѣ припѣваючи, не зная ни болѣзней, ни ядовитыхъ змѣй и т. п.

Очевидно, страхи и ужасы распространяемыя о Муганской степи въ значительной степени напрасны: если при настоящемъ своемъ состояніи она представляетъ неблагоприятныя условія для колонизаціи, то это не можетъ и не должно служить препятствіемъ для колонизаціи ей, такъ какъ по мѣрѣ колонизаціи всѣ неблагоприятныя условія сами собою и быстро исчезаютъ. Если-бы по присоединеніи Закавказья къ Россіи Муганская степь была заселена русскими крестьянами, она нынѣ представляла бы уже культурную область, не зная бы ни маляріи, ни ядовитыхъ змѣй и т. п. и служила бы надежнымъ русскимъ оплотомъ у южнаго рубежа Россіи.

Къ сожалѣнію, вмѣсто заселенія культурнымъ русскимъ элементомъ, Муганская степь была совершенно заброшена;

представленная Персамъ-Шахсеванамъ, она обращается въ гигантскій разбойничій притонъ, наводящій страхъ и ужасъ на все восточное Закавказье. Наконецъ, пристанодержательство персидскихъ разбойниковъ становится намъ въ тягость, и въ восьмидесятыхъ годахъ Шахсеване изгоняются изъ степи и вовсе изъ Закавказья въ Персiю. Но обширная и плодородная область все же не предоставляется русскому пахарю, который бы быстро обратилъ ее изъ разбойничьяго притона въ мирный и культурный уголокъ. Степь разбивается на участки (Кишлаки), которые раздаются тѣмъ-же Персамъ и другимъ туземнымъ и пришлымъ инородцамъ, занимающимся въ ней пастъбой скота, разбоями, контрабандой, словомъ, всѣмъ тѣмъ угодно, но только не земледѣльческою культурой, способною измѣнить мѣстныя неблагоприятныя климатическiя и почвенныя условiя, преобразить степь изъ „мерзости заустѣвнiя“ въ цвѣтущую область, какою она была еще въ древнiя времена, и какою можетъ и должна быть и нынѣ. И вотъ, теперь вдругъ оказывается, что Мугань якобы непригодна для поселенiя и культуры, что то состоянiе, въ какое привело ее многолѣтнее забвенiе и обращенiе въ разбойничій притонъ, есть нормальное (sic) ея состоянiе, и что таковою она должна оставаться и впредь! Но вѣдь въ такое же непригодное для поселенiя и культуры состоянiе можетъ быть приведена такимъ способомъ любая, самая цвѣтущая, область. Ужели же мы способны только обращать пригодное въ непригодное, а наоборотъ—неспособны?..

Что Муганская степь пригодна для поселенiя, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ ней живутъ Персы и Татары, которымъ предоставлены задаромъ всѣ лучшiя земли по берегамъ рѣкъ Куры и Аракса, и что въ послѣднее десятилѣтiе здѣсь возникло даже контрабандой нѣсколько поселенiй, устроенныхъ пришлыми Персами. Если могутъ здѣсь жить Персы и Татары, то почему же не могутъ Русскiе? Что же касается возможности на Мугани сельско-хозяйственной культуры, то какiя же могутъ быть на этотъ счетъ сомнѣнiя, когда извѣстно, что и въ древнiя, и въ позднѣйшiя времена Мугань была именно цвѣтущею сельско-хозяйственною областью, въ которой находились богатѣйшiя и лучшiя хлопковыя плантацiи? Если даже въ рукахъ малокультур-

ныхъ туземцевъ климатъ и почва Муганской степи оказывались пригодными для сельско-хозяйственной культуры, то почему же, въ силу такихъ соображенiй, они могутъ оказываться непригодными для того же въ рукахъ сравнительно высококультурнаго русскаго пахаря?

Если это утверждается, то очевидно, не потому что это такъ и есть въ дѣйствительности, а потому что водворенiе въ Закавказьѣ русскаго пахаря, который явится здѣсь надежнымъ оплотомъ русской культуры и русской государственности, вообще негодно тѣмъ изъ мѣстныхъ инородцевъ, которые стремятся къ сохраненiю и вѣдшему вырожденiю здѣсь иной, не-русской, культуры и даже мечтаютъ объ иной, не-русской, государственности. А такъ какъ Муганская степь представляетъ въ этомъ отношенiи наибольшую опасность, ибо является громаднымъ земельнымъ фондомъ для водворенiя разомъ цѣлой массы русскихъ колонистовъ, то къ ней, естественно, и стараются внушить страхъ, какъ въ тѣхъ, кто должны явиться обитателями и обладателями ея, такъ и—еще болѣе—въ тѣхъ, отъ кого зависить направление сюда русской переселенческой волны.

Къ сожалѣнiю, вплоть до послѣдняго времени эти тенденциозные страхи достигали своей цѣли: за вѣковую принадлежность Закавказья Россiи, на Мугани не было устроено ни одного русскаго поселенiя, не былъ водворенъ ни одинъ русскiй колонистъ, несмотря на то, что заселенiе Муганской степи, находящейся близъ Персидской границы, представляетъ сугубое значенiе—и культурное, и политическое.

Но нынѣ для подобнаго рода страховъ совсѣмъ уже не можетъ быть ни мѣста, ни вѣры. Дѣло въ томъ, что уже двѣнадцать лѣтъ въ глубинѣ Муганской степи существуетъ три русскихъ поселенiя: два—Ново-Николаевка и Ново-Александровка—внутри степи и одно Голицыно—на южной конечности ея. Поселенiя эти устроены были Бакинскимъ переселенческимъ обществомъ, чѣмъ и было положено начало заселенiю этой обширной и плодородной равнины, на которой, въ глубинѣ отчужденнаго культурно отъ Россiи Закавказья, вблизи Персидской границы, можетъ быть образованъ цѣлый русскiй уѣздъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что первые русскiе колонисты на Мугани появились еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ

прошлаго столѣтія. Это были переселенцы изъ внутреннихъ губерній, въ числѣ 40 семей. Какъ разсказываютъ, ходяки ихъ, блуждая по Закавказскимъ степямъ въ поискахъ мѣста для населенія, увидѣли вдали въ дали бѣлыя стѣны какого то зданія. Они направились на него и, подойдя, узнали развалины церкви. Увидя въ этомъ какъ-бы указаніе свыше, они рѣшили тутъ, воалтѣ этихъ священныхъ развалинъ, и основать свою осѣдлость. Мѣсто это оказалось воалтѣ персидско-татарскаго мѣстечка Джевата (Бакинской губерніи, въ сѣверо-восточной окраинѣ Муганской степи), служившаго ранѣе уѣзднымъ административнымъ центромъ, переведеннымъ затѣмъ въ м. Сальяны (уѣздъ же и понынѣ именуется Джеватскимъ). Отъ прежняго Джевата остались лишь развалины церкви. По ходатайству переселенцевъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ отвело имъ здѣсь во временное пользованіе, впрядѣ до окончателнаго отвода, 600 десятинъ земли. Съ семьями и со всѣмъ скарбомъ прибыли они на мѣсто, но тутъ ожидала ихъ бѣда: мѣстная (туземная) полиція не позволила имъ строиться, за неимѣніемъ ими въ рукахъ отвода на землю! Неудобные туземнымъ властямъ, русскіе переселенцы должны были расположиться на голой землѣ, въ камышевыхъ шалашахъ и землянкахъ, и провезти такъ три года, пока состоялся формальный отводъ имъ земли ¹⁾. Это въ Муганской-то степи съ ея лихорадками, гадами и разбойниками! Всѣ переселенцы, естественно, переболѣли лихорадкой. Но это не обезкуражило ихъ, и когда состоялся формальный отводъ имъ земли, они построились и образовали благоустроенное поселеніе, находящееся при впаденіи стараго русла Аракса въ Куру и названное Петропавловскимъ. Въ настоящее время въ немъ до 100 дворовъ. Петропавловцы вполне уже акклиматизировались и живутъ припѣваючи, хотя, къ несчастью для нихъ, и очень сильно попиваючи.

Такимъ образомъ, позднѣйшіе переселенцы явились на Мугань уже, такъ-сказать, по проторенной дорогѣ, хотя собственно въ глубинѣ Муганской степи они являются первыми

¹⁾ Туземные властители даже вовсе выслали административнымъ порядкомъ нѣсколько переселенцевъ (Гусева, Лаптева и др.), осмѣлившихся жаловаться на ихъ дѣйствія и хлопотать о скорбнѣйшемъ устройствѣ ихъ.

не только Русскими, но вообще осѣдлыми поселенцами. Первое, во времени, образованное ими поселеніе, Ново-Николаевское, названо такъ самими новоселами въ честь нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Оно возникло въ 1899 году и находится въ 12 верстахъ отъ Петропавловскаго, вглубь Муганской степи. Составилось оно изъ переселенцевъ, въ числѣ 40 семей, числящихся въ разныхъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, но, по безземелью, въ большихъ давню уже проживавшихъ на арендованныхъ казачьихъ земляхъ Кубанскаго края. Нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, въ томъ же 1899 году, переселенцами изъ южныхъ губерній образовано второе поселеніе, Ново-Александровское, названное ими такъ въ память въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III. Поселеніе это находится въ 18 верстахъ отъ Ново-Николаевскаго, еще далѣе вглубь Муганской степи, при одномъ изъ рукавовъ Новаго Аракса, протянувшись по лѣвому берегу его хуторами на протяженіи трехъ верстъ. Въ обоихъ селеніяхъ теперь свыше 280 семей или дворовъ (180 въ Ново-Николаевкѣ и 100 въ Ново-Александровкѣ). Хозяйство ведется на земляхъ полученныхъ при содѣйствіи Переселенческаго Общества, отъ казны, на правахъ, аренды съ платой по 8 коп. за десятину въ годъ.

Живутъ всѣ новоселы въ просторныхъ избахъ, построенныхъ изъ самодѣльнаго кирпича, оштукатуренныхъ внутри и снаружи съ крышами изъ камыша промазаннаго глиной, или изъ настѣлки соломенныхъ сноповъ, пропитанныхъ растворомъ глины, на подобіе покрывшекъ малороссійскихъ избъ. Въ виду полного отсутствія на Мугани и въ ближайшихъ районахъ строевого и подлѣжнаго лѣса, Переселенческое Общество пріобрѣло отъ Закавказскихъ жел. дорогъ 5,050 бракованныхъ шпалъ по 5 коп. за штуку, изъ которыхъ 2,050 предоставлены Ново-Николаевцамъ и 3,000 Ново-Александровцамъ. Шпалы эти послужили имъ матеріаломъ для матицъ, дверныхъ и оконныхъ косяковъ и другихъ предметовъ при постройкѣ избъ. Для продовольствія новоселовъ въ первое время Переселенческое Общество отпустило имъ 600 пудовъ пшеничной и ржаной муки, 400 руб. на разныя хозяйственныя нужды и 30 вагоновъ рогатаго скота. Въмѣстѣ съ тѣмъ, дабы новоселы тотчасъ же могли завести свое хозяйство, Общество выдало имъ сѣмена пшеницы и куп-

жута для посѣва и устроило возлѣ Ново-Николаевки пока-
зательное поле (для чего былъ командированъ изъ Тифлиса
агрономъ Таратыновъ) съ пробными посѣвами хлопка, кун-
жута, туты, земляного орѣха, кукурузы и друг. культуръ,
а также выписаны для обоихъ поселеній: сѣменной розо-
вый американскій картофель, сѣмена огородныхъ овощей
(редисъ, свекла, помидоры, баклажаны, морковь, капуста и
т. д.), камышинскихъ и астраханскихъ арбузовъ, дыни, че-
ренки туты, финика и т. д. Затѣмъ выписаны были 30.000 чубу-
ковъ десертнаго и виннаго сортовъ винограда, гранаты и айвы.

Новоселы очень интересовались приобрѣтеніемъ сель-
ско-хозяйственныхъ орудій, но въ первое время для нихъ
это было, понятно, весьма затруднительно. Въ виду этого,
Переселенческое Общество вошло въ соглашеніе съ Кавказ-
скимъ агентствомъ (Армавиръ) фирмы „Гельферихъ-Саде“ о
предоставленіи всѣмъ вообще русскимъ новоселамъ Восточ-
наго Закавказья (черезъ посредство Общества) сельско-хозяй-
ственныхъ орудій на льготныхъ условияхъ, причемъ были
устроены склады ихъ въ Баку, при переселенческомъ пріютѣ,
и при ст. Аджи-Кабуль, Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Муганская степь представляетъ собою подтропическую
мѣстность, гдѣ растительная культура возможна лишь при
периодическомъ орошеніи полей. Поэтому, необходимо было
еще устроить правильное орошеніе Ново-Николаевскихъ и
Ново-Александровскихъ полей. Что касается питьевой воды,
то ею оба селенія вполне обезпечены: на небольшой глубинѣ
въ 3—4 аршина колодцы дали хорошую питьевую воду. Село
Ново-Александровское обезпечено и водой для орошенія
полей и огородовъ: запасомъ ея является рукавъ Аракса,
вдоль берега котораго оно растянулось отдѣльными хуторами.
Кромѣ того, Ново-Александровцы получили еще орошеніе
изъ канавы, прорытой (отъ Новаго Аракса до балки Гюръ-
Коби, длиною въ 4½ версты) Петропавловскими крестьянами,
за предоставленные въ ихъ пользованіе казенные кишлаки
(пастбища). Каналь проходитъ черезъ земли Ново-Александ-
ровки, которая получила постоянную проточную воду изъ
Аракса. Въ менѣе благоприятныхъ условияхъ находится
Ново-Николаевка, расположенная по сторонамъ сухой балки.
Эта балка, на днѣ которой новоселы вырыли колодцы и
получили питьевую воду, повидимому, служила въ древно-

сти, когда на Мугани существовала сельско-хозяйственная
культура, оросительной канавой. Предположеніе это навело
на мысль о возможности и теперь провести въ нее воду изъ
Аракса. По этому поводу Переселенческое Общество снаслось
съ инспекціей водъ на Кавказѣ; командированный въ 1900 году
въ Ново-Николаевку инженеръ-гидравликъ Маевскій, съ
помощью новоселовъ и съ затратой всего 3 тысячъ рублей,
провелъ отъ Сарыджаларской прорвы Аракса искусствен-
ную канаву, въ 5 верстъ длиною, изъ которой вода прошла
самотекомъ на протяженіи 8 верстъ въ балку Ново-Нико-
лаевцевъ и дала возможность орошать ихъ земли въ потреб-
ной мѣрѣ. Устроенные же ими земляные валы (бенты) огра-
ждаютъ поля отъ слишкомъ высокой воды. Однако, въ пер-
вую же весну Ново-Николаевцевъ постигло несчастье: слиш-
комъ стремительный притокъ воды Аракса, прорвавъ шлюзы
канала, сокрушилъ часть бентовъ и залилъ засѣянную пше-
ницей поля, съ которыхъ новоселы расчитывали собрать
богатый урожай. Но это несчастье не ослабило энергіи ихъ
новоселовъ, ни Переселенческаго Общества. Послѣднее не-
медленно выслало Ново-Николаевцамъ нѣсколько сотъ пу-
довъ муки для продовольствія и необходимый запасъ пше-
ницы для новаго посѣва, а также сѣмена кунжута, посѣвъ
котораго и богатый сборъ въ то же лѣто доставилъ ново-
селамъ значительный заработокъ и послужилъ большимъ
подспорьемъ въ устройствѣ ихъ быта, нынѣ вполне упро-
щенного.

Такимъ образомъ прочно основались въ необитаемой
дотолѣ внутренней Мугани два значительныя русскія посе-
ленія. Почти одновременно было устроено русское поселеніе
и въ южной оконечности Муганской степи—на рѣкѣ Инчѣ
(въ предѣлахъ Ленкоранскаго уѣзда Бакинскій губерніи).
Образовалось это поселеніе изъ 66 семей, прибывшихъ глав-
нымъ образомъ изъ Херсонской губерніи. Не зная, гдѣ и
какъ имъ устроиться „на чужой сторонѣ“, переселенцы
направились прямо въ Тифлисъ, къ главному началству
края. Послѣднее, однако, не нашло возможнымъ принять
непосредственное участіе въ ихъ судьбѣ и направило ихъ
въ Бакинское Переселенческое общество. При помощи и
содѣйствіи послѣдняго, переселенцы получили въ аренду,
для устройства своей осыдлости, облюбованными ими неболь-

шой казенный участок, всего в 28 десятин, вблизи Персидской границы, в 5 верстах от Балясуварского пограничного поста. Здесь ими образован поселок, в настоящее время имѣющий уже до 120 семей и названный „Голицыно“—в честь бывшего тогда главноначальствующаго гражданскую часть на Кавказѣ, князя Г. С. Голицына. Возвращение здѣсь культурнаго русскаго элемента представляет тѣмъ большее значение, что это этапъ, по которому слѣдуютъ изъ Персїи кочевники, контрабандисты и прямо разбойники. Оставаясь на такомъ незначительномъ, для 66 семей, участкѣ, переселенцы, во первыхъ, имѣли в виду его санитарныя и другія удобства, а во вторыхъ, они рассчитываютъ, что при предстоящемъ поземельномъ устройствѣ казенныхъ крестьянъ-туземцевъ въ Закавказьѣ, имъ будетъ предоставленъ, въ качествѣ выпаса, сосѣдній обширный участокъ казенной земли, числящейся за Перембельскимъ кочевымъ обществомъ, которое, однако, само имъ не пользуется, а сдаетъ его, за ненадобностью, въ аренду постороннимъ лицамъ. Пока же новоселы заарендовали у казны, для своего земледѣльческаго хозяйства, часть ея оброчной статьи „Гюллу“, расположенную в 10 верстахъ отъ ихъ поселенія. Эта оброчная статья представляетъ собою замѣчательно—плодородную мѣстность, но, вслѣдствіе своего положенія въ низменности, неудобна для постоянного жительства на ней въ отношеніи санитарномъ, почему осыдность свою новоселы и основали въ другомъ мѣстѣ.

Получивъ отъ Вакинскаго Переселенческаго Общества пособие, въ размѣрѣ 20 рублей на семью, и засѣвъ арендованную землю, новоселы построили себѣ первоначально избы изъ самодѣльнаго земляного кирпича. Но уже послѣ перваго сбора хлѣба экономическое благосостояніе ихъ настолько упрочилось, что они приступили къ постройкѣ настоящихъ деревянныхъ избы, въ которыхъ теперь и живутъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что почти всѣ Голицыны представляютъ собою энергичную рабочую и экономическую силу, причемъ многіе изъ нихъ обладаютъ и хорошимъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Такъ какъ обезаженіе послѣднимъ крайне затруднительно въ глухой мѣстности, избранной ими для осыдности, то Переселенческое Общество оказало имъ помощь для перевозки съ родины всѣхъ предметовъ

ихъ хозяйственнаго обихода, оплативъ доставку ихъ по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ до мѣстечка Соляны. Такого багажа у всѣхъ 66 семей набралось свыше 2.000 пудовъ, причемъ, кромѣ домашней утвари, въ числѣ его оказались хорошіе плуги и др. сельскохозяйственныя орудія, повозки и приборы для упряжи, плодовые деревья, а также породистыя куры, поросята и т. п. Изъ этого видно, что переселенцы не бездомные бродяги, а зажиточные хозяева, явившіеся въ дикой и глухой Закавказской степи настоящими культуртрегерами,—въ смыслѣ какъ экономическомъ, такъ и политическомъ. Хозяйство свое новоселы начали съ посѣва пшеницы и огородныхъ овощей, давшихъ обильный урожай. Но уже со втораго года, по указанію и подъ руководствомъ Переселенческаго Общества, они приступили къ культурѣ хлопка, а также коняча и джута, такъ какъ мѣстность Гюллу представляетъ благоприятныя условія къ воздѣлыванію этихъ цѣнныхъ промышленныхъ растений.

Каковы же результаты этого опытаго, такъ сказать, заселенія Муганской степи русскими пахарями?

Какъ отмѣчено было выше, Муганская степь, по укоренившемуся убѣжденію, совершенно якобы непригодна для осыдности и культуры, такъ что возвращеніе въ ней русскихъ колонистовъ равносильно обреченію ихъ на вѣрную и неизбежную гибель. Мугань, говорили, это—царство злокачественной малярии, обиталище безчисленныхъ ядовитыхъ змѣй, скорпионовъ, фалангъ, саранчи, полевыхъ мышей, жизнь среди которыхъ для чловѣка невозможна. Къ тому же, это совершенно-безводная степь, почему не только земледѣльческаго хозяйства, но и никакая растительность тамъ немислима...

И вотъ, въ этой безводной степи, въ этомъ царствѣ злокачественной малярии, среди ядовитыхъ змѣй, скорпионовъ, фалангъ, саранчи и т. д. возникли три русскія поселенія—Петропавловка, Ново-Николаевка и Ново-Александровка, изъ которыхъ два послѣднія въ самой глубинѣ степи, гдѣ дѣйствительно до сего времени не существовало ни осыдной жизни, ни культуры! Въ этихъ трехъ поселеніяхъ насчитывается до 440 семей или до 1.500 душъ обоаго пола и дѣтей. Что же они дѣлаютъ, если тамъ немислима никакая культура? Какъ живутъ, если тамъ жизнь для чловѣка невозможна?

Отвѣтимъ прямо: живутъ такъ, какъ дай Богъ, чтобы жили всѣ наши крестьяне внутри Россіи.

Если вы спросите любого изъ новоселовъ,—вреденъ ли ему здѣшній климатъ, и какъ онъ себя чувствуетъ на новомъ мѣстѣ,—онъ вамъ отвѣтитъ:

— Скудненько бываетъ, что вотъ уже сколько лѣтъ снѣга не видимъ, мороза не знаемъ, а только климатъ адровый, слава Богу...

Иные же такъ еще даже прибавятъ:

— Чувствуешь себя легче и крѣпче, чѣмъ дома, нельзя пожаловаться...

Допустимъ, однако, что сами переселенцы не судятъ климату и даже своему здоровью.

Такъ какъ ни въ одномъ изъ муганскихъ селеній нѣтъ ни врача, ни фельдшера, ни аптеки, Переселенческое Общество снабдило своего уполномоченнаго, М. Н. Шереметьевского (помощникъ инспектора судоходства по р. Куръ), живущаго въ мѣстечкѣ Джеватъ (возлѣ Петропавловки) и постоянно навѣщавшаго Ново-Николаевку и Ново-Александровку, противо-маларійными и др. медикаментами (Хининъ, касторовое масло, глауберова соль и т. д.), поручивъ ему, при этомъ, тщательныя наблюденія и регистрацію заболѣваемости среди новоселовъ.

Изъ подробныхъ записей, веденныхъ г. Шереметьевскимъ съ осени 1898 года (когда прибыли переселенцы), видно, что маларія въ тяжелой формѣ, со смертельнымъ исходомъ, среди новоселовъ не было даже въ періодъ сильнѣйшаго развитія ея въ Бакинской губерніи, не смотря на то что, до устройства постоянныхъ и прочныхъ избъ, имъ пришлось провести первое время частію въ камышевыхъ шалапахъ, на голой землѣ, частью въ неудобномъ, въ санитарномъ отношеніи, казенномъ домѣ въ мѣстечкѣ Джеватъ. Нѣкоторые больны, но съ водвореніемъ въ постоянныя избы вообще больныхъ въ обоихъ селахъ не болѣе обыкновеннаго процента больныхъ въ деревняхъ. Такъ же точно и смертность среди новоселовъ нельзя назвать значительною, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ священника села Петропавловки, отца Авраама Абазадзе: ¹⁾

¹⁾ Даныя съ 1892 (когда открытъ приходъ) по 1898 г.г. относятся до одной только Петропавловки, съ 1898 же года—ко всѣмъ тремъ селеніямъ, почему и цифры обѣихъ графъ сразу выростають.

Годы.	Умершихъ.	Родившихся.
1892	20	18
1893	18	18
1894	16	17
1895	9	16
1896	25	16
1897	11	29
1898	34	42
1899	44	50
1900	45	51
	222	257

Такимъ образомъ, Ново-Николаевка и Ново-Александровка вполне подтвердили то, что еще раѣе показала Петропавловка,—что жить на Мугани можно, что, не смотря на всѣ страхи и ужасы, распространяемые о ней, русскіе переселенцы не испытываютъ здѣсь никакихъ бѣдъ со стороны климата.

Но, конечно, этого еще мало, если тамъ немыслима, какъ стараются увѣрить, никакая культура. Каковы же результаты водворенія здѣсь сельскохозяйственной культуры?

Всѣ произведенные новоселами посѣвы и посадки не только удались вполне, но полученные продукты, въ отношеніи какъ качества, такъ и количества, превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Достаточно указать, что удивленные переселенцы разослали въ оставленную ими мѣста своей отдаленной родины образцы полученныхъ ими дивныхъ произрастаній Мугани. Напримѣръ просо, при посѣвѣ на десятину $7\frac{1}{2}$ фунтовъ, дало съ десятины 110 пудовъ, то-есть урожай получился самъ—500; ростъ проса достигъ аршина, при 7—9 отросткахъ на каждомъ кустѣ. Почти то же дала и пшеница. Стебли кукурузы, походя массивностью на плодочное дерево и достигая 5 аршинъ высоты, дали отъ 3 до 8 кочановъ, длиною 4—5 вершковъ, съ полными и крупными зернами; при посѣвѣ одного пуда на десятину, получено 2.500 пудовъ, урожай картофеля получился 2.000 пудовъ съ десятины; каждый кустъ далъ отъ 50 до 70 штукъ картофеля, при всѣхъ нѣкоторыхъ отъ 1 до 2 фунтовъ; клецвина (рицинусъ) дала 120 пудовъ съ десятины. Сахарный тростникъ (сорго) достигъ 3 сажень въ вышину. Кукурузъ

(ростъ до $2\frac{1}{2}$ аршинъ), при посѣвѣ на десятину 10 фунтовъ, далъ 200 пудовъ, то-есть самъ 800; каждый кустъ имѣть отъ 700 до 800 корбочекъ, на нѣкоторыхъ же—до 1.800.

Еще болѣе поразительные результаты далъ посѣвъ арбузовъ и дынь. Изъ одного арбузнаго сѣмечка получилось до 5 плетей по 2—3 сажени длины, на каждой плети по 40—50 арбузовъ, съ отдѣльными экземплярами до 2 пудовъ вѣсомъ. Сначала крестьяне продавали ихъ наѣзжающимъ Персамъ по 20 коп. за пудъ, но потомъ цѣна спустилась до 8 коп. за пудъ. Крестьяне кормятъ арбузами коровъ и лошадей, себѣ же варятъ изъ нихъ въ прокъ особый видъ медоваго литья—„бекмесъ“. Дыни оказались прекраснаго качества и достигаютъ въ вѣсѣ до полупуда.

Но особенное значеніе—и для самихъ крестьянъ, и для государства—имѣетъ культура хлопка, оказавшаяся едвали не болѣе успѣшною изъ всѣхъ прочихъ культуръ, несмотря на изумительные результаты всѣхъ ихъ. Первый посѣвъ хлопка сдѣланъ былъ новоселами съ очень большими отступленіями отъ правилъ его культуры: посѣвъ произведенъ очень поздно (въ іюнѣ), часть его сдѣлана на неорошенномъ солонцѣ, кусты не окулены и болѣею частью даже не подрѣзаны, поливка произведена всего одинъ разъ и т. д. Несмотря на все это, посѣвъ далъ до 50 пудовъ чистаго волокна (сырца до 170 пудовъ) съ десятины. При средней цѣнѣ на него 11 рублей за пудъ, это составляетъ до 550 рублей съ десятины, при самой ничтожной затратѣ силъ и средствъ. Ростъ хлопка достигъ 2—3 аршинъ, причемъ на каждомъ кустѣ отъ 75 до 550 корзинъ.

При надлежащей обработкѣ и должномъ уходѣ, урожай хлопка на Мугани, несомнѣнно, достигнетъ 60 и болѣе пудовъ (чистаго волокна) съ десятины, тогда какъ въ центрѣ Туркестанскаго хлопководства, Ферганской области, доставляющей хлопокъ для русскихъ мануфактуръ, при самомъ ревностномъ удобреніи почвы и уходѣ за хлопкомъ, какъ огородною культурой, онъ даетъ не свыше 25—30 пудовъ съ десятины. Но уже урожай въ 15 пудовъ волокна (50—60 пудовъ сырца), при существующихъ цѣнахъ на хлопокъ, считается очень выгоднымъ. По отзыву инспектора водъ на Кавказѣ, Н. А. Петрова, близко знакомаго съ положеніемъ

хлопковой культуры въ Туркестанскомъ краѣ и осматрѣваемаго произрастаніе хлопка въ Ново-Николаевскѣ и Ново-Александровскѣ, „хлопководство въ Муганской степи имѣетъ, несомнѣнно, блестящую будущность и оставитъ далеко позади себя прославленное хлопковое хозяйство Ферганской долины“. Что касается качества взошедшаго на Мугани хлопка, то агрономъ-промышленникъ Стеценко, представитель „Южно-Русскаго Промышленнаго Общества“, далъ слѣдующій отзывъ о немъ: „хлопокъ, выращенный на Муганской степи, оказался высшаго качества. Волокно его получилось длинное, эластичное, пріятнаго бѣлаго цвѣта (небесный цвѣтъ, какъ называютъ его американцы), хорошей крѣпости, довольно тонкое и нѣжное. Этотъ сортъ хлопка—американскій, названіе его—upland“.

Несмотря на то, что часть хлопковыхъ плантацій попортила саранча, а кукуруза и другимъ культурамъ много повредили дикие кабаны, въ изобиліи водящіяся въ камышевыхъ заросляхъ Мугани и достигающіе размѣровъ низкорослыхъ буйволовъ,—новоселы въ одинъ голосъ говорятъ, если такъ пойдетъ далѣе, то всѣ они скоро станутъ богатыми „панамми“. Поселенные въ безлюдной степи въ 1898—99 г.г., новоселы въ 1901 году фигурировали уже на Кавказской юбилейной выставкѣ, въ качествѣ экспонентовъ, и награждены всѣ, каждый отдѣльно, серебряными медалями „за огородныя, бащанныя и полевая культуры и за стараніе замѣнить сорта и виды въ занимаемой ими малокультурной мѣстности болѣе подходящими“.

Все это въ высшей степени знаменательно прежде всего, конечно, въ томъ отношеніи, что русскіе переселенцы въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Закавказья, считавшихся даже непригодными для осѣлости и культуры, могутъ не только найти себѣ прочный пріютъ, но и быстро обезпечить на новомъ мѣстѣ свое благосостояніе на пользу какъ свою собственную, такъ и государственную. Основавшись въ пустынныхъ закавказскихъ дебряхъ, они сразу же заняли среди туземнаго населенія положеніе культиваторовъ, явившись насадителями плодотворнаго труда и русской гражданственности. На порогѣ XX вѣка русскій крестьянинъ явился насадителемъ американскаго хлопка и др. высшихъ культуръ въ глухой Муганской степи, въ теченіе многихъ

вѣковъ не знавшей никакой культуры и служившей лишь приютомъ для разбойниковъ и бродягъ-кочевниковъ. Фактъ, несомнѣнно, знаменательный въ исторіи русской культуры! Со впроцѣнемъ насаженныхъ переселенцами виноградныхъ лозъ, на рынкѣ появился Муганскій виноградъ, а затѣмъ появились и Муганское вино, выдѣланное русскимъ крестьяниномъ. Растутъ во множествѣ насаженныя въ Ново-Николаевкѣ и Ново-Александровкѣ, тувовья и разныя плодовые деревья, разрастаются табачная плантация и т. д. Однимъ словомъ—дикая безжизненная степь зацвѣтаетъ. Туземное населеніе, скупающее отъ новоселовъ продукты ихъ хозяйства, быстро осваивается съ русскимъ языкомъ, и русская культура проникаетъ, такимъ образомъ, въ самые глухіе и отдаленные уголки Закавказья.

Бичемъ переселенцевъ на Мугани явилась на первыхъ порахъ крылатая саранча, залетающая изъ Персіи. Такъ какъ тамъ, въ Персіи, никакихъ мѣръ противъ нея не принимается (яички не собираются и не уничтожаются), то она залетаетъ въ наши предѣлы въ громадномъ количествѣ. Временами цѣлыя тучи несутся изъ Персіи. Въ 1901 году крылатая саранча уничтожила три посѣва крестьянъ с. Голлицына (на р. Инчѣ, у Персидской границы) и попортила посѣвы у Ново-Александровцевъ. Но хлопка саранча не портитъ: она объѣдаетъ только листья его, не трогая корзинокъ, такъ что существеннаго вреда не причиняетъ. Донимали также новоселовъ дикіе коты, шакалы (тѣ и другіе душатъ домашнюю птицу), дикіе кабаны (портятъ огороды и бахчи) и волки (нападаютъ на крупный скотъ). Но болѣе всего убытковъ причиняють кочевники (Персо-Татары), какъ туземные, такъ и пришлые изъ Персіи. Послѣдніе свободно перекочевываютъ черезъ границу и гуляютъ по нашимъ степямъ, какъ дома, промышляя грабежами и конокрадствомъ. Вотъ любопытная жалоба, поданная по этому поводу Ново-Николаевцами и Ново-Александровцами главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ:

„Насъ сильно обижаютъ Татары грабежомъ и въ темныя ночи уворовываютъ у насъ скотину... Не мало причиняютъ намъ вреда и дикіе кабаны, разоряя наши поля и огороды, или забираясь даже въ наши дворы. А обороняться намъ отъ нихъ нечѣмъ, хотя мы много разъ просили мѣст-

ное начальство дать намъ, для обороны отъ злыхъ людей и звѣря, ружья. Но молбы наши оставлены безъ вниманія“.

Въ виду этого, новоселы просили главное начальство края выдать имъ ружья „для охраны нашей жизни и тяжелымъ трудомъ приобретеннаго имущества“. По распоряженію главноначальствующаго, выдано было на оба селенія 80 ружей, большинство которыхъ оказались, однако, негодными. Но крестьяне и съ порченными (даже пистонными) ружьями смѣло выходили на бой съ дикими кабанами и убивали ихъ, нерѣдко, однако, подвергая при этомъ себя болѣе или менѣе серьезнымъ пораненіямъ.

Все это хотя и составляетъ нерѣдко тяжелое „лихо“, но не мѣшаетъ хозяйству переселенцевъ въ полномъ смыслѣ процвѣтать, и имъ самимъ благоденствовать. Да и всѣ эти невзгоды легко устранимы, при дальнѣйшемъ же заселеніи степи они и сами собой исчезнутъ. Въ 1900 году особая коммиссія, образованная для разрѣшенія вопросовъ о порядкѣ пользованія разливами рѣкъ Куры и Аракса, въ составѣ: Бакинскаго губернатора Д. А. Оudinцева, управляющаго рыбными промыслами въ водахъ восточнаго Закавказья А. И. Маршева, управляющаго Государственными Имуществами Бакинской губерніи и Дагестанской области К. А. Шапошниковъ, одного инженера-гидравлика и одного агронома, посѣтивъ оба поселенія и подвергнувъ ихъ тщательному осмотру, высказала въ своемъ протоколѣ слѣдующее заключеніе: „развитіе этихъ поселковъ быстро подвигается впередъ и стоитъ на правильной дорогѣ самостоятельности населенія, при разумной поддержкѣ Правительства и Переселенческаго Общества“.

Такой болѣе чѣмъ удачный опытъ устройства на Мугани русскихъ поселеній, изъ которыхъ два (Ново-Николаевка и Ново-Александровка) находятся въ самой глубинѣ степи, а другія два на окраинахъ ея—сѣверной (Петропавловка) и южной (Голлицыно), конечно, окончательно разсѣиваетъ тенденціозные страхи и ужасы, искусно распространенныя о ней туземными политиканствующими элементами, боишмясь водворенія въ Закавказьѣ русскаго пахаря, какъ насадителя русской культуры и оплота русской государственности. Въ высшихъ сферахъ Кавказскаго управленія явился было (въ послѣдніе годы главноначальствованія князя Г. С.

Голицына), поэтому, проект дальнейшей колонизации Мугани коренным русским элементом, в видах как культурного возрождения этой обширной и плодородной равнины, так и создания в глубинах Закавказья сильного и надежного оплота русской гражданственности. Проект вызвал цѣлый переполохъ среди всѣхъ тѣхъ туземныхъ элементовъ, которые стремятся къ вѣщему взрошению въ Закавказьѣ своей гражданственности и пасажидню въ немъ иной, нерусской государственности. Надо замѣтить, что Муганская степь, площадью своею равняющаяся цѣлой средней губерніи, расположена треугольникомъ въ юго-восточномъ углу Закавказья, то-есть въ Мусульманской части его, и непосредственно примыкаетъ къ Персидской границѣ¹⁾. Отсюда понятна особенная важность русской колонизации ея, въ смыслѣ политическомъ. Эту политическую важность колонизации Мугани отлично понимаютъ и туземные элементы. И вотъ, чтобы воспрепятствовать русской колонизации ея, они рѣшили сами колонизовать ее. Правда, почти вся территория Муганской степи принадлежитъ казнѣ. Но мало ли казенныхъ земель въ Закавказьѣ преобразилось, путемъ захватовъ, въ частную собственность, укрѣпленную за разными „беками“, „оглы“ и „ящачами“ даже формальнымъ (судебнымъ) порядкомъ? Если захваты казеннаго достоянія такъ легко удаются даже въ такихъ центрахъ власти, какъ Баку, то, конечно, тѣмъ легче обдѣлать ихъ въ такой глуши, какъ Муганская степь, гдѣ не только никакой власти, но и людей нѣтъ. Въ Баку образовалась группа мусульманъ-Персовъ, въ главѣ съ извѣстнымъ архимиллионеромъ и захватчикомъ казенныхъ земель Гаджи-Зейналь-Абдинъ-Тадиевымъ, рѣшившая овладѣть Муганскою степью для колонизации ея Персами и разведенія въ ней хлопковыхъ плантацій для своихъ мануфактуръ, устроенныхъ на захваченной у казны землѣ въ городѣ Баку. Производителями хлопка должны явиться Персы, которые будутъ переселены изъ Персіи и образуютъ многочисленныя колоніи въ степи. Такимъ образомъ, Муганъ станетъ мусульманскою областью на рубежѣ мусульманскаго

¹⁾ Степь окружаютъ: съ сѣвера и востока—рѣка Кура, съ запада—Араксъ, съ юга—Кизиль—Агачскій заливъ Каспійскаго моря и владѣнія Персіи.

государства и навсегда будетъ потеряна для русскаго пахаря и для Россіи.

Коварный замыселъ этотъ встрѣтилъ энергичный отпоръ со стороны князя Г. С. Голицына. Справедливо находя, что заселеніе сосѣдней съ Персіей степи вообще инородческимъ, а тѣмъ болѣе мусульманско-персидскимъ элементомъ является съ политической точки зрѣнія совершенно недопустимымъ, и что, въ политическихъ видахъ, эта степь должна быть заселена кореннымъ русскимъ элементомъ, главное Кавказское начальство предписало мѣстнымъ властямъ принять всѣ мѣры къ охраненію Муганской степи отъ заселенія ея инородцами. Со своей стороны и Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, находя, что Муганская степь и по закону не можетъ подлежать заселенію туземцами, пользующимися въ ней казенными землями лишь для пастьбы скота, а также въ виду того, что степь эта предназначена для водворенія русскихъ переселенцевъ,—предписало своимъ мѣстнымъ органамъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы въ Муганской степи отнюдь не возникло осѣдлыхъ туземныхъ поселеній, въ случаѣ же возникновенія таковыхъ—немедленно сноситься съ губернской и уѣздною администраціями для пріятія настойчивыхъ мѣръ къ освобожденію занятыхъ туземцами земель. Справедливо придавая крайнюю важность этому дѣлу, Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ признало необходимымъ, чтобы заведываніе Муганскою степью поручено было совершенно благонадежному чиновнику, который, при этомъ, отличался бы благожелательностью относительно водворяемыхъ на Мугани русскихъ переселенцевъ,—лучше всего чиновнику русскаго происхожденія.

Такимъ образомъ, вопросъ о заселеніи Мугани русскими крестьянами принципиально былъ рѣшенъ окончательно еще восемь—девять лѣтъ тому назадъ (при главноначальствующемъ Г. С. Голицынѣ и Министрѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ А. С. Ермоловѣ). Но и до нынѣ это принципиальное рѣшеніе не повлекло за собой никакихъ реальныхъ послѣдствій. Между тѣмъ желательное и необходимо именно скорѣйшее практическое разрѣшеніе этого вопроса, такъ какъ практика Кавказской жизни показываетъ, что никакая охрана не представляетъ надежной гарантіи

противъ захватовъ казенныхъ земель, намѣченныхъ туземными элементами. Муганская степь, какъ мы видѣли, именно намѣчена ими для захвата и тѣмъ болѣе не можетъ считаться гарантированной отъ такового, что и посейчасъ находится въ вѣдѣніи не благонадежныхъ русскихъ чиновниковъ, а чиновниковъ инородцевъ (такъ называемые надзиратели за казенными землями и оброчными ставьями), изъ которыхъ нѣкоторые не знаютъ даже русскаго языка, не говоря уже о благожелательномъ отношеніи къ русской колонизаціи, какового, конечно, трудно ожидать отъ инородцевъ. Да и при всемъ благожеланіи, при всемъ усердіи, три надзирателя, имѣющіеся въ Муганской степи (въ мѣстечкахъ Джеватъ, Сальянахъ и Геокчаѣ), физически не могутъ услѣдить за территоріей, равняющейся доброй губерніи. Въ юго-восточной части степи уже и появился лихой захватчикъ—нѣкій Мешади-Наги (Персѣ). Явившись изъ Баку, онъ якобы заарендовалъ отъ Персовъ—поселянъ села Каракашлы (близъ м. Сальяны) нѣсколько тысячъ десятинъ казенной земли, и уже вступилъ въ фактическое владѣніе и пользование ею: началъ орошать землю посредствомъ какого-то парового насоса, для разведенія на ней хлопковыхъ плантацій.

Это самый распространенный способъ захвата казенныхъ земель въ Закавказьѣ: дѣлается арендный договоръ съ казенными поселянами, которымъ казною предоставлены земли во временное пользованіе, — и захватъ готовъ. Такимъ именно способомъ захватилъ Тагѣевъ богатѣйшія земли въ береговой полосѣ Бакинскаго порта. Захватъ его вполнѣ удался, и теперь на захваченной казенной землѣ уже работаютъ персидскія мануфактуры. Весьма понятно, что такой примѣръ явился великимъ соблазномъ для всѣхъ „сихъ дѣлъ мастеровъ“, которыхъ среди туземцевъ хоть отбавляй. Стѣдую примѣру Тагѣева, Мешади-Наги захватилъ тѣмъ же способомъ нѣсколько тысячъ десятинъ казенной земли на Мугани. А его примѣръ соблазнилъ другихъ Персовъ.

Конечно, русское заселеніе Мугани не должно, не можетъ ограничиться четырьмя—пятью или десятью селеніями. Единственнымъ серьезно-неблагоприятнымъ обстоятельствомъ для этого является въ однихъ мѣстахъ—избытокъ застаивающихся вешнихъ водъ, образующихъ болота, а въ другихъ—недостатокъ воды. Но какъ то, такъ и другое

весьма легко устраняется канализаціей, которая равномернo распределить воду, — и вся обширная степь станетъ, такимъ образомъ, совершенно пригодною и удобною для колонизаціи, и всѣ нынѣшніе „ужасы“ ея, какъ-то: малярія, ядовитыя змѣи и т. д., — все это съ заселеніемъ степи и приобщиеніемъ ея къ сельско-хозяйственной культурѣ отойдетъ въ область преданій.

Однимъ словомъ, при желаніи нашемъ, адѣсь можетъ быть устроено не пять—шесть, а двѣсти—триста русскихъ селеній. Конечно, это потребуетъ нѣкоторыхъ затратъ, — впрочемъ, небольшихъ (какъ увидимъ далѣе). Но зато въ совершенно отчужденномъ культурно отъ Россіи Закавказьѣ, вблизи Персидской границы, образуется цѣлая русская область, — вѣрный стражъ русскихъ интересовъ и надежный оплотъ для русскаго дѣла на далекой окраинѣ, приобщеніе которой къ общерусской — культурной и политической жизни составляетъ настоятельную государственную необходимость.

Какъ сказано было, Муганская степь занимаетъ пространство въ 4,800 слишкомъ квадр. верстѣ, то-есть около 500.000 десятинъ. Изъ этого огромнаго пространства, только очень небольшая часть орошается рѣками (Кура, Араксъ, Булгаручай, Инча и нѣсколько мелкихъ горныхъ рѣчекъ), вдоль которыхъ пріютилось осѣдлое населеніе. Все остальное (болѣе девяти десятыхъ) пространство степи представляетъ безводную пустыню, не имѣющую ни одного ручья. Дожди очень рѣдки: въ теченіе года выпадаетъ осадковъ около 250 миллиметровъ. Выкапываемые колоды даютъ въ большинствѣ случаевъ горько-соленую (отъ большого содержанія хлористыхъ магnezіальныхъ солей) воду, негодную для питья. При такихъ условіяхъ, конечно, вполнѣ понятно отсутствіе въ степи всякой растительности и жизни. Только зимой, когда чаще перепадаютъ дожди, и раннею весной, когда переполненная водой рѣки разливаются на большія пространства, въ степи появляются аулы и стада кочевниковъ.

Между тѣмъ, и климатъ, и почва Мугани представляютъ въ буквальномъ смыслѣ благодать. Весь вопросъ только въ водѣ. Дайте Мугани воду, которая бы орошала ея благодатныя земли, — и безжизненная пустыня обратится въ цвѣтущій край, гдѣ закипитъ жизнь во всѣхъ ея видахъ и формахъ, и гдѣ все будетъ дышать необычайнымъ обиліемъ.

Возможно ли, однако, это? Въ тѣмъ то и дѣло, что возможно.

Муганская степь имѣетъ значительный уклонъ отъ запада къ востоку, то-есть къ Каспійскому морю, что даетъ полную возможность проведенія оросительныхъ канавъ по всей степи. Въ древнія времена здѣсь и существовала цѣлая оросительная система, благодаря которой на Мугани процвѣтала культура. Есть свѣдѣтельства о томъ, что нѣкоторые каналы на Мугани прорыты еще во время и по приказанію Александра Македонскаго. Съ теченіемъ времени канализація разрушилась, и вѣтвущая область обратилась въ пустыню. Но слѣды древней канализаціи остаются по настоящее время; нѣкоторые изъ древнихъ каналовъ и логовъ (лежащіе въ прибрежныхъ полосахъ по Араксу и Куръ) даже эксплуатируются до сего времени туземнымъ населеніемъ (для весенняго затопленія полей).

Возможность искусственнаго орошенія всей Муганской степи вполне подтвердило изслѣдованіе ея рельефа, произведенное по распоряженію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ 1900—1901 годахъ. При этомъ изслѣдованіи произведена была нивелировка на пространствѣ почти 3.000 кв. верстѣ. Послѣ этого, Муганскую степь посѣтилъ инспекторъ водъ на Кавказѣ Н. А. Петровъ, въ сопровожденіи партіи (12 человекъ) техниковъ-специалистовъ, для составленія на мѣстѣ проекта пригационныхъ работъ. Разработанный проектъ этотъ представленъ былъ въ 1901 году въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Имъ имѣлось въ виду прорытіе системы каналовъ, со шлюзами и другими сооружениями, посредствомъ которыхъ степь была бы соединена съ рѣкою Араксомъ. Такимъ путемъ получится орошеніе сначала 6.000 десятинъ, что обойдется въ 240 тысячъ рублей, то-есть по 40 рублей десятина. Затѣмъ, путемъ дальнѣйшихъ ирригационныхъ сооружений, получать орошеніе еще 20 тысячъ десятинъ и т. д.

Проектъ получилъ одобреніе и началось частичное осуществленіе его. Въ началѣ 1909 года послѣдовало открытіе построеннаго инспекціей водъ на Кавказѣ, шлюза имени Государя Императора Николая II (на истокѣ рѣки Новаго

Аракса), посредствомъ котораго орошается до 50.000 десятинъ центральной части Муганской степи. Для кого, однако, оны орошается—неизвѣстно, такъ какъ до сихъ поръ даже эта часть Муганской степи не заселена русскими крестьянами.

Въ настоящее время испрашиваются кредиты (часть которыхъ уже прошла въ Государственной Думѣ), и на дальнѣйшее осуществленіе оросительнаго проекта, по существу своему, конечно, заслуживающаго самаго горячаго слѣдствія. Но въ немъ одинъ существенный недостатокъ, это — дороговизна проектируемыхъ сооружений. Орошеніе 26.000 десятинъ обойдется, по проекту Кавказской Инспекціи водъ, въ миллионъ рублей, а всей степи слѣдовательно, до 20-ти миллионъвъ рублей. На такую крупную затрату казна врядъ ли можетъ рѣшиться. Между тѣмъ, безъ искусственнаго орошенія не можетъ двигаться дѣло русской колонизаціи Мугани, имѣющее государственную важность. Такимъ образомъ, проектъ Кавказской Инспекціи водъ, составленный въ интересахъ колонизаціи степи, является, благодаря своей дороговизнѣ, тормазомъ къ осуществленію этого государственнаго дѣла.

Большаго вниманія заслуживаетъ поэтому другой, частный, проектъ орошенія Мугани, принадлежащій инженеру-гидравлику И. А. Маевскому, завѣдывавшему Муганскимъ пригационнымъ райономъ и, какъ извѣстно уже читателю, устройшему искусственное орошеніе полей Ново-Николаевки и Ново-Александровки, воспользовавшись при этомъ мѣстною оросительною системою, благодаря чему сооруженіе потребовало самой незначительной затраты (около 60 копѣекъ на десятину). Руководствуясь этимъ опытомъ, г. Маевскій указываетъ, что и вся Мугань можетъ быть легко орошаема почти безъ искусственныхъ сооружений и на очень небольшія средства: слѣдуетъ только воспользоваться для этого нѣкогда продолженной системою каналовъ, слегка расчистивъ ее и пробивъ новыми каналами такъ называемые береговые увалы, намѣтанные Араксомъ и приподнявшіе дуно его. Такимъ путемъ вода легко будетъ выведена въ Муганскую впадину, и все это потребуетъ затраты не болѣе 2 руб. 50 коп. на десятину, то-есть около 1.250.000 руб. на орошеніе всей степи.

Проектъ г. Маевского, обсуждавшійся въ свое время

въ Кавказскомъ отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и въ Кавказскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, вызвалъ шумную и даже бурную оппозицію со стороны Кавказской Инспекціи водъ, стоящей за свой проектъ. Но мы не станемъ касаться этой принципиальной шумихи. Тутъ важна реальная, *практическая* сторона дѣла. Предъ нами два проекта: одинъ сложный, дорогой, и потому *неосуществимый*, другой—простой, дешевый, и потому *легко осуществимый*. Неужели же дѣло колонизаціи Мугани должно быть оставлено, или, по меньшей мѣрѣ, отложено до неопредѣленнаго будущаго (когда у насъ окажется свободныхъ 20 милліоновъ рублей), потому только, что Кавказскою Инспекціей водъ составленъ неосуществимый ирригаціонный проектъ? Правда, проектъ г. Маевского тоже требуетъ со стороны государства затраты свыше милліона рублей. Но это не 20 милліоновъ, требуемые Кавказскою Инспекціей водъ! Въ Муганской степи можетъ свободно раскинуться цѣлая сотня русскихъ поселеній, то-есть, безъ преувеличенія, цѣлый русскій уѣздъ. Милліонная затрата тутъ сторицей окупится тою политической пользой, какую представить для государства этотъ русскій уѣздъ въ глубинѣ Закавказья.

Но, помимо политической пользы, которая въ данномъ случаѣ, конечно, должна стоять на первомъ планѣ, государство и въ смыслѣ финансово-экономическомъ выиграетъ отъ этого сторицею. Въ настоящее время изъ 16 милліоновъ пудовъ хлопка, потребляемаго русскою мануфактурною промышленностью, только 7 милліоновъ пудовъ производится въ Россіи; остальные 9 милліоновъ пудовъ, на сумму свыше 50 милліоновъ рублей, производятся извнѣ. Съ заселеніемъ Муганской степи и обращеніемъ ея подъ хлопковую культуру, многие милліоны рублей, уплачиваемые нынѣ Россіей чужимъ государствамъ (Америкѣ, Англій и Персіи) за хлопокъ, останутся дома, такъ какъ хлопокъ будетъ потребляться свой, русскій, возвращенный на Мугани, которая можетъ дать его милліоны пудовъ.

Очевидно, мелкія финансовыя соображенія не могутъ и не должны служить помѣхой къ практическому разрѣшенію вопроса о заселеніи Мугани. Вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ тѣмъ безотлагательнѣе, что, какъ мы видѣли, уже началось расхищеніе Муганскихъ земель и за-

селеніе степи инородцами—мусульманами. А мы, между тѣмъ, медлимъ съ русскою колонизаціей Мугани, какъ бы давая тѣмъ время туземцамъ обдѣлать захваты земель, предназначенныхъ для русскихъ переселенцевъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ казна можетъ оказаться уже не хозяйкой Муганскихъ земель, какъ она оказалась не хозяйкой лучшихъ нефтеносныхъ земель на Апшеронскомъ полуостровѣ, захваченныхъ лихими инородцами и укрѣпленныхъ за ними мѣстными судами.

Вмѣсто оплота для русскаго дѣла, Мугань обратится тогда въ сильный вражій станъ...

IX.

Малярія.

Мы должны разсѣять еще одинъ мракъ, старательно навѣваемый на русскую публику и на русскія правящія сферы каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о русской колонизаціи Кавказа.

Въ Закавказьѣ,—увѣряютъ,—нѣтъ (?) свободныхъ земель для русской колонизаціи. Но если бы онѣ и были, все равно поселеніе здѣсь русскихъ невозможно-де по причинамъ физическаго свойства. Климатическія и почвенныя условія Закавказья рѣзко отличаются отъ таковыхъ во внутренней Россіи. Въ Закавказьѣ, особенно въ низменныхъ, удобныхъ для поселенія, мѣстахъ, свирѣпствуетъ-де страшная малярія, отъ которой много страдаютъ даже туземные, привычные къ мѣстнымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ народы. Урожденцы же внутреннихъ губерній совершенно, будто бы, не выносятъ этихъ условій и, проявляя, вслѣдствіе этого, особенную склонность къ малярійнымъ заболѣваніямъ, гибнутъ-де цѣлыми массами. Переселять сюда при такихъ условіяхъ Русскихъ равносильно обреченію ихъ на вѣрную смерть. Это, мало того, что бесполезно для цѣлей государственныхъ, это-де прямо жестоко...

Хотя все это и звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы слышимъ отъ нашихъ врачей и

бальнеологовъ (напримѣръ, профессоръ Пастернацкій), указывающихъ уроженцамъ внутреннихъ губерній на Кавказъ, какъ на климато-лѣчебную станцію,—все же аргументъ этотъ производитъ на русское общественное мнѣніе наиболѣе сильное впечатлѣніе, и малярія признается одною изъ важнѣйшихъ помѣхъ для русской колонизаціи Закавказья. Нельзя же,—говорятъ гнать несчастный народъ на вѣрную гибель?

Конечно, нельзя. Но такъ же точно нельзя и вѣрить зря всѣмъ тенденціозно—навѣваемымъ на насъ страхамъ. „Несчастный“ Русскій народъ нельзя „гнать“ въ Закавказье, ибо это вѣрная гибель для него. Но кто же гонитъ сюда Нѣмцевъ, Грековъ, Поляковъ? Никто. Они сами переселились и переселяются сюда и живутъ, не погибая отъ маляріи. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что уроженцы внутреннихъ губерній Россіи, какъ увѣряютъ насъ, совершенно не выносятъ кавказскаго климата и не могутъ, поэтому, здѣсь жить, уроженцы же привислинскихъ губерній той же Россіи, а также Греціи и Германіи, отлично выносятъ его и живутъ?

Но не только Нѣмцы, Греки и Поляки, которыхъ на Кавказѣ числится уже до 120.000 человекъ, но и Русскіе живутъ здѣсь и.. и не погибаютъ отъ маляріи! Не будемъ уже говорить о сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ имѣютъ постоянную осѣдлость свыше 3 милліоновъ русскихъ—переселенцевъ изъ внутренней Россіи. Но и въ самомъ Закавказьѣ, относительно котораго навѣваются на насъ страхи, имѣется до 130 русскихъ поселеній болѣе чѣмъ съ 140-тысячнымъ русскимъ населеніемъ, переселеннымъ сюда изъ внутренней Россіи. Поселенія эти существуютъ уже десятки лѣтъ и, слава Богу, населеніе ихъ не погибло и не погибаетъ отъ маляріи. Почему же новые переселенцы, водворенія которыхъ столь настоятельно требуютъ государственные интересы, должны погибнуть отъ нея?..

Еслибъ уроженцы внутренней Россіи дѣйствительно, какъ стараются въ томъ увѣрить, не выносили климатическихъ условій Кавказа и гибли отъ маляріи, къ заболѣванію которой они проявляютъ, якобы, особенную склонность, то это гибельное влияніе кавказскаго климата, конечно, сказалось бы на живущихъ здѣсь переселенцахъ изъ внутрен-

нихъ губерній, водвореніе которыхъ въ Закавказьѣ началось, какъ мы знаемъ, еще съ 1834 года. По вышеприведенной „страшной“ теоріи, вымышленной противниками русскаго переселенія въ Закавказьѣ, всѣ водворенные здѣсь русскіе переселенцы давно уже должны бы погибнуть отъ маляріи. Однакоже, они живутъ здѣсь уже десятки лѣтъ и, слава Богу, не погибаютъ. Не погибаютъ и тѣ тысячи Русскихъ чиновниковъ и военныхъ, которые посылаются въ Закавказье изъ внутренней Россіи и преисправно живутъ и служатъ здѣсь, хотя очень многимъ и было бы, конечно, весьма желательно, чтобы, пзъ страха предъ маляріей, не присылали бы сюда и русскихъ чиновниковъ, а всѣ правительственныя должности замѣщались бы здѣсь мѣстною инородческою „интеллигенціей“.

Очевидно, влияніе кавказскаго климата не такъ ужъ губительно для русскихъ, какъ въ томъ стараются увѣрить. Многочисленные данныя, наоборотъ, свидѣтельствуютъ даже о совершенно противоположномъ: русскіе переселенцы вообще прекрасно выносятъ кавказскій климатъ и не только не погибаютъ отъ маляріи, но быстро акклиматизируются и приспособляются къ мѣстнымъ природнымъ и бытовымъ особенностямъ въ отношеніи физическаго склада и тѣлесной организаціи, превосходятъ скоро не только своихъ руссійскихъ собратьевъ, но даже и туземцевъ. Весьма краснорѣчивыя данныя по этому предмету находимъ въ изслѣдованіи о влияніи маляріи на колонизацію Кавказа, помѣщенномъ въ „Кавказскомъ Календарѣ“ на 1899 годъ, издаваемомъ при закавказскомъ Статистическомъ Комитетѣ.

Приходя, на основаніи фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, къ заключенію что „Русскіе, безъ какихъ-либо особенныхъ заботъ о нихъ, хорошо приспособились какъ на болѣе или менѣе малярійныхъ закавказскихъ предгорьяхъ и нагорьяхъ, такъ и на плоскогорьяхъ“, авторъ этого изслѣдованія приводитъ такіе факты, что, напримѣръ, въ Елисаветпольской губерніи доживающихъ до 60—70 и болѣе лѣтъ между русскими слишкомъ вдвое болѣе, чѣмъ между туземцами. Такъ, по даннымъ закавказскаго статистическаго комитета, на 1.000 жителей числилось:

ВЪ ВОЗРАСТЪ.

60—70 лѣтъ. Старше 70 лѣтъ.

Русскихъ	27	15
Армянь	10	7
Татарь	13	6

Въ Карской области на 100 родившихся русскихъ, въ среднемъ за десятилѣтїе, приходится 40 умершихъ, тогда какъ во внутренней Россіи на 100 родившихся приходится болѣе 60 умершихъ. По даннымъ собраннымъ и разработаннымъ А. Надежинымъ, въ Тифлисской губерніи естественный приростъ русскаго населенія составляетъ 28 на 1.000, тогда какъ во внутренней Россіи естественный приростъ населенія составляетъ только 15 на 1.000. Вообще „смертность взрослога (русскаго) населенія въ Закавказьѣ, по нѣкоторымъ даннымъ, меньше, чѣмъ въ собственной Россіи“¹⁾.

Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что рождаемость у русскаго населенія въ Закавказьѣ значительно выше, чѣмъ у туземнаго населенія. Такъ, по даннымъ А. Надежина, на бракъ приходится дѣтей: у Русскихъ 6,7, у Армянъ 3,8, у Грузинъ 3,5. Проводя далѣе параллель между русскимъ населеніемъ Закавказья и внутренней Россіи, авторъ вышеуказаннаго изслѣдованія указываетъ (стр. 88) что „закавказскіе русскіе пріобрѣли больше самоувѣренности, самостоятельности, и высматриваютъ расторопнѣе и развитіе жителей среднихъ и южныхъ губерній“.

Нельзя не отмѣтить также весьма значительныхъ физическихъ перемѣнъ въ организаціи русскихъ переселенцевъ въ Закавказьѣ, особенно родившихся и выросшихъ здѣсь, — перемѣнъ, однако, не къ худшему, а къ лучшему. Такъ по сравненію средняго роста русскихъ уроженцевъ Закавказья съ ростомъ уроженцевъ внутренней Россіи, ростъ первыхъ оказывается значительно выше. По цифрамъ профессора Д. Н. Анучина, средній ростъ населенія Европейской Россіи составляетъ 1.641 миллиметровъ²⁾, средній

¹⁾ См. „Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа“ въ „Кавказскомъ Календарѣ“ на 1899 годъ, стр. 86.

²⁾ См. его изслѣдованіе „О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія въ Россіи“. Петербургъ, 1889. По отдѣльнымъ

же ростъ русскихъ уроженцевъ Закавказья, по даннымъ воинскихъ присутствій, составляетъ 1.690 миллиметровъ, то есть на 49 миллиметровъ больше. При этомъ закавказскіе русскіе отличаются и лучшимъ физическимъ развитіемъ, и болѣею ловкостью, чѣмъ ихъ російскіе собратья¹⁾. Что касается заболѣваемости русскаго населенія, то, „судя по осмотрамъ молодыхъ людей, призванныхъ къ отбыванію воинской повинности, болѣзней и тѣлесныхъ недостатковъ между (русскими) уроженцами Закавказья меньше, чѣмъ между уроженцами внутреннихъ губерній. Малярійная кахексія встрѣчалась въ немногихъ случаяхъ исключительно у жителей Ленкоранскаго уѣзда (Бакинской губерніи). Грудныя болѣзни наблюдались почти только въ городахъ Баку и Тифлисѣ—между лицами интеллигентныхъ профессій и техниками. Грыжи рѣдки. Трахома сравнительно не значительна“²⁾.

Не правда ли, какъ все это похоже на гибель русскихъ переселенцевъ въ Закавказьѣ и на невыносимость для нихъ кавказскаго климата?..

Какъ и всё подтропическія страны, Кавказъ подверженъ маляріи, которая, благодаря некультурности его, мѣстами свирѣпствуетъ съ отчаянною силой и губительно вліяетъ на здоровье человѣка, особенно свѣжаго, не кореннаго жителя края, акклиматизовавшагося уже здѣсь. Русскіе переселенцы, дѣйствительно, очень часто, быть-можетъ даже чаще другихъ, становятся жертвами маляріи. Но отчего же это происходитъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ извѣстное уже намъ вышеуказанное изслѣдованіе „О вліяніи маляріи на колонизацію Кавказа“ (стр. 62—63):

„Въ Закавказьскій край, — читаемъ въ немъ, — не мало приходится Русскихъ, гонимыхъ нуждою, ищущихъ работы.

губерніямъ средней ростъ такой: Тульская—1635 мм., Тамбовская—1.635, Владимирская—1.638, Самарская—1.641. Саратовская—1.642, Московская—1.643, Петербургская—1.644, къ тому цифра повышается и достигаетъ въ Таврической губерніи 1.660 мм., въ Донецкой области—1662.

¹⁾ Это объясняется, во-первыхъ, лучшимъ питаніемъ закавказскихъ русскихъ, употребляющихъ болѣе азотистой пищи, а во-вторыхъ, постоянной гимнастикой при хожденіи по горамъ.

²⁾ „Кавказскій Календарь“ на 1899 годъ, стр. 90.

Отыскивая для своего пропитанія временную работу, не пристроившіеся къ постоянному дѣлу, они чаще всего находятъ занятія по устройству дорогъ, рытью каналовъ, уборкѣ полей и луговъ. При этихъ работахъ малярія проявляется съ особою силой. Плохое, неправильное, непривычное, часто одною сухою пищею, питаніе, неводержанная жизнь, неряшливость, ночлеги на сырой землѣ—усиливаютъ шансы заболѣванія. Въ совершенно другихъ условіяхъ находятся тѣ же люди, усѣвшіеся на землю, взявшіеся за постоянное дѣло и обезпеченные въ удовлетвореніи своихъ первыхъ потребностей. На закавказскихъ предгоріяхъ они значительно страдаютъ только въ первые годы, пока не обстроится, не обработаютъ огородовъ и полей, не обезпечатъ себя хорошею водою“.

Ясно, что если русскіе переселенцы страдаютъ отъ маляріи болѣе другихъ, то это потому лишь, что они находятся въ Закавказьѣ въ худшемъ положеніи, чѣмъ всѣ другіе: лишенные земли и осѣлости, они скитаются полуголодные и холодные по городамъ и, существуя случайными работниками, оказываются въ условіяхъ, способствующихъ заболѣванію маляріей. Являясь они сюда не въ качествѣ безпріютныхъ бродягъ, а въ качествѣ земледѣльцевъ, т. е., будь организована правильная колонизація Закавказья Русскими,—они почти, а то и вовсе не имѣли бы дѣла съ маляріей.

Необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду, что малярія—атрибутъ странъ преимущественно некультурныхъ: по мѣрѣ водворенія культуры, она ослабѣваетъ, а затѣмъ и вовсе исчезаетъ. Во многихъ мѣстностяхъ Италіи, Испаніи, Франціи и Америки, лежащихъ въ тѣхъ-же широтахъ, что и Кавказъ, а также въ Голландіи, малярія свирѣпствовала ранѣе такъ же, какъ и на Кавказѣ. Съ водвореніемъ тамъ культуры, малярія совсѣмъ почти исчезла. Низменная мѣста Прованса, Понтийскія болота, Пенсильванія, Огайо, по причинѣ страшно свирѣпствовавшей въ нихъ маляріи, были совсѣмъ почти необитаемы. Первые поселенцы тамъ или гибли, или уходили. Но по мѣрѣ распространенія земледѣльской культуры, малярія ослабѣвала, и въ настоящее время страны эти почти не знаютъ маляріи и густо заселены. „Есть основаніе предполагать,—говоритъ авторъ вышеназваннаго изслѣдованія,—что въ древнее время культура

вліяла на ослабленіе маляріи и на Кавказѣ. Тамъ, гдѣ аборигены занимались земледѣліемъ, какъ въ верхнемъ и среднемъ бассейнахъ Куры и Кубани, населенія всегда было больше, а тамъ, гдѣ земля не обрабатывалась, въ степяхъ Липрійской, Муганской, при устьяхъ Терека и др.—населеніе всегда было незначительно“.

Блнстательное доказательство значенія культуры для оздоровленія малярійныхъ мѣстностей Кавказа дали Греки, начавшіе селиться еще до Р. X. въ самыхъ малярійныхъ мѣстностяхъ Кавказа—по побережью Чернаго моря. Первые поселенцы, несомнѣнно, жестоко страдали отъ маляріи, но затѣмъ, по мѣрѣ водворенія культуры, малярія была побѣждена, и въ самыхъ малярійныхъ мѣстностяхъ Черноморскаго побережья выросли цвѣтущія колоніи Грековъ (Диоскурія, Анаккія и др.). Примѣромъ могучаго вліянія культуры на ослабленіе маляріи служить и Сѣверный Кавказъ. Ранѣе здѣсь, какъ и въ Закавказьѣ, малярія производила страшныя опустошенія, но по мѣрѣ заселенія его культурнымъ русскимъ элементомъ и распространенія правильной земледѣльской культуры, малярія стала ослабѣвать и въ настоящее время не проявляется уже съ такою силой, какъ въ Закавказьѣ. По словамъ одной солдатской пѣсни, русскіе отвоевали Сѣверный Кавказъ пулей и штыкомъ отъ горцевъ, а киркою, ломомъ и лопатою—отъ маляріи.

Несомнѣнно, что тѣмъ же путемъ можетъ быть отвоеванъ отъ маляріи и весь Кавказъ.

Главною причиною маляріи является гніеніе остающихся послѣ весеннихъ разливовъ въ низменныхъ мѣстахъ рѣчныхъ водъ и зараженіе, такимъ путемъ, всей почвы, которая не распахивается, и въ которой, поэтому, вѣками гнѣдятся малярійныя міазмы. Съ осушеніемъ болотъ и овраговъ, путемъ канализаціи и укрѣпленія береговъ рѣкъ, устройства дамбъ въ низкихъ ихъ частяхъ, для предотвращенія разливовъ и затопленія окрестныхъ пространствъ, а главное—съ распашкою земель, съ водвореніемъ въ краѣ правильной земледѣльской культуры, т. е. съ заселеніемъ его земледѣльческимъ русскимъ элементомъ, малярія не только тотчасъ же ослабнетъ, но со временемъ и совершенно исчезнетъ. Если природныя условія Кавказа способствовали развитію здѣсь маляріи, то природа же даетъ ему въ руки

и радикальное средство для борьбы съ нею. Это—эйкалиптусъ: гдѣ растеть онъ, тамъ малярія нѣтъ. Разведение этого растенія, прекрасно произрастающаго во всемъ Закавказьѣ, можетъ оказать, поэтому, громадное содѣйствіе оздоровленію края.

Нельзя не указать также, что одною изъ главныхъ причинъ распространенія маляріи является культура риса. Рисъ—главное питательное вещество туземнаго населенія, и культура его съ каждымъ годомъ расширяется. Для успешнаго произростанія его, земля обращается, путемъ искусственнаго орошенія, въ жидкую грязь и въ такомъ состояніи содержится во все время роста. Такимъ образомъ, искусственно разводятся болота, и неудивительно, что тамъ, гдѣ разводятся рисовыя плантаціи, малярія усиливается и принимаетъ эпидемическій характеръ. Вопросъ этотъ давно уже привлекаетъ вниманіе мѣстнаго медицинскаго міра; разрѣшеніе его, однако, затрудняется тѣмъ, что, какъ главная пища туземнаго населенія¹⁾, рисъ не можетъ быть изъятъ изъ сѣвооборота. Но такъ какъ онъ служитъ источникомъ развитія маляріи, то все же представляется необходимымъ примирить эти два обстоятельства. Въ Туркестанскомъ краѣ сдѣлали, въ этихъ видахъ, опыты культуры манчжурскаго или, какъ его называютъ, „суходольнаго“ риса, не требующаго столь обильнаго орошенія и растущаго даже на сухой почвѣ. Опыты дали вполне благоприятные результаты и туркестанскіе сельскіе хозяйства уже начали замѣнять обыкновенный рисъ „суходольнымъ“, который даже выгоднѣе, ибо не требуетъ дорого стоящаго искусственнаго орошенія. Несомнѣнно, что съ такимъ же успѣхомъ суходольный рисъ можетъ культивироваться и въ Закавказьѣ, и къ замѣнѣ имъ нынѣ культивируемаго здѣсь риса необходимо оказать со стороны Правительства вслѣдствіе.

Вообще чортъ, которымъ насъ стараются испугать, не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Во-первыхъ, далеко не все Закавказье и подвержено маляріи; какъ указывается въ изслѣдованіи: „Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа“ (стр. 37), „малярійный паразитъ на высотѣ 3.000, а особенно 4.000 футовъ въ нашихъ широтахъ, безъ какихъ-либо совершенно

¹⁾ Плавъ—лакомое кушанье туземцевъ—приготавливается изъ риса (чалтыка).

исключительныхъ условій, уже не развивается, и мѣстности, лежащія выше этихъ предѣловъ, какъ плоскогорья Малаго Кавказа, горныя долины и склоны Аджаро-Ахалцхскаго, Главнаго хребтовъ и многочисленныхъ ихъ отроговъ свободны отъ маляріи“. Во-вторыхъ же, и самыя даже малярійныя мѣстности—стали таковыми лишь вслѣдствіе ихъ запущенности и некультурности; съ заселеніемъ ихъ и водвореніемъ въ нихъ земледѣльческой культуры, онѣ такъ же станутъ свободны отъ маляріи, какъ стали свободны отъ нея нѣкогда малярійныя мѣстности Италіи, Испаніи, Франціи, Голландіи, Америки.

Очевидно, малярія не только не можетъ и не должна быть помѣхой для колонизаціи Закавказья земледѣльческимъ русскимъ элементомъ, но именно только колонизаціей этой край и можетъ быть освобожденъ отъ маляріи.

Что же касается внушаемыхъ намъ страховъ за судьбу переселенцевъ, обреченныхъ, якобы, на вѣрную смерть отъ маляріи, то слишкомъ полувѣковое *топикъ благополучное* существованіе въ Закавказьѣ русскихъ поселеній и приведенныя выше свѣдѣнія и данныя о физическомъ состояніи этого населенія, не только не погибшаго отъ маляріи, но здравствующаго даже еще лучше, чѣмъ населеніе внутреннихъ губерній, вполне, полагаемъ, исключаютъ всякія опасенія на этотъ счетъ. Цѣлый рядъ русскихъ селеній, устроенныхъ въ позднѣйшее время въ мѣстностяхъ, считавшихся наиболее опасными въ малярійномъ отношеніи (Петропавловское, Ново-Николаевское, Ново-Александровское и др.), показали воочью вѣропость подобнаго рода опасеній. Даже въ самыхъ малярійныхъ мѣстностяхъ новоселы не погибли, а благополучно живутъ, здравствуютъ и успѣли уже сильно преумножиться. Съ водвореніемъ земледѣльческой культуры малярія отступила и не представляетъ ни малѣйшей опасности для новоселовъ.

Если русскіе переселенцы нѣредко гибли на Кавказѣ, то причиной тому является совсѣмъ особаго рода „малярія“, представленіе о которой читатель лучше всего можетъ получить изъ слѣдующаго картиннаго описанія г. Георгіемъ-Борцовымъ¹⁾ (псевдонимъ) посѣщенія русскаго селенія свя-

¹⁾ См. его книгу „Удавы“ (изъ современной кавказской жизни). С.-Петербургъ, 1903 г.

щенникомъ о. Петромъ, получившимъ свѣдѣніе, что переселенцы въ немъ не только страшно бѣдствуютъ, но и умираютъ цѣлыми семьями отъ какой-то загадочной болѣзни:

„Усталая лошадь поднималась очень медленно, и священникъ, не выдержавъ охватившаго его нетерпѣнія, пошелъ впередъ напрямикъ, по проптанной дорожкѣ. На пути ему встрѣтилась оросительная канава, медленно катившая свои мутныя воды межъ низкихъ береговъ и о. Петръ невольно отшатнулся, пораженный издаваемымъ ею зловоніемъ.

— Господи, что это значитъ?! Никогда оросительная канава такъ не заражаетъ воздуха! Это запахъ разложенія...

Спросить о причинѣ поразившаго явленія было не у кого, и о. Петру пришлось идти впередъ ускореннымъ шагомъ, чтобы не задохнуться отъ нестерпимой вони.

Дойдя до площади, на которой былъ расположенъ поселокъ, священникъ остановился, пораженный открывшеюся его глазамъ картиной: вмѣсто ожидаемыхъ имъ, хотя бы скромныхъ, домиковъ, кругомъ торчали лишь небольшія земляныя кучки, которыя при внимательномъ осмотрѣ, оказались примитивными крышами убогихъ землянокъ, вырытыхъ въ глинистой, потрескавшейся почвѣ. Нѣкоторыя крыши завалились, другія были наполовину кѣмъ-то разрыты и открывали зіяющія ямы опустѣвшихъ землянокъ. У о. Петра сердце мучительно забилось.

— Что это? Никого?! Да и неужели въ этихъ жалкихъ ямахъ жили когда-нибудь люди?

Точно въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, изъ-подъ края одной изъ земляныхъ крышъ высунулась въ эту минуту всклокоченная голова съ иссохшимъ желтымъ лицомъ и уставилась на священника тусклыми, болѣзненно расширенными глазами. У батюшки еле хватило силы окликнуть несчастнаго.

— Послушайте... Скажите... вы одни теперь тутъ остались... Куда всѣ ушли?

Голова продолжала смотрѣть на него тѣми же стекляными глазами и только шевелила складками сморщенной на лбу, пожелтѣвшей кожи. Перенливъ свое волненіе, о. Петръ подошелъ поближе и нагнулся къ головѣ.

— Голубчикъ, ты боленъ? Постарайся только отвѣтить: одинъ ты здѣсь?

Голова затряслась, вытянула шею и иссохшія губы съ трудомъ проговорили:

— Чаво одинъ? Сколько еще не подохло,—всѣ тутъ!

— Да гдѣ же? Никого не видно!

— По ямамъ лежать, обезсилили... а Ванька и Игнатъ по воду потащились... а можетъ тоже... гдѣ легли... одинъ конецъ!

Отъ этихъ разговоровъ и глухого, надорваннаго голоса полумертваго человѣка волосы зашевелились на головѣ о. Петра. Но онъ овладѣлъ собою и, попросивъ больного пропустить его, спустился въ открытую яму землянки. Представившаяся его глазамъ картина не поддается описанію. Въ полутемной, зловонной ямѣ лежали въ повалку двѣ женщины и четверо дѣтей съ желтыми помертвѣлыми лицами и красными, точно выжженными, лихорадочными глазами. Нѣкоторыя стонали, другія не двигались, охваченныя предсмертною апатіей. Узнавъ, что батюшка прѣхалъ съ цѣлью прійти имъ на помощь, переселенецъ, съ которымъ батюшка говорилъ у входа и который оказался самымъ сильнымъ изъ семи, на мгновеніе оживился, но тутъ же безнадежно говорилъ:

— Кому уже теперь помогать-то! много перемерло, а мы вотъ какіе остались! Какой ужъ толкъ! Все равно помирать!

Батюшка сталъ доискиваться причинъ такого положенія переселенцевъ:

— А откуда вы воду берете для питья?

— То-то и оно, что отъ воды погибаемъ...

Не успѣлъ договорить, какъ у входа появился пожелтый мужикъ въ затасканной рубахѣ и поставилъ среди землянки ведро мутной воночей воды. О. Петръ нагнулся и, понахавъ воду, отвернулъ голову съ отвращеніемъ.

— Какъ можно пить такую мерзость? Это зараза какая-то!

— Еще бы не зараза, когда въ ней можетъ третья недѣля надло не переводится! Думаешь, сами не чувствуемъ духа-то? съ души можетъ воротить, а пьешь!

— Да зачѣмъ же вамъ пить эту гадость? Тутъ вблизи должны быть источники...

— Какъ не быть. По началу воду и брали съ источниковъ,—вотъ тутъ на горкѣ, подъ армянской деревней. Хорошая вода, здоровая!

— Такъ отчего же перестали?

— Воду брать? Перестали, коли не даютъ. День и ночь черномазые стоятъ съ кивжалами и не пускаютъ. Мы тогда изъ канавы не по своей волѣ и стали пить, а они, нехристы, возьми да въ канаву у своей деревни, повыше насъ, дохлаго буйвола и намочи!

Отчаянныя депеши, посланныя священникомъ разнымъ лицамъ, не остались безъ отвѣта, и на судьбу несчастныхъ, оставшихся въ живыхъ мужичковъ, было обращено вниманіе: ихъ убрали изъ рокового для нихъ мѣста. Неудобное армянству русское селеніе исчезло, а домъ священника, вздумавшаго поднять шумъ по поводу отравленія воды, подожеженъ“...

Предъ такой „маляріей“ (подобной былой „римской маляріей“) не отступать, конечно, должна Россія, а наоборотъ — наступать — путемъ проявленія сильной русской власти и широкаго заселенія Закавказья культурнымъ русскимъ элементомъ. Иначе дѣйствительно рискуетъ погибнуть не только все закавказско-русское переселенческое дѣло, но и все государственное дѣло Россіи на Кавказѣ.

X.

Основная государственная задача Россіи на Кавказѣ.

Переселенческое движеніе послѣ дальне-восточной войны приняло огромныя, никогда еще небывалыя размѣры. Съ государственной точки зрѣнія, отливъ земледѣльческаго населенія изъ густо-населенныхъ внутреннихъ губерній на рѣдко-населенныя окраины, конечно, весьма желателенъ. Этимъ облегчается задача крестьянскаго землеустройства во внутреннихъ губерніяхъ и усиливается осѣдлый русскій элементъ на окраинахъ, скрѣпляя связь ихъ съ остальнымъ государствомъ.

Къ сожалѣнію, въ этомъ послѣднемъ отношеніи переселенческое движеніе не используется въ той мѣрѣ, въ какой можно и должно въ интересахъ государственныхъ. Вся огромная переселенческая волна направляется въ одну сторону—въ Сибирь и на Дальній Востокъ. Колонизація дальневосточныхъ окраинъ, конечно, имѣетъ первостепенное государственное значеніе. Но такое-же значеніе имѣетъ русская колонизація и другихъ окраинъ, особенно Кавказа и Туркестана. Послѣдніе, между тѣмъ, закрыты для переселенія. Такимъ образомъ, переселенческое движеніе искусственно направляется въ одну сторону, что не отвѣчаетъ даже задачамъ самаго переселенія. Изъ „Свѣдѣній о движеніи переселенцевъ черезъ Челябинскій переселенческій пунктъ въ Сибирь и обратно по даннымъ Министерства Путей Сообщенія“ видно, что далеко не всеѣмъ переселенцамъ, направляющимся на Востокъ, удается тамъ найти себѣ пріютъ и осѣдность. Многимъ и очень многимъ приходится возвращаться обратно.

Поднимаясь на новыя мѣста, переселенцы ликвидируютъ здѣсь свое хозяйство и, возвращаясь обратно, не имѣютъ уже никакого пріюта. Путешествіе туда и обратно поглощаетъ все ихъ ресурсы и они оказываются въ положеніи весьма тяжеломъ. Не найдя себѣ пріюта въ Сибири, они могли бы найти его на другихъ окраинахъ—въ Туркестанѣ или на Кавказѣ, съ пользой и для себя, и для государства. Но для русскаго переселенія Кавказъ и Туркестанъ закрыты, и тѣхъ, кто рискуетъ двинуться на эти „запретныя“ окраины, въ качествѣ „самовольныхъ“ переселенцевъ, ждетъ самая печальная участь, какъ видно изъ слѣдующей картинки кавказской жизни, неоднократно и лично нами наблюдавшейся:

„Почти во всеѣхъ городахъ Сѣвернаго Кавказа наблюдается значительное количество такъ-называемыхъ обратныхъ переселенцевъ, т. е. переселенцевъ, направляющихся съ Кавказа обратно на родину, во внутреннія и южныя губерніи, преимущественно въ Воронежскую, Харьковскую и Тамбовскую губерніи. Положеніе переселенцевъ очень тяжелое, больше того—отчаянное. Оборванные, съ истомленными болѣзнію и голодомъ лицами ходятъ они со двора во дворъ, выпрашивая „ради Христа“ „на хлѣбъ и проѣздъ на родину“.

Взрослых сплошь и рядом сопровождают дѣти, одѣты въ грязное рванье и приходившія отъ холода. При той ужасной жизни, которую приходится вести этимъ переселенцамъ, едвали многимъ изъ нихъ удастся добраться до родины; такъ какъ большею частью они добираются до могилы,—ночлеги подъ открытымъ небомъ, тифы, голодь дѣлаютъ свое дѣло. Случай, когда истощеннаго болѣзнію и голодомъ переселенца поднимаютъ въ обморочномъ состояніи на улицѣ, въ кавкаскіхъ городахъ очень не рѣдки¹⁾.

Одновременно съ того же „русскаго“ Кавказа сообщается слѣдующее:

„Теперь на Кавказъ идетъ вообще много иностранцевъ, даже больше, чѣмъ нужно. Хотя и желательны капиталисты, которые могутъ вложить свои деньги въ землю, давая жизнь краю и работу мѣстнымъ русскимъ людямъ, но сюда идутъ также, напримѣръ, въ большомъ количествѣ мелкіе нѣмецкіе колонисты и приобрѣтаютъ плодородныя частновладѣльческія земли. Они прекрасно устриваются, и за собой вызываютъ новыя группы германцевъ, не сливаясь съ русскимъ населеніемъ и оставаясь пѣмцами. Они какъ-то умѣютъ, лучше чѣмъ русскіе переселенцы, взаимно поддерживать другъ друга, не теряя своихъ особенностей, своего языка. Въ большомъ количествѣ они уже заселили Хосафъ-Юртовскій округъ, Кизлярскій, Моздокскій и другіе отдѣлы“²⁾.

Наконецъ, приходится отмѣтить еще фактъ—переселенія русскихъ за границу, именно—на Гавайскіе острова, куда въ послѣдніе годы отправилось нѣсколько тысячъ русскихъ переселенцевъ.

Итакъ,—Кавказъ „закрытъ для переселенія“, но только для русскаго: всякаго рода иностранцевъ идетъ на эту „русскую“ окраину „много, даже больше, чѣмъ нужно“. Для нихъ Кавказъ не закрытъ, ими заселяются тамъ цѣлые округа и отдѣлы. Русскимъ же, которымъ не удалось прочно устроиться на Дальнемъ Востокѣ—единственной „открытой“ для нихъ окраинѣ—приходится или возвращаться голоднымъ и холоднымъ обратно, гдѣ у нихъ уже нѣтъ приста-

1) „Земщина“, 1910 г., № 244.

2) „Россія“, 1910 г., № 1,308.

нища или же... вовсе уходить изъ Россіи—на Гавайскіе острова, откуда переселившись едутъ отчаянными письма.

Можно-ли признать такое положеніе нормальнымъ? Для всѣхъ чужеродцевъ и чужеземцевъ на Кавказѣ оказывается мѣсто; въ тамъ прекрасно устриваются, овладѣвая и землями и всеми несомѣтными природными богатствами (нефть, марганецъ, каменный уголь, мѣдь, лѣсъ, рыба и т. д.), а для русскихъ, только для русскихъ, не оказывается мѣста и русскіе, только русскіе, кровью которыхъ залиты и костями которыхъ усыянъ весь Кавказъ, туда не допускаются и оттуда изгоняются! Для всѣхъ Кавказъ—благодатный и широко гостепримный край, для русскихъ же, только для русскихъ, онъ закрытъ и недоступенъ!

На Кавказѣ, гдѣ межеваніемъ, законченными десятилетиями тому назадъ, за казною замешовано свыше 10 мил. десятинъ земель, помимо обширныхъ пустыющихъ степей, какъ Муганская, Миливекская, Карабахская и др., пустыютъ даже наръзанные уже, заготовленные (до закрытія въ 1905 году Кавказа для русскаго переселенія) переселенческіе участки. Такъ, въ Бакинской губерніи было заготовлено для переселенцевъ свыше 12 тысячъ душевыхъ долей, а въ настоящее время занято переселенцами только около 7 тысячъ, такъ что болѣе 5 тысячъ душевыхъ долей пустыютъ, въ Эриванской губерніи было заготовлено около 2½ тыс. душевыхъ долей—и всѣ онѣ пустыютъ, въ Тифлисской губерніи пустыютъ около 2 тысячъ душевыхъ долей, въ Елисаветпольской губерніи пустыютъ около 3 тысячъ душевыхъ долей, въ Черноморской губерніи—около 4 тысячъ!!¹⁾.

Такимъ образомъ, на Кавказѣ не только есть свободныя земли для колонизаціи, но есть даже и готовые уже переселенческіе участки во всѣхъ губерніяхъ. Существуетъ на Кавказѣ, при намѣтничьѣ, и особое управленіе по переселенческой части. Зачѣмъ бы оно существовало, еслибы не было свободныхъ земель для переселенія? Но роль этого управленія на Кавказѣ съ 1905 года совсѣмъ особаго рода: оно бережетъ свободныя кавкаскія земли отъ... русскихъ переселенцевъ, оно зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы—Боже сохрани!—„самовольные“ русскіе переселенцы не осѣли на

1) „Окраины Россіи“, 1910 г., № 6.

этих свободных (казенных) землях! Недавно же в этом управлении обсуждался вопрос об отводѣ свободных кавказских земель подъ... иностранную колонизацию. Вопрос возник вѣдствие ходатайства представителей английской фирмы, желающей взять въ аренду обширную Муганскую степь (главный колонизационный фондъ въ Закавказьѣ) для промышленнаго хозяйства въ широкихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ, русскимъ предоставляется переселиться на Гавайскіе острова и куда угодно, свободныя-же казенныя земли „русскаго“ Кавказа „въ широкихъ размѣрахъ“ занимаются иностранцами! При такомъ положеніи скоро не только дѣйствительно на Кавказѣ не окажется свободныхъ земель для русскаго переселенія, но и самого Кавказа можетъ не оказаться у Россіи.

Но не говоря уже о предпочтеніи, не пора-ли въ русскомъ государствѣ хотъ уравнивать русскихъ въ правахъ съ иностранцами?

Какъ въ существеннѣйшихъ интересахъ государственныхъ, такъ и въ пользахъ самого переселенческаго дѣла, Кавказъ не только долженъ быть безотлагательно открытъ для русскаго переселенія, но послѣднее должно быть организовано *широко и правильно*. Это основная государственная задача Россіи на Кавказѣ.

Мнѣ пришлось совершить путешествіе на лошадаяхъ по закавказскимъ степямъ. Проѣзжая по мѣстности Хидерлы (въ южной части Бакинской губерніи), представляющей необозримую и совершенно пустынную (незаселенную) степь, и видя необъятныя пространства нескошенныхъ луговъ, уже начавшихъ засыхать, ямщикъ мой воскликнулъ:

— Что же это, сколько земли, луговъ, а народа не видать? Что же изъ Россіи-то народъ не пускаютъ сюда?..

Какъ оказалось потомъ, самъ онъ, ямщикъ, не былъ пущенъ на пустующія казенныя земли Закавказья и вынужденъ, поэтому, кормиться служеніемъ и батрачествомъ у мѣстныхъ „господъ“ инородцевъ.

Да, именно — не пускаютъ.

Переселенцы постоянно прибываютъ изъ внутреннихъ губерній въ Закавказье. Прибываютъ-ли, однако, отъ этого русскія поселенія въ край?

Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ,—если не считать нѣскольکو поселеній въ Бакинской губерніи и Дагестанской области, такъ-сказать, *контрабандо* устроенныхъ десять лѣтъ тому назадъ частнымъ Бакинскимъ Переселенческимъ Обществомъ.

Но не говоря уже о новыхъ русскихъ поселеніяхъ,—до сихъ поръ еще не возстановлены всѣ селенія выселявшихся десять лѣтъ тому назадъ въ Америку духоборовъ, хотя давно рѣшено было предоставить эти селенія и ихъ земли русскимъ переселенцамъ. Послѣдніе скитаются по всему краю, бѣдствуютъ, голодаютъ, нерѣдко погибаютъ. Но пріюта себѣ не находятъ и, въ концѣ концовъ, вынуждены возвращаться обратно „въ Россію“, подбираясь Христовымъ именемъ. На улицахъ Тифлиса, Владикавказъ и особенно Баку, чрезъ которые направляется все переселенческое движеніе въ Закавказье, безпрестанно приходится наталкиваться на кучки оборванныхъ и истомленныхъ переселенцевъ, ползающихъ въ ногахъ у прохожихъ и вымаливающихъ у нихъ на кусокъ хлѣба!

Не странно ли, однако, это обратное переселеніе изъ края, въ которомъ недавно законченнымъ межеваніемъ отмежевано за казной свыше 10 миллионѣвъ десятинъ земель? Не странно ли, тѣмъ болѣе, что Правительство старается о переселеніи русскихъ въ край, и что для устройства ихъ здѣсь, какъ мы видѣли, учрежденъ специальный переселенческій органъ, и изданъ цѣлый рядъ законовъ, правилъ и инструкцій?

Оказывается, однако,—какъ мнѣ объяснили свѣдущіе люди,—что именно изъ этихъ законовъ, правилъ и инструкцій и проистекаютъ мытарства переселенцевъ, именно благодаря имъ переселенцы и не могутъ найти себѣ пріюта, а край не можетъ колонизоваться русскими...

Дѣло въ томъ, что законъ 13 іюля 1889 года о переселеніи на казенныя земли, дѣйствующій съ 1899 года на Кавказѣ, относится не ко всѣмъ вообще переселенцамъ, а лишь къ тѣмъ, которые имѣютъ формальное разрѣшеніе на переселеніе отъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, то-есть—только тѣ переселенцы, которые имѣютъ въ рукахъ такое разрѣшеніе, пользуются правомъ на льготный проѣздъ по переселенческому тарифу,

на получение ссуд на первоначальное домообзаведение и т. д. Все прочие переселенцы считаются „самовольными“, незаконными и не имеют права ни на отвод им казенных земель, предназначенных для переселенцев, ни на льготы и пособия, установленные для таковых. Но в том-то и беда, что все законные, то-есть имѣющие упомянутое разрѣшеніе, переселенцы устремляются по проторенной дорогѣ, въ Сибирь. На Кавказъ-же попадали главнымъ образомъ переселенцы, не выполнившіе сложной и долгой процедуры испрашиванія разрѣшенія. Потому на нихъ не распространяются никакія правила и инструкціи, изданныя для кавказскихъ переселенцевъ, и они въ глазахъ мѣстной администраціи и мѣстнаго переселенческаго органа являются „частными лицами“, не подлежащими ихъ вѣдѣнію и попеченію.

Такимъ образомъ, выходитъ, что дѣйствующія на Кавказѣ переселенческія правила и инструкціи относятся, въ дѣйствительности, не къ Кавказскимъ, а къ Сибирскимъ переселенцамъ, Кавказскіе же переселенцы, въ силу именно этихъ изданныхъ для Кавказскаго переселенія, правилъ и инструкцій лишены на Кавказѣ всѣхъ правъ переселенцевъ и обречены на бѣдствія и обратное возвращеніе. А чрезъ это государство лишено возможности выполнить необходимую для него мѣру—колонизовать Закавказье, которое обречено, благодаря этому, на дальнѣйшее полное отчужденіе, культурное и политическое, отъ Россіи.

Едва ли такое положеніе можно признать нормальнымъ, отвѣчающимъ государственной важности Кавказскаго переселенческаго дѣла.

Мы видѣли, что прибывающіе въ Закавказье переселенцы оказываются прекраснымъ элементомъ для колонизаціи,—если ихъ пустить на землю и устроить надлежащимъ образомъ. Мы видѣли, что и сама же мѣстная власть не пускающая ихъ на землю и сбывающая на руки частнаго Переселенческаго Общества, признала, что они „на дѣлѣ показали свои колонизаторскія способности“.

Но если, въ силу несоблюденія ими бумажныхъ формальностей, она, мѣстная власть, все же не можетъ пускать ихъ на казенныя земли, предназначенныя для русской колонизаціи, то неужели же дѣло послѣдней, порученное ей,

должно, вслѣдствіи этого, стоять, несмотря на всю важность его для края и государства?

Очевидно, что если наличные, случайные переселенцы не удовлетворяютъ бумажнымъ требованіямъ, установленнымъ для получения казенныхъ земель, то значитъ, нужно организовать переселеніе людей, отвѣчающихъ бумажнымъ требованіямъ. Иначе дѣло колонизаціи никогда не подвинется впередъ, и учрежденному въ край переселенческому органу всегда придется бездѣйствовать, сидя у моря и тщетно ожидая погоды.

Кавказское переселенческое дѣло, къ несчастію, настолько скомпрометировано въ глазахъ русскаго народа, что „законные“, то-есть отвѣчающіе бумажнымъ требованіямъ, переселенцы обходятъ Кавказъ, всею массой устремляясь по одному пути—въ Сибирь. По общему (народному) убѣжденію, только въ Сибири и можно устроиться земледѣльцу.

Однако, въ дѣйствительности устроиться тамъ удастся далеко не всѣмъ: многимъ приходится возвращаться. Что же сдѣлано мѣстными (кавказскими) переселенческими органами для того, чтобы хоть эти „законные“, то-есть отвѣчающіе всѣмъ ихъ бумажнымъ требованіямъ переселенцы, не нашедшіе себѣ пріюта въ Сибири, направились въ Закавказье,—гдѣ, вслѣдствіе отсутствія такихъ „законныхъ“ переселенцевъ, казенныя земли, предназначенныя для русской колонизаціи, пустуютъ и расхищаются,—а не вернулись обратно „въ Россію“, гдѣ у нихъ все равно нѣтъ уже пріюта. Рѣшительно ничего!

А между тѣмъ, знай только эти десятки тысячъ „законныхъ“ переселенцевъ, что въ Закавказье ихъ пустятъ, а не прогонятъ, что здѣсь можно устроиться, а не придется бѣдствовать и погибать, какъ бѣдствуютъ и погибаютъ, по народной молвѣ (на половину справедливой), все пробующіе сунуться сюда,—конечно, все они и явились бы въ Закавказье. Мало того; знай только они это—и не пошли бы совсѣмъ въ Сибирь, а прямо направились бы на Кавказъ. Ихъ это избавило бы отъ напрасныхъ мытарствъ и разоренія, неизбежно связаннаго съ обратнымъ переселеніемъ. А Закавказью это дало бы десятки новыхъ русскіхъ поселеній.

Нѣтъ надобности говорить, какимъ благодѣніемъ явилось бы это для нашего переселенческаго дѣла вообще, и,

мѣстѣ, какой бы это былъ подарокъ для государственнаго русскаго дѣла на закавказской окраинѣ!

Вмѣсто этого, однако, многія тысячи „законныхъ“ переселенцевъ возвращаются ежегодно разоренными изъ Сибири обратно „въ Россію“,—а закавказскія казенныя земли попрежнему пустуютъ, за отсутствіемъ „законныхъ“ переселенцевъ! Тѣ же переселенцы, которые сами являются въ край, оказываются „не законными“, ибо не удовлетворяютъ какимъ-то бумажнымъ требованіямъ и потому не допускаются на земли, предназначенныя для русской колонизаціи!

Русскіе переселенцы на Кавказѣ могли рассчитывать только на частную помощь. По мѣрѣ силъ и средствъ своихъ,—къ сожалѣнію, весьма скудныхъ,—переселенческія общества (Тифлисское и особенно Бакинское) и оказывали помощь прибывающимъ переселенцамъ. Но частныя общества, понятно, не могутъ отводить переселенцамъ казенныя земли, хотя-бы и предназначенныя для русской колонизаціи. Приходилось, поэтому, устраивать переселенцевъ на арендномъ началѣ, то-есть арендовать для нихъ казенныя земли, въ большинствѣ случаевъ по одностороннимъ договорамъ. Знаете, что это значитъ? Это значитъ, что переселенцамъ предоставлена казенная земля частнымъ образомъ, какъ арендаторамъ, на одинъ годъ. Каждый годъ арендный договоръ долженъ возобновляться. Но каждый годъ онъ можетъ быть и не возобновленъ; земля эта можетъ понадобиться для другихъ цѣлей. Тогда переселенцы должны убираться.

На такомъ непрочно основаніи устроены были всѣ новыя русскія поселенія, о которыхъ говорилось выше. Опытъ устройства этихъ поселеній показалъ, правда, практичность его, ибо въ короткое время далъ возможность, безъ всякой правительственной субсидіи и помощи, частному благотворительному Обществу (вѣрнѣе—одному лицу, стоящему во главѣ его) основать рядъ поселковъ, притомъ изъ переселенцевъ, превосходящихъ, по своимъ хозяйственнымъ и нравственнымъ качествамъ, тѣхъ, которые подбирались въ прежнее время мѣстной администраціей бумажнымъ путемъ, посредствомъ разныхъ длинныхъ переписокъ и запросовъ. Можно сказать болѣе: устройство переселенцевъ первоначально на арендномъ правѣ (на казенныхъ земляхъ можетъ быть даже хорошимъ средствомъ для устройства

русскихъ селеній со вполнѣ надежнымъ хозяйственнымъ элементомъ, такъ какъ переселенецъ испытывается въ отношеніи какъ его сельско-хозяйственной пригодности, такъ и приспособляемости къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ. Съ другой стороны, и арендаторъ не ставится въ безусловную необходимость окончательно поселиться на отведенномъ мѣстѣ, если бы такое оказалось для него почему-либо неудобнымъ. Если же онъ, послѣ опыта аренды, окончательно селится на этомъ мѣстѣ, то это является лучшимъ свидѣтельствомъ, что мѣстныя условія пригодны для постоянной жизни.

Этимъ, несомнѣнно, и объясняется то обстоятельство, что переселенцы, еще такъ недавно поселенные въ восточномъ Закавказьѣ мѣстнымъ (Бакинскимъ) переселенческимъ Обществомъ на положеніи арендаторовъ, не только успѣли несмотря на недостаточныя матеріальныя средства и другія неблагоприятныя условія (саранча, засухи и т. д.) прочно основаться и устроить свой сельскохозяйственный бытъ, но и занять себя настолько хорошими работниками и хозяевами, что на кавказской юбилейной сельскохозяйственной выставкѣ (въ Тифлисѣ) награждены были всѣ медалями „за огородныя, багшанныя и полевая культуры и за стараніе замѣнить сорта и виды въ занимаемой ими малокультурной мѣстности наиболѣе подходящими“. Изъ всѣхъ закавказскихъ русскихъ селеній, только новыя переселенцы—арендаторы, устроенные частнымъ переселенческимъ Обществомъ въ Бакинской губерніи, заявили себя такими хорошими хозяевами, стремящимися насадить на новой почвѣ сельскохозяйственные приемы и культуры.

Можно, поэтому, признать, что такой порядокъ водворенія переселенцевъ болѣе гарантируетъ подборъ надлежащаго колонизаторскаго элемента, чѣмъ формальная переписка мѣстной администраціи съ губернскими и уѣздными органами внутренней Россіи и съ центральными правительственными органами. Этотъ бумажный путь, посредствомъ котораго выясняется вопросъ—не встрѣчается ли препятствій къ водворенію на новыхъ мѣстахъ данныхъ переселенцевъ, совершенно не обезпечиваетъ наличности у этихъ переселенцевъ тѣхъ именно качествъ, которыя необходимы для данной мѣстности. Но будучи въ положеніи арендатора, пе-

переселенец выясняется во всѣхъ достоинствахъ и недостаткахъ, старается зарекомендовать себя съ хорошей стороны, чтобы получить постоянный земельный надѣлъ, доказывая тѣмъ, что онъ будетъ прочнымъ и надежнымъ новоселомъ. Если же среди переселенцевъ-арендаторовъ окажутся нерадивые хозяева, вообще по какимъ бы ни было причинамъ неподходящіе для колонизации,—то таковые могутъ быть всегда устранены отъ аренды безъ излишнихъ формальностей и продолжительной переписки, препятствующей и затрудняющей замѣщеніе нерадивыхъ и непригодныхъ поселенцевъ другими, болѣе надежными и пригодными для тѣхъ государственныхъ цѣлей, которыя имѣетъ въ виду колонизация.

Но всѣ эти хорошія стороны дѣла имѣютъ значеніе лишь въ такомъ случаѣ, когда аренда является только *первымъ шагомъ* для колонизации, который непременно будетъ закрѣпленъ вторымъ шагомъ, то-есть прочною отдачей земель поселенцамъ, на нихъ утвердившимся. Но этого-то и не было. Напримѣръ, селенія Ново-Николаевка и Ново-Александровка, устроенныя Бакинскимъ переселенческимъ Обществомъ въ Муганской степи, болѣе десяти лѣтъ существовали не только неофициально, но даже и нелегально, а жители этихъ поселеній, давно прочно основавшіеся и заведшіе хозяйство, уже официально фигурировавшіе на мѣстной сельскохозяйственной выставкѣ (въ Тифлисѣ) и официально получившіе на ней награды,—не считались официально жителями края и не могли, поэтому, упрочить здѣсь своей осядлости, оставаясь арендаторами казенной земли по годичнымъ условіямъ, не могли даже воспользоваться, при неурожаѣ, ссудой на продовольствіе и обмѣненіе полей!

Такимъ образомъ, не только не дѣлается ничего для водворенія и устройства прибывающихъ въ край переселенцевъ, но еще дѣлается все, чтобы и водворенные частными средствами переселенцы не могли устроиться окончательно и упрочить здѣсь свой бытъ.

Между тѣмъ, не говоря уже о государственныхъ требованіяхъ, русская колонизация Закавказья является и мѣстной экономической необходимостью, что признали, между прочимъ, и мѣстные уѣздные комитеты о сельской промыш-

ленности. Въ Бакинскомъ, напримѣръ, комитетѣ, высказано было мнѣніе, что туземное населеніе „не способно къ культурному развитію, почему нужно увеличить тутъ элементъ русскій, привлекая сюда переселенцевъ, которые, приобретаая сельскохозяйственное образованіе, могутъ распространять сельскохозяйственныя знанія среди туземнаго населенія“.

Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Но этого-то именно мы и не видимъ, несмотря на то, что привлеченіе въ Закавказье русскихъ переселенцевъ составляетъ такую же политическую необходимость, какъ и экономическую.

Нельзя сказать чтобы со стороны государственной власти не проявлялось заботливости по вопросу о русской колонизации Закавказья. Заботливость эта выразилась въ послѣднее десятилѣтіе (предъ десятилѣтіемъ намѣстничества), во-первыхъ, въ цѣломъ рядѣ бумажныхъ мѣропріятій, и во-вторыхъ, въ учрежденіи въ Закавказьѣ specialнаго переселенческаго органа, въ видѣ чиновника особыхъ порученій Переселенческаго Управления, завѣдующаго мѣстнымъ переселенческимъ дѣломъ. Къ этому можно прибавить еще цѣлый рядъ другихъ, такъ-сказать, подготовительныхъ мѣропріятій, а также всякихъ благихъ проектовъ, предполагаемыхъ и т. д. Такъ, въ различныхъ мѣстахъ края образованы были переселенческіе участки, общою площадью до 100 тысячъ десятинъ; предполагалось выдѣлить участки казенныхъ земель по Каспійскому побережью (въ предѣлахъ Терской и Дагестанской областей и Бакинской губерніи) для отвода ихъ въ частное русское владѣніе на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ отведены участки подъ цѣльныя культуры на Черноморскомъ побережьи; произведены были изслѣдованіе и нивелировка части Муганской степи, въ видахъ искусственнаго орошенія ея для заселенія русскими крестьянами; приступлено было къ такимъ же изслѣдованіямъ и съ тою же цѣлью въ Ширякской и Сардарабадской (въ Эриванской губерніи) степяхъ и т. д. Но всѣ эти „подготовительныя“ мѣропріятія и благіе проекты такъ же мало подвинули дѣло, какъ и бумажныя мѣропріятія. Для русской колонизации все только изыскивались земли, наличныя же свободныя казенныя земли предоставлялись Армянамъ и Персамъ.

Но съ учрежденіемъ въ 1905 году Кавказскаго намѣ-

стничества, русское переселение на Кавказъ и совѣмъ было не только остановлено, но и запрещено.

Государственная необходимость заселенія осѣдлымъ русскимъ элементомъ всего Кавказа такъ, какъ заселены три его сѣверныя области (Терская, Кубанская и Ставропольская), признана очень давно. Еще Ермоловъ, какъ мы видѣли, указывалъ на русскую колонизацію, какъ на единственно-вѣрный путь къ приобщенію Кавказа къ общерусской культурной жизни. Наставивъ на безотлагательной организаціи русскаго переселенія въ Закавказье, Ермоловъ проектировалъ расселеніе въ немъ (на свободныхъ казенныхъ земляхъ) *милліона* русскихъ переселенцевъ.

Тогда осуществленіе этого проекта было, правда, затруднительно: во-первыхъ, не связанное съ внутренней Россіей удобными путями сообщенія, Закавказье было почти совершенно отрѣзано отъ нея; во-вторыхъ-же, главное, тогда у насъ еще не существовало переселенческаго движенія, русское крестьянство, не знавшее еще земельного „голода“, крѣпко держалось своихъ насаженныхъ мѣстъ. Организація массоваго переселенія, при такихъ условіяхъ, была затруднительна.

Съ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія условія эти совершенно измѣнились: во-первыхъ, подъ вліяніемъ малоземелья во внутренней Россіи, у насъ не только возникло переселенческое движеніе, принявшее постепенно массовые размѣры, но и создался цѣлый переселенческій вопросъ—вопросъ о направленіи переселенія и объ устройствѣ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, сообразно ихъ собственнымъ интересамъ и пользамъ государственнымъ; во-вторыхъ, Кавказъ былъ связанъ рельсовыми путями съ внутренней Россіей,—и, наконецъ, въ-третьихъ, сама жизнь воочію показала, что предоставленный самому себѣ Кавказъ не поддается гражданскому умиротворенію и сліянію съ остальной Россіей и что, такимъ образомъ, проектъ Ермолова дѣйствительно является единственнымъ средствомъ къ закрѣпленію за Россіей обладанія Кавказомъ, если она хочетъ закрѣпить это обладаніе, стоившее ей столькихъ усилий и неисчислимыхъ жертвъ...

Такимъ образомъ, открылась широкая возможность организаціи русскаго переселенія въ Закавказье и русска

колонизація его, въ виду ея государственной необходимости, казалась-бы, должна была пойти полнымъ ходомъ. Въ дѣйствительности, однако, все переселенческое движеніе искусственно (вопреки стихійному стремленію самихъ переселенцевъ и на Кавказъ) было направлено на востокъ—въ Сибирь, несмотря на то, что Кавказъ раньше былъ связанъ рельсовыми путями съ внутренней Россіей, чѣмъ Сибирь, и что, поэтому, переселение на Кавказъ было удобнѣе и легче, чѣмъ въ Сибирь. Въ Закавказье соотлали раньше септантовъ, которые образовали тамъ два—три десятка русскихъ поселеній. Попадавшимъ-же туда добровольнымъ русскимъ переселенцамъ приходилось или погибать тамъ (не даромъ Кавказъ и зовется „погибельнымъ“) или же, въ лучшемъ случаѣ, возвращаться обратно оттуда, разоренными и голодными, такъ какъ устроиться тамъ имъ не давали. Какая-то невидимая сила искусно и систематически отводила отъ Кавказа русское переселенческое движеніе, мѣшая русскому народу водвориться въ завоеванномъ и покоренномъ имъ краѣ и не давая, такимъ образомъ, Россіи укрѣпиться въ немъ. Въмѣсто Россіи, въ Закавказь укрѣплялись Арменія, Персѣ-Татарія, Турція: армяне, персидскіе татары, турецкіе курды массами переселялись и переселяются въ Закавказье и привольно осѣдали въ немъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ, русскихъ-же переселенцевъ жестокимъ изморомъ отваживали отъ „погибельнаго“ Кавказа.

Въ девяностыхъ годахъ минувшаго столѣтія пропаведено было, наконецъ, въ Закавказьѣ межеваніе, по которому оказалось, что русской казніи принадлежитъ тамъ безъ малаго 10 милліоновъ десятинъ земель, то-есть территория цѣлаго маленькаго государства—Бельгіи, Голландіи и т. п. Ясно стало, что объ отсутствіи земель для русской колонизаціи рѣчи не можетъ быть: на 10 милліонахъ десятинъ казенныхъ земель можетъ быть свободно расселено не милліонъ, а и цѣлыхъ два милліона русскихъ переселенцевъ.

Правда, значительная часть казенныхъ земель находится въ фактическомъ пользованіи туземцевъ и пришельцевъ (татарь, армянъ и пр.) но и за вычетомъ, этого (хотя, конечно, тутъ умѣстнѣе другое вычитаніе: вычестъ слѣдуетъ не земли захватчиковъ, а самихъ захватчиковъ), все-же остаются милліоны десятинъ совершенно свободныхъ казен-

ныхъ земель для русской колонизаціи. Но и это не подвинуло дѣла. Оказалось новое „естественное“ и „необходимое“ препятствіе—„губительная лихорадка“, земли есть (этого послѣ межеванія уже нельзя было отрицать), но поселить на нихъ русскихъ переселенцевъ нельзя—это равносильно—де обреченію ихъ на вѣрную смерть отъ маляріи, жестоко свирѣпствующей во всемъ Закавказьѣ, за исключеніемъ лишь горъ, на которыхъ поселеніе и культура невозможны.

Почему-же не вымираетъ отъ этихъ „губительныхъ лихорадокъ“, а здравствуетъ и преумножается туземное населеніе? Да потому именно, видите-ли (какъ объясняли власть имущимъ), что это туземное населеніе, „свыкшееся и акклиматизировавшееся“: на него лихорадки не дѣйствуютъ. А пришлые инородцы—армяне, татары и т. д.? Они, оказывается, то-же „свыкшіеся и акклиматизировавшіеся“: въ Турціи и Персіи, откуда лѣзутъ въ Закавказье эти непрошенные гости, то-же—де свирѣпствуютъ лихорадки...

Но Закавказье подвергается нашествію иноплемennыхъ не только изъ Турціи и Персіи, гдѣ „то-же свирѣпствуютъ лихорадки“, но и изъ Германіи, Англіи, Бельгіи и др. западно-европейскихъ странъ, гдѣ не свирѣпствуютъ закавказскія лихорадки. Почему-же не вымираютъ колонисты—нѣмцы, англичане, бельгійцы и т. д., которыхъ въ послѣдніе два—три десятилѣтія переселилось въ Закавказье десятки тысячъ и которые, особенно англичане, продолжаютъ переселяться туда, прекрасно тамъ устраниваясь и отнюдь не собираясь вымирать отъ маляріи?

Ясно, почему: потому что закавказская лихорадка—спеціально анти-русская лихорадка,—она поражаетъ только русскихъ переселенцевъ! Ни туземцевъ, ни пришлыхъ инородцевъ, ни иностранцевъ она не любитъ и не трогаетъ, или, наоборотъ—любитъ и потому не трогаетъ. Странная лихорадка!

Въ эту специфическую лихорадку, однако, вѣрили такъ-же благодушно, какъ до этого вѣрили въ такое-же специфическое отсутствіе въ Закавказьѣ свободныхъ земель только для русскихъ переселенцевъ. Вѣрили до тѣхъ поръ, пока и эта искусственная, но очень искусно воздвигнутая преграда не рухнула такъ-же неожиданно, такъ же „вдругъ“,

какъ въ Закавказьѣ оказались миллионы десятинъ свободныхъ казенныхъ земель.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ въ Закавказьѣ, какъ указывалось уже, возникли два частныя переселенческія общества—въ Тифлисѣ и Баку, поставившія своею задачей—помощь русскимъ переселенцамъ, идущимъ въ Закавказье, и содѣйствіе имъ въ пріобрѣтеніи и устройствѣ здѣсь обществъ. Общества сгруппировали возлѣ себя мѣстныхъ русскихъ людей, понимающихъ значеніе русской колонизаціи Закавказья и рѣшившихъ сломить, по возможности, противодѣйствіе ей туземныхъ сепаратистическихъ элементовъ, подчинившихъ своему влиянію и мѣстную власть. Конечно, странно, что такое государственное дѣло пришлось осуществлять частнымъ обществамъ, но слава Богу, что-хоть частныя общества взялись было за его осуществленіе!

Что же изъ этого вышло? А вотъ что: туземные сепаратистскіе элементы, понятно, ополчились на общества, осмѣлившіеся идти противъ нихъ и дѣлать изъ Закавказья, предназначеннаго для Арменіи, Грузіи и другихъ инородческихъ царствъ и республикъ, Россію; за этими элементами покорно пошла и мѣстная власть,—и едва только переселенческія общества открыли свою дѣятельность, какъ тотчасъ-же рѣшено было ихъ „сократить“. „Сокращеніе“ это заключалось въ запрещеніи имъ „соватья, не въ свое дѣло“, именно—принимать какое бы ни было участіе и оказывать какое бы ни было содѣйствіе въ устройствѣ въ Закавказьѣ русскихъ переселенцевъ! Обществамъ разрушено было только оказывать матеріальную помощь русскимъ переселенцамъ, изгоняемымъ изъ Закавказья. Вотъ, можно сказать, истинно анти-государственное отношеніе къ государственному дѣлу,—и со стороны кого же? Со стороны государственной власти!

Тифлисскому переселенческому обществу, находившемуся на глазахъ у столь немилостиваго къ русскому дѣлу начальства, пришлось, понятно, тотчасъ же „сократиться“, а затѣмъ и совсѣмъ заглухнуть. Та же участь постигла и Бакинское общество, которое, однако, пользуясь отдаленностью начальственнаго ока, все же успѣло контрабандно и тайкомъ (какъ нѣкое преступное дѣло!) устроить въ Бакинской губерніи и Дагестанской области нѣсколько русскихъ поселеній (на арендованныхъ казенныхъ земляхъ), изъ ко-

торых три, а именно—Голицыно (на рѣкѣ Инчѣ, въ Бакинской губерніи, у самой персидской границы), Ново-Николаевка и Ново-Александровка (внутри Муганской степи—въ той же Бакинской губерніи)—въ мѣстностях, считавшихся самыми малярійными на всемъ Кавказѣ. И что же? Всѣ эти поселенія, какъ мы видѣли, существуютъ по здѣсь, то-есть уже болѣе десяти лѣтъ; население ихъ не только не вымерло отъ маляріи, но отлично здравствуетъ, лучшимъ свидѣтельствомъ чему служитъ тотъ фактъ, что численность его (безо всякаго приселенія, то-есть естественно) увеличилась на 15—20%; заведя высшія культуры (хлопокъ, кукурузу, виноградъ и т. п.), новоселы обзавелись хорошими достатками и не думаютъ о возвращеніи „въ Россію“.

Такимъ образомъ, сама собой разсыялась и другая мистификація кавказскихъ сепаратистовъ, малярія утратила свой специфически анти-русскій характеръ. „Естественныя препятствія“ для русской колонизаціи Закавказья исчезли...

Это, однако, не только не устранило искусственныхъ препятствій, но еще усилило ихъ: какъ только выяснилась полная естественная возможность широкой организаціи русскаго переселенія въ Закавказье, тотчасъ же оба закавказскихъ переселенческихъ общества вынуждены были закрыться, а затѣмъ, съ восстановленіемъ намѣстничества, Кавказъ совершенно былъ закрытъ для русскаго переселенія. Ранѣе русскіе переселенцы изморомъ выживались изъ Закавказья, съ 1905 г., они вовсе туда не допускаются.

Сепаратистическая анархія послѣднихъ лѣтъ вновь выдвинула вопросъ о русской колонизаціи. Будь осуществленъ проектъ Ермолова, конечно, Россіи не пришлось бы теперь тревожиться за судьбу Кавказа, и политическое положеніе его было бы совсѣмъ иное и очень многого изъ того, что тамъ творилось и теперь творится и куется, тогда не могло бы быть. Естественно, что вопросъ о русской колонизаціи Кавказа привлекъ сугубое вниманіе и всего русскаго общества, и Государственной Думы. Запросами послѣдней мѣстная сепаратистическая клика и послушная ей мѣстная власть оказались припертыми къ стѣнѣ. „Естественныхъ препятствій“ для русской колонизаціи теперь уже нѣтъ,—стало-быть, Кавказъ будетъ заселенъ русскими и, такимъ образомъ, закрѣпленъ за Россіей? Стало-быть, туземные сепара-

тисты должны отказаться отъ своего дѣла, и ихъ многолѣтняя работа должна пойти на смарку.

Ничуть не бывало: нѣтъ „естественныхъ препятствій“, но являются—на сцену искусно сочиненныя новыя искусственныя препятствія...

Въ отвѣтъ на Думскіе запросы, представители кавказской власти заявили, что послѣдняя ничего-де не имѣетъ противъ русской колонизаціи, что она готова даже содѣйствовать ей; но это-де не отъ нея зависитъ, а... отъ финансоваго вѣдомства и самой Думы.

Какъ такъ?—спросить удивленный читатель. Мѣстная власть закрыла Кавказъ для русскаго переселенія, а винюватыми въ этомъ оказываются финансовое вѣдомство и „сама Дума“, которой даже не существовало еще, когда (весной 1905 года) телеграфнымъ распоряженіемъ новоназначеннаго (тогда) намѣстника, Кавказъ былъ закрытъ для русскаго переселенія и съ тѣхъ поръ остается краемъ, запретнымъ для русскаго народа? По объясненію кавказской власти, это, однако, дѣйствительно такъ: въ Закавказьѣ есть свободныя казенныя земли для русской колонизаціи (теперь этого не можетъ отрицать и сама Кавказская власть), и земли эти находятся въ ея (Кавказской власти) распоряженіи, но предоставить ихъ русскимъ переселенцамъ она-де не можетъ, такъ какъ земли эти безводны, для орошенія-же ихъ требуются многіе миллионы, которыхъ у нея (Кавказской власти) нѣтъ...

Такимъ образомъ, и оказывается, что виноваты въ томъ, что Закавказье заселяется не русскими людьми, а чужеземными пришельцами, не кавказскіе правители, а финансовое вѣдомство и „сама Дума“, отъ которыхъ всецѣло и зависитъ открытъ Кавказъ (закрытъ мѣстной властью) для русскаго переселенія: пусть Дума ассигнуетъ, а финансовое вѣдомство отпуститъ миллионы на орошеніе закавказскихъ земель,—и тогда, только тогда Кавказскіе правители откроютъ Кавказъ для русскаго переселенія. Иначе свободныя казенныя земли его будутъ заселяться чужеземными пришельцами (армянами, персо-татарами и др.), которыми онѣ до сего времени заселяются и для которыхъ, очевидно, орошенія не требуется...

Кавказскимъ намѣстничествомъ и было сдѣлано уже

представление объ ассигнованіи 11 миллионѣвъ рублей на орошеніе Муганской степи, „въ которую предполагается усилить переселенческой потокъ“.

Муганская степь находится въ Бакинской губерніи, занимая ея южный уголокъ (Джеватскій уѣздъ). Колонизація русскимъ элементомъ нужна, понятно, не одного только этого, сравнительно, небольшого уголка, а всего Закавказья. Такихъ мѣстъ, какъ Мугань, въ немъ много, и расположены они по всему краю. Въ той же Бакинской губерніи, съвернѣ Мугани, раскинуты Кандринская и Мильская степи; а затѣмъ, западнѣ Мугани, за рѣкой Курой, расположена обширная Карабагская степь (въ предѣлахъ Бакинской и Елисаветпольской губерній); далѣе—степи Джеравчели и Нижне-Карагаская (въ сѣверной части Елисаветпольской губерніи), рядъ степей въ Тифлисской губерніи и Закатальскомъ округѣ—Шираки, Упударъ, Верхне-Карагаская, Кахетинская и т. д. Всѣ эти степи принадлежатъ казнѣ и въ нихъ именно заключается тотъ запасъ свободныхъ земель, который можетъ и долженъ быть использованъ для русской колонизаціи, нужной не въ одной какой-нибудь мѣстности, а повсемѣстно.

Во что же обошлось бы это Россіи, то-есть сколько пришлось бы ей выплатить за это авансомъ, если за одну только Муганскую степь,—систематически заселяемую персидскими пришельцами безъ орошенія, а для русской колонизаціи требующую орошенія,—испрашивается 11 миллионѣвъ рублей? Очевидно, сотни миллионѣвъ рублей!

Вопросъ ставится ребромъ: вы хотите колонизовать Закавказье русскими крестьянами? Прекрасно,—пожалуйте же на это, точнѣе—за это сотни миллионѣвъ рублей. Иначе колонизація невозможна, и всѣ свободныя казенныя земли будутъ заселены армянами, перс-татарами и другими пришельцами и туземцами. Своего рода контрибуція за русскую колонизацію! Расчетъ тутъ совершенно ясенъ и... безошибоченъ: не только сотенъ, но и десятковъ миллионѣвъ Россія выплатить „на орошеніе“ не можетъ, ерго—русская колонизація Закавказья невозможна,—невозможна не потому всецѣло, что это не хотятъ и не допускаютъ на мѣстѣ, а по винѣ финансоваго вѣдомства и „самой Думы“...

Сначала колонизація невозможна была по отсутствію

свободныхъ земель; потомъ, когда эта мистификація была раскрыта,—по „губительнымъ лихорадкамъ“; теперь же, когда и эта мистификація разсѣяна,—она (русская колонизація) оказывается все-таки невозможною по отсутствію средствъ „на орошеніе земель“! Одно препятствіе смѣняетъ другое, и въ результатѣ получается какой-то безыходный заколдованный кругъ. А тѣмъ временемъ свободныя казенныя земли захватываются и заселяются туземцами и всякими пришельцами, и, такимъ образомъ, Закавказье „экспроприруется“ у Россіи.

Но, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ русская колонизація въ Закавказьѣ невозможна безъ орошенія земель, стоящаго сотни миллионѣвъ рублей? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, Россія должна или выплатить требуемому съ нея многомиллионную контрибуцію, или примириться съ нею возможностью приобщенія Закавказья къ обще-русской жизни и закрѣпленія его за Россіей?

Закавказскія степи систематически захватываются и заселяются туземцами и уютными имъ пришельцами (изъ Турціи и Персіи), а поселеніе въ нихъ русскихъ крестьянъ, оказывается, невозможно безъ многомиллионныхъ затратъ на орошеніе. Не ясно ли, что это такое же специфическое препятствіе, какъ и прежнія—отсутствіе свободныхъ земель (только для русскихъ переселенцевъ) и, затѣмъ малярія (поражающая тоже только русскихъ переселенцевъ)? Но и русскіе переселенцы селились до сего времени въ Закавказскіихъ степяхъ безъ миллионныхъ затратъ на орошеніе. Въ той же самой Муганской степи, поселеніе въ которой русскихъ крестьянъ, по заявленію кавказскаго намѣстничества, невозможно безъ затратъ 11 миллионѣвъ рублей на орошеніе, тринадцать дѣтъ тому назадъ было устроено (Бакинскимъ переселенческимъ обществомъ) безъ затратъ на орошеніе три русскихъ поселенія (Голицыно, Ново-Николаевка и Ново-Александровка, всѣ въ количествѣ свыше 500 семей), которыя и по сейчасъ существуютъ.

Закавказскія степи вовсе не „Сахары“, какъ это стараются изобразить. Самая безводная изъ нихъ—Мугань; но и въ ней имѣется цѣлая система рѣкъ и рѣчекъ (Кура, Араксъ, Булгаручай, Инчачай и др.) и озеръ, образуемыхъ водами мелкихъ горныхъ рѣчекъ (Махмудъ-чала, Инчача-

ласть и др.). По бережьям этих рѣкъ и рѣчекъ (на по-лость до 10 верстъ шириной) искусственнаго орошенія не требуется. *Однако и сюда не допускаются русскіе переселенцы.*

Искусственное орошеніе требуется только въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ. Но требуетъ ли это тѣхъ огромныхъ затратъ, которыми обуславливается кавказскою властью возможность русской колонизаціи? Вопросъ этотъ могъ-бы представляться спорнымъ, если бы онъ впервые возникалъ, и если бы уже не производились опыты орошенія Закавказскихъ степей. Вопросъ этотъ, однако, давно разрѣшенъ, въ связи съ вопросомъ о русской колонизаціи, и опытами искусственнаго орошенія Закавказскихъ степей болѣе или менѣе точно опредѣлена стоимость его,—ничтожная въ сравненіи съ тѣми, чѣмъ обуславливаетъ Кавказская власть возможность русской колонизаціи.

Въ 1900 году инженеромъ-гидравликомъ П. А. Маевскимъ было устроено искусственное орошеніе нѣсколькихъ тысячъ десятинъ земель въ глубинѣ Муганской степи (такъ называемый, Сарыджалярскій каналъ), что обошлось въ 50 коп. на десятину. Сколько же требуютъ на это теперешніе кавказскіе „оросители“? 11 милліоновъ рублей на орошеніе всей Муганской степи (500.000 десятинъ), то-есть 22 руб. на десятину,—*ровно въ сорокъ четыре раза больше!* По проекту инженера Маевского, орошеніе всей Муганской степи стоить около 300.000 рублей,—по заявленію-же Кавказскаго намѣстничества, поселеніе въ ней русскихъ крестьянъ невозможно безъ затраты на орошеніе 11 милліоновъ рублей!

Правда проектъ инженера Маевского встрѣтилъ возраженіе со стороны инспекціи водъ на Кавказѣ, по мнѣнію которой стоимость орошенія преуменьшена г. Маевскимъ: въ дѣйствительности орошеніе Муганской степи должно обойтись не въ 50 коп. десятинѣ (исчисленіе г. Маевского), а въ 2 руб. 50 коп. десятинѣ (исчисленіе инспекціи водъ на Кавказѣ). Но, во-первыхъ, инженеръ Маевскій не только нечислилъ стоимость орошенія въ 50 к. десятинѣ, но и доказалъ это на дѣлѣ (Сарыджалярскій каналъ). Во-вторыхъ-же, пусть орошеніе обойдется даже 2 руб. 50 коп. десятинѣ, то-есть всей Муганской степи—1.250.000 рублей. Это все-же не 11 милл. рублей, безъ затраты которыхъ на орошеніе Му-

ганской степи русская колонизація ея, по заявленію Кавказскаго намѣстничества, невозможна!

Дѣло въ томъ, что Мугань имѣетъ оросительную систему, сохранившуюся отъ древнихъ временъ (когда эта степь находилась въ цвѣтущемъ состояніи). Вся степь въ различныхъ направленіяхъ перерѣзана каналами и логами, по которымъ пускалась вода изъ каналовъ. До сихъ поръ нѣкоторые изъ этихъ каналовъ и логовъ эксплуатируются туземцами (въ прибрежныхъ полосахъ по Араксу и Курь). Остальные запущены и засорены. Но, придерживаясь этой системы, г. Маевскій оросилъ въ 1900 году нѣсколько тысячъ десятинъ съ самою незначительною затратой (50 коп. на десятину). Такимъ же образомъ, и вся Мугань (и другія степи) можетъ быть легко и дешево орошена, такъ какъ въ искусственныхъ сооруженіяхъ почти нѣтъ надобности: нужно только воспользоваться существующею (съ давнихъ временъ) сѣтью каналовъ, расчистивъ ихъ и пробивъ новыми каналами такъ называемые береговые увалы, наметенные Араксомъ и приподнявше дно его, благодаря чему вода оттуда очень легко выводится въ впадину степи. Такимъ образомъ, вся обширная Муганская степь (и другія однородныя степи) орошается съ незначительною затратой—около 300, maximum 400—500 тысячъ рублей.

Этотъ проектъ инженера Маевского вызвалъ, понятно, переполохъ въ туземныхъ сепаратистскихъ кругахъ: имъ окончательно разрѣшался вопросъ о русской колонизаціи, всѣ выставлявшіяся помѣхи для которой рушились. Противъ П. А. Маевского поднялась настоящая буря (мѣтко названная „водяною бурей“), его начали преслѣдовать, проектъ его критиковать (несмотря на то, что онъ на дѣлѣ доказалъ его основательность и осуществимость). И. А. Маевского и его проектъ взялъ подъ защиту Кавказскій отдѣлъ Императорскаго русскаго географическаго общества (въ которомъ проектъ былъ всесторонне обсужденъ и одобренъ). Противъ него ополчилась вся туземная сепаратистская клика, инспекція водъ на Кавказѣ и прочая власть. Въ результатѣ—И. А. Маевского изжили, и теперь,—взявъ его проекта, требуютъ на орошеніе закавказскихъ земель цѣлую контрибуцію, ровно въ сорокъ четыре раза превышающую дѣйствительную стоимость орошенія, по проекту и по опыту на дѣлѣ

инженера Маевского. Въ противномъ-де случаѣ, русская колонизація Закавказья невозможна!

Въ дѣйствительности, однако, она, конечно, только въ противномъ случаѣ и возможна, ибо невозможна именно уплата этой многомиллионной контрибуціи: невозможна какъ по финансовымъ соображеніямъ, такъ и потому, что въ этомъ, какъ мы видѣли, нѣтъ рѣшительно никакой надобности. И требуется она, понятно, не для создания возможности русской колонизаціи, а, наоборотъ, для создания новой помѣхи для нея. Это все та же старая погудка, только на новый ладъ.

Неужели-же, въ самомъ дѣлѣ, мы дадимъ себя водить, такимъ образомъ, за носъ до тѣхъ поръ, пока всѣ свободныя (еще) закавказскія земли будутъ расхвачаны „самоопредѣляющимися“ инородцами, и Россія дѣйствительно будетъ лишена, такимъ образомъ, возможности фактически овладѣть Закавказьемъ? Теперь этого уже недолго придется ждать...

Въ отчетѣ Кавказскаго намѣстника (по поводу пятилѣтія управленія имъ краемъ), вышедшемъ въ 1910 году, прямо говорится, что переселенцы изъ внутреннихъ губерній Россіи „совершенно неприспособлены“ для водворенія ихъ на Кавказѣ „по мѣстнымъ климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ“, почему и закрытъ для нихъ Кавказъ. А затѣмъ говорится о необходимости „укрѣпленія въ кавказской деревнѣ правового порядка“, который долженъ заключаться въ закрѣпленіи на правѣ собственности за туземными элементами всѣхъ тѣхъ казенныхъ земель, которыми они фактически (очень часто прямо захватнымъ путемъ) пользуются, т. е. тѣхъ казенныхъ земель, которыя предназначались до сего времени для русской колонизаціи.

Въ этомъ смыслѣ и составленъ намѣстникомъ проектъ поземельнаго устройства туземныхъ (бывшихъ государственныхъ) крестьянъ. При такихъ условіяхъ, дѣйствительно придется (въ случаѣ осуществленія проекта кавказскаго намѣстничества) отложить всякое попеченіе о русской колонизаціи Кавказа, ergo—окончательно отказаться отъ пріобрѣтенія его къ Россіи.

Помимо устройства быта мѣстныхъ крестьянъ-инородцевъ, реформа эта, тѣсно связанная съ вопросомъ о рус-

ской колонизаціи Закавказья, осуществленіе которой затрудняется до сего времени неустойчивомъ и неопредѣленною землепользованіемъ туземныхъ крестьянъ, имѣетъ важное государственное значеніе: она является, такъ-сказать, подготовительнымъ шагомъ къ правильной организаціи русскихъ переселеній въ Закавказь. Поэтому, при осуществленіи ея должны быть приняты въ соображеніе и руководство не мѣстныхъ только, но и государственныхъ требованій. Эти послѣднія въ данномъ случаѣ сводятся къ необходимости освобожденія произвольно и совершенно непроизводительно занятыхъ туземцами огромнѣйшихъ пространствъ казенныхъ земель для русской колонизаціи, которая одна только можетъ обезпечить краю гражданскій миръ и пріобщить его къ общерусской культурной и политической жизни. Предстоящая реформа должна устроить и обезпечить быть туземныхъ поселеній предоставленіемъ имъ соответственныхъ надѣловъ. Но она отнюдь не должна, какъ на это рассчитываютъ и стараются на мѣстѣ, явиться узаконеніемъ того зла, которое такъ широко распространилось въ Закавказь и служить главнымъ тормазомъ заселенія его культурнымъ русскимъ элементомъ, именно—захвата казенныхъ земель.

Послѣ покоренія Кавказа, особенно въ послѣднія три-четыре десятилѣтія, тамъ создалось въ огромныхъ размѣрахъ земельладніе разныхъ „бековъ“ и другихъ туземцевъ привилегированныхъ званій, ранѣе никакого земельного владѣнія не имѣвшихъ. Захваты эти, помимо того, что они лишили казну значительнаго земельного фонда, послужили весьма дурнымъ примѣромъ для всего прочаго туземнаго населенія. Открылась цѣлая захватная эпопея; какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя сельскія общества, получившія отъ государства земельные надѣлы, начали захватывать въ свое пользованіе плохо-охраняемыя казенныя земли, выставляя ихъ затѣмъ своею собственностью и совершая на нихъ разныя сдѣлки не только въ формѣ долгосрочныхъ арендъ, но и купли-продажи.

Этому не мало способствовало весьма смутное представленіе у мѣстныхъ судей о характерѣ землепользованія въ Закавказь. Каждый мировой судья, каждый окружной судъ давали объ этомъ свое особое толкованіе,—въ большинствѣ случаевъ не въ пользу казеннаго владѣнія. Судеб-

ное межеваніе, вѣтренное мелкимъ межевымъ чиновникамъ, не получившимъ должнаго правильнаго руководства, точно также отмежевывало при каждомъ случаѣ въ пользу поселянъ или „бековъ“ казенныя земли, всѣ ходатайства поселянъ объ увеличеніи надѣловъ признавало спорами съ газной и, ставя эти „споры“ на судебную почву, заставляло мѣстные органы казеннаго управления вчинять безчисленные иски и тягаться съ поселянами для установленія дѣйствительныхъ границъ ихъ владѣній. Получалась полнѣйшая несообразность: съ одной стороны, государство, въ качествѣ попечителя объ устройствѣ быта поселянъ, административными мѣрами отводитъ имъ потребное количество земли въ надѣлы изъ своей территоріи, а съ другой—тѣ же самые поселене судебнымъ порядкомъ отвоевываютъ себѣ отъ него обширныя пространства, являясь спорящею (sic) стороной со своимъ попечителемъ—государствомъ, которое имъ же отводило земли!

Все это, понятно, создавало распущенность населенія, которое привыкло пренебрежительно смотрѣть на казенное владѣніе и пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы урвать изъ него возможно большій кусокъ. Аппетитамъ этимъ съ учрежденіемъ въ краѣ новыхъ судовъ и съ появленіемъ цѣлыхъ подчинокъ всякихъ адвокатовъ, не полагалось никакихъ предѣловъ. Претенденты на казенныя земли являлись даже извнѣ; изъ одного селенія, съ приходомъ въ него выселенцевъ изъ Персіи и Турціи, образовывалось безъ всякаго разрѣшенія до десяти и болѣе отселковъ, причемъ каждый отселокъ захватывалъ себѣ возможно большее количество казенной земли.

Въ результатъ всей этой вакханаліи, казна лишалась наиболѣе цѣнныхъ земель, а туземные и пришлые извнѣ поселене и беки расширяли свои земельныя владѣнія на сотни и тысячи десятинъ, раздавая ихъ отъ себя въ аренду и вообще распоряжаясь ими какъ своею собственностью, въ то время, когда даже надѣльныя земли не составляютъ ихъ собственности, какъ во внутренней Россіи, а предоставлены имъ казной лишь во временное пользованіе, впредь до окончательнаго поземельнаго устройства.

Это окончательное поземельное устройство, наконецъ, осуществляется. Надлежитъ, очевидно, тщательно разобратъ

въ вопросѣ землепользованія въ Закавказьѣ. Отъ устройства этого должны быть выдѣлены всѣ тѣ поселенцы, которые не были водворены законнымъ образомъ на казенныхъ земляхъ, а привзошли изъ заграницы (Персіи и Турціи) и самовольно заняли ихъ. Равнымъ образомъ должны быть устранены отъ этого пользования и разныя беки, проживающіе въ селеніяхъ и фактически пользующіеся надѣльными землями поселянъ, и всѣ многочисленныя арендаторы изъ постороннихъ лицъ, которымъ поселене самопроизвольно отдали въ долгосрочную аренду (на срокъ до 100 лѣтъ) за ничтожную плату свои, полученныя во временное пользованіе отъ казны, земли, считывая, что начальство дастъ имъ дополнительный надѣлы, если они попросятъ, или что даже и просить не стоитъ, когда такъ просто и легко самовольно захватить казенную землю.

Вообще поземельное устройство туземныхъ поселянъ Закавказья должно явиться не укрѣпленіемъ за ними всѣхъ захваченныхъ, тѣмъ или инымъ путемъ, у казны и состоящихъ въ ихъ фактическомъ пользованіи земель, не узаконеніемъ существующихъ тамъ земельныхъ неустройствъ, а совершенно наоборотъ—устраненіемъ ихъ, путемъ приведенія въ извѣстность и нормировки поселенческихъ надѣловъ какъ это и предполагалось первоначальнымъ проектомъ, выработаннымъ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ 1899 году: размѣръ отводимыхъ поселянамъ постоянныхъ, вмѣсто нынѣшнихъ временныхъ, надѣловъ не долженъ превышать 6—8 десятинъ на наличную душу мужескаго пола. Такой порядокъ, вполнѣ обезпечивая бытъ туземнаго крестьянства, вмѣстѣ съ тѣмъ освободилъ бы значительныя территоріи казенныхъ земель, излишне предоставленныхъ ему во временное пользованіе или самовольно захваченныхъ имъ. Всѣ такіе излишки должны быть обращены подъ русскую колонизацію.

Къ сожалѣнію, въ намѣченныхъ главныхъ основаніяхъ поземельнаго устройства государственныхъ поселянъ Закавказья о нормѣ надѣловъ нѣтъ рѣчи, а вмѣсто этого, совершенно неопредѣленно говорится, что „въ надѣлы обязательно включаются: а) усадебныя и приусадебныя земли, огороды, сады, виноградники, постоянныя пашни, искусственно-орошаемая угодья, прочныя загоны для скота, водо-

пой, насаждения многолетних трав, разведенные поселения древесных насаждений, осушенные ими болота, лесные опушки и земельные участки, отведенные под хозяйственные и промышленные заведения". Несмотря на такое подробное перечисление всевозможных угодий и видов землепользования, вслѣдъ затѣмъ прибавляется: „б) вообще всѣ земли и угодья, состоящія въ подворно-участковомъ (подъемномъ) пользованіи поселянъ, и в) *все остальные земли, находящіяся издавна въ ихъ безсрочномъ, дѣйствительномъ пользованіи*“.

Къ этимъ двумъ категоріямъ, особенно къ послѣдней, если не должны, то легко, конечно, могутъ быть отнесены всѣ земли, которыя, по ошибкѣ, недосмотру и отсутствію должнаго надзора за государственными землями, окажутся значащимися за тѣми или другими селеніями по мѣстному своеобразному „дѣйствительному“ пользованію ими со стороны поселянъ, выражающемуся въ пастбѣхъ на обширнѣйшихъ пространствахъ нѣсколькихъ головъ скота. Такимъ путемъ за туземными поселянами и кочевниками легко могутъ быть закрѣплены окончательно не только ихъ временные надѣлы, достигающіе 100 и болѣе десятинъ на душу, но и всѣ прихваченныя у казны земли, состоящія въ ихъ „дѣйствительномъ пользованіи“, хотя все это „дѣйствительное пользование“ заключается лишь въ прохожденіи по нимъ барановъ, козъ или верблюдовъ. У государства же, изъ-за этихъ барановъ, козъ и верблюдовъ, могутъ быть отобраны и послѣдніе остатки земельной территоріи Закавказья, необходимые ему для заселенія ихъ культурнымъ русскимъ элементомъ.

Предстоящее поземельное устройство въ Закавказьѣ должно ограничить бродяжничество туземнаго населенія по казеннымъ землямъ, въ которыхъ гуждается русскій пахарь, и которыя такъ необходимы государству для русской колонизаціи. Было бы ни съ чѣмъ несообразно поддерживать тамъ пастушескій бытъ разныхъ инородцевъ и, ради первобытныхъ породъ мѣстнаго некультурнаго скота, закрѣплять за ними обширнѣйшія площади казенныхъ земель, вполне пригодныхъ для земледѣльческой культуры и нужныхъ для питанія Русскаго народа. При неопредѣленности надѣловъ и постанововъ земельного устройства на началахъ „дѣйствительнаго пользо-

ванія“, для русскихъ переселенцевъ немного, конечно, удѣлѣтъ свободныхъ земель. Между тѣмъ, оставляя даже въ неприкосновенности огромные временные надѣлы туземныхъ поселенцевъ, на однихъ только площадяхъ казенной земли (такъ-называемая пастбища), на которыхъ пасутся жалкія стада первобытнаго скота, могли бы основаться многочисленныя русскія поселенія съ осѣдлымъ населеніемъ.

При разсмотрѣніи проекта въ законообсудительныхъ учрежденіяхъ всѣ эти важныя и существенныя, въ смыслѣ государственномъ, детали дѣла не должны быть упущены изъ вида: *оно должно быть разрѣшено и осуществлено въ связи съ вопросомъ о русской колонизаціи*. Для русскихъ переселенцевъ должны быть освобождены земли и они должны быть устроены въ Закавказьѣ, во всякомъ случаѣ, на такихъ же основаніяхъ и началахъ, на какихъ будутъ устроены и туземные поселенцы.

Необходимо также обратить вниманіе и на духовныя нужды закавказскихъ переселенцевъ. Переселенческое дѣло на Кавказѣ совсѣмъ не то, что въ Сибири, гдѣ имѣются особые переселенческіе чиновники и цѣлыя отряды, запятые земельнымъ устройствомъ переселенцевъ, гдѣ въ различныхъ мѣстахъ устроены переселенческіе пункты, гдѣ вообще все дѣло это находится въ рукахъ государства, которое руководитъ имъ. Ничего этого нѣтъ на Кавказѣ. Переселенческаго дѣла на Кавказѣ никто не вѣдалъ, до сего времени, имъ никто не управляетъ и не руководитъ. Оно всецѣло предоставлено было своему собственному стихійному теченію, которое, однако, сталкивается тамъ съ болѣе сильнымъ противнымъ теченіемъ. Напоромъ этого теченія, правильно организованнаго и искусно направляемаго, Русскіе переселенцы, которыхъ самъ народный инстинктъ ведетъ въ Закавказье на службу государству, или вовсе погибаютъ тамъ, или, разоренные, оборванные и голодные, возвращаются обратно „въ Россію“. Лишь въ очень рѣдкихъ, можно сказать, исключительныхъ случаяхъ, русскимъ переселенцамъ, послѣ долгихъ мытарствъ и всякихъ невгодъ, удавалось осѣсть въ краѣ, въ качествѣ однолѣтнихъ арендаторовъ казенной земли.

При такомъ положеніи, конечно, неудивительно, что дѣло русской колонизаціи Закавказья десятками лѣтъ не дѣ-

ласть шага впередъ, и связь края съ остальною Россіей понынѣ остается лишь чисто-внѣшней, формальною. Съ трехъ сторонъ открытое для внѣшняго общенія, Закавказье подверглось форменному нашествію иноплемennыхъ, захватившихъ въ свои руки и земли, и драгоценныя нѣдра ихъ, и промышленность, и торговлю, и общественное положеніе, и даже правительственную власть, уже на двѣ трети не русскую. Результатомъ такого усилія анти-русскихъ элементовъ (особенно Армянъ, Англичанъ и Персовъ), естественно, является ослабленіе и безъ того ничтожнаго численно элемента Русскаго, доступъ которому въ край становится все труднѣе, но за то выступъ котораго изъ края, какъ показывается массовая высылка Русскихъ въ послѣдніе годы, сталъ даже, какъ объявляли оттуда, необходимымъ!

Однимъ словомъ, край, не успѣвшій еще слиться съ Россіей, уже какъ бы ускользаетъ изъ русскихъ рукъ!..

Съ возникновеніемъ въ Закавказьѣ двухъ частныхъ переселенческихъ обществъ, въ Тифлисъ и Баку, въ дѣлѣ русской колонизаціи края проявилось было нѣкоторое оживленіе: съ 1899 года устроено ими въ восточномъ Закавказьѣ, въ предѣлахъ Бакинской губерніи и Дагестанской области, до двадцати новыхъ русскихъ поселеній. Изъ числа ихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ, какъ указывалось нами два: Ново-Александровка и Ново-Николаевка, образовавшіяся внутри Муганской степи, чѣмъ положено основаніе заселенію этой обширной равнины, считавшейся до сего времени непригодною для поселенія и культуры.

Къ сожалѣнію, какъ эти два, такъ и всѣ прочія новообразованныя русскія поселенія на Закавказской окраинѣ терпятъ одну существенную нужду: почти ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ни церкви, ни школы. Нѣтъ, конечно, надобности говорить о томъ тяжкомъ лишеніи, какое испытываютъ отъ этого новоселы, всѣ до единого православные. Имѣя въ виду, одновременно съ обезпеченіемъ экономическаго благосостоянія переселенцевъ, способствовать и ихъ духовно-нравственному преуспѣванію, Бакинское Переселенческое Общество предположило устроить на первое время хотя бы только въ двухъ новообразованныхъ поселеніяхъ церкви—школы, а именно: въ Ново-Николаевкѣ (для обоихъ Муганскихъ поселеній—Ново-Николаевки и Ново-Александровки) и въ Голци-

цинѣ, на Персидской границѣ (окружено Персо-Татарами, суботниками и молочканами). По составленному проекту, постройка и устройство каждой церкви—школы обойдется въ 7.000 рублей, то-есть общѣ въ 14 тыс. рублей. Не имѣя средствъ для такой затраты, Общество обратилось къ частнымъ пожертвованіямъ. Первый вносъ, въ суммѣ 200 рублей, сдѣлалъ досточтимый Кронштадтскій пастырь, отецъ Іоаннъ Сергіевъ, да еще отъ разныхъ лицъ поступило около 500 руб. всего 700 рублей.

Съ такою малою суммою нельзя было, конечно, приступить къ осуществленію благого и необходимаго дѣла, и сотни семей новоселовъ, пионеровъ русской культуры въ Закавказьѣ, ослѣвшихъ тамъ не ради своего только благополучія, но и ради обще-русскаго государственнаго дѣла, имъ отлично понимаемаго и сознаваемаго, оставались безъ храма Божіихъ, а дѣти ихъ безо всякаго ученія и просвѣщенія. Государство откликнулось на духовную потребность Муганскихъ переселенцевъ, ассигновавъ въ 1902 г. 7000 р. на постройку одной церкви—школы. Нужна, однако, не одна церковь—школа: онѣ нужны во всѣхъ русскихъ поселеніяхъ Закавказья.

Въ 1902 году русскіе новоселы Муганской степи обратились съ воззваніемъ къ русскимъ людямъ—о помощи имъ въ построеніи церквей и при нихъ школъ. Это воззваніе, подпisanное 85 муганскими новоселами, въ главѣ съ Ново-Николаевскимъ сельскимъ старостой и Петропавловскимъ волостнымъ старшиной, было передано пишущему эти строки. Въ бытность его въ Закавказьѣ. При помѣщеніи его въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1902 г., № 97), мною была выражена увѣренность, что „этотъ голосъ изъ глубины Закавказья встрѣтитъ сочувственный отзвукъ Русскихъ людей, къ которымъ обращаются Муганскіе переселенцы, и прежде всего, конечно, въ Москвѣ—сердцѣ самой Россіи“.

Воззваніе муганскихъ переселенцевъ дѣйствительно встрѣтило сочувственный отзвукъ въ сердцахъ Русскихъ людей; не считая мелкихъ пожертвованій, поступившихъ въ количествѣ до 800 рублей, потомственный почетный гражданинъ Москвы П. А. Колесниковъ препроводилъ Переселенческому Обществу 5.000 рублей на постройку церкви—школы въ поселкѣ Голицино, образованномъ этимъ Обществомъ у

самой почти персидской границы. Благодаря этому щедрому дару изъ Москвы, 100 семей русских переселенцев, составляющих поселок Голицыно, нѣтъ обезпечены въ удовлетвореніи ихъ духовно-нравственной потребности, самой существенной для Русскаго человѣка, и на персидской границѣ засіялъ куполь перваго православнаго храма, который является видимымъ символомъ присутствія тамъ, среди дикихъ и враждебныхъ стихій, русской культуры, утвержденія власти Русскаго государства, неразрывно связаннаго съ Православною Церковью.

Но постройкой одной или нѣсколькихъ церквей—школь духовно-нравственныя нужды закавказскихъ переселенцевъ не исчерпываются. Почти все новоустроенныя русскія поселенія находятся въ Бакинской губерніи и Дагестанской области. Народонаселеніе обѣихъ областей—сплошь магометанское, среди котораго одиноко разбросаны русскія поселенія, изъ которыхъ только въ двухъ—трехъ имѣются церкви и школы.

Такимъ образомъ, русскіе переселенцы Закавказья въ большинствѣ совершенно лишены духовно-нравственнаго управленія, особенно необходимаго тамъ, на далекой инородческой окраинѣ, а дѣти ихъ—ученія и просвѣщенія. Положеніе ихъ тѣмъ болѣе безысходно, что и вообще въ Восточномъ Закавказьѣ почти нѣтъ православныхъ храмовъ: во всей Дагестанской области ихъ всего 12, изъ которыхъ 6 въ городахъ (Темиръ-Ханъ-Шуръ, Петровскъ и Дербентъ), въ Бакинской губерніи не болѣе 10 сельскихъ православныхъ храмовъ. На десятки и на сотни верстъ въ окрестности нѣтъ православнаго храма. Некому напуганному и погребать умершихъ, некому крестить дѣтей, не у кого исповѣдываться и причащаться Св. Таинъ. Тысячи русскихъ переселенцевъ совершенно оторваны, какъ бы отлучены отъ Церкви, обречены на духовный голодъ, на одичаніе. А отъ нихъ, между тѣмъ, требуется крѣпкое стояніе за православно-русское дѣло!

Выше указывалось на тѣ особыя условия, въ какихъ находится переселенческое дѣло въ Закавказьѣ. Несмотря на огромную государственную важность и необходимость русской колонизаціи Закавказья, въ которомъ русскій элементъ составляетъ едва 6% всего народонаселенія, и на оби-

ліе въ краѣ свободныхъ казенныхъ земель,—русскимъ переселенцамъ до сего времени лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ, случаяхъ удавалось устроиться тамъ, при помощи частныхъ переселенческихъ обществъ, арендовавшихъ для нихъ казенныя земли. Но и этому было скоро положенъ конецъ; сначала Тифлисскому и Бакинскому переселенческимъ Обществамъ запрещено было водвореніе русскихъ переселенцевъ въ Закавказскомъ краѣ (!), который какъ бы формально обреченъ на „мирное завоеваніе“ его Армянами и Персами, а затѣмъ оба переселенческія общества вовсе были закрыты.

Конечно, тѣмъ болѣе важно укрѣпленіе въ краѣ тѣхъ русскихъ поселеній, которымъ удалось образоваться тамъ. Поселеніямъ этимъ суждено, быть можетъ, надолго остаться рѣдкими русскими оазисами среди сплошнаго инородческаго населенія. Необходима, поэтому, крѣпкая духовная связь ихъ съ русскимъ міромъ, дабы они не заглохли тамъ, дабы служили очагами русской культуры и гражданственности, оплотомъ русской государственности. Что же можетъ создать такую связь, какъ не Церковь Православная? Какъ утвержденіе гдѣ бы то ни было власти Русскаго государства знаменуетъ собою всегда и господство тамъ Православной Церкви, такъ и наоборотъ—храмъ православный всегда у насъ послужитъ знаменіемъ того, что здѣсь—власть Русскаго государства, что территорія, на которой и для которой онъ воздвигнутъ, есть Россія. Созданіе церквей и школъ въ Закавказскихъ русскихъ поселеніяхъ является, такимъ образомъ, не только удовлетвореніемъ духовно-нравственныхъ нуждъ новоселовъ, но и дѣломъ государственнымъ, потребностью обще-русскою. Этого одинаково требуютъ интересы и церковныя, и народныя, и государственныя.

Прошло уже полвѣка со времени окончательнаго покоренія Кавказа. Полуостровъ край приобщенъ къ русской жизни и обильно надѣленъ благами русской культуры. Но и до сихъ поръ русскій народъ de facto не введенъ еще во владѣніе Закавказскимъ краемъ, приобретеннымъ имъ дорогою цѣной и de jure давно входившимъ въ составъ его владѣній. А не введенъ во владѣніе Русскій народъ,—не утверждена, значитъ, и власть Русскаго Государства, опирающаяся единственно на Русскую народность. Понятно отсюда

то важное государственное значение, какое представляет русская колонизация Закавказья, ибо только путем ее Русский народ может быть введен во владѣніе принадлежащимъ ему краемъ, и лишь этимъ путемъ въ немъ будетъ прочно утверждена власть Русскаго Государства.

Къ сожалѣнію, однако, эта важная и необходимая государственная мѣра до сихъ поръ не можетъ получить желаемого и должнаго осуществленія. Край систематически колонизируется иностранными выходцами—Персами и Армянами; даже сыны далекой Германіи свили себѣ въ немъ прочныя гнѣзда. Въ послѣднее десятилѣтіе появились и перодовые отряды Англичанъ, хорошо, повидимому, понимающихъ политическое и стратегическое значеніе Кавказскаго перешейка, съ двухъ сторонъ омываемаго морями, а съ третьей граничащаго съ Персіей и Турціей. О томъ же, въ какомъ положеніи находится въ краѣ дѣло русской колонизаціи,—лучше всего свидѣтельствуютъ мытарства и бѣдствія русскихъ переселенцевъ, ихъ обычныя одиссеи, вызывающія чувства и скорби, и обиды. На улицахъ Тифлиса, Владикавказа и особенно Баку, чрезъ который направляется все переселенческое движеніе въ Закавказье, безпрестанно прихотится наталкиваться на кучки оборванныхъ и истомленныхъ переселенцевъ, ползающихъ въ ногахъ прохожихъ и вымаливающихъ у нихъ на кусокъ хлѣба. Все это обратные переселенцы, выдворяемые, въ концѣ концовъ, изъ края административнымъ порядкомъ. Для нихъ не оказывается пріюта въ краѣ, гдѣ недавно законченнымъ межеваніемъ за казной замеховано свыше 10 милліоновъ десятинъ земель! Удивительно, что только русскіе переселенцы обречены на столь скорбныя одиссеи: ни Армяне, ни Персы, ни Нѣмцы ничего подобнаго не знаютъ. Всѣ прекрасно устраиваются на Кавказѣ, для всѣхъ онъ—благодатный край. А для русскихъ переселенцевъ—„погибельный“. Почему это такъ?

Русскій мужикъ, видите-ли,—некультуренъ, не можетъ приспособиться къ новымъ условіямъ! Такъ рѣшили мѣстныя лица, претендующія на компетентность и власть.

Очевидно, этимъ „компетентнымъ“ мѣстнымъ лицамъ неизвѣстно, почему то, что „некультурный“ русскій мужикъ явился въ Закавказье насадителемъ высшихъ сельскохозяйственныхъ культуръ: хлопка, винограда, сахарнаго тростника

и т. д. И гдѣ же? Въ Муганской степи—самой глухой и некультурной мѣстности края!

Русскіе крестьяне—переселенцы, устроенные здѣсь, явились въ буквальномъ смыслѣ культураторами края, тысячу лѣтъ не знавшаго сельскохозяйственной культуры и служившаго все это время лишь притономъ для разбойниковъ и бродягъ-кочевниковъ!

Опытъ частныхъ переселенческихъ обществъ, Бакинскаго и Тифлискаго (нынѣ закрытыхъ), показалъ, что устройство русскихъ поселеній возможно даже въ такихъ, считающихся особенно маларійными, мѣстностяхъ, какъ Муганская и Караязская степи,—но при условіи, конечно, *устройства* переселенцевъ, *руководительства* ими и *почетельства* надъ ними, а не предоставленія ихъ на волю судьбы. Помимо обреченія новоселовъ на бѣдствія и даже гибель, это въ корнѣ компрометируетъ дѣло русской колонизаціи, имѣющее, безспорно, въ Закавказьи всѣ данныя для широкаго успѣшнаго развитія, настоятельно требуемаго государственными интересами. Если частныя переселенческія общества проявили столь успѣшную дѣятельность въ устройствѣ переселенцевъ и почетельствѣ надъ ними, то какими же образомъ сама государственная власть оказывается какъ бы безсильною въ такомъ важномъ государственномъ дѣлѣ? До сего времени она совершенно устраняется отъ дѣла, запретивъ даже частнымъ переселенческимъ обществамъ устраивать русскихъ переселенцевъ и гоня послѣднихъ.

Можно ли признать такой порядокъ нормальнымъ, отвѣчающимъ важности дѣла? Это—дѣло государства, и оно никоимъ образомъ не можетъ и не должно устраняться отъ него, тѣмъ болѣе не должно относиться къ нему такъ пассивно, такъ только формально, по чиновничьи, какъ это было до сего времени. Необходимо живое, а не формальное только отношеніе къ этому жизненному для края и Государства дѣлу, нужна правильная и широкая организація его. Иначе Закавказье никогда не будетъ заселено русскими, слѣдовательно—никогда не приобщится къ обще-русской культурной жизни, и никогда не будетъ закрѣпшена должнымъ образомъ политическая связь его съ русскимъ Государствомъ.

Въ послѣдніе годы вновь усилилась эмиграція горцевъ

въ Турцію. Конечно, нѣтъ причинъ особенно огорчаться этою эмиграціею—элемента, въ смыслѣ государственно-политическомъ, какъ и культурномъ, не только мало надежнаго, но, какъ показали 1877—78 годы, совсѣмъ ненадежнаго и опаснаго. Освобождаемые эмигрантами казенныя земли (временнаго пользованія) могутъ даже сослужить государству хорошую службу, а именно—послужить для русской колонизаціи. Но для этого необходимо освободившіяся земли тотчасъ же приводить въ извѣстность и передавать въ казенное вѣдѣніе. Между тѣмъ, этого не дѣлается, и освободившіяся казенныя земли распределяются между собою оставшимися поселенцами. Бываетъ, что изъ общества остаются три четыре семьи, въ распоряженіи которыхъ оказывается нѣсколько тысячъ десятин казенной земли, бывшей во временномъ пользованіи эмигрировавшихъ сообщественниковъ. Имъ и нѣтъ надобности въ такомъ количествѣ земли, которая, поэтому, совершенно непроизводительно пустуетъ, тогда какъ русскіе переселенцы такъ нуждаются въ землѣ, а государство такъ нуждается въ водвореніи здѣсь русскихъ переселенцевъ, котрые, какъ показала опытъ дагестанскихъ поселеній, отлично устриваются и живутъ въ закавказскихъ горахъ.

Особенно важны русскія поселенія въ приграничныхъ мѣстностяхъ Закавказья, которыя сплошь заселены инородцами, соплеменными смежнымъ государствамъ (Персіи и Турціи). Это дѣлаетъ нашу границу совершенно необезпеченною: она совсѣмъ открыта, и персидскіе кочевники и турецкіе Курды свободно проходятъ ее массами. Для обезпеченія границы и безопасности всего края, наводняемаго извѣстными бродягами и разбойниками, здѣсь, очевидно, нужны *многочисленныя* русскія поселенія, ибо единичныя поселенія не только не достигаютъ желаемой цѣли, но и сами будутъ въ большой опасности, какъ это мы и видимъ въ Карсской области, гдѣ единичныя русскія поселенія грабятся и разоряются Курдами, цѣлые отряды которыхъ вторгаются изъ Турціи, какъ будто тутъ и границы никакой не существуетъ. При этомъ, чтобы въ приграничныхъ округахъ не было сплошнаго инородно-иноземнаго населенія, русскія селенія должны располагаться *систематически*-по концентрическимъ и эксцентрическимъ линиямъ. Для этого—скажутъ, конечно

—не вездѣ имѣются свободныя земли. Но почему же для Армянъ, Персовъ и прочихъ инородцевъ и иноземцевъ систематически колонизирующихъ Закавказье, вездѣ оказываются свободныя земли?

Въ 1902 году были изданы правила, Высочайше утвержденныя (1 марта 1902 года) „для скупки частновладельческихъ земель въ Кубанской и Терской областяхъ для надобностей кавказскихъ казачьихъ войскъ“, на средства ихъ капиталовъ. Почему не могли бы на такихъ же основаніяхъ скупаться земли и для государственной надобности, каковою является русская колонизація, въ тѣхъ мѣстахъ Закавказья, гдѣ, по политическимъ и стратегическимъ соображеніямъ, должны быть устроены многочисленныя русскія селенія, но гдѣ для этого не оказалось бы въ наличности свободныхъ казенныхъ земель? Но въ Закавказьѣ, гдѣ за казной отмежевано свыше 10 милліоновъ десятинъ земель, нѣтъ такой мѣстности, такого уѣзда, гдѣ бы казна не имѣла собственной земли. Эта казенная земля въ данной мѣстности можетъ быть только занята (предоставлена въ надѣль или временное пользованіе туземныхъ поселенцевъ), какъ были заняты почти всѣ казенныя нефтеносныя земли Апшеронскаго полуострова. Но, по закону, 9 февраля 1892 года, большинство казенныхъ нефтеносныхъ земель изъяты были изъ владѣнія и пользованія туземныхъ крестьянскихъ обществъ, которымъ, вмѣсто нихъ, предоставлены другія казенныя земли. Очевидно, казнѣ не пришлось бы скупать частновладельческія земли и для надобностей русской колонизаціи, ей пришлось бы только изъять изъ владѣнія и пользованія туземныхъ крестьянскихъ обществъ тѣ изъ своихъ земель, которыя нужны для русскихъ переселенцевъ, конечно, съ предоставленіемъ туземнымъ обществамъ другихъ земель. Такой обмѣнъ, впрочемъ, если бы потребовался, то только въ мѣстностяхъ приграничнаго района, гдѣ, какъ мы указывали, необходимы многочисленныя русскія поселенія, и притомъ расположенныя не случайно, а систематически. Обмѣнъ этотъ и долженъ быть произведенъ при предстоящемъ помезельномъ устройствѣ туземныхъ поселеній, которое, повторяемъ, должно быть осуществляемо непрерывно въ связи съ вопросомъ о русской колонизаціи.

Въ 1900 году, съ Высочайшаго соизволенія, началь-

нику закаспійской области предоставлено было право, въ видѣ временной мѣры, разрышать достигающимъ призывнаго возраста русскимъ поселенцамъ области не являться къ призыву до истеченія 10 лѣтъ со времени водворенія ихъ въ области. Эту мѣру было бы чрезвычайно полезно распространить и на закавказскій край, въ видахъ привлеченія въ него части той переселенческой волны, которая нынѣ устремляется въ одну только сторону—въ Сибирь. Но, конечно, это привлеченіе въ край переселенцевъ только въ такомъ случаѣ умѣстно, если будетъ обезпечено устройство ихъ здѣсь, то-есть *если государственная власть возьметъ въ свои руки дѣло русской колонизаціи*, отъ котораго она теперь, какъ мы видѣли, упорно сторонится, и которое только благодаря частнымъ переселенческимъ обществамъ (нынѣ уже не существующимъ) не замерло совсѣмъ еще въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Какъ будто это, съ самымъ дѣлѣмъ, какое-нибудь частное дѣло, а не необходимая государственная мѣра!

Вездѣ, во всѣхъ странахъ, колонизацію окраннымъ вѣдаетъ само государство. Благодаря этому, напримѣръ, Познань въ какія-нибудь три-четыре десятилѣтія заселена нѣмецкими колонистами. Въ Алжирѣ, который только 80 лѣтъ тому назадъ присоединенъ ко Франціи, а покоренъ ею всего 40 лѣтъ назадъ, уже расоселено до 400 тысячъ французскихъ колонистовъ, несмотря на то, что земли для нихъ, какъ и въ Познани, правительству приходится приобретать отъ частныхъ владѣльцевъ. У насъ же въ Закавказьѣ, въ которомъ имѣется наличный фондъ казенныхъ земель въ 10 милліоновъ десятинъ, за столѣтіе поселено всего-навсего не считая войскъ и городскихъ жителей, 140 тысячъ русскихъ колонистовъ. Да и изъ тѣхъ уже многіе (какъ дучоборы) выселились. А всякихъ чужеземныхъ пришельцевъ (Армянь, Персовъ, Нѣмцевъ) зато же время расселились въ край, безъ преувеличенія, милліоны. Эта иностранная колонизація края не только продолжается, но и усиливается: къ Армянамъ, Персамъ и Нѣмцамъ прибавились еще Англичане и Бельгійцы.

Между тѣмъ русскіе не только не привселяются, но какъ мы видѣли, еще массами выселялись въ послѣдніе годы изъ края, при содѣйствіи мѣстной власти, какъ-бы освобо-

давшей мѣста для чужеземныхъ „мирныхъ завоевателей“. Неужели же это нормальный порядокъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ твердо рѣшено отказаться отъ Закавказья, предоставить его окончательному „мирному завоеванію“ чужеземцевъ, вмѣсто того чтобы ввести во владѣніе имъ русскій народъ и тѣмъ прочно утвердить въ немъ власть русскаго государства?

Конечно, только *широкая и правильная* организація русскаго переселенія можетъ измѣнить такое опасное и недопустимое положеніе края. Событія послѣднихъ лѣтъ воочью показали необходимость болѣе тѣснаго духовнаго, культурнаго сближенія Закавказья съ Россіей, безъ чего и самая политическая власть тамъ Россіи представляется призрачной. Между тѣмъ, со времени возобновленія намѣстничества на Кавказѣ, то-есть съ 1905 года, русское переселеніе туда было вовсе прекращено. Переселеніе изъ Персіи (персы, шахсеваны) и Турціи (армяне, курды) попрежнему продолжалось и продолжается для переселенцевъ же изъ Россіи Кавказъ закрытъ. Не допускаются не только переселенцы, ищущіе постоянной осѣлости, но и ремесленники и рабочіе изъ внутренней Россіи, о чемъ было разослано изъ Тифлиса особое предупрежденіе ко всѣмъ губернаторамъ. Переселенцы не допускаются „за отсутствіемъ свободныхъ земель“, ремесленники и рабочіе—„за отсутствіемъ работъ“. Этимъ „отсутствіемъ“ хотѣли загнипотизировать и Государственную Думу: кавказско-инородческіе депутаты при всякомъ случаѣ громко заявляють объ отсутствіи на Кавказѣ свободныхъ земель и о невозможности, вслѣдствіе этого, переселенія туда изъ внутренней Россіи; въ думской-же переселенческой комиссіи былъ поднятъ даже „вопросъ о прекращеніи отвода земель на Кавказѣ подъ переселенческіе участки, такъ какъ—де тамъ свободныхъ земель нѣтъ“. Предложеніе было сдѣлано уже не кавказско-инородческими депутатами, а сибирскимъ депутатомъ Н. Я. Скалозубовымъ. Комиссія, однако не согласилась на такое предложеніе. Дума же при утвержденіи смѣты переселенческаго управленія на 1909 годъ, значительнымъ большинствомъ приняла слѣдующую формулу желанія, предложенную кавказско-русскимъ депутатомъ Ѳ. Ѳ. Тимопкинымъ: „Признавая, что всѣ казенныя земли, находящіяся на окраинахъ, должны быть свободно открыты

для переселенцев,—Государственная Дума высказывает пожелание, чтобы был пересмотрѣн вопросъ объ открытіи Кавказа и Туркестана для переселенія“. Но и это ни на югу не измѣнило до сего времени положенія дѣла. Переселенческое движеніе, принявшее огромные размѣры, по прежнему искусственно направляется въ одну сторону—на востокъ. Давно оно порывается проторить себѣ другой путь—на югъ, но тутъ передъ нимъ вырастаютъ всякія преграды.

Въ настоящее время русскія поселенія въ Закавказьѣ весьма немногочисленны (всего ихъ около 130). Но немногочисленны они не потому (какъ стараются доказать туземно-инородческіе политиканы, берегущіе Кавказъ для своихъ „автономіи“ и республикѣ), что русскіе не могутъ тамъ жить, а потому только, что большому числу ихъ такъ или иначе не даютъ основаться. Въ концѣ 1908 года кавказскимъ намѣстничествомъ была командирована комиссія для обзоренія русскихъ поселеній, возникшихъ десять лѣтъ тому назадъ въ Муганской степи, не знавшей дотолѣ культуры. Чтоже увидѣла комиссія? По ея отзыву, „за послѣднее время Мугань стала незнаваема: вмѣсто прежнихъ пустырей, возникли цѣлыя поселки, во многихъ изъ нихъ построены храмы и прекрасныя школьныя зданія. Среди русскихъ переселенцевъ, живущихъ здѣсь, хлопководство начинаетъ играть видную роль въ сельскомъ хозяйствѣ. Площадь посѣвовъ хлопка значительно увеличивается, давая хорошія заработокъ переселенцамъ“.

Такимъ образомъ, русскіе прекрасно устраиваются и живутъ въ Муганской степи. Въ другихъ мѣстностяхъ края условія болѣе благоприятныя. Почему-же ихъ туда не только не направляютъ, но и не пускаютъ?

Тѣ, для кого русская колонизація Закавказья представляется опасностю, не останавливаются ни предъ чѣмъ для противодѣйствія ей путемъ занятія земель, предназначенныхъ для нея. Четыре года тому назадъ въ Баку образовался „армянскій культурный (якобы) союз“, который занялся ирригаціонными сооруженіями (на средства армянскихъ капиталистовъ) въ Араратской равнинѣ для заселенія ея армянами изъ Турціи. Очевидно, съ дѣломъ русской колонизаціи Закавказья не приходится медлить: если остающіяся еще свободныя земли его не будутъ скоро заселены

русскими крестьянами изъ внутренней Россіи, то онѣ будутъ заселены армянскими переселенцами изъ Турціи, какъ заселены ими въ послѣднія два—три десятилѣтія уже многія казенныя земли. Переселеніе въ Закавказье изъ Турціи и Персіи не останавливалось, какъ переселеніе изъ внутренней Россіи, и не останавливается. Такимъ образомъ, свободныхъ земель въ Закавказьѣ, естественно, становится все меньше и скоро, пожалуй, дѣйствительно можетъ (мѣстами, по крайней мѣрѣ) ихъ не оказаться для русской колонизаціи. Эта дѣль и преслѣдуется туземными сепаратистскими элементами и ради этой дѣли они не останавливаются даже предъ крупными, сравнительно, затратами, какъ ирригація Араратской равнины.

Запретъ, наложенный въ началѣ 1905 года на русское переселеніе на Кавказъ, былъ побѣдой мѣстной инородческо-сепаратистской интриги. Пора-же одержать побѣду здравому государственному смыслу. Инородческо-сепаратистская клика широко использовала свою побѣду, расхватывъ не мало свободныхъ земель, укрѣпивъ свои позиціи, вообще причинивъ не мало проторей и убытковъ государственному русскому дѣлу, и такъ обрѣтавшемуся на Кавказѣ не въ авантажѣ. Необходимо и побѣду здраваго государственнаго смысла широко использовать для закрѣпленія въ Закавказьѣ русской государственности, для приобщенія его къ обще-русской культурной и политической жизни путемъ широкой и правильной организаціи русскаго переселенія туда.

Это не только важное и необходимое, но и неотложное государственное дѣло. Повторяемъ, это-основная государственная задача на Кавказѣ, безъ разрѣшенія которой невозможно закрѣпленіе его за Россіей. Неужели Россія такъ-таки и должна, по какому-то щучьему велѣнію, отказаться отъ Кавказа, предоставивъ его окончательному „мирному завоеванію“ чужеродцевъ и чужеземцевъ, вмѣсто того, чтобы ввести во владѣніе имъ русской народъ и тѣмъ, органически связавъ его съ Россіей, прочно утвердить въ немъ власть русскаго государства?

Нѣтъ, конечно, и нѣтъ. Къ этому, правда, видимо идетъ дѣло,—идетъ успѣшно и быстро. Но этого не должно быть. Нельзя медлить болѣе съ ликвидаціей теперешняго слабо-вольнаго и недомысленнаго кавказскаго режима. Этотъ ре-

жить ведет не въ укрѣпленію политической связи Кавказа съ Россіей, а къ полному уничтоженію ея и къ отдѣленію Кавказа отъ Россіи. Чтобы укрѣпить его политическую связь съ Россіей, нужно создать связь культурную, духовную, а для этого необходимо открыть Кавказъ для русскаго переселенія и направить его туда широкою волной.

Нужно, наконецъ, понять и уяснить себѣ важность и неотложность этой государственной мѣры. Иначе неизбежно — и очень скоро — мы очутимся предъ перспективой уже не замирения и гражданскаго благоустройства, а вторичнаго пороченія Кавказа...